

Тина Оган

М Е С О М Е Н А

М Е С О М Е Н А

18+

Тина (Tina) Оган (Ogan) Месомена

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70627072
SelfPub; 2024*

Аннотация

Поверье гласит – придет начало. И смысл его будет безграничен. У всякого пути есть свой конец. И путь этот свой у каждого. Знамения хотят быть услышанными. Знамения требует веры, согласия. Жаль, я не верю им. Мне говорят: бойся дитя, враги за дверью. Не отвечай им. Не гляди в окна. Не прислушивайся к их голосам. А я не верю им. Мне говорят: поверь дитя, здесь безопасно. Здесь наши друзья, спасители. А я не верю им. Придет начало и имя ей Месомена.

Тина (Tina) Оган (Ogan) Месомена

Позволь забрать тебя отсюда

Черный седан с заглушенным двигателем стоял в тени спящих деревьев. Свет, идущий от одинокого фонарного столба у дороги, едва касался автомобиля. В салоне сидели два человека. На их лица падала густая тень. Улица вокруг них давно опустела. Вряд ли хоть кто-то испытывал желание выйти на морозную стужу январского позднего вечера. Час за часом, как и каждый вечер до того, они стояли на одном и том же месте, подле многоэтажного дома, и, по обыкновению, вели себя невозмутимо и практически не переговаривались.

Внезапно дверь одного из подъездов дома открылась, чем тут же привлекла внимание сидящих в автомобиле людей.

– И куда она? – спросил пассажир на переднем сидении немного раздраженно.

Тот, что держался за рулем, почти дремавший и, казалось, безмятежный, проследил за тонкой полоской теплого света, льющегося по ступеням лестницы. В его глазах заискрился слабый, безутешный огонек. Тот самый огонек – знамение. Свидетельство о чувствах, что питали еще не увядшее сердце. Раздражение, нетерпение, тревога, граничащая со странного рода приступами симпатии и даже чувства острой

потребности одарить заботой объект наблюдения. Быть может, нечто подобное испытывают родители, неустанно следующие за своими неугомонными детьми. Мужчина опустил взгляд к рулю и устало вздохнул.

Девочка спрыгнула с лестницы, торопливо свернула с тротуара на заснеженную дорогу и почти бегом двинулась в сторону соседнего дома. Опустив голову вперед и натянув капюшон почти до носа, она даже не смотрела куда идет, видимо ориентируясь по памяти. Путь ее лежал к небольшому магазинчику, расположенному на первом этаже соседней многоэтажки.

Пришлось заводить автомобиль. Сидящий по правую руку от водителя молодой человек недовольно хмыкнул и подпрыгнул на месте, резким движением выправив примятую сидением дутую зимнюю куртку.

– Что за потребность шляться по ночам? – выпалил он с едва скрываемой злобой, а затем задумчиво пробубнил. – Пса ей подарить что ли...

Его собеседник продолжил молчать. Тактика такова – не обращай внимания на этого парня, и он заткнется сам.

Седан выехал на дорогу и медленно подполз к углу соседнего дома. В тот момент девочка уже взбиралась по металлической лестнице. Что-то в движении ее ног показалось мужчине за рулем странным. Вся она словно испытывала дискомфорт или даже боль. Взгляд зацепился за скованность ее шага, за слабость и неуверенность поступи. Она казалась

нездоровой.

– Сколько ей? Тринадцать? – вновь подал голос пассажир.

– Четырнадцать.

Две пары глаз проследили за исчезающим в дверях магазина подростком.

– Вот черт... – парень в куртке заметно оживился.

Из того же самого магазина вышла небольшая компания молодых людей. Их голоса, звук их смеха, шорох одежд и шарканье обуви по задубевшей резине на пороге и ступенях... Все это было омерзительно. Водитель седана проникся тошнотворным чувством. Одна лишь только мысль, что могли сделать эти люди, лишала власти над собой.

Сжав челюсти, мужчина поднял голову и провел взглядом по лицам этих людей.

– Я пойду? – вызвался пассажир.

Ответ поступил позже.

– Пойдем вместе.

– Да ладно тебе. Я справлюсь!

– Нет.

– Хочешь увидеть ее поближе? – также с ухмылкой продолжал пассажир.

Молчание.

Компания нетрезвых гуляк впереди разорвалась бурным хохотом и расположилась у подножия лестницы. Двое повалились на перила, один сел на корточки у нижних ступеней, еще двое спустились на тротуар и закурили.

– Ладно. Заодно купим что-нибудь поесть, – печально согласился пассажир автомобиля и положил руку на дверь.

После этих слов они оба вышли на улицу и быстрым шагом двинулись в сторону входа в магазин.

Те, что расположились у лестницы, заняли почти все пространство. Однако их нетрезвые, воспаленные, возможно безмозглые головы сочли необходимым разойтись в стороны и пропустить двух молча идущих вперед людей. После того как дверь магазина закрылась за спинами мужчин, компания у лестницы продолжила обсуждать что-то, что было для них первостепенно важно и интересно.

– Я домой.

– Стой! Чего ты вдруг?

– Прекрати.

– Не хочешь повеселиться?

– Меня воротит от этого пойла.

– И что?

– Повиси с нами еще.

– Глядишь, и тебе что перепадет!

– Парни, кончайте! Я не хочу в это ввязываться.

– А ты и не лезь. Просто будешь стоять с нами.

– Прекрати ныть. Мне нужно выпустить куда-то свою энергию. Либо она, либо ты.

– Большой!

– Заткнись и стой спокойно. Если хочешь блевать, иди туда...

Двое вошедших в здание людей отчетливо слышали каждое произнесенное слово. Их шаги ускорились. Тот, что носил яркую куртку, поднял руку и по пути захватил с полки пачку салфеток, не замедляя шага. Второй, в черном пальто с поднятым вверх воротником, поднял голову и проследил за пустынными проходами между стеллажей. Не найдя ни единой души, он повернулся к выходу.

– Пакет нужен?

За кассой стояла молодая женщина. Она провела покупку и неестественно улыбнулась девочке перед собой.

– Нет, – быстро ответила та.

– Идем, – скомандовал мужчина в пальто своему спутнику.

– Черт! Мне нужен шампунь, – эти слова не звучали как шутка, как и не походили на нечто серьезное. Этот парень говорит постоянно, и, возможно, только ему одному смешно от своих реплик. Так или иначе, идущий рядом с ним человек не воспринимал его слова как что-то хоть сколько-нибудь стоящее и достойное внимания. Шутник обиды не держал.

Девушка слышала шаги приближающихся людей и быстрым движением убрала свою покупку с кассы, спрятав ее во внутренний карман куртки. Даже не посмотрев на лица незнакомцев, она отвернулась к двери и нетерпеливо выдернула чек из рук женщины.

– Спасибо, – бросила она кассиру и поспешила к выходу.

– Добрый вечер! – широко улыбаясь, протянул парень в куртке и уложил пачку салфеток на конвейерную ленту.

– Добрый, – немного смутившись, ответила женщина.
Девочка не обернулась.

А ведь этого взгляда стоявший в стороне мужчина, возможно, очень ждал. Он боялся и желал его, будто в эту самую секунду стоял на краю обрыва, глядел в невидимую за толщей тьмы пропасть и ждал, когда тело его поддастся импульсу и сделает шаг вперед. Он проследил за удаляющейся девушкой. Он хотел запомнить каждый ее шаг, каждый взмах руки и каждое ее движение.

Позволив возникнуть небольшому расстоянию между собой и девочкой, он двинулся вслед. Парень в куртке, вложив смятую купюру в руку кассиру, за считанные секунды нагнал своего спутника и принялся хрустеть костяшками пальцев.

Дверь впереди них открылась, выпуская девушку на улицу. В ту же секунду послышались крики и смех компании пьяниц с лестницы.

– Жирный – мой, – произнес парень, поигрывая мышцами.

– Никого не трогай, – возразил ему мужчина в пальто.

– Конечно. Первым не полезу.

– Нет. Никого не трогай.

– Черт!

Едва дверь за девушкой закрылась, мужчина вновь толкнул ее от себя и вышел следом.

Девочка терялась. Помешкав у порога пару секунд, дабы оценить критичность своего положения, она все же приняла решение идти вперед. Сидящий на корточках паренек смотрел прямо на нее. Лицом его по-хозяйски завладела маска азартного безумца. Он не сразу обратил внимание на идущих следом за подростком людей. Едва взгляд пропойцы зацепился за смотрящим на него в упор мужчиной в черном пальто, лукавая самодовольная ухмылка ретировалась с его лица, сменившись слабой кривоватой дугой губ.

– Ребят... – невесело буркнул один из стоящих на ступенях гуляк.

Еще совсем недавно жизнерадостные парни, вдруг умолкли, нахмурили лбы и переглянулись, вмиг протрезвев. Планы на сегодняшний вечер круто изменились.

Подросток и двое идущих за ней мужчин, с разницей в два шага, прошли вниз по лестнице и сошли на заснеженный тротуар. Прижимая к груди то, что купила минутой назад, девочка спешила домой. Гонимая страхом, она даже не решалась обернуться, умоляя собственные ноги нести ее вперед как можно быстрее.

– Проводи ее до дома. Я скоро вернусь, – произнес парень в пальто и развернулся.

– А сам сказал никого не трогать. Нечестно, – пробубнил другой, вслед удаляющемуся другу. Поправив куртку, человек продолжил плестись за девочкой, как ему было велено, на ходу продолжая бубнить себе под нос.

– Я молодец! – довольный собой ерничал парень на пассажирском сидении. – Чтобы ты без меня делал?!

Он протягивал одну за другой салфетки водителю, пока тот потирал запачканные костяшки пальцев.

– Эм... – молодой человек вдруг сменил тон. Он напрягся и поднял голову. – Ты слышишь?

За ними следили. Совершенно точно, кто-то, держась на расстоянии, неустанно наблюдал. Парни замерли, прислушиваясь. Шорох снега, гул далекой автострады, скомканное звучание сотен голосов рядом...

Внезапно пассажир седана громко рассмеялся. Открывшаяся ему картина впереди вызвала в нем бурю эмоций.

– Она шутит? – выругавшись, произнес он.

Водитель завел руку под руль и повернул ключ.

На въезде в жилой квартал стоял бронеавтомобиль. Одна из его дверей была открыта, а чуть поодаль от нее стоял вооруженный человек в черной экипировке. Он уставился на сидящих в седане людей и, подняв руку, жестом приказал выйти.

После открылась еще одна дверь броневика, и на дорогу выскочила сторожевая псина, лающая и щелкающая зубастой пастью по пустоте вокруг себя. На другом конце цепи, тугой линией тянущейся внутрь автомобиля, медленно показалась сухая кисть тончайшей женской руки. Та, что вышла на свет, была хорошо знакома этим людям. Им даже не

пришлось всматриваться в ее лицо.

– А я тебе говорил, прекрати отвечать ей на звонки! Во-
дишься со всякими... Смотри, что из этого выходит! – про-
должал свою комедию парень по правую руку от водителя.

Седовласая девушка, вышедшая из автомобиля, привет-
ливо помахала рукой и чиркнула в сумраке холодной нарочито вежливой улыбкой.

Спустя пару секунд людей в форме было уже двое. Они подняли автоматы и прицелились.

Глава 1. «Безжизненная»

*«Перед ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом го-
ризонт светлый и бесконечный, которому конца-краю нет.
Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как
простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву
и плакал.*

Мучило его то, что всему этому он совсем чужой».

(Достоевский Ф.М. «Идиот»)

В самом начале ноября погода ухудшилась. Ветер усилил-
ся, стал холоднее, протяжнее, порывы его стали более резки-
ми, яростными. Небо заволокли тяжелые густые облака. Чу-
дилось, что над головой, во весь купол неба, натянут плот-
ный серый пакет, не позволяющий хоть мельком взглянуть
на давно забытую синеву. Утром и вечером, в часы пик, ты-

сячи людей неслись по городу кто куда. Каждый в этой толпе стремился спрятаться от холода. Лишь днем, ближе к полудню, грязно-серый город пустовал. Ночью, после наступления сумерек, на его улицы по обыкновению выглядывали отоспавшиеся за день молодые люди, яркие барышни и измученные трудовыми буднями бедолаги.

Ночью город похотливо стонал. Днем же хрипел и сипел, будто простуженный.

Сегодня я дома весь день. Меня нет там, в толпе, на холоде, на ветру... Мечта. Есть время заняться собой. Наконец убрать стол с учебниками, искупать Никки, послушать музыку, пока никого нет, дочитать заброшенный мной еще неделю назад роман, если удастся, принять долгую ванну и подремать под горами мыльной пены.

Послеполуденный звонок был призван испортить все это благолепие. Я отложила в сторону щетку, которой чесала спину добермана и с опасением осмотрелась в поисках телефона. Однако мне даже не нужно было смотреть на экран. Вариантов кто мог звонить не много – один.

– Что делаешь? – вместо обычного «привет», выпалила Натали.

– Ничего. Хочу прибрать комнату.

– О, хорошо, что я позвонила тебе! – радостно воскликнула она. – Я спасу тебя! Пошли в кино?

– Сегодня? – не скрывая опасения, полюбопытствовала я.

– Нет! Бронирую место в твоём графике уборки на следу-

ющий четверг! – какой же противный у нее голос сегодня. Если я сброшу, будет ли это означать, что я плохой друг? – Конечно сегодня!

– А что идет сейчас?

– Вилл! Не гневи богов! – заорала Ната.

– Аа! Хватит вопить, пожалуйста, – взвыла я, убирая телефон от уха. – Когда мне быть готовой и куда мы идем?

На улице ни души. Обед. Есть ощущение, что только мне нужно куда-то сегодня тащиться. Из окон многоэтажек того и гляди высунутся любопытные носы нахохлившихся жителей, с немым вопросом: «Куда идет эта безумная в такой мороз?» Земля под ногами затвердела и покрылась трещинами. Все вокруг серое и твердое, как камень. Отражает состояние души. Быть может грустить осенью не только можно, но и нужно? Тогда не вижу ничего предосудительного в своем состоянии. Осень ведь. Я не одна такая, кто грустит в это время года.

Среди бетона, угрюмых домов, пыльных дорог, серой земли и темных редящих деревьев мелькнуло что-то яркое и живое. Живое, словно пламя. Это ветер подхватил волосы Натали, торчащие из-под шапки, и взметнул их в разные стороны. Рыжая топталась на месте, то вышагивая пару полшагов туда обратно, то припрыгивая на месте. Я ускорила шаг скорее для демонстрации того, что тороплюсь на встречу, нежели для того, чтобы в действительности приблизить

неминуемый момент приветствия.

Даже если я и есть плохой друг, отлично. С этим определились.

– Неужели! – бросила громко подруга, двигаясь навстречу.

– Привет! – улыбнулась я. – Я вовремя вообще-то.

– И что? Могла бы раньше прийти.

Я изобразила на лице что-то вроде «Ты серьезно?!»

Подруга не стала со мной церемониться. Она вцепилась в мой локоть и потащила в сторону от дороги, что-то неустанно мне доказывая.

Торговый центр кипел жизнью. Теперь ясно где все те, кому холодно на улице и кому скучно дома. Бредущие туда-сюда люди были везде. Кто торопясь, явно по делам, кто от нечего делать тарасил в витрины, кто, как и я, шел с недовольным хмурым лицом, едва волоча ноги за другим, более активным спутником.

– Хорошо, что мы забронировали билеты, – выдохнула Ната, расстегивая куртку.

– И чего мы в кино потащились...

– Ты хотела повиснуть дома? Еще немного и ты покроешься плесенью.

Натали была моей школьной подругой. Самой близкой подругой в моей жизни. Радость это или же проклятие, я пока не решила. Она младше меня на пару месяцев, ниже ростом, худощавая, но спортивная... «Злой эльф» – так ее называ-

ла не только я. Стоило ли говорить как это ее бесило? На ее щеках и вздернутом носу рассыпались веснушки. Небольшие, глубоко посаженные голубые глаза горели озорством. Она весела и легка на подъем. Везде, где мы были, Натали приходилась к месту. Она была душой компании, имела при себе кучи новых идей, предлагала неожиданные решения и пробовала самые необычные варианты времяпровождения. В школе она занималась игрой на скрипке, после решила уйти в танцы. Ее любимым занятием было слушать музыку и двигаться. Танцы, активный спорт, пешие прогулки... Игру на инструменте девушка забросила. Причин мы не выяснили. Ей просто в какой-то момент наскучило.

После сеанса мы вышли немного сонными. Я уж давно, а вот состояние Наты меня приятно удивило. Она зевала, и я уже обрадовалась, что очень скоро мы пойдем домой. Однако мое счастье достиг полнейший крах.

– Вилл, мне нужно купить к зиме теплую одежду. С этой учебой я никак не находила время, – перестав зевать сообщила мне Ната. Я выругалась, но ее это не смутило. – Твой совет мне необходим, пожаааалуйста, Вилл.

«Ведь знала же, что лучше оставаться дома...»

Мы стояли в примерочной то ли второго, то ли третьего магазина. Вернее, Ната стояла, а я сидела на мягком пуфике, оценивающим взглядом осматривая трикотажный свитер тыквенного цвета на подруге. Сбежать от надоедливых мыслей мне удалось ненадолго. В какой-то момент в памяти сно-

ва стали возникать еще совсем недавно забытые фантомы. Я как заведенная начала вновь и вновь возрождать в голове за-
тасканные вечным переосмыслением картинки, цвета, пред-
меты... Реальность отошла на второй план, будто это и есть
норма, будто так и должно происходить. Даже забылась иг-
рающая отовсюду приглушенная ритмичная музыка. «Это»
стало куда важнее и реальнее для моего сознания и, несо-
мненно, меня это настораживало.

– Тебе снилось что-нибудь? – задала я вопрос подруге.
Та, застигнутая врасплох, отложила на потом разглядывание
ценников и снова сняла свитер, чтобы в десятый раз надеть
другой.

– Вряд ли задаешь вопрос просто так, – бубнила она. –
Ничего. А тебе?

– Не знаю нормально ли это, но мне все снится тот сон.

– Опять?

– Угу.

– Слушай, я где-то читала, что видеть один и тот же сон
на протяжении нескольких месяцев, один из признаков пси-
хического расстройства.

Я сgrimасничала. Уж не здесь и не сейчас будем ставить
диагнозы.

– Как хочешь. Мое дело предположить! – встряхнула ру-
ками Ната, от чего у нее чуть не соскочили бретели бюст-
гальтера. – Я просто ни разу не встречалась с таким. Ты чув-
ствуешь какой-то дискомфорт? Ну там... В плане психики.

– Если ты о голосах в моей голове, то нам вполне комфортно.

– Вилл!

– Я пошутила! Все в норме. Никаких проблем...

Отчасти я лгала.

«Дискомфорт» довольно забавное слово. Мягкое и даже ласковое. Я ощущала далеко не это.

– Возможно, я волнуюсь из-за этой проклятой сессии, не знаю.

– Тогда бы тебе снились экзамены, преподы... Наш беснующийся декан, – на последнем Ната хихикнула.

– Если бы я видела его во сне и не раз, это как раз и была бы причина обратиться к врачу!

Мы рассмеялись, собрали вещи и вышли из примерочной. Ната купила свитер цвета насыщенной свежей травы и рубашку с принтом в виде соцветий вишни.

– А если серьезно, Вилл, – понизив голос, вновь начала Ната, подтягиваясь к моему уху. – Лилии я чаще всего видела на похоронах, а человек, лица которого ты не видела, скорее всего, отражает именно тот факт, что грозит опасность от незнакомца. Вдруг сон об этом?

На оценку выражения моего лица и подведения итогов нашей беседы у рыжей ушло в районе трех секунд. Она закатила глаза, выдала поспешно несвязное бормотание, и лишь после этого ответила более внятно.

– Окей! Если более оптимистично – человек, лица которо-

го ты не видишь – твой будущий муж, ваше знакомство еще впереди, а лилии – это его подарок в честь чистой и непорочной любви! Так лучше?

Тут уже я не сдержалась и рассмеялась. Девушка-кассир отдала Натали сдачу, вручила пакет, и мы ушли. По пути к выходу из торгового центра она попросила заглянуть еще в один магазин, но ей там, благо, не понравилось уже с первых минут.

На улице заметно похолодало. День был на исходе. Начинало темнеть и нам пришлось немного ускорить шаг. Захватив в ближайшей лавке пакетик жевательного мармелада разных вкусов, мы направились в сторону моего дома.

– Ты рада, да, что я к тебе иду? – судя по выражению заземленного лицевого нерва, вкус мармеладного червяка во рту Натали был очень кислый.

– Конечно рада, – буркнула я. – Я, кажется, уже отвечала на этот вопрос. Сколько еще спросишь?

– Нет, ну ты просто какая-то несчастливая. Хочешь, я домой пойду?

И этот вариант она уже предлагала сегодня.

– А что, так можно? – воскликнула я, наиграно воодушевившись.

Ната обозвала меня с будничным выражением лица, закинула в рот очередную конфету, и мы молча пошли дальше. Впереди нас ждал пешеходный переход.

Возможно, подруга была права насчет опасности. Я не

смогу забыть никогда того, что произошло в тот вечер.

Моя семья жила в этом районе уже несколько лет. Рядом с домом пролегла трасса. Четыре полосы движения на одной, и четыре по противоположной стороне дороги, а посередине – «островок безопасности». Светофоры поставили сразу, так как в новом районе частили с появлением местные гонцики. Аварии стали частым делом, но пешеходов не сбивали. В принципе, люди здесь ходили очень осторожно. Глаза во все стороны. Иногда машины вылетали и на середину дороги, где могли стоять люди, поэтому светофоры одновременно включались с обеих сторон движения. Ровно минуту дорога полностью стояла. Я и сама была всегда внимательна на дороге. Всегда смотрела по сторонам... Но не тогда.

Ната вскрикнула, чем напугала меня также сильно, как резкий визг тормозов и скрежет процарапанного шинами дорожного покрытия. На фоне темного влажного асфальта мелькнули забавные цветные искры, напомнившие мне о звездах. Одна сотая секунды, а я помню то, как пакет со сладостями вылетел из рук подруги и рассыпался в воздухе, перед моим носом.

Самый крайний левый ряд я по какой-то причине не заметила. Даже не посмотрела в сторону движения. Ната шла по правую руку, чуть позади меня. Ростом она ниже, шаги короче и ее отвлек поиск нужного вкуса мармелада в пакете. Я видимо хотела домой сильнее, чем она, и видимо, поэтому едва не погибла. За спиной раздался женский крик.

Чуть ниже колена, будто я сама напоролась на мирно стоящий автомобиль, уткнулся до блеска наполированный бампер черной иномарки. Тонировка абсолютно глухая. Видеть что-либо за зеркальными стеклами невозможно, только лица людей на дороге и окружающие переход высотки. Кто-то ударил по капоту кулаком. Эта рыжая девчонка меня сейчас пугала сильнее всего. Пунцовое лицо, потемневшие глаза, крик и оскорбления, повторные удары по многострадальному капоту автомобиля рядом... Мне вмиг стало стыдно за нее. Я хотела бежать оттуда.

Загорелся красный. Машины из соседних рядов медлили, но все же тронулись и покатали прочь. Пассажиры и водители глядели во все глаза.

– Ты в порядке? – вновь и вновь спрашивала Ната, дергая меня за руки.

Машина слева не двигалась.

– Я в норме. Идем.

Ната округлила глаза и, употребив несколько оскорблений, обратила мое внимание на водителя чуть меня не сбившего, что, мол, ему хорошо бы выйти и решить вопрос. Странно. В тот момент я не хотела ничего, кроме возвращения домой. Пусть едет куда хотел.

– Ната! – одергивая девушку, крикнула я, пытаюсь вытянуть ее с пути автомобиля.

Седан не двигался. Двери закрыты. За общим гулом дороги и ударами собственного сердца в ушах, я даже не слы-

шала, заведен ли автомобиль. Он мог сломаться?

В очередной раз Ната ударила машину, теперь уже ногой по бамперу. Только после этого я смогла стащить ее на обочину.

– Что ты творишь? – орала она. – Ему нужно нос сломать!

– Это ты что творишь! – с дикой дрожью в голосе пискнула я, но Ната прервала меня. Грубым жестом она показала водителю, чем он должен заняться. – Прекрати! Идем!

– Вилл! Он тебя чуть не убил!

– И? Все нормально. Пошли!

Сзади разрывались сигналами машины. Инцидент исчерпан. Можно ехать дальше. Тем не менее, водитель седана так и не среагировал.

Взяв Нату под руку, я потащила ее дальше, к противоположной стороне пешеходного перехода. Вскоре загорелся зеленый, и мы перешли дорогу. Молча. Уходя дальше от дороги, во дворы, я еще раз повернула голову.

Черный седан стоял без движения. Остальные машины объезжали ее, тормозя рядом и заглядывая в окна. У кого-то полное непонимание, у кого-то дикая злость.

«Померкло солнце! Пропал кислород!

Смотри же! Смотри!

Твой очкарик, твой ботаник, твой жалкий лузер!

Будь моей! Будь моей, моя смертельно больная королева!

Будь! Будь же моей!

Моя смертельно больная королева!»

Музыка пропала. Ната молча подошла к столу, бросив на меня поток холодного воздуха, будто хотела снести, и отключила колонки. Она бы продолжила молчать, если бы не мое вопросительное выражение лица.

– Не включай при мне свою наркоманию.

– Крутая песня. Веселая, – ответила я. – Ты успокоишься сегодня?

– Ты, Вилл, одна из самых странных особ, если не самая странная, – с каменным выражением лица произнесла Ната. Медленно и холодно. – Страх и глупость одновременно. Я так и не поняла твоей реакции. Тебе будто плевать на себя. Тебя едва не сбили, а ты спешишь уйти с его пути. Не хотела его задерживать? Ты знаешь, какая у него могла быть скорость? Он тормозил метров сто... Ты, кажется, вообще живешь не здесь. Твое сознание не здесь. Твоя реакция ненормальна!

Я вновь уткнулась в телефон, где вот уже несколько минут безумно разглядывала пост о полезных свойствах авокадо. Прошло несколько минут, прежде чем я ответила, хотя Ната этого не ждала. Ее взгляд уперся в выключенный телевизор. Даже нос Никки на коленке девушки не мог привлечь ее внимания. Раньше я не видела подругу такой злой. Произошедшее вывело ее из колеи.

– Ты знаешь, какая реакция должна была быть? – обрати-

лась я к подруге. – Может, такой и бывает реакция на стресс.

Рыжая нервно встряхнула головой, как если бы звук моего голоса был ей неприятен.

– Не знаю... Но у меня стойкое ощущение, что ты не здесь. То, что произошло на дороге, только подтверждает мои слова.

– Объясни.

– Ты, черт возьми, какая-то безжизненная! Что с тобой происходит? Что-нибудь в этом мире способно тебя вытащить из твоей скорлупы?! – после этих слов Ната рукой отодвинула голову доbermanа с ноги и встала с дивана. – Знаешь, я вижу тебе «ок». С твоего позволения, я бы хотела сегодня вернуться домой.

Моему удивлению не было предела. О какой чувствительности говорит Ната? По ее мнению, я безжизненная? Я открыла рот, но ни слова не произнесла.

– Вызову такси и поеду, – нахмурившись, сказала Ната. – Прости, но сегодня я не в настроении.

Такси забрало подругу полчаса спустя после нашего прихода домой. В квартире образовалась давящая тишина. Вот тогда-то я и начала бояться.

Будучи в своей комнате, я сняла свитер, начала спускать брюки и зависла на уровне сине-розового пятна на ноге. Скоро здесь будет огромный синяк. Придется дома ходить в лосинах. Не хочу, чтобы кто-то видел. Перед сном я думала о произошедшем. О сне, о том, что случилось на дороге и о

словах подруги. Быть может, если бы она была не права, я бы не обратила внимания на ее слова. Однако, то, что она говорила, надолго запало мне в сердце. Какая-то часть меня, возможно, согласна с Натали.

Я прижала ладони к глазам и слегка надавила на них. Даже музыка в наушниках не перебивала нескончаемый поток мыслей в голове. Это вовсе не «дискомфорт», о котором говорила днем Ната. Это болезнь.

«Я звала тебя среди ночи.

В свете растущей луны.

Я позвоню тебе и расскажу о себе,

Расскажу каждый свой сон.

Я позвоню, и буду повторять вновь и вновь.

Не давай мне покоя,

Не давай мне покоя»

Во сне я вновь вернулась туда.

Здесь царил чудесный аромат. В комнату едва проникал свет сереющего рассветного неба. Мужчина стоял у окна, также спиной ко мне, и по-прежнему молчал. Что его привлекло за окном? Древние фасады? Серые улицы? Хмурые лица? Я встала со своей кровати, подошла к букету на своем письменном столе и провела рукой по одному из закрытых белых бутонов. Чужак не двинулся с места.

Каждый год, всю свою сознательную жизнь, я видела эти

цветы в день своего рождения. И этот год не стал исключением. «От родственников» – многозначительно говорила мама каждый раз, когда я задавала ей вопросы. Белые лилии стали моими любимыми цветами. Эта загадочная традиция стала для меня нормой.

– Что со мной сегодня случилось... – не своим голосом, но определенно именно я, проговорила эти странные слова.

Я испытывала страстное желание поведать незнакомцу о случившемся. Это было моей целью. Во сне я хотела рассказать ему абсолютно все. Однако вопреки моим молитвам, человек даже не обернулся. В тысячный раз мгла пробуждения отняла его у меня.

Глава 2. «Горите!»

Праздничная атмосфера царила практически везде. Шумные забегаловки, магазины, автобусы, окна домов, черные стволы деревьев вдоль тротуаров... Всюду мерцание сотен разноцветных гирлянд. Слышался запах горячего кофе с пряностями и шоколадом, а неподалеку от оживленных остановок общественного транспорта усиливался аромат свежеспеченных булочек. А какой дивный аромат исходил от воротника маминой шубы... Я могла вдыхать его всю жизнь. Сладкие духи, нотки цитрусовых и хвои, свежесть улицы и едва уловимый запах автомобильного освежителя. Только в декабре я слышала этот аромат. Только он дарил мне ощу-

щение приближающейся сказки.

Праздник делал этот город не таким мрачным и тоскливым. Он светился и мерцал как новогодний шар, площадью в десятки километров. Кажется, это и было волшебством.

– Ната придет в гости?

Я подняла глаза на Розали. Она пыталась открыть дверцу духовки одной рукой, другой держала виляющий в воздухе противень с печеньем.

– Скорее всего, да, – ответила я ей. – После Парнаса мы домой.

– Как оно? – поинтересовалась мама, указав на кусочек печенья в моей руке.

– С корицей самые вкусные. Но с ванилью и шоколадом не хуже.

– Хм... У меня есть еще лимонный джем. Как думаешь, попробовать?

– Мам, это пятый противень. Ты решила открыть свое дело? Или мне придется раздавать это в канун праздника нуждающимся? – усмехнулась я. Нет, печенье очень вкусное, и дай мне волю, я сама съем все, что тут есть, но такие количества...

– У нас, возможно, будут гости, Вилл, – помявшись, ответила мама. – Оно же вкусное, да?

– Даже если к тебе в гости соберутся эксперты по выпечке из какой-нибудь сети ресторанов... Мам, поверь, эти печенья они оценят!

У меня под бедром завибрировал телефон. На столе места для него не было, да и в муке его пачкать не хотелось. Приходилось держать его рядом, так как я ждала звонка.

– Что делаешь? – по обыкновению спросила Натали, как только я ответила на звонок.

– Ничего. Мама готовит, а я ей мешаю.

– Ясно. Когда встретимся?

– Во сколько начало?

– В семь.

– Тогда часов в шесть можем встретиться на остановке и поехать вместе, – я забрала еще пару печений и вышла из кухни.

– Окей. В шесть на остановке.

Ната положила трубку.

Это я настояла на том, чтобы мы пошли на вечеринку. До Нового года оставалось несколько дней. Центр города заполнили толпы людей, поэтому место для отдыха мы выбрали ближе к дому. Рядом со спортивным комплексом, почти на самом выезде из города, располагался новенький развлекательный центр «Парнас». Организаторы мероприятия обещали море впечатлений и драйва. Музыка разных стилей, известные исполнители, море эмоций и световое шоу. Билеты стали скупать еще в октябре. «Парнас» ждал своего открытия два года. Здание привлекало много внимания. Крыша и часть стен были похожи на стены замка, другая же часть была больше похожа на современный офис, полностью из тониро-

ванного стекла, отражающего все, что окружало комплекс. Парковка, забитая машинами вплоть до выезда, аллея с высокими изогнутыми фонарями, парк и куча лавок с кофе, выпечкой и десертами.

– Мы там поместимся? – с опаской выдохнула Ната, когда к нашей остановке не спеша пришвартовался заполненный людьми автобус.

Выбора нет. Мы протолкнулись внутрь салона, ближе к окнам, ведь выходить нам практически на конечной.

– Пятьдесят процентов автобуса – это одежда, – шептала мне на ухо подруга с серьезным видом. – Остальные пятьдесят – люди. Так что, если бы мы все ехали голые, нас бы вместилось в два раза больше... Но я бы не стала ехать с голыми людьми. Знаешь, это слишком.

«Ната, слишком – это думать о таких вещах!» – смеялась я про себя, надеясь, что нас никто не слышал.

Взглядом я зацепилась за какую-то необычную деталь. Я не сразу осознала, что это было. Вернув внимание к людям вокруг, блуждая по незнакомым лицам, изучая их одежды, предметы в их руках, ответные заинтересованные взгляды, я никак не могла найти то, что мгновением ранее ввело меня в ступор. Что же я увидела?

Впереди стояла женщина. Ничего необычного, кажется: кожаная куртка размером или двумя больше необходимого, шапка, небольшой каблук на сапогах, потрепанный рюкзак с толстой металлической цепью.... Однако я засмотрелась на

какую-то менее заметную деталь. Я смотрела на ее голову. От шеи до края шапки, буквально три-четыре сантиметра обнаженной, выбритой на лысо кожи. Ее покрывало густое плетение кудрявых ветвей, и виднелся темнеющий ствол дерева. Татуировка явно имела начало и конец дальше того, что я видела. Я представила тело женщины. Сколько могло быть на ней татуировок, я не бралась даже предположить.

Автобус остановился, и женщина сошла с маршрута за пару остановок до конечной станции. В этот момент я поняла, что не слушаю Нату уже довольно продолжительное время. Благо ей было все равно, она просто вещала о своих успехах и провалах в учебе, скорее для самой себя, нежели делилась со мной.

– Нам на следующей, – проговорила подруга и прошла к двери.

Мы вышли вместе с остальными пассажирами. Оказалось, что практически все люди в салоне, как и мы, держали путь к Парнасу. Войдя в парк, мы с подругой засмотрелись на горящую голубыми огнями аллею. Впереди, за деревьями, мерцало белое здание развлекательного комплекса. Чем ближе мы подходили, тем сильнее ощущался утробный низкочастотный гул от земли. Троица подростков у входа уже пританцовывала под приглушенные ритмы.

Первый этаж был полон людей. Здесь просторное фойе, справа от входа раздевалка с парой молодых парней, принимающих верхнюю одежду, впереди касса, слева, у покры-

той зеркалами стены, на небольшом подъеме из нескольких ступеней просторная арка – вход в кафе. Там были посетители. Здесь звучание музыки становилось сильнее. Мы отдали вещи и последовали за группой молодых людей, идущих в сторону касс. По углам просторного помещения были выдолблены два широких коридора, а оттуда росли массивные, тускло освещенные линиями «парящего» потолка, лестницы. Здесь толпа шла пританцовывая. Где-то наверху лестницы послышался радостный вопль какого-то парня. Мы усмехнулись. Музыка медленно начинала биться в барабанные перепонки. Ната отдала билеты стоявшим на входе в зал девушкам, и мы прошли за большую тяжелую металлическую дверь.

В сумраке, просачиваясь сквозь бьющиеся в танце тела, мы пытались пробраться ближе к сцене. Бар стоял у задней стены, напротив сама сцена, а посреди них – огромная танцплощадка. Прожекторы то и дело блуждали по толпе, рассекая тьму синими, красными и зелеными лучами. С высокого потолка сыпались звездами миниатюрные, словно горошины, лампочки. Прежде чем мы услышали обращающийся к нам голос ди-джея, прошло в районе десяти минут. Девушка поправила микрофон у щеки и произнесла с завыванием:

– Добро пожаловать, ребятки! – толпа отозвалась свистом и криками. Я подняла голову вверх, к будке ди-джея. Она была под самым потолком, практически над нашими головами. – Надеюсь всем сегодня хорошо! Ну чтооо? Еще немно-

го подвигаемся и позовем наших звезд?

Площадка взорвалась эмоциями. Стоявшая рядом со мной Ната завизжала и подняла руки высоко над головой. Если повезет, ей понравится вечеринка. Во всяком случае, я посмела надеяться на это.

– Стартуем! – крикнула девушка, сквозь приближающуюся гудящую на фоне музыку.

Зал ударила очередная волна оглушительного ритма. Только сейчас в ней начала появляться электрогитара.

От прожектора медленно пополз плоский горизонтальный луч ярко-зеленого света, накрывший людей и растянувшийся сотнями тонких нитей во все стороны от танцплощадки. Внезапной вспышкой ослепляющий свет пал на сцену. В эту же секунду кто-то ударил по грифу, после чего посыпалось дробью звучание тяжелой музыки, скрещенной из соло гитары и ударных. Толпа завопила в безумстве, но ее уже практически не было слышно. На сцене стояла группа молодых парней в джинсах и простых футболках. Только барабанщик сидел с обнаженным торсом. Играла одна из моих самых любимых песен.

Шоу началось.

Спустя какое-то время, когда сменилась еще пара групп, Ната приблизилась ко мне и крикнула:

– Я устала! Пойдем, выпьем!

Женский коллектив на сцене пел композицию одной из известнейших много лет назад группы. Я нехотя поплелась

за подругой, периодически оборачиваясь назад.

– Круто! – кричала Ната, пока мы стояли у бара и распивали коктейли.

Во время небольшого перерыва свет со сцены убрали. Диджей обратилась к толпе с требованием «сделать громче». Новый трек электронной музыки возобновил пульсацию на танцплощадке.

Через несколько минут музыка опять стихла. Мы с подругой направились вновь к сцене.

– Ооо! – протянула девушка в свой микрофон. – Жарковато тут! Я хочу, чтобы стало еще жарче! Народ, давайте навсегда запомним последние дни этого года! Кричите, пока мы молоды! Танцуйте! Горите!

Зал поддержал ее воем.

Впереди у сцены кто-то засвистел. На секунду возникшая пауза привлекла наше с Натой внимание. За установку сел молодой мужчина: блондин с коротким «ежиком», крупными карими глазами и россыпью татуировок на обеих руках. Почти одновременно с ним вышли еще двое. Парень лет восемнадцати, с сухим открытым торсом и длинными иссиня-черными волосами, спадающими до груди. Он взял бас и перекинул ремень через плечо. К синтезатору подбежала миниатюрная девушка с малиновыми волосами, торчащими в разные стороны.

– Всем привет! – высоким голосом поприветствовала она толпу.

Следом вышел еще один человек. Парень. У него были выбриты виски, виднелось металлическое кольцо в брови, а из одежды на нем были простые джинсы и свободная футболка болотного цвета. Он подошел к стойке с гитарой и взял инструмент в руки. Как только его рука коснулась грифа, барабанщик выбросил в толпу новый космический ритм. Заиграла тяжелая волшебная музыка. Звучание баса и ударных слабее. Акцент идет на соло, и блуждающие задним фоном тоны электронной музыки. Все ждали вокалиста. Толпа двигалась в такт, ближайšie к сцене люди качали руками и что-то пытались кричать. Эту песню, как я догадалась в ту минуту, знали фанаты группы.

Лишь перед самым куплетом на сцену вышел еще один участник с гитарой в руке. Парень. Темные вьющиеся волосы, белая свободная рубашка навыпуск, светлая кожа и никаких татуировок.

Я похолодела.

Такие парни – запретный плод, далекая, недостижимая, но манящая к себе звезда, маяк, что одиноко высится поверх бушующего моря. Предел, что ищут все и каждая. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять его закономерность. Он тот, за кем идут, бегут, ползут, едва живые, помешанные женщины. Быть может, он и не был красавцем в широком смысле этого слова, но весь его образ, все его существо, все в нем, зримое и незримое, поражало меня, как и всех прочих. В нем нет смазливой юношеской красоты, что

стала бы откровенной простотой, как и нет грубой мужской природы, что влекла женщин, подобно антилоп к гепардам. Он отличался от всех других любимцев женщин лишь тем, что не подходил под их стандарты. Это я могла сказать сразу. Нас разделяли десятки метров, сотни поднятых рук и холодный мерцающий светом туман, но я видела его настолько четко, что испугалась своей уверенности. Мне показался мой интерес очень неестественным и ненормальным. Я вновь испытала это ядовитое пагубное чувство. Чувство, что со мной что-то не так. Что я не так хороша, не так трезва, не так здорова, как окружающие. Я поспешила опустить голову, будто что-то в моей одежде привлекло мое внимание, искренне надеясь, что никто не заметит перемены во мне.

*«Несмотря на всю ложь, что ты мне говоришь,
Несмотря на твои попытки меня оттолкнуть,
Ты остаешься одна, ты знаешь, что не сбежишь.»*

*Несмотря на всю ложь, что ты мне говоришь,
Моя любовь лишь ждет, когда в тебе не останется сил.
Она ждет, когда ты, отравленная, убитая,
со мной останешься лишь...»*

Что же со мной случилось?

«Вилл? Что с тобой?»

Я слышала свое дыхание, чувствовала каждую вену, каждую клеточку, каждый волосок своего тела. Все чувства

обострились до предела. Никогда прежде я не была столь реальна, как в тот вечер. Это что-то извне в корни изменило мое мироощущение. И пусть дело было вовсе не в музыке и не в том человеке, мысль о котором заняла меня всецело, но именно тогда я потеряла Вилл, которую помнила. Все изменилось.

Внезапно я наткнулась на застывший вдалеке взгляд. Парень умолк, остановился и убрал правую руку с гитары.

Он. Смотрел. На меня.

В упор.

Толпа замедлилась и непонимающе уставилась на сцену. Музыка не останавливалась, но шла, будто на повторе. Парень в зеленой футболке сделал пару шагов к вокалисту и пихнул его грифом в спину. Люди стали медленно оборачиваться, отчего я вынужденно сделала то же самое.

Что-то в этом взгляде было не так. Так не смотрят старые знакомые, не смотрят чужаки, раздосадованные повышенным к себе вниманием, не смотрят люди, которые хотят, чтобы от них отвели взгляд. Он цепко схватился за меня, привлек мое внимание и даже не пытался отпустить. Я понимала, что совершаю ошибку, но выигрывать этот скрытый бой я не собиралась. Пусть эти три секунды будут именно теми секундами, когда я точно буду знать – я стою этого внимания, стою этой паузы. Было что-то волшебное и привлекательное в той минуте. Я чувствовала, что нарушила баланс, прервала исполнение, но именно этот хаос так взбудоражил

мою душу.

– Какого хрена он... – шипела рядом Ната. – Вилл, он...

Он смотрит сюда?

Свет на сцене померк, и девушка-ди-джей запела в унисон с возникшей из колонок музыкой.

– Просим прощения за возникшие проблемы! Держите треееек...

Толпа завопила, и зал вновь закачало. Окружающим этот кризис дался гораздо проще. Для них словно ничего не произошло.

– Я в туалет, – сообщила я Нате, как только немного пришла в себя.

– Ок, идем!

Я отрицательно покачала головой и медленно двинулась к выходу. Это несвойственно для нас, но в тот момент я отказалась от ее компании.

За закрытыми дверьми стоял утробный гул. По сравнению с залом внутри, здесь, на лестнице, было очень тихо. Тишина ласкала слух, а идущая с первого этажа прохлада остужала тело. Опершись о стену, я простояла так около минуты.

«Что сейчас произошло?» – вопрошала я.

Это мог быть инсульт? Восемнадцать лет – пора задуматься о здоровье.

На выходе из зала, когда обстановка вокруг меня поменялась, я постепенно стала приходить в норму. Уже не казались столь долгими мгновения ступора. Я практически забыла о

том, что случилось. Мне могло показаться, а парень на сцене мог просто плохо себя почувствовать. Все мои ощущения и реакции лишь череда внезапных случайностей, не более.

Спускаясь по лестнице, я искала взглядом указатели. Туалет должен был быть внизу, слева от касс. Из кафе тянулся слабый запах еды и сигаретного дыма. Вдохнув полной грудью прохладный воздух, я мигом протрезвела. Найти нужную дверь перестало быть для меня проблемой. Войдя в дамскую комнату, я поспешила к зеркалу. Даже здесь, среди раковин, зеркал и пластиковых кабинок играла тихая не назойливая музыка. Тем не менее, по сравнению с концертным залом здесь стояла гробовая тишина. Я поднесла руки под кран и зависла на пару минут, пока теплая вода лилась мне на ладони. В ушах пульсировала кровь.

Сцена, красный свет лучей из-под потолка, вновь и вновь повторяющиеся аккорды, и четко сфокусированный взгляд.

«Я могла его знать? Он меня? Допустим... Но что это было? У него и у меня, откровенно говоря, странная реакция... Быть может, мне показалось... Что это за чувство во мне сейчас? Страх при виде незнакомого человека?»

Нет. Это был ужас.

Я выдохнула и закрыла глаза, запрокинув голову. Было ужасно душно...

Сирена сработала одновременно на всех этажах. Даже здесь, в туалете, из динамика в углу. Музыка умолкла за секунду до этого. Я открыла глаза и уставилась на свое отра-

жение. Из коридора доносился топот и приглушенные голоса. «Я не выйду отсюда» – холодно выдало мое сознание. Я просто физически не смогу открыть дверь. То, что сейчас будет происходить в коридоре и на лестнице, я предвидела смутно, но картина вырисовывалась печальная. Несколько сотен человек, сейчас, когда затихла музыка, и было слышно только сирену, бросятся в узкие двери, вниз по лестнице, к выходу. Уже тут их встретят посетители кафе, количество которых я не знала даже примерно. Толпа забьется в фойе и попытается втиснуться в двери. Крики в коридоре мешали адекватно мыслить. Ждать здесь или выйти и попытаться протолкнуться на улицу?

В следующее мгновение мое сердце остановилось. Ната была в той толпе. И только сейчас во мне забушевала настоящая паника.

Я оттолкнула дверь от себя и выглянула в коридор. Люди казались спокойнее, чем я думала. Они сбегали с лестницы, но давки не было. Наверху кричали девушки. Двери слишком узкие для срочной эвакуации. Воспользовавшись моментом, я выскользнула из туалета, прижалась к стене и двинулась в сторону выхода. Сверху продолжают пребывать люди. Наты среди них нет. Я не знала, что делать. Суматоха превратилась в ад, когда по толпе через пару десятков секунд прошелестело ужасное слово.

«Дым».

В зале наверху закричали. После этого со стороны фойе

раздался звук бьющегося стекла. Теперь толпа пойдет быстрее.

Секунды превратились в ужасную пытку. Я смотрела, как мимо меня пробегают люди, как мелькают обрывки киноленты из какого-то второсортного триллера, где нет ничего, кроме множества искаженных ужасом и паникой незнакомых лиц. Массовка двигалась к выходу, но очень скоро все замерло. Образовался затор. Люди толкали тех, что были впереди, будто это хоть чем-то поспособствовало бы, хотя, я уверена, часть их сознания понимала, что выхода нет. Животная жестокость вскоре поборола человеческую неуверенность и такт. Люди позабыли себя. Толпа забилась в коридоре и остановилась. Крики людей переросли в один единственный зловещий звук.

Я вжалась в стену и приподнялась на носки. Запах гари усиливался, но деться от него некуда.

За лестницей, там, куда не проникал свет, открылась дверь. Я вытянулась вверх по стене, стараясь разглядеть, что там было. Во мне загорелась надежда. Кажется, там выход.

Резким толчком меня ударило о стену. Подвыпившие подростки в ужасе стали карабкаться на перила.

Я приняла решение прорваться к той двери, чего бы мне это не стоило. Там я видела двух людей, которые пытались незаметно пробраться к лестнице. Что они делали дальше, я не видела, но несколько человек из безумной толпы последовали за ними. После еще, и еще... Это сотрудники ком-

плекса выводят людей через черный выход. Их я узнала по яркой сиреневой форме, когда они пробрались в толпу.

Когда здание обесточило, меня оглушило диким истошным воплем. Незнакомая девушка передо мной повернула ко мне голову и, глядя прямо в глаза, закричала вновь, будто я могла ей чем-то помочь. Сильный запах плавленого пластика и проводки горечью проник в полость рта. Толпа озверела. Через секунду включился и вновь выключился теплый оранжевый свет. Он возникал раз в две секунды и пропадал.

В образовавшемся окне, когда толпа наверху соорудила случайный затор, я оттолкнулась от стены и бросилась к двери под лестницей, откуда выводили людей сотрудники. Там, через неосвещенный коридор, я выбежала на улицу. За мной ринулись еще несколько человек, по инерции продолжая то ли кричать, то ли выть, словно из жалости к себе самим.

Мгновения тянулись невозможно долго. Я подняла глаза вверх. Окна второго этажа плавилась светом и дрожали словно лава. Отовсюду валил дым. Сидя в снегу, на дороге, я видела, как служащие вытягивали из коридора людей. Критически маленькое количество. Трех или четырех шокированных ребят тянули на улицу раз в полминуты. Подруги среди них нет.

К главному входу подъехали пожарные машины. Появились кареты скорой помощи. Медики бросились к людям на улице. Поднявшись на ноги, я пошла в обход здания, к главному входу. Здесь везде россыпью темнели пятна крови. Лю-

ди в шоковом состоянии сидели на снегу. Кто-то лежал без сознания либо тихо выл от боли. С улицы то, что происходило в дверях, выглядело еще ужаснее. Толпа забилась в проем и лезла через разбитые стекла. На мгновение образовалась звенящая тишина. Окна второго этажа лопнули и посыпались вниз. Оттуда высунулись руки и головы напуганных до смерти людей.

Женщина в синем брючном костюме возникла перед моим лицом и, что-то говоря, принялась меня осматривать. Я безуспешно вглядывалась в толпу. Наты нет. Нигде.

«Она внутри».

Холод и дрожь с новой силой забились в моем теле. От осознания одной простой истины и понимания безвыходности положения, меня сковал ужас. Сидеть на месте и ждать – не мой вариант.

Попасть туда сейчас я не смогу. Оба выхода забиты людьми. Либо идти по головам, либо выждать мгновение, когда хоть немного освободится проход.

– Стой!

– Стой! Держите девушку!

На ходу я зачерпнула рукой снега и втерла его в рукава и воротник джемпера. За мной бежали, и я слышала это. Перепрыгивая ступени, я вскарабкалась на крыльцо, руками цепляясь за ступени впереди, дабы не соскользнуть. Какая-то женщина в вечернем платье, застрявшая в дверях, вцепилась ногтями мне в ребра, шипя словно безумная. Я оттолкнула

ее со всей силы и вошла внутрь. Через секунду меня поглотил плотный, едкий, липучий, будто мазут, смог.

Глава 3. «Здравствуй, Мэри!»

С потолка вниз по стенам пополз клубками черным дым. Едва коснувшись оконной рамы, медленно, шелестя, он двинулся к двери, на пути касаясь кушеток, стульев и тумбочек. Спавшие люди не видели того, что видела я. Мой рот открылся в попытке вскрикнуть, но не выдал и звука. Дым стал опускаться мне на лицо. От страха я не могла двинуть даже пальцами рук.

Спасение пришло, когда его не ждали.

Дверь в палату медленно открылась, и впущенный сквозняк вмиг растворил смертоносную тень. Долгожданный свет и свежесть вихрем пронеслись по комнате. Поздним утром сюда наведалься дежурный врач. Он сразу подошел ко мне, ибо я единственная кто лежала с открытыми глазами.

«Интересно, какое у меня выражение. Как у безумной наверно...»

Мужчина взял с тумбочки какие-то листки бумаги и молча стал их изучать, периодически поглядывая на меня, словно сверяясь с приведенным там списком. После он наклонился ко мне и прищурился.

– Что-то горит? – подала я голос. Он звучал глухо и очень тихо, словно я говорила сквозь марлевою повязку.

Мужчина удивленно изогнул брови.

– Ты проснулась от запаха гари?

– Тут был дым. Когда вы открыли дверь он...

Я опустила подбородок, вжимая голову в подушку. Мне кажется, что я несусь бред. Звучит то, что я говорю, очень неправильно.

У меня болело горло. Сильно кололо виски, и руки... Что-то с руками...

– Что со мной? – обратилась я к мужчине, когда он сделал какую-то пометку в документах и принялся осматривать мою шею, плечи и руки в локтях.

– Отравление угарным газом, – будничным тоном отвечал он, словно предлагал мне какие-то блюда из меню в студенческой столовой. – Порезы, гематомы, небольшой шок и, наверное, все... Шучу. Точно все.

Когда он взял меня за руку, я неожиданно для самой себя вздрогнула и отдернула к груди обе кисти. Так вот что с ними. Я чувствовала сухость и натянутость кожи. На ладонях были бинты. На левой руке еще был лейкопластырь, тянущийся по всему запястью.

– Дай мне осмотреть тебя. Не дергайся, пожалуйста, – врач взял обе мои руки и поочередно согнул пальцы. – Тебе повезло. Пострадала ты достаточно, но из-за своей же глупости.

– О чем вы?

– О том, что ты вернулась в здание.

– Я искала подругу, – отвечала я, однако в голове было пусто. Ответ поступил сам. Словно он уже был заготовлен у меня в подсознании.

– Ты ведь знаешь, да? Это было глупо. Да, ты хотела помочь. Но в этой ситуации ты просто подвергла себя опасности и все. Ты бы не спасла ее...

Меня обдало холодом.

– Боже! – воскликнул он. – Не волнуйся! Она жива, и состояние ее стабильное... Я лишь хотел сказать, что, не имея ни навыка, ни хоть какой-то подготовки, ни снаряжения. Соваться в это дело глупая идея. Ты могла умереть просто потому, что сглупила. Тебе повезло раз, когда ты вышла оттуда сама. Тебе повезло второй, когда тебя вынесли из здания.

– Где она сейчас?

– На этом же этаже. Ее состояние хуже. Отравление, гематомы и перелом руки, – мужчина опустил на мои ноги одеяло и сел на стул рядом, записывая что-то в бумаги. – Она поправится. Уверяю тебя. Но времени нужно больше... Вам обоим очень повезло. Буквально секунды отделяли вас от смерти.

Я сглотнула и немного закашлялась. В горле пересохло.

– Кстати, – он отложил свою писанину и широко улыбнулся. – С Новым годом тебя! Твой подарок в коридоре. Родители с того вечера караулят тебя здесь. Позвать?

Я подняла руки и потерла щеки. Наверное, я бледная как труп.

Мама убьет меня, ведь я чуть не погибла.

Пока никто не заходил. Лежавшие рядом люди спали. Все молоды. Видимо тоже пострадавшие при пожаре. Интересно, сколько человек попало в больницу? А сколько погибло?

Дверь вновь открылась и в палату вошла Розали. Лицо у нее осунулось, белки глаз почти багровые. Отец шел следом. Угрюмый и непобедимый. Если бы я не была пострадавшей, он бы мне «всыпал по первое число», просто хотя бы за то, что я поехала на вечеринку. В его понимании я должна находиться дома, пока не возникнет необходимость выйти. Ну там... Учеба, покупка продуктов, прогулки с Никки... Какие-то чрезвычайные ситуации.

– Как ты? – спросила мама, кладя руки мне на лодыжки.

– Нормально, – отозвалась я. – Доктор сказал живая.

– Мы говорили с ним. Он сказал, что тебе гораздо лучше, – отец подошел к табурету и опустился на него, устало сторбившись над моей постелью. Мне кажется, они оба не спали.

– Неизвестно, когда меня выпустят?

– Сама-то как думаешь? – усмехнулся он.

– Я тут надолго, я поняла.

Звучало это довольно раздраженно. Я выругалась про себя.

– Вилл, никто не виноват, что ты здесь, – строго проговорил отец. Его убеждения, что лучше всего сидеть дом и никуда не выходить, пока лишь подтверждаются происходящим. – Ты будешь здесь, пока врачи не решат, что все хоро-

шо.

– Звучит очень печально, – вздохнула я, пробуя подняться. Розали подошла ближе и подложила мне подушки под голову и спину. – Я чувствую себя здоровой. Голова только болит, но скорее из-за того, что я проспала... Сколько? Почти три дня?

– Да, сегодня третий, – мягко сказала мама вполголоса. – Скоро уже будет темнеть...

– Мам.

– Да, Вилл?

– Сколько жертв?

Родители обменялись недолгим, но многозначительным взглядом. Они будто в сговоре.

– Сорок девять человек.

Картинка постепенно начала собираться по крупицам в моей голове. Вечеринка. Сирена. Крики. Дым. Снег. Кровь. Стекло. Огонь.

Слишком много пустот. Чего-то не хватает. Я словно потеряла память. Сидела на пепелище и разбирала завалы из остатков прошлого. Что я оставила там? О чем забыла? Что потеряла из виду?

– Мам, а кто нас вытащил?

– Не знаю, детка. Добровольцы, спасатели, врачи, – нахмурившись, ответила она. – Я видела только съемки с камер. Нам позвонили, когда тебя уже привезли в больницу.

– Я ее не нашла. Ведь так?

– Вилл, – папа поднял руку в воздух. Просьба остановиться. – Вас спасли и это самое главное. Ни о чем другом тебе сейчас думать не нужно.

«Постараюсь, пап» – невесело подумала я.

В палате появилась сестра. Она прошла вглубь комнаты, что-то напевая себе под нос, открыла форточку и направилась ко мне.

– Вам нужно поесть. Обед принесут через пятнадцать минут.

– Я могу встать? – обратилась я к ней.

– Можете, но одной лучше не перемещаться по больнице, – ответила женщина, осматривая мое лежбище. – Вы родители?

– Да, – с тоном «а что не видно?» проговорил отец. – Мы мешаем?

– Мне нет. Хотите, сидите здесь, но не шумите.

– Хорошо, спасибо.

– Есть какие-то пожелания? – спросила сестра у меня.

– Да, – растягивая пересохшие губы в улыбке, пока кожа на них не начала болезненно трескаться, ответила я. – Отпустите меня домой.

– Скорее всего, вас выпишут сегодня. Я видела вашу карту. Доктор сам вам скажет, когда вернется с осмотра.

За окном сгущались сумерки. У окна на улице прерывисто горел фонарь. В его теплом оранжевом свете кружили тысячи мелких снежинок, больше похожих на пыль. Гул ветра

был слышен даже через толстое стекло и пластик. Невдалеке приветливо искрилась бликами фар заснеженная трасса. Сотни машин проносились мимо. Через больничный парк, если верить рассказам пациентов, можно было выйти в лес. Тут же, рядом со зданием, располагалась парковка. Внизу стояла машина отца. Он разговаривал с какой-то женщиной, вышедшей из-за руля красной Хонды пару минут назад. К ним неспеша подошла моя мама и махнула рукой. Надеюсь, это не очередная клиентка Розали. Если так, то я за себя не ручаюсь.

Я подняла голову и неожиданно разглядела среди крон деревьев вдалеке крышу небольшой часовни.

«Что-что, а вид здесь волшебный».

Ната лежала с закрытыми глазами и не двигалась. Поговорить с ней у меня так и не получилось. Я подошла к ее постели и взяла за руку. Рыжая осталась неподвижной. Время шло, а я никак не хотела идти у него на поводу. Опустившись к лицу подруги, я надолго прижалась губами к ее холодному лбу. Запах оплавившегося пластика и синтетики тут же воскресил в памяти недавние события. Сделав над собой усилие, я отпрянула.

– Прости меня.

В коридоре меня встретила долгожданная прохлада. Под большими настенными часами, среди множества информационных досок и плакатов, стояла искусственная елка, с кучей разнообразных игрушек. Кое-где висели свертки либо

конверты с пожеланиями. Атмосфера здесь была праздничной, но какая-то странная и тихая печаль не покидала это место.

У самых дверей стояла толпа людей. Среди них я увидела родителей. Мама подошла ближе и взяла мою руку.

– Готова? – спросила она.

– Угу.

– Мне нужно подписать еще какие-то документы, – пробубнил хмуро отец и исчез за спинами людей у стойки администрации.

– Идем, – рука матери, горячая и слегка влажная из-за снега, оставшегося на воротнике ее куртки, с чувством сжала мое запястье. Глаза ее, по обыкновению холодные и незаинтересованные, в этом мимолетном жесте показались встревоженными.

Входная дверь снова открылась. До меня донесся аромат очередного незнакомого женского парфюма, нагретого теплыми потоками воздуха из кондиционера, шумно гудящего над главным входом в здание. Розали потянула меня вперед. Тревога в ее глазах стала отчетливее.

– Хочу тебя познакомить с Мэри, – к тому моменту девушка уже приближалась к нам. – Мэри, это Вилл, моя дочь.

Ей было примерно двадцать пять – тридцать лет. Невысокая, стройная, с светлой, почти молочной кожей, как у тех кукол, что когда-то было модно дарить новорожденным малышам, с копной волнистых каштановых волос, спускаю-

щихся по плечам на придерживаемую руками черную лоснящуюся шубу, с пухлыми губами под алой помадой и большими, ярко-синими, почти лазурными глазами. «Линзы» – подумала я. На груди ее расположился крупный красный камень, заточенный в золотое кольцо, отливающий множеством бликов при каждом движении девушки. Она прошла мимо собравшихся в кучку людей у входа и подплыла к нам. От нее исходил тонкий, но стойкий аромат дорогого парфюма, свежести улицы и слабых ноток чего-то сладкого. Корича, горячая выпечка, ореховый сироп... Она пахла, словно рождественский пирог!

– Привет, Вилл, – высоким, мягким голосом проговорила она и обнажила прямые белые зубы. Я попыталась предположить, где мои родители могли познакомиться с ней. На ум ничего не шло. Она мало походила на одного из клерков. Скорее заказчик или быть может, крупный партнер. Мои догадки пока казались мне верными.

– Здравствуйте, – ответила я ей, осознавая, что хмурюсь.

– Мне жаль, что ты попала сюда... Я рада, что с тобой все хорошо. Розали часто о тебе говорила, – казалось бы, в тоне этой девушке нет ничего угрожающего либо напрягающего, но во мне зародилось странное чувство. Я боялась, а вернее опасалась. Что-то мне не нравилось в этой особе. Быть может ее почти фантастическая красота. А может то, что это чувство волнения стало моим постоянным спутником. Я заметила, что стала излишне тревожной и от этого тревожилась

еще сильнее. Какой-то замкнутый круг. – Рада, что познакомилась с тобой лично.

– Да, это взаимно, – натянуто улыбнулась я. Зачем здесь она? Какой вселенский смысл в нашем знакомстве здесь и сейчас?

Мы вышли из здания больницы и прошли к парковке. Папа уже прогрел машину. Оказавшись в салоне, я шумно выдохнула и поежилась в куртке.

«Домой. Скоро я буду дома».

Естественно, вскоре каждый вдох отзывался болью в легких и груди. Глаза заволоки слезы. Я спустилась на четвереньки, в надежде, что это немного облегчит мое состояние. В зале также включался и выключался оранжевый свет. На полу лежали люди. Одежда, стекло, куски пластика... Я перемещалась от одного тела к другому. Наты нигде не было. Вдруг с треском обвалилась картонная стена за сценой, и вместе с дымом в воздух поднялся столб пыли и трухи. Если раньше свет появлялся и исчезал вновь и вновь, отгоняя тьму, то теперь тусклое свечение было всюду. Что это и каков источник света стало понятно сразу, но я отказывалась принимать этот факт. Мне нужно было найти подругу. Дикая кашель разрывал грудь. От слез видимость стала еще хуже. На полу я видела пятна крови. Впереди лежала девушка в таком же платье, что у Наты. Я направилась к ней. Преодолев пару метров, я поняла, что ноги не слушаются. Они

тряслись и не держали мой вес. Внезапно я упала. Меня так разозлила моя слабость, что я стала рыдать и ругаться, пусть этого никто и не слышал.

Перед моим носом, среди стекла и пятен крови, проползла расплывчатая тень. Ожидать какого-то движения от людей вокруг мне не приходилось, поскольку присутствующие не подавали признаков жизни. Я испугалась очередного падения стен и подтянула под себя ноги, скрутившись в клубок. Незнакомая девушка впереди безжизненно смотрела в мою сторону.

Ужас сковал сердце в свои цепкие хищные объятия. Надо мной кто-то стоял, и я понимала это также ясно, как и принимала безвыходность собственного положения. Вместо облегчения при виде живого человека, мной завладел панический страх. Я повернула голову и тут же зажмурилась. Тело начало трясти, а тень неминуемо приближалась. Пара алых, струящихся лавой колец возникла над моим лицом. Тень взяла меня за руки и посмотрела мне в глаза.

«Это радужка? Красная радужка?»

– Ната, – вырвалось у меня.

Будто искры от костра, пара горящих глаз устремилась в сторону. Позади еще одна тень двинулась на фоне покрытого пламенем зала.

– Трое! – крикнул незнакомый голос из пустоты.

Из колонок медленно потянулась тихая музыка. Это из какого-то фильма. Не могу вспомнить из какого...

– Жарковато тут! – кричала девушка-ди-джей. – Я хочу, чтобы стало еще жарче!

«Не надо» – взвыло мое сознание.

– Зажгите сегодня!

Глава 4. «Спасибо, дом»

Уснуть не получалось, как я ни старалась. В очередной раз, открыв глаза то ли от неизвестного шума, то ли от того, что во сне мне стало не хватать воздуха, я нервно выдохнула и резко перевернулась на спину. Спальню пропитал теплый полумрак. Дверь в комнату плотно закрыта. На полу рядом с кроватью, лежала Никки, носом втягивая в себя воздух из щели у порога. На столе тихо гудел ноутбук. Я подняла глаза к окну.

«Который час?»

Издали послышался шум льющейся воды и гул вытяжки в кухне. Розали вся в готовке. Стало быть, все хорошо, я не проспала наступление Нового года.

– Вилл? – встревоженно позвала мама из кухни, когда я попыталась незаметно просочиться в ванную комнату.

Закрыв за собой дверь, я подняла глаза и столкнулась взглядом со своим отражением. Лицо вытянуто, синяки под глазами стали темнее и глубже, чем обычно. Верхние веки опухли и давили на глаза. Белки красные, на левом вовсе лопнул капилляр. Губы сухие и потрескавшиеся. На левой

щеке синяк.

«А там?» – промямлила я, поддевая пальцами футболку.

На обеих руках уже желтеющие синяки. Я стянула полностью футболку и опустила голову к бицепсу. То, что я видела, мой мозг не сразу осознал и принял. На плечах и ниже, ближе к локтям, на запястьях, темнели вытянутые фиолетовые пятна. Чтобы привести аналогию долго думать не пришлось. Это следы чьих-то рук. Я коснулась их и вновь повернулась к зеркалу. На левом боку ссадины и еще пара синяков. Уже бесформенных и более обширных. Видно, что я падала и не раз.

– Вилл, – в дверь постучала мама.

– Что?

– Давай помогу.

Я оттолкнула дверь от себя и впустила ее. Лицо женщины слегка порозовело с того момента, как я видела ее в больнице после случившегося. Мама закрыла дверь изнутри и подошла ко мне. От нее пахло выпечкой, запеченным мясом и средством для мытья посуды. Она взяла меня за руки, слегка наклонив к ним голову.

– Нужно обработать швы, – пробормотала она.

– Угу.

– У тебя ничего не болит? – с той же тревогой спросила она, подняв голову и внимательно посмотрев мне в глаза.

– Пока нет.

Я потянулась к крану и включила воду.

– Не мочи руки, – тут же приказала Розали.

Раздевшись, я перелезла через бортик ванны и села в позе лотоса на дне. Как и сказала мама, я подняла руки и прижала их к холодному кафелю.

– Возможно, будет неприятно. У тебя здесь царапины...

– Сделай горячее, пожалуйста. Холодно.

Струя воды, бьющая в спину, медленно поднялась выше, к шее, затем к голове. Мама убрала мои волосы назад, спуская их вниз по позвоночнику, и подняла душ над головой. Как только горячая вода коснулась макушки и полилась вниз, в уши, на лицо, шею и плечи, я с наслаждением закрыла глаза. Образовавшийся своеобразный купол оградил меня от мира. Я не слышала ничего кроме воды и ничего кроме нее не чувствовала. Так я могла сидеть вечно.

Мама сместила воду к рукам, поочередно проведя душем почти до запястий. После она выключила воду и взяла баночку шампуня. Теперь пахнет не пылью, гарью и пластиком, а ежевикой.

– Видела цвет? – пробубнила я, указывая на темную воду вокруг себя.

– Не переживай. Сейчас я тебя отмою!

Розали усердно принялась втирать мне в волосы шампунь. Через какое-то время я сидела с сооруженной на голове шапкой из пены. Закрыв глаза, я будто уснула.

– И почему я раньше не давала тебе меня купать? – усмехнулась я.

– Не привыкай, Вилл, – вздохнула мама. – Это розовая акция. Ты уже большая девочка.

Я не знаю, входят ли галлюцинации в симптомы отравления угарным газом. Возможно, мне просто повезло приложиться головой с такой силой, что начало мерещиться всякое. Забавно, что я думаю об этом так усиленно, будто это было самым важным на тот момент. Подумаешь люди с красным радужками глаз. Мало ли, сколько ребят в линзах спасают чужие жизни. Всего то – красные глаза. Что такого?

– Мам?

– Что? – настороженно отозвалась Розали и убрала руки, подумав, что сделала больно.

– Хочу кое-что рассказать.

Она медлила. Несколько секунд мы молчали. Я попробовала запрокинуть голову, чтобы посмотреть на нее и лишь тогда она ответила.

– Тебя это беспокоит. Что-то видела в пожаре?

– Да, мам. Кое-что.

– Расскажи.

Розали подняла душ над моей головой. Грязная пена неспеша поползла вниз по волосам.

– В тот вечер, когда я вернулась за Натой, – начала я. – Не знаю почему я об этом думаю и почему эта ситуация не выходит из моей головы. Те, кто нас вынес... Я видела их глаза, мам. Я думала, возможно, это линзы. Они буквально светились.

Мама отключила воду и оперлась руками о бортик ванны.

– У тебя есть какие-то предположения? – исходя из ее вопроса и интонации, я делаю вывод, что она в замешательстве и не скрывает этого.

– Никаких. Меня наверно не это должно заботить, но...

– Ты уверена, что это они вас вытащили?

– Во-первых, это последнее что я помню. Во-вторых, один из них поднял меня. В-третьих, кто-то из них считал. Думаю, они выносили людей и считали.

За спиной раздался шумный выдох. Мама выпрямилась и потянулась за бутылочкой геля.

– Может быть, тебе показалось? – спросила она чуть спокойнее. – Это мог быть свет от огня?

Я показательно фыркнула.

– Вилл, я не могу тебе ничего предложить, – ответила мама. – Да, могла быть травма и ушиб, тебе могло показаться. Это мог быть оптический обман. Я не знаю... Хочешь, мы найдем их?

– И что я им скажу?

– Все просто, – Розали включила воду снова и принялась смывать с меня гель. – Ты можешь поблагодарить их.

Я молча уставилась в лужу под собой. Эта идея кажется очень благоразумной.

Спустя несколько минут мы сидели на кровати в моей спальне. Розали сняла бинты, обработала порезы на ладонях и снова перевязала мои руки. После она включила фен и, сев

позади меня, начала сушить волосы. От меня все равно пахло гарью. Я поморщилась.

– Спасибо, мам. Давай дальше я сама. У тебя там не стгорит ничего?

– Нет, все готово. Мэри с Сэмом будут очень скоро. Нужно будет встречать.

– Сэм?

– Да. Ее муж

– А у них есть дети?

Мама две секунды буравила взглядом пустоту перед собой, пока я отбирала у нее фен.

– Если да, и они придут с ними, я останусь у себя.

– Детей нет, – ответила женщина и двинулась к двери. Слова ее звучали неуверенно, как если бы она не знала правды или же скрывала ее.

– Что мне надеть? Платье необходимо или могу остаться в домашнем?

– Надень что хочешь, – слабая улыбка смягчила задумчивое выражение лица матери. Однако, вскоре она опомнилась. – То синее платье, которое ты купила в октябре, очень красивое и удобное. Ты сама хвалила.

– Отлично. Его и надену.

Как только мама ушла, я принялась сушить голову дальше. За шумом фена я не услышала звонка в дверь. Только по лаю Никки я поняла, что кто-то пришел.

То синее платье, о котором говорит мама, на самом деле

ничего необычного собой не представляет. Простая плотная ткань темно-синего цвета в белую горизонтальную полосу, слегка облегает бедра и тянется почти до самых колен. Вполне удобно, согласна. Я надела его поверх тонкой хлопковой майки, надеясь хоть как-то убереечь его от капелек крови, сочащихся из ранок. Расчесав волосы, я собрала их в хвост. Впереди меня ждала более сложная задача. Девушка в зеркале нуждалась в макияже.

Зеленая радужка на фоне красных белков выглядела ярче привычного. Ресницы, обычно слегка вздернутые вверх, сейчас были опущены и тянулись вперед. На сером лице красуются желтоватые пятна. Губы покрыты трещинами. Длинные темный волосы потеряли блеск. Прислонившись к своему отражению, я внимательно взгляделась в глаза напротив.

– Вот и повеселились.

За шумом в гостиной трудно разобрать что и кто говорит. Распираемая невесть откуда взявшимся любопытством, я принялась за торопливый небрежный макияж. Забетонировав бледное лицо под слоем тонального крема, я подвела тушью глаза, и довольная собой подмигнула отражению.

– Даже красиво, – усмехнулась я.

В коридоре пахло духами Мэри. Аромат сладкий, тянувшийся как расплавленный зефир, мягкий и нежный. Я неспеша прошла по коридору и вошла в зал.

Девушка, стоявшая у нашей елки, словно сошла с картины. Сейчас она очень похожа на «Всадницу», только без во-

роной лошади. На ней свободная голубая блузка с рукавами-фонарями, широкий синий пояс вокруг талии и длинная белая юбка в пол из плотного атласа. Ее слегка круглое лицо плавно повернулось в мою сторону. Я медлила.

– Привет, Вилл! – улыбнулась Мэри, делая шаг навстречу.

Ее спутник перевел на меня взгляд. Им оказался высокий широкоплечий мужчина лет сорока, с прямыми пепельными волосами, небольшой щетиной на мужественном подбородке и приветливой, немного хитрой улыбкой. Его светло-серые глаза были слегка сощурены и пристально осматривали мое лицо. Некое выражение добродушия и коварства одновременно. Голос его звучал низко, с хрипотцой, словно он совсем недавно переболел гриппом.

– Здравствуйте, – ответила я.

– Вилл, это Сэм, наш старый друг – произнес отец, подводя меня ближе к себе. – Сэм, моя дочь, Вилл.

– Очень приятно, Вилл, – произнес гость.

Я подняла руку, в привычном для себя жесте, с целью закрепить невольное знакомство рукопожатием, но неожиданно для себя заметила, как мужчина склонился к ней.

– Взаимно, – слегка заторможено ответила я, убирая руку. Ложь, несомненно.

– Я очень рад, что ты дома и что с тобой все хорошо. То, что случилось в Парнасе, ужасно. Я надеюсь, что у тебя в жизни это было первое и последнее серьезное потрясение.

– Сэм, давай сегодня постараемся не поднимать эту те-

му? – произнесла нимфа из-за его спины, обнимая мужчину за руку. – Вилл здесь и с ней все хорошо.

– Я «за»! – воскликнула мама. – Вилл, ты нужна мне в кухне. Поможешь?

К нам вызвалась на помощь Мэри. Мужчины расположились у окна в гостиной и что-то тихо обсуждали. Задним фоном работал телевизор. На одном из телеканалов папа нашел старые музыкальные клипы. Мы с Мэри носили оставшиеся напитки и закуски. Как только последнее блюдо встало на свое место, мы, наконец, сели за стол. Мирные беседы, тосты, незамысловатые дружеские вопросы и размышления, якобы смешные, как считал мой папа, шутки... Они скоротали время. Незаметно прошло больше полутора часов. Я подскочила от неожиданности, когда у меня зазвонил телефон.

– Вилл! – воскликнула в телефоне Ната, едва я ответила на звонок.

– Ната?

– О чудо! Я уже минут пять звоню тебе! – шутливо ругалась подруга.

– Я рада тебя слышать! Как ты? Где ты? Что с тобой?

– Вилл! Я звоню поздравить тебя, а не рассказывать последние новости! – говорила девушка. Голос ее начал прерываться.

– Я жутко переживала... Я так... Ната, я хотела...

– Дорогая Вилл, поздравляю тебя с наступающим Новым годом! Желаю тебе встретить свою любовь, избавиться от

низкой самооценки, купить машину и слушать свою подружку!

Я рассмеялась, хотя из глаз вот-вот потекли бы слезы.

– Двоюродный брат с родителями приехали и грозились поставить елку у меня на тумбочке. Я думала, это самая неловкая минута в моей жизни, но потом я узнала, что меня вынес какой-то молодой паренек. Знаешь, я в жизни так не хотела домой, как сейчас, – Ната шумно вздохнула.

– Прости меня.

Договорить мне не суждено. Она вновь перебила.

– Да, прощаю. Но в будущем мы не идем туда, куда хочешь ты. А идем туда, куда хочу я.

– Хорошо.

Этот Новый год разительно отличался от всех предыдущих.

И дело даже вовсе не в том, что в канун праздника я едва не погибла. Что-то изменилось в мире вокруг. Перемены ощущались и во мне. Казалось, впереди ожидает нечто новое, что-то, что изменило бы все.

Я обвела взглядом нашу небольшую уютную гостиную, не задерживая толком ни на чем внимания. Ни на сидевших за праздничным столом людях, ни на скромной, но старательно вырезанной собственноручно гирлянде, спадающей с потолка, ни на старенькой ели в углу, чьи ветви вмещали все наше богатство игрушек, ни на подарочных коробках и пакетах под ней, ни на расположившейся у стола Никки, буй-

но влияющей хвостом. Как часто люди ловят себя в такие мгновения? Моменты перелома, перехода из одной субстанции в другую, те редкие минуты, когда ты и не в прошлом, и не в будущем, и ощущаешь это настолько четко, что даже реальный, осязаемый и видимый мир становится, будто бы, неважен и эфемерен. Что мы теряем и что приобретаем в эти моменты, и для чего они нам нужны?

В нашем доме гости – весьма редкое явление. Те, что сейчас сидели с нами, видимо, и вправду были важны моим родителям. Мама открыла им сердце и позволила стать частью одной нашей старой традиции. За несколько минут до наступления Нового года она раздала присутствующим небольшие клочки бумаги и пустила по столу ручку, проговорив дважды то, что нужно сделать, а отец тем временем с сознанием дела выложил из кармана зажигалку. Это был показательный ритуал. Он означал, что Розали и Пол приняли эту пару.

Вписав в свою бумажку желание, я свернула ее и подожгла самой первой. Пепел осыпался в наполненный бокал. Помогало ли мне раньше подобное мероприятие, и исполнялись ли мои желания, я не помнила, однако я точно могла сказать – я была счастлива. И годом, и двумя, и пятью ранее. Имело ли значение то, что будет вписано в тот листок?

Абсолютно никакого.

И все же, я запомнила, что написала.

Глава 5. «Западня»

Открыв глаза ближе к обеду, я внимательно прислушалась к тишине вокруг. В доме не сплю только я. Абсолютно тихо. Слышно только далекую автостраду. Новогоднее утро – всегда обед. Я понежилась в мягкой постели, полежала с закрытыми глазами еще минут десять и все же решила встать. Без особой спешки я поднялась с кровати, подошла к туалетному столику, на ходу пытаясь не наступить на вальяжно расположившуюся у кровати питомицу. Никки сонно перевернулась на другой бок и уснула. Мое счастье – она не хотела на улицу.

Вид у меня был вполне живой. Глаза плохо открывались, но увидеть себя мне это не мешало. Тушь вчера я не смыла. Темные пятна ползли вниз по щекам и вверх к вискам. Краснота белков не спадала. Левый глаз почему-то распух еще сильнее. Вид лопнувшего капилляра меня смутил, так как я о нем не помнила. Пришлось взять средство снятия макияжа и избавиться от остатков былой красоты. Пока я терла лицо, кожа из сероватой превращалась в малиновую. Я растянула губы в улыбке и многозначительно посмотрела на саму себя. В принципе, очень ничего.

Надев на себя домашний хлопковый костюм, я вышла в коридор. Тяжелой ленивой поступью, за мной брела Никки. Дверь в гостиную осталась слегка приоткрытой. Сама того не желая, я обратила внимание на разложенную постель и

капну темных волос Мэри на одной из подушек.

Будучи в кухне, я закрыла за нами с Никки дверь. Доберман села напротив своей тарелки и бездумно уставилась в то место, где должен быть корм. Это ее своеобразный тонкий намек. «Вилл, где еда? Вилл, я не поняла, где эта чертова еда?»

– Сейчас, Никки, – прошептала я ей, и взяла совочек для корма, торчавший из контейнера.

Пока собака ела, я решила поставить кофе. Засыпав необходимое мне количество в турку, и залив в нее воды, я включила плиту. Едва в воздухе родился терпкий кофейный аромат, в коридоре что-то зашелестело. Никки радостно подскочила к двери.

– Доброе утро, – тихо произнесла мама, войдя в кухню, и тут же обнаружила турку на плите. – Мне сделаешь?

– Доброе, – ответила я. – Да, сейчас.

– Давно встала?

– Нет, только что.

Мама собрала волосы в хвост, соорудив на голове некое подобие ананаса, и плюхнулась на стул передо мной.

– Плохо? – с пониманием, обратилась я к Розали. Вид у нее не отличался от моего четверть часа назад.

– Давно я не пила... – она поморщилась и принялась тереть шершавыми ладонями заспанное лицо.

– Хорошо, что я не пила, – съехидничала я.

– Да... – пауза. – Хотела с тобой поговорить, Вилл. Ты

вчера рано ушла. Сейчас только, проснусь. Ладно?

– Конечно, ладно.

Мама зевнула, кряхтя потянулась и потащила себя в ванную комнату.

Кофе как раз подошел, когда Розали вернулась за стол.

– Мм... Запах! – оживленно улыбнулась она, жадно втягивая носом горячий воздух над чашкой.

– Бразилия. Светлая обжарка. Чистая арабика, – отзеркалив ее движение, ответила я. – Я говорила тебе, очень стоящий!

– Выбирать я не умею. Доверяю в этом плане тебе.

Мы сделали по глотку. Странно, но я не помню, когда последний раз, вот так просто, сидела с матерью и мирно пила кофе. Кажется, целую вечность назад. И чем мы были заняты все это время...

– Я кое-что узнала, Вилл, – внезапно начала Розали. – Мэри знает, кто тогда вытащил вас и других ребят в Парнасе.

Я поставила чашку на блюдце и подалась вперед.

– Мы разговорились вчера... Она сказала, что знает, кто тогда был с вами. Ты их не знаешь, но я видела этих ребят пару раз.

«Ого».

– Вы знакомы? – спросила я воодушевленно.

– Да. Это Джон и его друг, Дориан. Джон вроде... Приемного сына Сэма. Он взял его под опеку еще подростком, – мама потянула еще глоток и посмотрела на меня. – Могу по-

просить познакомиться вас. Хочешь?

Я поежилась.

Не люблю маминых «знакомых-дефис-родственников-дефис-коллег-дефис-просто-виделись-пару-раз». Как правило, любые, даже самые случайные и непрочные связи, впоследствии оказывались обременяющими и к чему-то принуждающими. Мне больше нравилось держаться вдали от ее друзей, а своих держать вдали от нее.

Но сейчас ситуация была другой. Они спасли меня и мою подругу. Я должна их поблагодарить.

– Они с Сэмом пригласили нас к себе сегодня вечером. Можно как раз и с ребятами познакомиться. Поедешь?

– Хорошо, – ответила я. – Буду рада. Как раз поблагодарю их за помощь.

– Вилл, только... – мама резко умолкла и скривила непонятную гримасу. – Эм... Ладно.

– Что? О чем ты, мам?

– Да ладно. Позже.

– Нет уж. Говори сейчас, что не так.

Взгляд карих глаз женщины устремился на меня. Она тереялась с ответом.

– Возьми с собой пару вещей. Мы, возможно, заночуем там.

– Ох... Конечно.

Уверена на сотню процентов – она не это хотела сказать.

– Ты ничего не скрываешь от меня?

Женщина усмехнулась.

– Что от тебя мне можно скрыть?

«Не знаю, мама. Ты ответь мне».

За завтраком родители сообщили Сэму и Мэри, что мы согласились на их предложение погостить. Эта весть их обрадовала. Ковыряя свою тарелку с салатом, я искоса поглядывала на скучающую у двери Никки. Это ее первый поход в гости к этой семье. Наверно ей не по себе, как и мне.

Возможно, я видела то, чего не было, либо представляла то, чего не могло быть. Тем не менее, эта молодая пара вызывала во мне непривычные чувства. В отношении Мэри у меня возникало ощущение, будто она какая-то часть нашей семьи. Здравый смысл говорил, что она подруга Розали, и что, да, они возможно близки. Мое же сердце ощущало Мэри и воспринимало ее как члена семьи. Как часть себя, часть отца, часть матери. Это меня напрягало. Я впервые столкнулась с таким. У меня были друзья, были знакомые, люди, с которыми приходилось общаться, но никто и никогда не вызывал таких ощущений. Для того чтобы моя природа приняла кого-то и воспринимала как близкого человека, должно было пройти довольно большое количество времени. А тут появилась Мэри и...

Пока я пребывала в своих размышлениях, меня тщетно пытались привести в чувство. Отвлеклась я лишь на абсолютную тишину. Сэм смотрел в упор на меня, явно чего-то ожидая. Возникшее на моем лице выражение было явно ту-

поватым. Мужчина улыбнулся и повторил:

– У тебя все хорошо?

Я ответила молчанием, все с тем же неосмысленным выражением.

– Точно хочешь ехать куда-то? Можем перенести, если тебе нехорошо.

– Нет... – я судорожно сглотнула. «Прекрати, Вилл! Веди себя расслабленно.» – Я просто задумалась. Все хорошо.

– Уверена? – сидевший по ту сторону стола блондин слегка нахмурил лоб и подался вперед. Далее его слова звучали тише, как если бы он делился какой-то тайной со мной. – Готов спорить, тебе понравится. И Никки тоже... У тебя будет своя комната. Можно поплавать в бассейне...

– Сэм, я сомневаюсь, что этот факт будет решающим, – залилась смехом Мэри, мягко отталкивая его. – Отстань от девочки.

– Бассейн? – удивленно вытянула я шею и уставилась на родителей.

– Вот видишь! – воскликнул Сэм, обращаясь к супруге.

– Прекрати.

– А у вас частный дом? – спросила я у Мэри.

Пауза. Сидящие за столом обратили свое внимание на голубоглазую, ожидая ответа.

– Да. У нас дом.

«Хм... Здорово».

– За городом.

«Ого...»

– В отдалении от любых частных владений.

«Эм...»

– В лесу.

Красная Хонда стоял перед нашим подъездом. Сэм уже успел очистить ее от навалившего за ночь снега и грелся в салоне, когда мы вышли на улицу. Папина машина стояла рядом.

– Ты взяла поесть для Никки? – спросила меня мама, идущая на шаг впереди.

– Да, – ответила я, подводя собаку к машине. Отец открыл дверь перед нами и помог закинуть сумку на сидение.

– Вы помните дорогу? – спросила Мэри, открывая водительскую дверь своей машины.

– Нет. Будем ехать за вами, – ответил ей папа и закрыл за мной дверь.

Мама села впереди и тут же обернулась ко мне.

– Ты как?

– Когда ты спрашиваешь это раз в пару часов, мне начинает казаться что не очень.

– Ты весь день какая-то загруженная... Даже Сэм обратил внимание.

О, я так рада.

В этот момент в машину сел папа.

– Розали, милая... У нее свои переживания. Дай время

прийти в себя, – проговорил он, подняв глаза к зеркалу заднего вида. – Если что-то будет не так, Вилл нам скажет. Ведь так, Вилл?

– Конечно. Спасибо, пап.

Розали вздохнула и повернулась к себе. Та часть лица, которую я видела, когда она смотрела в окно, показалась мне слегка печальной. Быть может, мне только казалось...

Я едва не потеряла подругу. Лучшую подругу. Человека, с которым была практически постоянно последние несколько лет. Я винила себя в том, что произошло. Если бы я потащила ее с собой, в туалет, мы выбрали бы раньше остальных, и не было бы никаких проблем. Не было бы боли, страха, потерянности, одиночества, паники. Не было бы врачей, ночей в больнице, испорченного праздника...

Без сомнения, я еще не отошла от того, что случилось. Мне снятся кошмары. Я мысленно постоянно в том горящем здании. Мысленно одна и ищу подругу. Чтобы все это кончилось, мне скорее нужно увидеться с Натой и зажить как раньше. Забыть случившееся. Все что я хочу – это забыть.

Сквозь музыку в наушниках я услышала свое имя. Меня позвала мама. Я решила, что не буду сейчас обращать внимание на это.

Движущаяся впереди красная иномарка периодически появлялась и исчезала из виду, виляя между других машин. Когда мы покинули пределы города, она стала двигаться спокойнее. Примерная скорость движения сто-сто двадцать ки-

лометров в час. Двигались мы следом, не теряя из виду машину Мэри. Дорога плелась впереди еще несколько десятков километров. Я решила засечь время, сколько минут займет примерно дорога от города, при условии, что мы едем уже минут двадцать.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что засыпаю. Пришлось себя растормошить. Я выдернула наушники и села посередине сидения, опираясь локтями о передние спинки. Мама молча смотрела на дорогу, но отвлеклась на меня.

– Далеко они живут, – пробубнила я, провожая взглядом ускользающие прочь сосны.

– Да. Это их семейный дом... Сэм и Мэри долгое время работали в сфере, тесно связанной с большим количеством людей. Видимо поэтому они выбрали для дома такое уединенное место...

Отец едва заметно хихикнул.

– Да. И Сэм любит ходить на охоту. Думаю, лес – это его почти физическая потребность.

Взгляд, пущенный Розали в его сторону, показался мне на мгновение устрашающим. Она что-то хотела им сказать. Просто так на другого человека подобным образом не смотрят.

– Возможно это так, – ответила она, отворачиваясь к дороге. – Тем не менее, живут они там давно и им все нравится. Двигущаяся впереди машина плавно вошла в поворот. Что же связывает родителей и эту супружескую пару? Но-

вый год – это семейный праздник. На него приглашают людей гораздо ближе, чем просто друзей. Еще более странно то, что я их вижу впервые. Ни на работе, ни в гостях, ни дома я не видела этих людей. Их нет на фотографиях в наших альбомах. Что за старые друзья, которых я впервые вижу? Более того... Почему я ни разу о них не слышала?

– Мам, а как вы познакомились?

– Ох, это долгая история, – вздохнула женщина. – Ничего необычного в принципе. У нас с Сэмом одно время были общие клиенты. Мы помогали друг другу. Был один громкий процесс с администрацией города. Хотели снести памятник культуры, а на его место поставить бутик-отель. Мы с Сэмом работали вместе. Потом как-то неожиданно сдружились, познакомились с Мэри и теперь вот, друзья.

– Ясно... – интуиция очень практичная и полезная вещь. Верить рассказу матери можно примерно наполовину. – А почему вы раньше о них не говорили?

– Ты знаешь, я не люблю говорить о работе дома.

– Они ведь друзья. Нет?

– И? Нужно говорить обо всех?

– Только их ты пригласила на новогодний ужин.

– Верно, – вмешался отец. – Новогодний ужин отличный повод познакомить вас.

– Да, – в значении «нет» проговорила я и вернулась на место, возвращая руку на спину добермана.

Начинало темнеть. Дорогу запылило снегом. Красная

Хонда впереди включил поворотник. На внезапно опустевшей трассе ни одной машины. Я оживилась и принялась оглядываться. Мы съехали на обочину и двинулись вглубь леса по извилистой дороге. Из-под колес стал доноситься хруст камней и скрип снега. Чуть дальше, в чаще, начали проглядываться огни фонарей, что выстроились в ряд по обеим сторонам от дороги. В надежде увидеть среди сумрака что-то еще, я пристально вгляделась в тени меж насквозь промерзших стволов деревьев. Ночь в лесу выглядела не так привычно и безопасно, как в городе. Моя воспаленная фантазия со скоростью молнии стала возрождать в голове десятки самых пугающих персонажей ужасов.

Очень скоро мы выехали на небольшой пустырь, освещенный несколькими высокими фонарными столбами, которые издаലെка больше походили на факелы. Их дом стоял в центре, под открытым темным небом. Два этажа, возможно жилая мансарда, стены из красного кирпича, высокая многосложная крыша с острыми углами, широкая металлическая дверь и ни единого намека на забор, даже декоративный. Дом и лес. Больше ничего.

– Дома кто-то есть? – спросила я у мамы.

– Вряд ли. Скорее всего, охранная система включает свет.

– Могли бы забор поставить, да пару собак...

– Можно тебя попросить не бубнить?

– Конечно можно.

Мэри оставила машину почти у самого крыльца и вышла

на улицу. Она двинулась в нашу сторону. Пришлось брать себя в руки и вылезать из теплого салона.

– Быстрее в дом! – кричала девушка, жестом подзывая к себе.

Перекинув сумку через плечо и зацепив поводок на ошейнике Никки, я поскрипела к дому. В лесу гораздо холоднее, чем в городе. Предусмотрительно надетые шерстяные носки не спасали ситуацию. Тепла в них не чувствовалось.

Сэм открыл дверь и вошел внутрь. Первым, что я увидела, был просторный холл, метров на десять тянущийся вглубь дома и заканчивающийся широкой деревянной лестницей, возведенной подле высоких устойчивых перил из массива. Справа от входной двери располагались вешалки для верхней одежды, далее шел небольшой туалетный столик с круглым зеркалом, освещенным по окружности тонкой линией белого света.

В воздухе стоял непривычный запах. Это запах дома, но явно не моего. Новая ткань, древесина, вероятно благовония, сандал, ладан... Чьи-то незнакомые духи и... Тепло. Запах тепла.

– Никки можно в дом? – вопрошающе смотрела я на Мэри, которая стояла рядом и принимала куртку Розали.

– Вытри ей лапы! – скомандовала мама.

– Ты планировала оставить ее на улице? – усмехнулась Мэри и обратилась к Сэму, передавая эту обязанность ему. – Вытри, пожалуйста, лапы Никки. Полотенце на стуле в кух-

не.

– Спасибо, но я могла бы... – договорить я не успела.

Блондин подошел к доберману и отцепил поводок.

– Не волнуйтесь. Чувствуйте себя как дома, – ответил он.

Я многозначительно взглянула на маму. «Вот видишь!

Никакой проблемы!»

– Давай покажу тебе дом, Вилл.

От прикосновения Мэри и ее мягкого голоса я опешила.

Она потянула меня за руку, направляясь к двери, откуда вы-

шел мгновение назад Сэм. Кожа на ее ладонях и пальцах го-

рела. Помимо этого, она была очень мягкой. Все равно что

тебя бы коснулся ребенок, желающий привлечь твое внима-

ние. Длинные миндалевидные ногти украшал прозрачный

лак. На безымянном пальце деловито взгромоздился пер-

стень из розового золота. Я перевела внимание с ее рук на

лицо и обнаружила себя в таком же исследуемом положении.

Девушка разглядывала что-то в районе моих губ. Заметив

мой взгляд, она качнула головой, как если бы я задала ей ка-

кой-то вопрос. Интересно, что на ее взгляд я могла думать

в тот момент?

– Это кухня!

«Столовая» – мысленно поправила я ее.

Просторное светлое помещение с высокими окнами на-

против двери, длинным столом в центре, окруженным бар-

ными стульями. Стена противоположная двери – сплошное

окно с видом на погруженную в рыжий полумрак лужайку.

На полу ни пылинки. Мебель имела теплый молочный оттенок. Располагалась она углом. На одном ее конце стоял дуговой шкаф, на другом огромный двухкамерный холодильник. Помещение создавало впечатление шикарной столовой, никак не маленькой семейной кухни. Здесь для двух человек очень много места.

Далее Мэри повела меня в гостиную. Меньше, чем простор, я увидеть не ожидала.

Я удивленно воскликнула что-то неясное. Двери широко распахнуты, внутри горит мягкий теплый свет. В углу высится царственный камин. Слева от него стоит белая елка, с подарочными коробками под ней. Напротив него располагается круглый стол с несколькими деревянными стульями. Рядом два широких дивана из светлой кожи, покрытые пушистыми пледами кремовых оттенков. Одинокое кресло у елки резко отличалось от прочих предметов интерьера. Густой, почти черный оттенок зеленого привлек мое внимание.

«Наверно, его перетащили из другой комнаты...»

За тяжелыми двойными шторами в противоположной стороне от камина скрывалась пустующая терраса. Я остановилась в центре комнаты, краем уха слушая напевающую что-то рядом Мэри. Она, кажется, рассказывала что-то о террасе и о том, что летом на ней очень здорово что-то делать.

Мысль о том, что Розали непросто сдружилась с этой семьей, пронзила меня с новой силой. Для меня это знакомство очень неожиданное. Даже бесцеремонное.

– Мэри, родная, может, оставишь на потом экскурсию?

Возникший рядом Сэм, меня немного напугал. Я неловко улыбнулась и согласилась с ним.

– Да... Я пока сильно удивлена, – переминаясь с ноги на ногу, сказала я. Искренностью от меня даже не веяло. Я поморщилась и продолжила. – У вас очень большой и красивый дом!

– Спасибо, Вилл, – понизив голос, проговорил Сэм. – Это результат многих лет работы. Его строила вся наша семья. Надеюсь, когда-нибудь тебя со всеми познакомить.

Я округлила глаза, попутно выискивая свою маму. «Чего?»

– Вилл... Я прошу чувствовать себя как дома.

После этих слов супруги пригласили меня на диван.

– Розали, вы бы не хотели что-нибудь выпить или поесть? – спросила Мэри.

– Вилл готовит очень вкусный кофе, – мама хитро улыбнулась.

«Чего?»

– Ого! Вилл, правда?

«Черт».

– Угостишь нас? Я помогу тебе! – радости Мэри не было предела. – Быть может, я научусь у тебя...

«Да, конечно! Давайте все пойдем и будем готовить кофе! Это так весело!»

– Конечно, – ответила я, поднимаясь на ноги. – А какой

кофе у вас?

И действительно, как и обещала, Мэри внимательно наблюдала за каждым моим действием. Она принялась преследовать меня.

Залив воду в турку, я сбавила огонь и повернулась к девушке. Взгляд мой беспомощно прильнул к ее глазам. Черты ее лица, крупные, яркие, просто завораживали. Черничная радужка глаз сейчас имела более темные оттенки. В глубине ее глаз застыло мерцание фонарей за окном. Я одернула себя, когда осознала, что мой взгляд застыл на ней на неприлично продолжительное время.

– У тебя есть любимый сорт? – спросила она меня, облокотившись на каменную столешницу.

– Сложно. У меня есть несколько любимых вкусов, которые я чередую в зависимости от настроения либо от времени суток, – говорила я, опустив глаза к плите. Девушка пристально смотрела на меня, что заставляло чувствовать себя неловко. Уверена, она мстит. – Утром пью что-то покрепче, чаще всего выбираю купаж Бразилии, Кубы и добавляю робусту. В выходные либо вечерами, когда никуда не тороплюсь и хочу расслабиться, могу выпить арабику из Колумбии. Мне нравится кофе со вкусами. С вишней, с пряностями, с ванилью... Опять же, все по настроению.

Мэри задумчиво вздохнула. После чего вновь обратилась ко мне.

– Я впервые вижу человека, который разбирается в кофе.

– Ну... Я бы не сказала, что разбираюсь. Просто люблю его и все. Нравится заваривать его, выбирать, смалывать, нравится процесс приготовления и атмосфера, которую он создает.

– По тому, как ты говоришь о нем, можно сделать вывод, что ты разбираешься. Страны, составы, вкусы... Для сравнения: Джон любит кофе. Но ему абсолютно все равно, какая страна его производит, как обжаривает и как его готовить. Он его просто пьет и все. В больших количествах. Больше похоже на привычку.

Я молча подняла глаза к Мэри. Она впервые упомянула это имя. Обсуждали ли они с Розали мое спасение и участие Джона с его другом? Наверняка да. Они же «подружки».

– Возможно, он пьет его просто, чтобы взбодриться. Плюс, кофеин вызывает привыкание. Заядлые курильщики тоже пьют кофе в больших количествах, ради вкуса, – продолжала я говорить о кофе, хотя голову занимали уже совершенно другие мысли. Становилось еще более неловко.

– На любовь не похоже, согласна. Зависимость – возможно. Похоже на него, – несколько секунд Мэри молчала. Внезапно взгляд ее стал будто глубже. Она вспомнила что-то. – Надо будет вас познакомить. Что думаешь?

– Я должна поблагодарить их. Честно говоря, то, что вы знакомы – это приятный сюрприз. Земля круглая, и правда, – говоря эти слова, я понимала их правильность. Это было то,

что нужно говорить, но не было тем, что я хотела бы сейчас обсуждать. – Я хочу сказать «спасибо».

Девушка, стоявшая напротив меня, изменилась. Она похолодела. Именно так можно описать то, что с ней произошло. Мэри выпрямилась, опустила глаза, и миг выражение лица ее стало строгим. Я не могла понять, что сказала не так, однако мои слова лишили девушку прежней улыбочивости.

– Я приглашу их к ужину, – тихо произнесла Мэри.

– Угу.

Я выключила плиту и сняла турку с огня. Впервые так долго готовила кофе. Когда завариваешь на одного либо на двух, это буквально несколько минут. Сейчас же я варила кофе на пять человек.

– Знаешь, – внезапно прозвучал голос Мэри рядом, вынудив меня вздрогнуть. – То, как он пахнет, уже заставляет меня думать, что это лучший кофе на свете.

– В турке самый вкусный, – практически улыбнулась я.

– Нет. Ты готовила. Поэтому, – практически точная цитата моей матери. Что только не скажешь, когда ленишься сварить самой себе кофе!

Только вот мотивы своих родителей предугадать проще простого. Что же кроется за маской радушия в лице Сэма и Мэри?

Я озадачено ссутулилась над своей чашкой, оглядывая сидевших рядом людей, как мне казалось, незаметно. Сэм и Пол обсуждали что-то на счет дома, изоляции и обогрева.

Кажется, была какая-то сложность и потребность в ремонте. Мэри и Розали периодически задавали мне какие-то вопросы. Участие в их диалоге было добровольно-принудительным. Лежавшая на полу, у моих ног, Никки тоже унывала, видимо ожидая скорейшей прогулки.

– Вилл, – позвала меня мама. – Все нормально?

Присутствующие обратили все внимание на меня.

– Да. Все хорошо, – ответила я. – Хочу погулять с собакой.

– О! Конечно, думаю, ей понравится, – оживленно пропела Мэри. – Не уходите только далеко от дома, хорошо? Снега этом году очень много. Если что – кричи.

«Не дождетесь.»

– Угу.

Поставив свою чашку в раковину, я откланялась и направилась к выходу. Радости добермана не было предела. Она запрыгала на месте, залаяла и вылетела на крыльцо, как только я открыла дверь.

На улице стоял жуткий мороз. Тяжело навалившиеся сумерки плотно осели среди деревьев и бросали пугающие тени на аллею. Абсолютная тишина ласкала слух. Никки спрыгнула с крыльца в сугроб, затем принялась поедать снег. Едва я сделала шаг к ней, с целью помешать, собака кинулась в сторону. Началась ее любимая игра «подойти-отойти». Так она требовала погони.

Снега примерно по колено. Дорожка расчищена вокруг дома и на везде. Места побегать нам хватит.

Я застегнула капюшон, поправила крутку, заправила джинсы в сапоги и с угрожающим «ууу» бросилась на Никки. Та именно этого и ждала. В конечном счете, спустя минут двадцать я была вся в снегу и в слюнях. Доберман прыгал возле моего бездыханного тела, ожидая продолжения погони. Силы мои иссякли. Я развалилась в сугробе, сделала «ангелочка» и осталась неподвижно лежать на спине, глядя на то, как меня постепенно накрывает снегом. И если бы не дыхание добермана, я бы слышала лишь шорох снегопада и потрескивание веток деревьев над головой.

По персиковому полотну аллеи скользнул свет автомобильных фар. Сидевшая у моей головы Никки выпрямилась и уставилась в сторону выезда. Мне пришлось быстро подняться и поймать ее за ошейник. Этим я могла себя выдать. Прибытия гостей так скоро я не ожидала. Мэри говорила, что пригласит их к ужину. На мой взгляд, это минимум пара часов. Мне ведь было нужно подготовить речь. Я не могла так просто начать разговор с людьми, которые спасли мою жизнь и жизнь Натали. Нельзя вот так просто сказать такие важные слова. Тем более что я уже начала паниковать.

Подъезжающий автомобиль не спеша приблизился к дому, остановился в районе лестницы и заглушил двигатель. Окрестность поглотила мертвая тишина.

Видели меня или нет, в точности я сказать не могла. Поднявшись на ноги, я взмолилась, чтобы гости сразу прошли

в дом и не стали осматриваться. Однако ничего не происходило. Черная Мазда осталась стоять на месте, неподвижно и безмолвно. Двери никто не открывал. Мне оставалось лишь ждать, когда гости зайдут в дом, и я смогу вылезти из снега.

– Молчать! – шепотом скомандовала я доберману, предупреждая ее возможное желание выдать нас.

Раздался щелчок замка. Дверь водителя открылась почти одновременно с дверью пассажира рядом. Когда за туманной пеленой сырого воздуха и снега я смогла разглядеть прибывших и доподлинно убедиться, что глаза мне не лгут, мышцы моего тела и все органы внутри вмиг образовали один большой кусок студня, неспособного двигаться, но основательно дрожащего от потрясения. Неподвижная, забывшая о том, что нужно дышать, я уставилась на тех, кого ожидать здесь было бы странно и, по меньшей мере, глупо.

«Пути Господни неисповедимы» – все, что смог соорудить мой мозг в ту минуту.

Тот, что был угрюм, несвеж и раздражен – играл на соло. Я вспомнила его по схожей мине, своеобразно сбритым волосам на голове и поблескивающей сережке в брови. Он вздернул плечами, слегка подкинув верхнюю часть тела вперед, будто собираясь прыгнуть, однако руки из карманов не вытащил. Подобный жест напоминал мне сигнал человека, подсознательно желающего выглядеть сильнее, авторитетнее и опаснее. Казалось, еще мгновение и он примется разминать шею и встанет в стойку боксера.

Все оказалось проще. Молодой человек поднял голову к двери, хило кашлянул и в один огромный широкий шаг взгромоздил свое тело на ступени.

Второй – вышедший из-за руля – представлялся мне спокойнее, и, быть может, неувереннее в себе. Он больше колебался в раздумьях, не торопясь бежать от холода в дом. Шаг у него был тяжелый, неспешный, но в теле незримо ощущался тонус и сила. Он, как и его друг, казались сжатыми до предела пружинами, что еще миг и сорвутся с мест. Они выглядели очень спокойно. В них таилось нечто большее, чем то, что я могла видеть. Прежде, я не сталкивалась с подобным. Люди, встречавшиеся мне раньше, делились на несколько групп. Одни были искренне слабые и податливые, на все согласные и смиренные. Другие сильные и властные, требовали всегда больше того, что у них имелось. Были те, кто хотел казаться маленькими и незаметным, на самом же деле таил в себе много тайн.

В этих двоих, а вернее, какими они предстали тогда, я нашла больше откровения чем тогда, на сцене. Они были открыты и честны. Даже тот, что производил впечатление самодовольного качка, при ближайшем рассмотрении оказался самым правдивым в отношении самого себя человеком. Ни его хмурый вид, ни подача, ни движения рук и ног. Ничего в нем не было лживого или ненастоящего. Парень, идущий за ним следом, безмятежный, бесстрастный, умиротворенный, словно одна из тех сотен теней, росших от корней

деревьев, едва освещенных светом фонарей. В них ощущалась эта прямота и безукоризненность. Меня искренне поразило то, какими я их увидела. Они не те парни, которых я видела на сцене. Они настоящие.

«Это они нас вытащили?»

Увлеченная наблюдением, я вовсе позабыла о своем плачевном состоянии. Шевельнуться я не могла. Здесь и страх, и постепенно крепнущий зимний мороз, делали свое дело. Я притаилась и задержала дыхание, в надежде, что эти двое исчезнут за дверью и я смогу, наконец, вернуться в исходное положение, отряхнуться, убрать с лица взмокшие пряди волос и вновь предстать перед радушными хозяевами. Колени мои вросли в снег, руки примерзли к нагрудной цепи доbermana.

Оба гостя поднялись на крыльцо. Раздался щелчок замка входной двери. Как только они пропали из виду, исчезнув за углом дома, я позволила себе ужасную ошибку. Руки ослабели, соскользнули с цепи ошейника, и Никки вырвалась из моих объятий. Ее прыжок вперед сопровождался предательским лаем.

– Никки! – захрипела я, бросаясь ей на спину.

Пауза.

Я замерла и вновь остановила дыхание, вслушиваясь в пустоту по ту сторону стены.

«Пронесло!» – посмела надеяться я, но меня варварски вырвали из пучины раздумий.

– Я сейчас, – раздалось едва слышно за углом.

«Никки! Твою...»

Распираемая желанием выкрикнуть пару надлежащих слов, я растянула рот в разные стороны, вплоть до победной боли в щеках и мышцах шеи.

Не поднимая головы, я уже ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Тот, что минутой ранее оставил машину на подъездной алее, выглянул из-за угла дома и тут же обнаружил меня в тени стен. Ему даже не пришлось блуждать взглядом в потемках, выискивая меня. Глупо было полагать, что два темных пятна на снегу, будет трудно заметить. Это был полнейший крах.

В тот момент я ненавидела все вокруг. И Никки, и этот дом, и родителей, которым внезапно нужны друзья, и этот чертов снег, забившийся мне куда только можно, и этих двоих...

– Привет, – зачем-то бросила я в пустоту.

Тишина. Он исчез.

Неужели минута позора позади?

Дверь в дом захлопнулась. Следом донесся звук шагов на ступенях лестницы.

На парне надето пальто черного цвета, длиной по бедро. Высокий воротник закрывает почти половину лица. Издали видны его темные глаза, опущенные к земле. Выющиеся, черные, как сажа, волосы треплет порывистый ветер. Когда свет фонарей перестал достигать молодого человека, его фигура

почти слилась с окружающим меня мраком. Я слышала, как трещит снег под подошвой его ботинок. Он неумолимо становился все ближе и ближе.

– Привет.

– Я Вилл.

«Я хочу домой! Зачем я сюда приехала. Сидела бы себе, спокойно, в квартире, смотрела телевизор... Нет же! Нужно было тащиться в эту глушь! К этим...»

– Джон.

Ветер внезапно стих. Меня словно выбросило в открытый космос. Ни шороха, ни шелеста. Даже не слышно моего дыхания. Это совсем не похоже на то, что случилось в Парнасе, когда я увидела его. Я боялась, что страх и оцепенение вновь возьмут верх надо мной, но этого не случилось. Кажется, я стала менее чувствительна. Теперь меня не так просто взять.

Я взглянула в глаза собеседнику и разлепила замерзшие губы, с целью ответить хоть что-то адекватное, но не смогла произнести и слова.

– Очень приятно, – продолжил он.

Его голос – низкий, тихий, спокойный. Говорил он так, будто мы были старыми знакомыми, которые не виделись несколько лет, и вот, между делом, решили разговориться.

После того, как он умолк, воздух вокруг нас остался наполненным миллионами электрических разрядов. Я слышала их треск.

– Взаимно, – выдумала я, наконец, несложный ответ.

Сдавленный смешок.

Его глаза чернее черного. Не отражают абсолютно ничего и поглощают свет, словно черные дыры.

– Мило, – парень бросил взгляд куда-то в сторону.

«А?»

Сообразив, о чем ведется речь, я обернулась. На снегу подло оставался отпечаток моего тела.

– Идем в дом.

Что с его глазами? Пронизывающие, внимательные, немного настороженные и вместе с тем бесстрастные. Никогда прежде я не сталкивалась с людьми, про которых говорят «у него тяжелый взгляд». Теперь я не верила тому, что видела в ночь пожара. Реальность перестала походить на кошмарный сон и это вызывало смешанные чувства.

Я опустила голову и сделала вид что стряхиваю снег с рукавов. На что он смотрел в тот момент, я даже думать не хотела. Чем бы я не была ему обязана, бежать по первому зову я точно не буду.

– Никки! – позвал он, уходя, и доберман кинулась следом.

Я приросла к месту, уставившись в спину удаляющегося человека. Откуда он знает имя собаки? И что еще более важно: с чего вдруг она так воодушевленно подорвалась за ним? Что это за радостный прыжок надежды?

Не люблю оказываться в неожиданных и нелепых ситуациях. Эта же ситуация, на мой взгляд, стала лидером в моем списке неловкостей. Я принялась обдумывать свой пеший

путь домой. Сколько дней уйдет на то, чтобы добраться до города? Дойду ли я к утру хотя бы до ближайшей остановки общественного транспорта?

Делать нечего, пришлось идти за ним. Кости и плоть уже начинали дубеть от холода.

Джон оставил дверь в дом открытой настежь. Его самого в холле уже не оказалось. Я стряхнула с себя остатки снега и шагнула за порог. Со стороны гостиной доносились оживленные разговоры. Родители сидели у камина и что-то обсуждали с Мэри и Сэмом. Когда я появилась в их зоне видимости, Мэри накинулась с расспросами.

– Вы уже познакомились?

– Да. С Джоном.

– Да, осталось познакомиться с Дорианом. – вошедший практически следом за мной Джон прошел вперед, к родителям.

– Привет, Джон! – отец подошел к нему и пожал руку. Мама повторила неловко его движение.

– Рада вновь видеть тебя, – с улыбкой говорила Розали. – А где Дориан?

– Я здесь.

На парне, стоящем в дверях, были простые свободные брюки песочного цвета, темно-зеленая футболка, явно видавшая виды, и пара украшений. Шею обрамлял толстый черный шнурок с деревянными бусинами и клыком посередине. Запястья обеих рук также были в подобных браслетах.

– Давно я вас, парни, не видела, – обращалась к ним мама. – Вы все больше и больше!

– Бегаем, – вяло ответил Дориан.

Как мило. Моя мама и подросшие дети. Я все ждала, когда она начнет трепать парней за щеки.

– Дориан, наша дочь – Вилл, – тому, что отец обратил на меня внимание, я была не очень рада. Несколько пар глаз уставились в моем направлении.

– Вилл, очень приятно! – басом произнес Дориан и протянул руку.

– Да, и мне, – ответила я. Рука у него была сильная и горячая, словно он совсем недавно держал угли.

– Я тебя где-то видел. Мы не пересекались?

– На концерте в Парнасе.

– Дориан, – окликнул парня Джон. Тон из серии «Заткнись, пожалуйста».

– Я просто пошутил!

– Джон, Дориан...

Я умолкла. Необходимо собраться с мыслями и выдать то, что нужно сказать. Слова благодарности всегда давались мне тяжело. Особенно если они были к месту. Сложнее только просить прощения.

– Я хотела поблагодарить вас от своего лица, и от лица моей подруги. Мы очень благодарны вам за спасение. Если бы не вы, нас бы уже не было. Спасибо вам.

Присутствующие молчали. Я чувствовала, как пылает мое

лицо. Джон, стоявший практически напротив меня, выражал некое подобие ироничной задумчивости. Он смотрел мне в глаза, но что было у него в голове, я понять не могла. Лишь кожей я ощущала микроскопические слегка заметные вибрации воздуха. Такое происходит, когда ты определенно раздражаешь кого-то из присутствующих. Меня это даже немного обрадовало. Вот настолько мне неприятно быть в долгу. Пусть лучше буду раздражать.

– Мне сложно говорить это. Любые слова не выразят мои мысли на этот счет. Спасибо, что вы были там и спасли столько людей.

– Да, могли бы больше на самом деле, но трое все-таки не доехали до больницы. Надо было... – Дориан резко прервался, и чудаковатая нездоровая улыбка сползла с его лица. Виной тому тяжелый громкий вздох со стороны Сэма.

– Вы сделали, что могли, – проговорил блондин. Я буквально кожей ощутила его сигналы в адрес Дориана в немой просьбе прекратить говорить.

– Вилл, тебе не за что говорить спасибо, – наконец Дориан говорил серьезно. – Кому можно было помочь, мы помогли. Вам повезло.

Джон не сводил с меня глаз. Затем его левый уголок рта едва заметно дернулся. Это инсульт? Он улыбается? Ему неловко, как и мне? Или он пытается быть менее странным чем его друг? Что происходит?

Я неловко помялась и перевела взгляд на родителей.

И правда. Большая удача.

– Так, ребятки! – хлопнула в ладоши Мэри. – Рада, что теперь все хорошо, но мне нужно вас накормить. Ужин через десять минут!

Глава 6. «Покров»

– Вилл!

Сказать «алло» я не успела.

– Вилл!

– Ната, что случилось?

Мое сердце сделало на прощание неуверенный заторможенный удар, болезненно сжалось в груди, а затем замерло. Голос подруги пропитан ужасом.

– Вилл!

– Да! Я слышу тебя! Что случилось?

– Пожар!

Я уставилась в стену напротив себя.

Это сон. За окном глубокая ночь. Мне снова снится кошмар.

– Вилл! Мы горим!

– Что ты несешь? Какой пожар? – нервно вскрикнула я, поднимаясь с кровати.

– Вилл! Пожар! Мы горим!

После Ната закричала, и в телефонном динамике послышался удар. Далее отбой.

Дверь в мою комнату открылась. Войдя, Розали сразу включила свет. Позади нее стояла Мэри.

– Что случилось, Вилл? Почему ты кричала? – вопрошала мама.

Я не слышала ее. Не понимала. В моей руке трясся телефон, который она выхватила, едва я слезла с кровати.

– Вилл. Ты можешь сказать, что произошло? Кто звонил?

Пожар в здании больницы.

Это случилось вновь. Будь то проклятье или простая случайность, я ненавидела это.

– Натали? – выдохнула мама, найдя в контактах последний входящий.

За секунду я подлетела к своему рюкзаку. Пока я доставала джинсы и свитер, мама что-то говорила Мэри.

– Она сказала, что в здании пожар, – дрогнувшим голосом выпалила я, собирая волосы в хвост. – Дай мне телефон.

Ни минуты на размышления. Я забрала телефон из рук Розали и выбежала из комнаты.

К моему удивлению, Мэри оказалась в холле быстрее меня. Тогда это не заботило ни меня, ни родителей. Время изменило привычные нам границы. Накинув куртку, я бросилась за дверь следом за девушкой. Ее супруг стремительно шел за мной. Стоило ли говорить, что происходящее мало походило на реальность? Это будто сон. Страшный сон, полный паники и тревоги. Сон, который любезно настиг меня даже здесь.

– Что произошло? – голос Сэма звучал словно из радио. Механический, ледяной, лишенный эмоций.

– Звонила Ната. Она сказала, что в больнице пожар.

Черная Мазда продолжила мирно стоять у фасада дома. Прежде чем сесть в машину Мэри, я бросила торопливый взгляд к окнам кухни. В полумраке отчетливо виднелся мужской силуэт, провожающий нас взглядом.

За считанные секунды с момента звонка мы сорвались с мест и ринулись в дорогу. Сэм сел впереди, мы с Розали сзади. Мэри взялась за руль. Автомобиль быстро набрал скорость и практически летел по ночной трассе. Я вцепилась в ручку двери, думая лишь об одном.

«Только бы с Натой ничего не случилось».

Как не пыталась, я не могла представить себе, что могло произойти. Неужели это снова повторяется? Как могла причина, почему мы оказались в больнице, стать причиной, почему теперь ее нужно покинуть? Кто рядом с Натали сейчас? Была ли ее мама в эту ночь там? В памяти со скрипом возрождался план здания. Я пыталась найти путь эвакуации. На каждом этаже было как минимум две пожарные лестницы. Наверняка сотрудники эвакуируют всех, как только сработают сигналы. Причина, по которой звонила Ната – паника.

Я хотела верить в то, что это лишь паника. Никак не последняя возможность найти помощи.

В какой-то момент я обратила внимание на некоторые изменения в Мэри. Черничная синева покинула радужку ее

глаз. Сейчас они были мрачные, темные, словно в транс. Зрачки расширились настолько, что вытеснили естественный цвет глаз. Лицо не выражало никаких эмоций. Девушка, кажется, спала. То, как она вела машину, меня поражало. Скорость больше ста сорока километров на скользкой заснеженной дороге опасна, но ее это не волновало.

– Позвони ей, – сказал Сэм.

Розали повторила мне его указание.

Смысла в этом не было. Ната не отвечала. Мэри резко вывернула руль и перестроилась вправо. Впереди возник крутой поворот. Машину занесло и едва не выбросило на обочину. Мне пришлось вцепиться в сиденье впереди. Девушка перехватила руль и вжала педаль газа в пол. Эту дорогу я не помнила. Мы двигались по промышленной зоне, в забытой всеми части города. Всюду заброшенные бетонные конструкции, контейнеры и груды строительного материала. Здесь общественный транспорт не ходит. Неудивительно, что дорога кажется мне совершенно незнакомой.

– Нет пожарных машин, – шептала я, обращаясь скорее к себе, чем к остальным людям в салоне. – Почему их нет...

Мэри поймала мой взгляд в зеркале. Видок у нее так себе... Белая, с полузакрытыми темными глазами, нетронутая ни одной эмоцией, она вернула внимание к дороге почти тут же, как только я посмела себе нахмуриться, изучая ее.

Ни дыма, ни света пламени в темном ночном небе. Меня словно пронзило разрядом тока. Стало понятно, почему на

пути не было ни одной пожарной машины.

Уже знакомое здание больницы, как ни в чем не бывало, стояло на пустыре посреди леса. В окнах горел тусклый зеленоватый свет. На входе курила пара молодых людей в халатах. За входными дверьми виднелись медсестры и санитары, не спеша бредущие по своим делам. Свет в окне моей бывшей палаты не горел, как и в палате Натали.

«Это безумие?»

– Вилл? – настороженно позвала мама.

Я тарасилась прямо перед собой.

«Нет, это шутка».

– Она сказала, что в больнице пожар...

– Вилл, что-то не так, – дрожащий голос матери, сидевшей рядом, сбил меня с толку. Она звучала более напуганной, чем я казалась самой себе.

Я подняла глаза на Сэма и Мэри. Они молчали.

– Сэм, что случилось? – проговорила Розали более трезво.

Молчание.

Нет. Что-то произошло. Ната бы не стала просто так мне звонить...

– Вилл! Стой!

Захлопнув дверь, я двинулась к входу в больницу. Мама шла следом, что-то крича мне вдогонку.

– Девушка, вы к кому? – мужчины на входе сделали шаг на встречу, явно с целью перегородить мне путь.

– Мне нужно попасть в 173 палату. Там моя подруга.

– Ночью вход в больницу запрещен. Приходите завтра.

«Хрен тебе!»

– Стой!

– Не трогайте ее! – кричала мама.

– Сэм!

Блондин оттолкнул одного из мужчин и сжал меня в свои душающие медвежьи объятия. Я попыталась сопротивляться, но руки и ребра пронзила сильная боль, из-за которой я тотчас же прекратила всяческие попытки вырваться. Он оторвал меня от земли и потащил к машине, как если бы я была не более чем пластиковой игрушкой. Санитары еще долго ругались и грозились вызвать полицию, но ближе к машине подходить не стали. Мама объяснила ситуацию, видимо, соврав на счет моего состояния, затем торопливо последовала за нами.

– Розали, это ловушка, – прозвучал голос Мэри где-то рядом.

– Быстрее, Роуз! В машину!

Словно непослушного маленького ребенка Сэм закинул меня на сидения машины и хлопнул дверью.

– Быстрее!

– Они здесь? – вопрошала Розали, с ужасом оглядываясь по сторонам.

Она села на сидение рядом и схватила меня за руку.

– Дай ее телефон! – нечеловеческим голосом приказал Сэм и мама повиновалась. Мой телефон вмиг оказался у

мужчины.

– Что происходит?! – заорала я.

Как только автомобиль тронулся, меня вжало в спинку сидения. Развернув на сто восемьдесят градусов машину, Мэри направилась вглубь леса, к выезду.

– Вилл, это ловушка. Мы зря сюда приехали. Нельзя было этого делать.

– О чем ты, мам? Какая ловушка? Натали нужна помощь!

– Это ловушка.

– Я не понимаю. Что произошло?

В это мгновение мир вокруг и его люди казались мне злом. Все были врагами. Я смотрела на маму и не понимала кто она. Не понимала, что ею движет.

В зеркале впереди мелькнули две искры. От ужаса у меня сжало в тиски все внутренности. Я не смогла ни закричать, ни набрать в легкие воздуха. Эти глаза я уже видела. Это не линзы и не обман зрения. И уж точно не отражение пламени.

Сидящая за рулем и не думала останавливаться. Автомобиль послушно несся по заснеженной пустой дороге и ревел так, что у меня закладывало уши.

– Мам... – выдавила я, пытаюсь побороть приступ тошноты.

– Не бойся. Все хорошо, – шептала она, сжимая мою руку.

– Они едут за нами, – произнес Сэм. Я сделала усилие и не стала поднимать на него глаза. – Нужно пересадить ее.

– Когда? – немного спокойнее спросила мама.

– Сейчас, – ответила Мэри.

Резким толчком меня откинуло на колени матери. Я вгляделась в беспроглядную тьму за окном и увидела, как лес у дороги остановился.

– Быстрее!

Дверь под моими ногами неожиданно открылась и во тьму салона, будто щупальца, проникла чья-то рука. Она схватила меня за запястье и вытянула наружу.

– Боже мой... – проронила мама и ее встревоженный голос ошеломил меня.

Хонда стояла еще секунду. После она шумно заревела, вновь сорвалась с места и унеслась прочь, оставив темнеющие борозды на асфальте.

Спустя миг я оказалась в другой машине. Мужчина закрыл дверь и тут же сел за руль.

– Поехали! – рывкнул кто-то рядом.

Автомобиль развернуло в противоположную сторону. Последнее, что я видела – удаляющийся красный седан и размытое лицо матери за стеклом.

Будто вовсе не спав, я резко открыла глаза и подняла голову. Перед носом – спинка переднего сидения. Меньше секунды понадобилось на то, чтобы вспомнить произошедшее ночью. Реальность торопливо прогрузилась в моем сознании. Из окна над головой виднелось темное, из-за тонированного стекла, плотное тяжелое небо. Сильные протяжные порывы

ветра качали корпус машины. Из-под днища доносился его недобрый вой. В салоне я сидела одна, и кроме шума ветра до меня не доносилось ни звука. Отодрав от сидения свое неимоверно отяжелевшее тело, я выругалась в голос. Синяки на руках тошнотой отзывались в желудке. Я с омерзением сглотнуло сухость в горле и уставилась в окно пассажира.

Тачка стояла на узкой проселочной дороге. Слева – лес, справа – бескрайнее заснеженное поле. Вокруг ни людей, ни домов, ни линий электропередач. Атмосфера пустоты и молчания была магической, но породила в сердце пагубное чувство одиночества. Я одна. Если бы хотели бросить, достаточно было кинуть в сугроб и уехать. В салоне тепло, соответственно еще недавно машину прогревали. Взгляд метнулся к замку зажигания. Там болтался ключ.

– Это машина Джона.

Внутри пахло каким-то приторно пряным диффузором. Передние места уже остыли. Магнитола выключена. Судя по ключам, водитель планировал вернуться. В мозгу на мгновение закралась черная мысль. И я тут же убедила себя в ее безгрешности.

Когда открылась дверь впереди, я едва не взвизгнула. Дориан с грохотом и проклятиями в адрес непогоды плюхнулся на пассажирское сидение передо мной.

– Доброе утро! – громогласно проговорил он. Его голос мне сейчас казался очень раздражающим и грубым. И в целом, парень производил неприятное впечатление. Что вчера,

что сегодня. Останется ли так навсегда судить я не бралась. – Не рано?

– Который час? – сохраняя равное процентное соотношение вежливости и омерзения, спросила я.

– Почти 12.

– Где мы?

– Мы? – улыбнулся парень, поворачиваясь ко мне почти всем телом, и я узрела кривоватые, острые клыки, впившиеся в синюшные сухие губы. – Отдыхаем на природе!

Вот почему не люблю ходить в долгах. Нельзя его послать. Он ведь герой.

– Давно стоим?

– С ночи. Скоро поедem, не переживай.

– Зачем нужно было ехать сюда?

– Весело же! Разве нет?

Поначалу мелкий неспешный снегопад постепенно стал усиливаться. Он медленно осыпал машину крупными волокнистыми перьями. Я могла слышать его шорох по металлической крыше над головой. Вернувшись на свое место, я огляделась вокруг. Телефона нет, как и нет рюкзака. Под ногами лужа от растаявшего снега. Двери запачканы подошвами моих собственных ботинок. Тошнотворная смесь едкого удовольствия и чувства вины сжала опустевший желудок.

На время умолкнувший Дориан внезапно вспомнил, что голоден и принялся елозить по машине. Он открыл бардачок и нарыл для себя несколько пачек крекеров и ореховых

батончиков. Поглотив один, он демонстративно предложил мне пачку шоколадного печенья. Я отказалась.

– У вас у всех глаза краснеют?

Прервать это бесконечное чавканье мой долг. Я задала один из нескольких подготовленных мной вопросов.

Дориан оглянулся на меня, потом проглотил содержимое во рту, и ответил.

– Иногда. А что?

– Почему?

– Наша особенность.

– «Ваша» это чья? Кто вы?

Парень усмехнулся.

– Мы люди. Такие же, как все.

По затуманенному пустому взгляду Дориана, направленному вдаль, за край поля, я поняла, что ему не очень хотелось со мной разговаривать.

– Что вчера произошло? – с большим энтузиазмом бросила я, подавшись вперед.

На улице заскрипел снег. Послышались чьи-то приближающиеся шаги. Появлению Джона я даже обрадовалась. Шума от него было гораздо меньше, а смысла больше. Я надеялась на его сговорчивость сейчас, когда нас только трое. Парень впустил в салон несколько крупных снежинок и порыв морозного ветра. Сев на водительское сидение, Джон даже не посмотрел в нашу сторону. Его не заботило ни мое «что происходит лицо», ни помойка, которую развел Дориан, по-

ка ублажал свой желудок.

– Джон, что произошло?

Мужчина повернул ключ в замке, и в салоне диким зверем взревел движок. Машина прочесала заледенелое дорожное покрытие и мгновением позже рванула вперед.

– Ты не ответишь? – вновь обратилась я к водителю.

– Господи, Джон, ответь ей что-нибудь. У меня уже голова болит, – театрально взмолился Дориан, продолжая уничтожать несчастные крекеры.

– Откуда вы двое вчера взялись? Что за ловушка якобы была? Почему вы не дали мне увидеть Натали? И какого черта я здесь делаю?

Парень на пассажирском сидении засунул в рот очередную стопку печенья, повернул голову на Джона, внимательно изучил его лицо, а уже потом посмотрел на меня.

– Ты про глаза не спросила, – пробубнил он, качая головой, мол, как я могла это упустить

Я выругалась и мне страшно понравилось.

Джон словно нас не слышал. Его внимание было направлено на дорогу. Сидевший рядом Дориан продолжил есть. До меня им обоим дела не было.

Возможности позвонить родителям не было. Куда меня вез Джон и что будет дальше, я не знала. Кажется, именно это и есть ловушка. Вчерашним вечером не произошло ровным счетом ничего интересного. Обычный ужин в малознакомом семействе и простые непримечательные разговоры. Вся эта

простота, наигранность, показательное радушие... Все это было словно ненастоящим. Меня выводило из себя то, что я не знала ровным счетом ничего. Ни кто эти люди, ни откуда взялись, почему они такие странные и что они себе позволяют.

– Я отвезу тебя домой, Вилл, – прозвучал голос Джона. – Будет лучше, если с тобой обо всем поговорит Розали.

– Хорошо, – тихо проговорила я. Удивительно, сидящий впереди Дориан не шелохнулся и даже ничего не съязвил.

Дорога к дому тянулась чуть меньше часа. Джон вел едва ли спокойнее Мэри. На спидометр я старалась не смотреть. Когда среди стволов деревьев показался красный кирпич знакомого дома, меня посетила тень облегчения. Джон остановился почти у самого крыльца на подъездной аллее и заглушил двигатель. Его друг вышел из машины первым и принялся разминать спину. К моему удивлению, мы оказались в полнейшей тишине. В салоне постепенно стал крепнуть мороз.

– Ты «ок»?

Выражение моего лица Джон не застал. Возможно и к лучшему.

– Сам как думаешь? Мне нужна Ната.

Парень молчал. Взгляд его глаз был направлен в чашу леса, распростертого позади дома.

– После того как поговоришь с Роуз, не хотела бы прогуляться немного?

«Ага, конечно.»

– Зависит от того, что мы с ней обсудим, – отозвалась я без тени волнения, вовсе не думая о собеседнице и о его словах.

– Конечно, – словно сокрушаясь собственной бестактности и недалёковидности, хмыкнул Джон. – Если захочешь, конечно, можем поговорить.

Я открыла дверь и вылетела на улицу.

– Говорить о чем? О том, что меня как вещь транспортируют из одного места в другое? – прошипела я себе под нос, грозно выдергивая ноги из снега по пути к лестнице.

За мной через мгновение послышались шаги. Плевать если он все слышал. Мы вошли в дом, дверь которого осталась приветливо открытой. Джон медлил за моей спиной. Я сняла с себя куртку, разулась, минуя буйствующую в припадке любви Никки, и прошла ближе к гостиной. Обратив внимание на абсолютную тишину в доме, я невольно ускорила шаг к лестнице. Я поднялась на второй этаж и двинулась в сторону своей спальни, не встретив никого по пути.

Моя мама сидела на кровати в полном одиночестве. Я вошла и, закрыв за собой дверь, осмотрелась. Она ждала меня. Атмосфера, которую она создала здесь и сейчас, ощущалась куда тяжелее, чем я могла предположить. То, что она будет мне говорить, я не могла представить. Пылающий во мне интерес казался чем-то нездоровым, но избавиться от него я не могла.

– Привет, – холодно произнесла мама, слегка приподни-

маясь на руках и упираясь ими в матрас.

– Привет.

Карие глаза смотрели на меня с опаской. Слегка красные белки говорили о беспокойной ночи, либо о недавних слезах. Я подошла к кровати и села рядом.

– Мам.

– Да, Вилл.

– Мне звонила Натали. Кричала. Звала на помощь. Говорила, что в здании пожар... Но мы вернулись.

Какие прекрасные виды простираются за окнами этой комнаты. За окнами этого дома. Будь у меня возможность, я бы тоже осталась жить в подобном месте. Мне бы хватило простой хижины. Понять Сэма не составляет никакого труда. Тяжелое пасмурное небо нависло над далекими холмами. Острые пушистые пики сосновых деревьев неподвижно стремились вверх, напоминая мне, как и раньше, в детстве, войско облаченных в жуткие доспехи рыцарей. Все вокруг запорошено снегом. Оттенки белого, синего, голубого, зеленого. Неудивительно, что так привлекло внимание Розали. Она, казалось, не слышала меня. Я проследила за ее взглядом. Два человека стояли на улице, среди деревьев, метрах в ста-ста пятидесяти от дома. Это Сэм и Мэри. Они неспешно бродили по окрестностям, что-то оживленно обсуждая между собой.

– Когда-то, очень давно, когда тебя еще не было даже в планах... Я гуляла в университетском парке, под тенью со-

сен, также, зимой. И думала, – Розали шумно сглотнула и отвернулась от окна. – Думала, какой жизни я бы хотела. Сколько было желаний, мечтаний, планов, идей... Я столько всего хотела, Вилл.

Я облокотилась на колени и в показательном жесте раздражения ударила подбородком о ладонь. Повернув голову в неестественной позе, я уставилась в лицо матери. Терпеть не могла, когда она заходила прям настолько издалека. Спасибо, что история не начинается с момента рождения моих бабушек.

– Пока мы молоды, мы столько всего хотим. Потом, когда приходит время терять... Хоть что-то. Хоть кого-то. Мы не хотим уже ничего.

– К чему ты клонишь? – старалась придать я своему нетерпению больше образности.

Женщина вздохнула и слабо улыбнулась. Ее лицо плавно повернулось в мою сторону.

Я вздрогнула. Она плакала. И теперь обессилена.

– Я не знаю, что тогда произошло. Не знаю, что было в тот день и в те дни задолго до этого, Вилл. Мы с твоим отцом были самыми обычными людьми. Ни денег, ни связей, ни каких-то запрещенных идей. Но за нами начали следить. Я была на втором месяце беременности, когда за мной начали ходить по улице, общаться с моими знакомыми, расспрашивать что-то. Слежка велась даже за твоим папой. Я очень сильно боялась, так как не знала, что стало причиной. Мы

собрали вещи и решили уехать в другой город, – мама сделала паузу. Несколько секунд она задумчиво разглядывала пол перед своими ногами. – Но мы не уехали. Я встретила людей, которые решили мне помочь. Я боялась за своего ребенка. Конечно, я согласилась на... Покровительство, – последнее она проговорила с неловкой, шутливой интонацией. – У меня не просили денег, не просили «услуги за услугу», не требовали ничего взамен. Однажды меня спасли от откровенного нападения. После того как ты родилась все изменилось. «Покровители» стали членами семьи. Я доверяла им... Спустя несколько лет, когда случайная ошибка, брешь, пробоина едва не лишили меня тебя, я узнала в чем было дело.

Мама менялась в лице с невероятной скоростью. Вскоре я ее перестала узнавать. Она побледнела и устремила свой взгляд в пустоту, не видя ничего вокруг. Отголоски давно минувших дней неумолимо тянули ее за собой.

– Мне все равно, веришь ты или нет. Ты права, мне все равно. Я не учитываю твое мнение и иногда веду себя на упрямая нарциссика... Мне плевать.

Я шумно сглотнула и усмехнулась, пытаясь сделать вид, что вижу мать насквозь.

– Будет так, как я скажу. Покровители – семья Кроутеров. Мы с тобой не раз обязаны им жизнью. Чтоб ты знала, что случилось в Парнасе – цветочки. Ты много не знаешь.

Не удивлена. Она в своем репертуаре. Моя мама как минимум необычная женщина.

Вновь демонстративно усмехнувшись, я открыла рот, чтобы вернуть ее к вопросу о Натали. За мгновение, как я почувствовала собственную ничтожность, по причине того, что меня сейчас больше волновала моя гордость и пренебрежительный тон матери, Розали вновь начала говорить

– Все, что я тебе сейчас говорю. Все, что ты от меня услышишь – это то, что является правдой. Ни больше, ни меньше. Многое что ты видела, видишь и будешь видеть – вина людей, цель которых навредить тебе.

– Мне? А куда делись «мы»? Что я успела сделать?

– Вилл... – мама уставилась на меня. – Им нужна ты.

– Цель? Какая цель, мам? Убить? Взять в рабство?

– Они вели охоту, как только я забеременела. После, каждый день, вплоть до сегодняшнего. Я не знала, что им нужно и почему именно ты, но я старалась уберечь тебя.

– Ты обращалась в полицию? Их искали?

– Вилл, с самого твоего рождения мы с отцом этим и заняты. Если мы здесь, значит есть причина.

В любой другой ситуации и с любым другим человеком я бы позволила себе мысль о расстройствах психики. Что угодно, лишь бы не верить. Однако в ее словах мне откликнулись некоторые закономерные вещи.

Выход из дома чаще всего сопровождался скандалом. «Куда ты? С кем? Зачем? Кто там будет? Во сколько ты будешь дома?» Все бы ничего, но о заботе можно говорить с большой натяжкой. Натали, например, называла это «гипе-

ропека».

– Знаешь, что самое пугающее, Вилл?

Я не сводила глаз с матери.

– Годы преследования.

Стоп. Почему тогда я жива?

– А как же покровители?

– Сэм и Мэри со мной уже много-много лет. Я доверяю им, как себе.

– Они что, телохранители? Как и чем они помогают? В чем их преимущество перед, не знаю... Полицией?

– Вилл, прошу тебя, поверь тому, что я тебе говорю. Ведь именно это – вся правда, которая у меня есть. У них сила, о которой ты не можешь представить.

– Мам. Кто. Эти. Люди, – я сжала ее руку, словно пытаюсь разбудить ее, избавить от ее наваждения, вернуть в реальность. – Ты не думала о том, что это именно они? Что если это Кроутеры? Не боишься платить по счетам? Не боишься верить сказкам и злодеям, когда рядом «влиятельные покровители»?

– Сэм и Мэри? Нет, конечно, это придет самым последним в голову. Они спасли меня. И тебя. Не раз!

– Тогда почему ты до сих пор живешь в страхе?

Мама молчала. Свет ее карих глаз постепенно мерк. В жизни не чувствовала, как отдаляюсь от человека. Я перестаю чувствовать ее рядом. Я словно остаюсь одна. Радость от победы в споре и громогласном падении соперни-

ка с небес на землю, резко сменилась волной омерзения. Уж лучше бы в ее глазах горел этот пугающий одержимый чем-то большим, чем вера, свет.

– Эта семья – залог твоей безопасности. Я и твой отец не можем дать тебе того же. Уже давно.

– Что? О чем ты...

– На правах человека, который дал тебе жизнь, растил, воспитывал, кормил. Я ставлю тебе условие, – мама встала с кровати и обернулась ко мне. Она являла собой воплощение какой-то королевы. Императрицы. – Ты, хочешь того или нет, с сегодняшнего дня, после того как я рассказала тебе все то, что тебе необходимо знать, делаешь все, что скажут тебе: Сэм, Мэри, Джон, Дориан и остальные члены семьи. Их цель – сохранить тебе жизнь. Чтобы ни происходило.

– Смешно.

– Пока да. И я тебе завидую.

– Ты бы себя слышала! На правах, человека, кормил, растил... Убеждать ты не умеешь.

– Мне незачем тебя убеждать. Будет так, как я сказала. Если есть сомнения...

Розали по обыкновению улыбнулась, как если бы я была не ее дочь, а самый злейший враг.

– Представь, что было бы, если бы Кроутеров не было в Парнасе.

После ухода Розали из моей комнаты, я с кровати так и

не встала. О том, что прошло несколько часов, я узнала по темнеющему полотну неба. Состояние моего сознания я не могла оценить. Происходящее пока не было реальностью для меня. Я все еще чувствовала себя жертвой розыгрыша. Я никак не могла осмыслить и понять то, что видела и слышала. Это не было моей действительностью.

Агрессия Розали ранит только самых юных и наивных. Я с ней давно. Ее агрессия – это всегда слабость, отчаяние, невозможность преподнести информацию, убедить человека. Она никогда не идет в обход. Она тот, кто рубит дверь топором, а не ищет ключ. Если верить матери, Сэм и Мэри – абсолютное добро, мир, свет и спасение. Мне непонятно из-за чего такое доверие к людям, которые взялись из ниоткуда и вызвались помогать, более того, спасти кого-то ценой своей жизни либо свободы, при этом, не требуя ничего взамен. Либо Розали не договорила все то, что знала, либо она сама не знает всех мотивов. Сэм не производил впечатления всемогущего супергероя. Мэри тоже. Джон. Дориан. Что они могут? Так ли случайно их появление в наших жизнях?

От мысли, пришедшей мне в голову, передернуло. Их возраст... Мэри выглядит едва ли старше меня. Джон и Дориан тоже. Сколько им всем было на момент знакомства с Розали?

Телефон Розали вернула, как только я оказалась дома. Батарея была на нуле. Подключив зарядку и загрузив телефон, первым делом я набрала Натали.

«Вне зоны действия сети».

– Черт!

В дверь комнаты тихо постучали.

– Входите.

– Не помешаю? – спросила Мэри, не решаясь войти, застав в дверном проеме.

– Нет, я не занята.

– О, хорошо, – девушка покрутила ручку двери пару секунд, после вновь подняла взгляд в мою сторону. – Ты есть не хочешь?

На мой молчаливый ответ и тень непонимания на лице, Мэри поспешила отреагировать мягкой улыбкой.

– Ты просто не ела со вчерашнего вечера. Я подумала, что ты захочешь кофе и сливочный пирог? – задумчиво проговорила Мэри.

– Чизкейк? – из вежливости уточнила я.

– Почти. Я пока не привыкла к новой духовке и... Немного да, чизкейк. Но пусть будет сливочный пирог, чтобы ты не ожидала от него многого.

В этот момент с нижнего этажа донесся громогласный мужской смех. Голос я не узнала.

– Ужин будет совсем скоро, – продолжила Мэри. – Если хочешь, могу поднять тебе еду сюда.

– Я сейчас спущусь, – ответила я. – Только переоденусь.

– Отлично! Ждем!

Едва не подпрыгнув на месте от радости, Мэри развернулась на каблуках и захлопнула дверь.

Впереди меня ждал долгий вечер. Развлекательная программа вряд ли подходит к концу.

Как я и обещала, спустя несколько минут, я спустилась на первый этаж и, войдя в кухню, сотворила на своем лице некое подобие улыбки. Родители сидели за столом, напротив двери и первые обратили внимание на мой приход. Далее я заметила поднимающуюся со своего стула Мэри. Она подвела меня к столу, усадив рядом с собой и придвинув мое блюдо.

– Я рада, что ты в порядке, Вилл, – звонкий голос Мэри продолжал звучать над моей головой. Она попыталась погладить меня по плечу, однако жест вышел немного неловким, и она поспешила вернуться на свое место.

– Да, в порядке, – я вонзила вилку в кусок мяса на моей тарелке. От выражения лица Розали у меня едва не вырвался смешок. – Спасибо за заботу.

Присутствующие молчали. Мэри продолжала улыбаться и внимательно смотреть на меня. Ее веселит мое лицо или реакция моей матери?

– Сэм, напомни, пожалуйста, – прозвучал голос отца рядом. – Что это за мясо?

– Хм... Это...

– Сэм, Пол, а мы можем обсудить это как-нибудь потом? – перебила мужчин Мэри. – Мясо очень вкусное и сочное, да, но чье оно, я пока не хочу думать. Да и не только я, наверное.

За столом послышался смех.

Я вытаращи́лась в свою тарелку. Это явно не свинина и даже не говядина.

В этот момент отец вновь обратился с вопросом, но теперь уже к Мэри.

– Могу ли я поинтересоваться, что за вино на столе?

Девушка смущенно улыбнулась и повернула голову к мужу.

– Виноградное. Красное сухое. Друг привез из Аргентины несколько лет назад, – с сознанием дела отвечал Сэм, нежно проводя кончиками пальцев по этикетке на бутылке, словно касался любимой женщины. – У меня есть еще такое же. Еще есть гранатовое. Если хочешь, могу порыться и принести.

– Хм... Я не буду против, тем более что никогда не пробовал Аргентинское вино.

– Я, честно говоря, не эксперт, и открыл бутылку скорее для вас, чем для себя. Поэтому буду рад, если тебе они придутся по вкусу.

– Мне бы такого друга, который привозит вино... – пробубнил папа себе под нос.

– Прекрати, Пол, – усмехаясь, проговорила мама. – Ты в лучшем случае отличишь цвет вина, не говоря о вкусе и стране.

Я покосилась на высеченный на узкой шее бутылки герб. Даже интересно, отец хвалит вино из-за вкуса или из-за денег, которых оно стоит.

В кухне снова раздались едва сдерживаемые смешки. Я

подняла голову ровно поверх своего пустого бокала и встрети­лась взглядом с Джоном. Что он мог означать, я даже не бралась разгадывать. У него в руке был тумблер с искря­щим янтарем напитком внутри. Он мягко проводил боль­шим пальцем по слегка вспотевшему стеклу. Сидящий ря­дом с Джоном Дориан перехватил мой взгляд. Кажется, я слышала, как захлопнулись металлические зубья капкана.

– Вилл! – позвал он. – Ты выпьешь?

«Черт!»

В руке у парня возникла бутылка виски.

– Нет, спасибо, – ответила я, ненароком взглянув на свои приборы. В одном из трех бокалов был сок, два других пу­стовали. Пока.

– Брось! – не унимался парень. – Выпей за наше здоровье.

Он пьян. Нападение. Открытая, бесхитростная манипуля­ция, которую он пытается скрыть под маской хмельного ве­сельчака.

– Бокал вина и только за ваше здоровье, – улыбнулась я, надеясь скорейшим образом прервать процесс выяснения отношений с Дорианом.

Взгляд Джона прояснился. Он наблюдал за тем, как Сэм заполняет мой бокал. Губы его слегка напряглись. Он кусал внутренний уголок рта.

– Тост! – снова прогремел Дориан.

– Говорить тосты это не мое. Тем более, что не все здесь рады, когда я говорю.

«Да, мам, хватит улыбаться. Твои друзья знают какая ты.»

– Брось, Вилл! Скажи нам что-нибудь теплое. Это наш первый совместный праздник. Не будь злокой!

Я бросила на парня свой коронный «убью тебя чуть позже» взгляд.

– Вилл, если не хочешь, можешь не говорить, – почти шепотом сказала Мэри, слегка касаясь моего запястья рукой. – Но на самом деле, мы все были бы очень рады.

– Отлично, твоя взяла Дориан, – я взяла бокал в руку и провела большим пальцем по стеклу. – Но сначала, ответь на вопрос. Вижу, ты очень жаждешь побеседовать

Джон отвел взгляд с моего бокала на лицо Розали. Уверена, его это забавляет.

– Это была не она. Я уже сталкивался с подобным. Какой-то бот подстраиывает голос. Спам, не более! – Дориан поднял руку с бокалом высоко над столом и поддел Джона по плечу.

– Она назвала мое имя.

– Да, логично. Это же был звонок тебе.

Дориан не сводил с меня глаз. И пускай на его лице красовалась нарочито доброжелательная улыбка, во взгляде его главенствовали холод и злоба.

– Просто. Здоровье. И все, – шепотом отчеканила Розали, пытаюсь взглядом высверлить в моем лице дыру.

– Да, конечно, – на другом конце стола все та же тишина. Джон терпеливо ожидает финального выступления. Я улыб-

нулась, чтобы не выглядеть грустной сукой. Пусть лучше буду веселой. – За здоровье моих покровителей. И покровителей нашей семьи. Оказалась, я спасена вами уже не раз. Надеюсь, ваших сил хватит на мой оставшийся век. И Мэри, ты готовишь просто восхитительно! Спасибо!

– Другое дело! – загорланил Дориан. Вот спасибо!

– О, Вилл, – поднимая свой бокал в воздух, произнесла Мэри. – Это очень мило! Спасибо тебе за теплые слова.

Почти уверена, благодарит она искренне.

Лицо Розали окрасилось в цвет содержимого моего бокала. И вино правда было восхитительно, хоть я его и не люблю.

– Изумительное вино, Сэм, – вдохновенно воскликнула мама, продолжив пить из своего бокала и делая вид, будто ее не задели мои слова. – Хотя для меня крепковато.

– Да, ароматное, – согласился отец. – Первый раз такое пробую.

– Отлично! Рад, что понравилось. Отправлю с вами бутылку домой! – блондин широко улыбнулся, от чего лицо его рассыпалось десятками морщинок. – А еще мясо. У меня есть медвежатина...

– Сэм! – Мэри резко повернула голову в сторону мужа и копна волос, ниспадающая на ее плечо, взметнулась в воздух.

Мои легкие самопроизвольно сделали жадный вдох.

– Ого! Роуз, давай чаще сюда приезжать? – смеялся отец.

– Мы вас ждем всегда, – ответила ему Мэри. – Я вас приглашаю на свой день рождения!

– Сколько тебе исполнится?

После моего вопроса Мэри слегка изменилась в лице. Не удивление. Скорее наоборот, тень догадки. Дело вовсе не в моей бестактности.

– Вилл, – возникший из пустоты голос матери привлек мое внимание. Я повернула голову в ее сторону и столкнулась с осуждающим взглядом.

– Что? Мне просто интересно.

За столом все молчали. Даже Дориан.

– Я ведь могу задавать вопросы? – поворачивая голову к Сэму, спросила я.

– Само собой, – поступил сухой ответ.

Мама недовольно выдохнула через нос и поправила воротник своей блузки.

Мне казалось более чем логичным и правильным поднять несколько вопросов и получить на них ответы. Будь Мэри моложе Розали, ее бы вопрос не обидел. Она знает, что выглядит как персонаж романа.

– Я ведь могу задать вопросы? Мам.

Скрежет металлических ножек стула о каменный пол закрыл мне рот. Розали молча встала и вышла из кухни. Я в непонимании смотрела ей вслед. Девушка рядом, извинилась и ушла следом

– Пап?

Отец хмуро поморщился и покачал головой. Этот жест, как правило, значил нечто из серии «не знаю, спроси у мамы». Он не мог дать мне ответа. Либо не хотел.

– И это с одного бокала, – прошептал Дориан за другим концом стола практически Джону на ухо, скалясь в улыбке.

После этого я тоже встала и ушла. Будучи в своей временной комнате, я закрыла дверь на замок и выключила свет. Лежавший на кровати телефон разрывали сообщения.

«Мой новый номер. Звони и пиши на него»

«Что со старым?»

«Я потеряла телефон. Не знаю где. Скорее всего, в Парнасе»

«Ты не звонила мне вчера?»

«Шутишь? Я сегодня утром узнала, что потеряла его. Почему спрашиваешь?»

«У меня был пропущенный вызов с твоего номера»

«Странно. Если телефон и работает, то странно, что звонили именно тебе. Да и черт с ним. Я удалила все фотки и пароли, поэтому не переживай на эту тему»

«Я и не переживаю»

Натали отправила грустный смайлик и замолчала.

«Как себя чувствуешь? Ты еще в больнице?» – набрала я ей и отложила телефон в сторону. За дверью послышался жалобный скулеж добермана и шумное фырканье в щель проема. Пришлось впустить ее.

«Живая! Сегодня еду домой. Ты бы видела, во что пре-

вратились мои губы! Или я ударилась, или же меня ударили.
Не губы, а пирожки с джемом»

«Я видела. С ними ты выглядела симпатичнее»

«Заткнись»

Глава 7. «Волхвы»

Уснула я под утро. Как оказалось, совершенно зря. Один ночной кошмар сменял другой. На протяжении ночи, раз за разом, снилось одно и то же здание, одни и те же крики, шум, тьма, пустые, ни к чему не приводящие лихорадочные поиски, паника и истерики. После очередного минутного пробуждения, я все-таки умудрилась вырваться из кошмара и попала в другую реальность. Здесь все было иначе. Здесь не было ни шума, ни дыма, ни огня, но тревога и страх следовали за мной по пятам и тут. Время тянулось дольше, тяжелее. Черно-белый мир казался спокойнее, но действовал губительнее, чем предыдущие кошмары. Шли часы, а за окном светло как днем. Вечер не наступал, а я все ждала и ждала, когда стемнеет. Когда во входную дверь нашей квартиры постучали, я стремглав помчалась открывать. На пороге стоял человек в темной одежде, с опущенной головой, лицо его скрывал длинный капюшон и с него ручьями стекала вода, словно он стоял под ливнем.

– Входи! – наивно и просто крикнула я, пуская гостя в дом.

Он не шевельнулся, продолжая стоять молча, не поднимая голову.

– Входи! – повторила я, и человек замертво упал на пол.

Я бросилась к нему, падая на колени, в безумных попытках привести его в чувство. Кромешная тьма выла и клокотала за дверью. Пара метров – и не видно ничего. От страха у меня предательски полились слезы. Я рвала и трепала рукава одежды человека, но он не двигался. В попытках затащить его в дом, я лишь выбивалась из сил.

– Вставай! – закричала я, подтягивая упавшего к груди.

Поток холодного воздуха из пустоты впереди обрушился мне на лицо. Так не дует простой зимний ветер. Казалось, сама бездна дышала мне в лицо. Искусственный, ненастоящий, неестественно холодный порыв.

Второй удар воздуха откинул меня в сторону, и тогда я увидела свой кошмар. Тьма стала подползать к ногам человека и к его спине. Лежащий без чувств, он ничего не мог сделать. Я догадалась, что сейчас будет, и, подорвавшись с места, подбежала к двери, взяла человека под руки и с силой потащила на себя. Тьма дрогнула, отпрянула, и тогда я решила обхитрить ее, резко потянув на себя человека и закрыть дверь. Однако у меня не вышло. Из глубины этой черной массы, из ничего, окружившего мою дверь, раздался истошный, дикий, нездоровый крик, переросший в звериный рев. То не был рык волка, или тигра, или льва. Так ревет и воет наш самый страшный кошмар. Это не животное и не

монстр. Это воплощение ужаса.

Плотным покрывалом пустота окутала человека и рывком выдернула из моих рук. Я поднялась на ноги, готовясь бежать, но дверь захлопнулась. Бунтуя, я начала ломиться в металлическое перекрытие. Попытки вырваться наружу не увенчались успехом. Словно безумная я билась о дверь, выламывала ручку, толкала и колотила ее ногами, но, как и ожидалось, во сне я была слаба и беспомощна. Это безумие казалось мне вечным.

Едва мгла растворилась, мой разум возник в другом месте. Сейчас я ощущала себя, как совершенно другого человека. Сказать, что во сне я была собой, будет неправильно. Оказавшись будто бы в теле другого человека, я шагнула под лучи яркого солнечного света, бьющие из некоего подобия окна под высоким потолком. В центре чего-то, что называть «помещением» не совсем корректно, стоял старый массивный стул с неестественно высокой прямой спинкой. Ни стен, ни пола кроме того клочка бетона, куда падали лучи, я не видела. Пройдя ближе к стулу, я усадила свое уставшее и почему-то одеревеневшее тело и положила руки на подлокотники. Немного покачавшись на ножках и поскрипев старой древесиной, я остановилась и подняла голову вверх, туда, где должен был быть потолок.

– Ты проиграешь.

Ракурс сна вдруг изменился. Я будто встала с места и стала наблюдать со стороны. Оказалось, на стуле сидела я, но

раз мой призрак все еще там, значит, это я лишь отчасти. Девушка выглядела старше меня и больше, как если бы я сама стала лилипутом. Наблюдать за собой мне приходилось впервые и, да, мне это не понравилось. Дело даже было вовсе не в откровенно нарушенных габаритах, а скорее в том, что я не ожидала встретиться с собой. Я чувствовала тревогу.

– Ты проиграешь.

Я, сидящая передо мной, неожиданно усмехнулась. Тут я заметила, что за призраком стоял еще один, точно такой же стул. И он не пустовал. Лучи солнца ниспадали на длинные волосы незнакомки, сидевшей спиной к спине с моим призраком. Понять по голосу или заставить себя обойти их и посмотреть, кто был вторым человеком у меня не вышло.

– Ты проиграешь, Вилл.

Девушка в кресле, по-видимому, задетая словами собеседника, немного напрягла руки, взявшись за подлокотники. Мышцы шеи напряглись и заметно выдались вперед. Улыбка поспешно удалилась с ее лица. Откуда-то взявшийся страх за ту, что не была мной, сбил меня с толку. Девушка двигалась медленно, позволяя мне в красках запечатлеть каждую перемену в ней. Чем сильнее она поворачивала голову, тем сильнее становился страх, и тем четче я видела ужас в лице своего клона. Она «опаздывала» на несколько мгновений. Ее чувства будто копировали мои, уже зародившиеся и сформировавшиеся.

Фантом приблизилась подбородком к левому плечу и пе-

ревела взгляд в сторону. Мне оставалось наблюдать за тем, что произойдет дальше.

Та, чьего лица я не увидела, уже была повернута лицом к нам. Я видела ее.

– Ты проиграешь.

Левый глаз вместе с орбитой стек ближе к щеке. Бровь и ресницы остались на положенном месте, но виднелись плохо, будто часть волосков выпала. Нос был сдвинут вправо. Рот без губ разинут в кривой безумной улыбке, разрывающей лицо почти наполовину. Опухший серый язык выпал наружу и ударил о торчащий вперед вытянутый подбородок. Длинные темные волосы лохмотьями спадали на плечи.

Чудовище улыбнулось моему клону, а после перевело взгляд на меня.

Из окна гостиной, с террасы, открывался волшебный вид. Я с самого утра, едва свет поглощенного облаками солнца появился над лесом, стояла в одиночестве, спрятавшись за тяжелой шторой. На улице шел крупными пушистыми хлопьями неспешный снег. Погода безветренная, тихая и спокойная. В гостиной я пока была одна. Лишь спустя пару часов, из кухни стали доноситься мужские голоса. Сэм и Пол говорили о чем-то ниже, чем в полголоса. Побывать в одиночестве – моя необходимость. Прийти в себя после этой ночи мне удалось с большим трудом. Проснулась я лишь спустя час после подъема.

Снегопад кончился. Я отдернула штору и прошаркала к дивану. Сидящий в кресле Джон был неподвижен. Я не знала, как давно он здесь сидел. Входящих в комнату я бы услышала. Возможно, он тут спал. От неожиданности я немного вздрогнула, краем глаза обнаружив его в кресле напротив камина, угрюмого и мрачного, как какого-то героя старого черно-белого фильма ужасов.

– Привет, – выдохнула я, в жалких попытках вернуть себе самообладание.

– Доброе утро.

Джон, слегка наклонив голову к плечу, уставился в пустой камин. В руке у него я увидела вчерашний толстостенный стакан. Сейчас он был полон на треть.

– Давно там стоишь?

– А ты давно тут сидишь? – запоздало подала я голос, неотрывно глядя на стакан в его руке.

Он поймал мой взгляд и опустил руку за подлокотник кресла, оставляя на виду лишь локоть. Вместо того чтобы переключить свое внимание на что-то другое, я впилась взглядом прямо в глаза парню. Ему это, видимо, не очень понравилось.

– Отвечать вопросом на вопрос – некрасиво, – проговорил он хриплым, уставшим голосом так, словно говорить со мной было пыткой.

– Я пришла сюда утром. Спряталась за шторой, – после этого я усмехнулась собственной нескладности.

– Спряталась? – без тени насмешки переспросил Джон.

– Там очень красивый вид.

– Да. Красивый.

Парень часто заморгал и посмотрел на свою руку, где теплится его утренний коктейль из алкоголя и кубиков льда. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, дополнить чем-то наш будничный диалог, но Джон поднялся на ноги и бесшумно прошел к двери. Так мы с ним и встретились тем утром.

– Доброе утро, Вилл! – все тем же ликующим голосом поприветствовала меня Мэри, едва я вышла из гостиной.

– Доброе, Мэри, – странно, но я испытала облегчение от того, что мы с ней встретились, и завязался разговор. Отчасти, меня тяготило чувство вины за вчерашний вечер.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально. Спасибо.

– Я вспомнила, что вчера мы не обработали раны. Пойдем наверх, я помогу с этим.

В коридоре второго этажа было полно света. Кто-то распахнул окна и двери пустующих комнат, а ночники так и остались гореть. Мэри, идущая впереди, что-то вещала на тему сложного характера моей матери, иногда переходя на несвязное недовольное бормотание. Причиной тому могла стать или ссора, или настрой девушки «побубнеть». Мы вошли в спальню Сэма и Мэри. Здесь стояла большая кровать, пара пуфиков, туалетный столик, высокий шкаф и точечно торчащие из стены полки причудливой изогнутой формы,

напоминающие грибные пластины. Основные цвета интерьера: пшеничный, кремовый, светло-коричневый и неброские вкрапления золота. Только ковер и потолок остались белыми. Девушка усадила меня на пуфик и прошла к высокому шкафу, что стоял в отдалении от стены, там, где Мэри могла хранить свои изящные наряды. Оттуда ею была извлечена пластиковая коробка с матовыми почти прозрачными стенками. По характерным шорохам и лязганьям стеклянных баночек становилось понятно, чем она служила.

– Болит где-нибудь? – спросила Мэри вновь, усаживаясь на пол, передо мной, и подгибая ноги в коленях.

– Голова периодически болит, – ответила я. – Ночью плохо спала.

– Часто у тебя такое, или это из-за того, что случилось?

– Когда нервничаю, бывает, что не сплю ночами. Не часто, но бывает.

– Смотри, у меня есть таблетки. Они на основе трав. Можешь пару вечеров пить их, и, думаю, будет легче. Что скажешь?

– Наверно, пока не стоит. Как только я со всем разберусь, сон вернется.

Девушка не ответила. Из аптечки она достала ножницы, бинты, пластыри, баночку антисептика и тюбик с ранозаживляющим средством. После чего, с сознанием дела, Мэри методично сняла бинты с моих рук и принялась обрабатывать раны. Я наблюдала за ней, едва дыша, будто боялась отвлечь

ее. Когда она закончила, я решилась заговорить.

– Ты знаешь, что произошло в ту ночь? Кто мне звонил и говорил ее голосом? – прошипела я, наклонившись вперед.

Отвечать она не спешила. Тяжело вздохнув, Мэри закачала головой и убрала коробку с лекарствами на пол.

У девушки белоснежная кожа. Пальцы немного короче моих. Тонкие. С длинными миндалевидными ногтями. На безымянном пальце теперь уже теплилось тонкое аккуратное кольцо без камней, выполненное из белого металла. Запястье левой руки украшал браслет из того же материала, с россыпью сапфиров. Под ним, на прозрачной коже девушки, я заметила небольшой шрам в форме крошечного пореза, словно от ножа.

– Вилл, – спустя пару минут прозвучал голос девушки почти шепотом. – Мама беспокоится за тебя. Ты себе не можешь представить, как сильно она за тебя боится. Все что она делала и делает – у этого всего одна цель.

– Спасти меня. Знаю, слышала.

Пара синих глаз на одно мгновение поднялась к моему лицу. Хватило ли Мэри этого отрезка времени, чтобы оценить мои слова?

– От кого? От чего? Неужели за столько лет не нашли этих людей?

– Вилл, все сложнее...

– Что сложного?

Девушка обессиленно выдохнула.

– Все обязательно прояснится. Обещаю.

Я молча следила за выражением лица Мэри. Она словно кукла. Сейчас нет ни эмоций, ни чувств.

– Мама сказала, что встретила вас, много лет назад. Сколько тебе лет?

– Я хорошо сохранилась, – усмехнулась девушка, но за этой улыбкой виднелась неуверенность.

– Мне не до шуток. Я доберусь до правды.

– Я серьезно. Едва ли я моложе Розали.

– Тебе не больше тридцати, – отчаянно пытаюсь подобрать подходящие слова, допытывалась я. – И ваши глаза.

Мэри аккуратно положила мои руки мне на колени, слегка погладив пальцами внешнюю сторону кистей. Она молчала какое-то время, а после задала вопрос, устремив на меня вмиг потускневшие глаза.

– Ты боишься нас?

Над ответом я не успела даже подумать. Входная дверь в дом с шумом захлопнулась. Я слышала бурчание и ругательства Дориана.

– Что случилось, Дориан? – крикнула Мэри, поднимаясь с колен.

– Ничего! – орал он снизу. – Наша принцесса решила прогуляться.

– О ком он? – спросила я вполголоса, глядя на девушку.

– Джон! Сказал, нужно куда-то уехать, – продолжал кричать парень и голос его звучал все ближе и ближе.

Мэри нахмурилась. Непонимание ее раздражает так же сильно, как и меня.

Стоп. Джон сядет за руль? Не он ли пил виски сутра пораньше, едва нормальные люди успевают умыться и позавтракать?

– Куда ты? – удивленно воскликнула Мэри, когда я вышла из спальни.

– Прогуляться.

– О! Еще одна, – ухмыльнулся проходящий мимо по коридору Дориан.

– Вы поругались? – спросила его Мэри уже позади меня, пока я спускалась вниз по лестнице. Ответ до меня уже не дошел.

Будучи в холле, я стала соображать над своими дальнейшими действиями. Что-то, что в лучшие времена можно было бы назвать храбростью, а не сумасбродством, двигало меня вперед. Я буквально впрыгнула в свои ботинки, на ходу шепча некие «важные» для Джона слова, накинула куртку и выбежала за дверь. На подъездной аллее, в снегу на четверть высоты колеса, стояла уже знакомая мне черная Мазда. Рядом, опершись о водительскую дверь, как некое подобие «Мыслителя», высился Джон. Взгляд его был направлен в заснеженную даль, куда-то в чащу леса, а после того как за мной с грохотом закрылась дверь, внимание парня привлекла я. Едва заметная неясная для меня эмоция, отразившаяся в тени его черных, как мгла глаз, вызвала во мне неподдель-

ный страх. Я вдруг задалась вопросом: «Зачем я вышла за ним следом и что намерена делать?»

– Ты куда-то едешь? – превозмогая себя, задала я вопрос и мысленно сделала шаг назад.

– Да. Нужно кое-кого увидеть, – учтиво ответил Джон.

– Ты выпил. Считаешь, тебе стоит за руль?

Парень помедлил, но ответил с той же прозрачной интонацией.

– Ты очень внимательна.

– Серьезно. Может тебе не стоит ехать?

– Я пьян? – спросил меня Джон, щурясь от порывов ветра. Нас разделяли несколько метров, но я почувствовала этот сокрушительный удар по самолюбию. Я сделала второй шаг назад.

– Не знаю. Просто считаю необходимым остановить тебя, – «Закрой рот и иди домой, девочка. Он тебя не слушает».

– Ты боишься за меня или за людей, которым могу навредить?

Вот еще. Что за странный вопрос? Я даже не думала об этом. Какого ответа он ждал?

Я молчала. Парень выдохнул через рот, слегка прикрыв глаза, и запрокинул назад голову. На черные ресницы тут же стали опускаться мелкие снежинки.

– А сам ты чего боишься? – внезапно слетело с моих губ.

Джон открыл глаза, и небеса пронзил его тяжелый острый

взгляд.

Я развернулась в сторону двери. Внутри себя я уже давно бежала восвояси.

– Опять вопросом на вопрос, – бросил парень, как «привет, как дела?»»

Он открыл водительскую дверь и заглушил двигатель. Фары померкли. Стало внезапно очень тихо. Я, кажется, слышала дыхание парня.

– Пройдемся?

Немой знак вопроса в моем взгляде Джон предвидел. Когда я промолчала, он поднял глаза в мою сторону и объяснился.

– Помнишь, что я тебе предложил вчера, когда мы вернулись?

«Упс!»

– Тем не менее, ты решила выступить за столом.

– Да, давай, – отозвалась я после секундного замешательства.

Я спустилась по ступеням и вернулась к Джону. С его стороны раздался едва слышный смешок. Вернее даже не смешок, а нечто подобное самодовольному хмыканью. Не смягчив черты лица ни на миг, молодой человек опустил взгляд к носкам своих ботинок, а после сделал шаг в сторону леса позади дома. Мы двинулись в противоположную от выезда сторону. Джон опережал меня на пол шага.

Зима обнажила редкие лиственные деревья. Высокие сос-

ны стояли такими же неприступными, запорошенные снегом, словно пылью. Сугробы выросли выше колена. Снег сразу проник в ботинки. Ощущение не из приятных. Пальцы ног свело от холода. Лишь мысль о том, чтобы не отставать придавала прыти. Все же дискомфорт – последнее, о чем я думала тогда. Как долго мы шли?

– Ты не задаешь вопросов, – наконец нарушил тишину Джон, беря инициативу в свои руки. – Мне даже страшно.

– После вчерашнего, я уже и не знаю, вправе ли задаваться вопросами, – максимально едко ответила я.

– Ты злишься только потому, что от тебя что-то скрывают?

Я слышу насмешку в его голосе?

– Они мои родители. Считаешь у меня не должны возникать вопросы?

– Правда бывает разной. Если хочешь знать мое мнение, я полностью понимаю Розали. Понимаю, почему она не горит желанием вовлекать тебя во все свои беды.

– Свои? Ты шутишь? Ее ты понимаешь, а меня?

У меня возникло ощущение, что Джон шел мимо всего происходящего, а не был одним из участников.

Парень сдавленно хмыкнул. Это «да», которое, полагаю, было слишком трудно произнести.

– Вопросов у меня много. Я не знаю, с какого начать. И не знаю, будешь ли ты на них отвечать.

– Я могу рассказать историю. Ты решишь, что правда, а

что нет. Затем задашь вопросы. Идет?

Я слегка притормозила и осмотрелась. Мой спутник повернулся ко мне и внимательно взгляделся в мои глаза.

– Я задам тебе три вопроса сейчас. И выслушаю историю, если она имеет какой-то смысл. Что скажешь?

– Хорошо. Эти три вопроса явно не дают тебе покоя, – ответил Джон и развернулся, продолжив идти. Пришлось следовать за ним.

– Отвечай, пожалуйста, развернуто. Хорошо? Без загадок.

– Я постараюсь.

Это не согласие, но в разы лучше, чем ничего. Стоило попробовать докопаться до правды.

– Кто вы?

Реакцией последовало молчание, длившееся довольно продолжительное время. Каждую отведенную ему на раздумья секунду, я мысленно сыпала проклятиями. Я ненавидела эти паузы. Чтобы не начать говорить вновь, тем более ругаться, я попробовала себя отвлечь на возможные ответы. Фантазия предложила мне множество различных вариаций, однако ни одной из них не придерживалась.

Джон заговорил вновь.

– Это, наверное, один из тех вопросов, на которые я не смогу дать ответ. Вовсе не потому, что не хочу.

– Вполне вызывает доверие, – мне все равно какое у меня лицо. Я и не думала быть милой и комфортной. Логично это или нет, правильно или нет. У меня нет настроения мирить-

ся с ними всеми. Чтобы не пытался сказать своим все выжи- гающим и все отнимающим взглядом.

– Я не знаю какое определение этому дать, – продолжил он, слегка сбавив шаг. Парень был погружен в размышления. В какой-то момент мне стало казаться, что он говорит сам собой, а я просто случайный свидетель его диалога с внутренним «я». – Тебя интересует, не опасны ли мы и чем можем помочь. Так вот, Вилл... Сэм, Мэри, Дориан и остальные члены семьи, с которыми, возможно, ты познакомишься, не опасны для тебя. Мы... Люди, которые по удачному стечению обстоятельств вобрали в себя все те навыки и умения, что были необходимы для защиты... Чего-то либо ко- го-то. Абсолютно не важно, как ты это назовешь, кем или чем мы будем для тебя. Важно то, что мы сильные, быстрые, менее хрупкие. Способны защитить. Считай нас вроде людей с экстраординарными способностями. Ни одно из привыч- ных и ныне существующих определений не подходит. Поэтому в твоей власти дать самой этому определение.

– Поняла. Вы типа... Маги.

– Достаточно?

Он смеется?

Сомневаюсь, что он в курсе какое впечатление произво- дит. Ни злой и ни добрый. Но его глаза то, что в любом дру- гом случае и у любого другого человека не вызовут ничего кроме смеси страха и раздражающего желания обороняться. Он наконец-то отвел взгляд и продолжил идти.

– Я солгу, чтобы нам было проще, – отозвалась я и изобразила доброжелательный смешок. – Я хотя бы понимаю, что ты сам теряешься с самоопределением, а не скрываешь что-то... Забавная ситуация. «Вилл, это мои старые друзья. Верь им! Я не скажу, кто они такие, откуда и что делают, но верь им!» Согласен с тем, что обстановка не очень?

На мой слегка истеричный смешок Джон отреагировал сухим строгим кивком головы. Перефразировать этот жест я не смогла.

– Что стало причиной преследования моей мамы?

– Розали дала тебе ответ.

– Я. Причина преследования я, – произнесла я нервно. – Но почему? Из-за чего это началось?

– Вилл.

Полнейший крах.

Мое имя было написано для этого момента. Коварный злодей.

– Я понимаю, тебе нужны ответы, но на этот вопрос я ответить не смогу.

– Ты не знаешь ответа? Или же дело в нежелании?

Пара чернеющих глаз зияла, словно пустоты в замерзшем январском лесу. Не в моих силах было проникнуть в них, раскрыть их тайны, найти ответы в их глубинах, и это ломало меня. Бессилие и немощь. Я слаба, как никогда. Коварный злодей. Какую цель он преследует? Спаситель? Загадочный галилеянин? Что стоит за его словами и делами?

– Имею представление. Поэтому прекрасно понимаю Розали.

– Тогда у меня нет вопросов.

– Третий. Последний вопрос, – напомнил Джон и в голосе его зазвучали нотки удивления.

– Ты не сможешь на него ответить.

– Я могу попытаться. Задай вопрос, пожалуйста.

Я на секунду придумала себе, что он просит и даже умоляет меня продолжить. Еще через секунду я с раздражением оттолкнула эту назойливую фанатичную мысль.

Понять его не выходило. Он вызвался поговорить со мной, захотел помочь мне разобраться и вместе с тем отказывается отвечать на некоторые вопросы, а позже умоляет задать новые. Что-то с ним явно не так. Либо же мои вопросы не те, что стоило задать.

– Хорошо, – буркнула я. – Как мне решить эту проблему? Как узнать, что им нужно и прекратить преследование?

Выражение лица Джона не изменилось. Так выглядят проигравшие. Я права. Ответа не будет.

Внезапно я рассмеялась в голос. Это длилось пару минут. После наступила бы истерика, если бы я не вынудила себя умолкнуть.

– Вы со своими тайнами наводите такой ужас, что хочется пойти и повеситься. Ответов нет. Ясности нет. Да еще и такая тайна вокруг личности врага, что складывается впечатление, что само зло явилось по мою душу. Я ставлю под боль-

шое сомнение веру мамы в вашу непобедимость. Для покровителей вы слишком... Неоднозначные. Мягко говоря.

Я остановилась на месте и развернулась строго назад, в сторону откуда плелась неровная тропинка наших следов.

– Я не верю в магов. По крайней мере без магических амулетов и обрядов в полночь. Ну или хотя бы колодой карт, – я нервно усмехнулась. Говорить и не видеть Джона в поле зрения – прекрасное решение.

Бросив быстрый взгляд через плечо, я обнаружила Джона смотрящего в ту же сторону, откуда мы пришли.

– Ладно! – всплеснув руками, произнесла я, приводя себя в чувство. – Давай свою историю.

Я осторожно ступала в ямки в снегу, что оставила более уверенная Вилл, идущая здесь совсем недавно. Теперь, возвращаясь, я была сама не своя. Джон пока не торопился со своим рассказом. Через какое-то время разговор начался вновь.

– Ты в норме? – спросил он.

– Не знаю.

Мы прошли еще несколько метров.

– Мне сложно понять, что именно я чувствую. Пока только раздражение.

– Тебе нужна моя помощь?

– Да. Расскажи свою историю, – бросила я сквозь зубы. – Если, конечно, в ней есть смысл.

То, что говорил Джон спустя какое-то время, я пыталась

запомнить дословно, ибо осмыслить и понять на тот момент вряд ли смогла бы.

– В любой семье есть человек, которого возможно многие не хотели бы видеть. По разным причинам. Я сейчас не пытаюсь кого-то оправдать, обезличить кого-то или наоборот выгородить. Просто факт. Не все члены нашей семьи могут быть нам приятны. Ведь так?

– Это уже начало истории?

– Представь эту семью. Один из ее членов мало у кого мог вызвать доверие. Опустим детали и несколько неприятных фактов. Просто повесим ярлык «отщепенца». Остальные члены группы не горели желанием быть чем-то связанными с ним. Каждый из них может назвать свои причины. Шли годы. Со временем в этом человеке крепнет обида. Вся его деятельность становится направлена на то, чтобы всячески досаждал группе, в которой его не приняли. И здесь я напому о твоём определении. «Маги» ближе к людям больше, чем ты думаешь. Они хотят быть частью чего-то большего. Любви, понимания, сплоченности, силы...

Я бросила на Джона мимолетный взгляд. Он говорил размеренно и бесстрастно.

– Мы все ищем принятия. Нам нужно чтобы нас понимали. Не важно где, но мы ищем эту возможность.

– Ты говоришь о Розали?

– Нет.

Вдалеке стал показываться знакомый красный цвет кир-

пичных стен. Мы замедлили шаг.

– У «магов», – в очередной раз подводя особым ударением это слово, произнес Джон. – Как и у любых других членов любой другой группы, существовало поверье. Поверье о том, что будет рожден некий лидер, предводитель, глава, кто будет вести группу. Ты знаешь, любому обществу нужно это. Печально, но факт. И вот, наш отверженный, находит семью, в которой якобы должен родиться этот человек.

И хотя он сделал паузу, давая мне место для комментария, я осталась безропотно слушать.

– Одна из целей изгоя – разрушить систему, которая от него отказалась. Добавим сюда кровное родство.

– И? Изгой пытается убить семью?

– Слишком просто, но да.

Я остановилась и подняла глаза на собеседника. Ответного взгляда не последовало.

– Если тебя интересует мотивация, Вилл, – парень остановился через пару шагов от меня и поджал руки в карманах пальто. От холода плечи его подняли вверх. Он немного ссутулился, но поворачиваться ко мне не спешил. – Ответственность. Чувство долга. Возможно вина.

– Кому спасибо то?

Тишина.

Я прошла ближе и встала напротив Джона.

– То есть... Я, моя семья, мои друзья... Это все из-за того, что кто-то из ваших обиделся? Выдумал какую-то легенду о

предводителя и теперь...

– Она ничего не сделает.

Опешив, я открыла рот и осталась стоять в таком положении. Тень, исходившая от его глаз, мертвым куполом накрыла меня с головой. Ни ветра, ни снега, ни холода, ни воздуха.

– Будь я тобой, я бы не испытывал страх.

– Да, но ты знаешь все. И я не ты.

Джон слегка наклонился ко мне и хищно улыбнулся.

– И кстати, – опередила я его. – Ты меня не пугаешь. Можешь не смотреть на меня так. Вы спасли нас, спасибо, но не будь вас, никакая фанатичка бы за нами не бегала.

– Трудно спорить.

– Да.

– А «так», это как?

Ядовитый изгиб губ мягко перерос в вполне себе милостивую улыбку.

– Ты закончил с историей?

– Ее можно продолжить. У тебя есть вопросы?

– Конечно.

Вопреки своему ответу, я умолкла. Отвернувшись от Джона, я продолжила идти в сторону дома.

– Когда захочешь поговорить, дай знать, – бросил парень позади меня.

Мы вышли из леса и направились к дому. На ступенях стоял Сэм. Угрюмый и озадаченный.

Глава 8. «Нам не выбраться»

– Можно тебя на пару слов? – встречая Джона на крыльце, спросил мужчина.

– Да.

Я взглянула на своего спутника. Ситуация, в которой мы оказались, позволила мне предположить, что Сэм не рад нашей прогулке. О возможных причинах я задумываться не стала. Вряд ли это имело хоть какое-то значение. Джон открыл дверь в дом, взглядом указывая на пространство безлюдного коридора. Сам же он остался на улице, с Сэмом.

Оказавшись в своей комнате, я повалилась на кровать и утонула в потолок. Как долг мне еще нужно здесь жить?

Рассказ Джона, будь он правдой или ложью, впечатлял меня все больше и больше.

За чередой беспокойных и все больше угнетающих меня рассуждений я провела довольно продолжительное время. Тело мое задремало и перестало реагировать на импульсы, тогда как мозг болезненно продолжил соображать над решением возникшей проблемы.

Сквозь сон мой взгляд выцепил мелькнувшую в коридоре тень. Это был Джон. Он прошел мимо открытой двери моей комнаты и последовал в конец коридора. Интересно, о чем с ним говорил Сэм?

Отлепив обмякшее тело от кровати, я поднялась на ноги и подошла к окну. Что если он говорил неправду?

– Джон?

Дверь его комнаты слегка приоткрыта. Внутри царит полумрак. Я постучала в второй раз и сделала шаг к порогу.

– Можно тебя на минутку?

Тишина.

Я зависла в ступоре, не зная, что делать. Ладонь моей руки упиралась в гладкую древесину двери и понемногу толкала ее вперед. Постучав вновь, я заглянула в комнату.

Первое, что привлекает к себе внимание – две прозрачные стены напротив двери. Панорамные окна располагались углом и дарили ощущение нахождения в некоем аквариуме. За ними – бескрайний лес, сумрак ночи и далекие холмы, на стыке с пасмурным темно-синим небом. Свет фонарей у фасада дома проникал в спальню. Черные стены сейчас обрели мягкий коричневый оттенок. В углу висела гирлянда с крупными шарами-лампочками. Под ней гнездилось небольшое кресло, с перекинутым через спинку свитером крупной вязки. Паркетный пол был едва прикрыт серым полукруглым ковром с невысоким ворсом. Посреди комнаты располагалась приземистая широкая кровать, с которой я дважды трусливо срывала взгляд.

Джон лежал на спине, закинув руки за голову и закрыв глаза. Рядом лежал плеер, а его тонкие проводки тянулись к голове парня. Я прислушалась и уловила едва слышимое шипение из его наушников. Страх, что меня могли игнорировать исчез и на его место пришел чистый ужас.

«Что делать?» – носился по сознанию один и тот же вопрос. Я пришла сюда без особой цели, однако все мое существо отказывалось уходить. В комнате было очень тепло и... Спокойно.

Я не уделяла особого внимания запахам в доме. Мне нравились духи Мэри, но было абсолютно все равно, чем пользовался ее супруг. Дориан в большинстве случаев, когда появлялся в непосредственной близости, пах сигаретами и спиртовым антисептиком. В доме всегда пахло едой, теплотой очага, прогретой древесиной, туалетной водой или средствами гигиены. Все это мало меня волновало, хоть и было заметно. А вот в комнате Джона, я почему-то сама того не заметив, прислушалась ко всем деталям.

Древесина. Ткань. Мыло. Свежесть улицы. Хвоя. Мята. Слабый, едва улавливаемый оттенок османтуса. Кофе или горький шоколад. Воздух казался тяжелее чем во всем остальном доме, но не в том смысле, что заставлял задыхаться, а наоборот. Он словно приземлял, накрывал всеобъемлющим покоем. Я сдалась и шагнула вперед.

С первого этажа доносились отдаленные приглушенные звуки работающего телевизора и голоса людей. Я немного прикрыла дверь, оставив небольшой зазор, сантиметров в десять-пятнадцать – вынужденная мера на случай быстрой самоликвидации. Как отреагирует Джон на мое нахождение в его комнате, я не бралась предугадывать. Произойти могло что угодно. Пройдя к окнам, я приросла к месту. Над хол-

мами, вдалеке, сквозь туманное полотно небосвода, все же мерцали звезды. Оторваться от этого вида было невозможно.

Шипение из наушников прервалось на миг. Послышалось шевеление. Оборачиваться я не стала, лишь позволив себе наблюдать за Джоном через призрачное отражение в стекле напротив. Он едва заметно поднял голову над кроватью, затем вытащил наушники. Отложив плеер в сторону, не спеша приподнялся с кровати и сел, понурился плечи и сцепив руки на коленях в замок. Лицо его обращено к окну, но взгляд едва ли касался меня.

– Прости. Я помешала.

В ответ полнейшая тишина. Я повернулась спиной к окну.

– Мне уйти?

Глаза парня с искрами раскаленных углей от света гирлянды изучали сумрак за стеклом.

– Почему? – прозвучало безразлично.

Я неловко замялась на месте.

– Я думала, ты спишь, – не сдержав смеха, ответила я. – Думала постою, посмотрю в окно и уйду.

– А тут я. Застал тебя врасплох, – подытожил Джон.

– Да, – усмехнулась я.

Взгляд Джона отражал смесь неясных для меня эмоций. Насколько он был теплым, игривым и миролюбивым сейчас, настолько же чужими и мрачными мне чудились эти тени, обитающие в глубине его глаз. Призраки злости, ярости, печали, боли... Этот взгляд тяжелый, но манит к себе, подобно

дурману. Мне приходилось делать над собой усилие и «отлипнуть» от него, переводя внимание на какие-то черты лица парня, на детали в одежде, на его руки...

– Могу пристать к тебе?

– Я думал, ты уже начала, – устало улыбнулся Джон, потирая переносицу.

Я зацепилась взглядом за белую полоску шрама над воротником свитшота Джона. Длинной в несколько сантиметров, она тянулась от задней стороны шеи и с небольшим уклоном спадала вниз, к впадине на ключице. Рана, возможно, была неглубокой, но опасной. Порез ровный, скользящий, словно от ножа. Нанес ли его кто-то специально, или случилось это случайно и вовсе не от ножа? Логичным было бы предположить, что подобные увечья людям наносятся с намерением убить. Нельзя полоснуть кого-то по шее и быть уверенным, что это безопасно. Если этот шрам Джон получил случайно, хорошо. Если же на него нападали, то чудо, что он выжил и с ним все в порядке.

Осознав, что я слишком долго смотрю в конкретную точку на теле собеседника, я подняла глаза выше и застала парня зеркально разглядывающим меня. Кажется, он смотрел на мой крестик, что висел на шнурке на ключице.

– Вилл.

Пауза. Мурашки, осыпавшую мою кожу, замерли. Если бы я продрогла, это выдало бы меня с головой.

Мне нравится, что происходит, да. Не стыдно признаться.

– Что? – отозвалась я.

– Давай мы с тобой поговорим чуть позже?

«Черт! И зачем я сюда притащилась?!»

– Да, конечно, извини. Я пойду.

– Куда? – спросил он.

Секундное замешательство.

– К себе, – поступил, как мне казалось, логичный ответ.

Матрас под весом руки Джона немного прогнулся. Повернувшись корпусом в мою сторону, парень продолжил тише в два раза.

– История... Давай обсудим ее позже. Я не имел в виду, чтобы ты уходила.

«А?»

– Хорошо, – едва слышно ответила я.

– Очень тебя прошу, – он перешел на шепот. – Не поднимай эти темы в доме. Ладно?

Я молчала. Видимо, все еще хуже, чем мне казалось.

Потому как я смотрела на него, Джон понял, что я пребываю в полном ужасе.

– Не хочу, чтобы нас слышали, – наконец произнес он.

– А могут?

– Случайно. Конечно, могут.

– Хорошо. Что тогда я могу с тобой сейчас обсудить?

Тонкую полоску губ Джона поддержала слабая улыбка. Она выглядела искренней.

– Например, то, что я завтра планирую поехать в город.

Составишь компанию?

– Это не опасно? – задав этот вопрос, я немного попятилась. Мой язык опередил разум.

Джон вновь улыбнулся. Зияющие пустоты его глаз неотрывно следили за мной. Внезапно он оттолкнулся рукой от кровати и плавно поднялся на ноги. Далее, сделав пару неспешных шагов в сторону меня, он встал у стеклянной стены и осмотрел кромку леса близ дома. Сейчас нас разделял всего метр.

Я опустила голову, переводя свое внимание с изучения Джона на ночной пейзаж за окном.

– Дориан будет с нами. Это мера предосторожности. Поэтому могу сказать, что с нами путешествовать менее опасно, чем одной.

– А куда мы поедем? Зачем?

– Увидишь, – улыбаясь, Джон бросил на меня мимолетный взгляд. – Ты ведь не боишься?

И он туда же.

– Я ничего не боюсь, – усмехнулась я.

Боковым зрением я продолжала видеть Джона. В общих чертах. Я не видела тех микроскопических изменений, которые с ним начинали происходить. Лишь спустя несколько секунд абсолютной тишины, я повернула голову.

Он не дышал. Челюсть плотно сжата, виднелась едва заметная дрожь. В слабой тени, падающей на его лицо, я увидела глаза парня. Темная радужка, вышла за свои границы,

словно пятна чернил окропили капли дождя. Постепенно черная пелена стала расплываться по белкам глаз.

– Джон!

Его голова медленно стала запрокидываться назад. Тепло парня начало ослабевать. Скупой свет гирлянды в углу скользнул по лицу Джона. Посиневшие дрожащие губы, чернеющие, пульсирующие пятна у глаз, на висках, шее... Они плыли и перемещались из стороны в сторону, словно под кожей что-то было. Я в ужасе выругалась себе под нос, изо всех сил стараясь удержать отяжелевшее тело парня. Внезапно его рот немного приоткрылся и из него вырвался сдавленный хрип.

– Джон, что с тобой? Джон!

Мгла, смотревшая на меня вместо его глаз, повергла меня в шок. Тошнота стала душить меня. Я поняла, что не смогу кричать. Не смогу позвать на помощь.

Он повалился на колени. Нечеловеческий, удушающий, сиплый крик, сдавленный из последних сил, вырвался из парня и ударил по ушам. Мой голос ответил слабым писком. Парень начал закрывать глаза.

Одна пара рук появилась над головой Джона, еще одна обхватила плечи. Кто-то позади, потянул меня на себя. Тело Джона вырвали из моих объятий. Через секунду дверь закрылась перед самым моим носом. Я оказалась на полу в коридоре, глядя на подвижные тени в узкой щели над порогом в закрытую комнату Джона. До меня доносились тихие муж-

ские голоса из-за двери.

– Тише, тише... – звучал чей-то голос поблизости.

Мэри сидела на полу рядом и сковывала мое взвинченное тело тонкими руками.

– Мэри, что это было?

Взгляд девушки затуманен. Она опустила голову и слабо потрепала меня за плечи.

– Не волнуйся, все нормально, – пробормотала она.

В таком состоянии мы просидели с девушкой пару минут. За дверью комнаты постепенно все стихло. Ходившая из стороны в сторону Никки в какой-то момент остановилась у порога и прислушалась к шорохам в спальне.

– Вставай, – прошептала Мэри, поднимая меня на ноги.

Я послушно выпрямилась. Оказалось, родители стояли за нами все это время. Все молча ждали.

В дверной ручке щелкнул замок. Сэм вышел первым.

– Все в порядке, – сказал он. – С ним все хорошо.

– Что это было, Сэм? – дрогнувшим голосом отозвалась мама.

– Похоже на приступ.

– Как он сейчас?

Из-за спины Сэма показался Дориан. Он вышел в коридор, потирая кулаки и тяжело дыша. Он зол.

– Пришел в себя, – ответил Сэм.

– К нему можно? – первое, что меня интересовало.

– Я в норме, – послышалось из комнаты.

То, как выглядел сейчас Джон, никак не вязалось с тем, что я видела еще совсем недавно. Не было ни страшных черных белков, ни пятен на коже, ни дрожи. Парень стоял с прямой спиной и смотрел ровно на меня. Уверенный. Спокойный. Безразличный. Теперь он снова стал нерушимой угрожающей статуей.

– Джон, что это было?

Он опустил голову.

– Так! – хлопнул в ладони Сэм и огляделся, словно тренер, готовившийся созвать команду. – Худшее позади. Сейчас предлагаю дать Джону немного времени на отдых. Хорошо?

Мэри в непонимании уставилась на мужа. Побледневшая кожа ее лица говорила о продолжавшемся шоке. Я обернулась и посмотрела на родителей. Отец хмуро смотрел перед собой, а мама усиленно пыталась производить впечатление невозмутимого человека. Она даже улыбнулась, что вызвало у меня лишь раздражение.

Внезапно Дориан сделал резкий шаг вперед и двинулся прочь. Губы его были подвижны. До меня донеслись звуки проклятий и ругательств.

– Дориан! – сдержанным от напряжения голосом проговорил Сэм.

Ноль эмоций. Буря неслась дальше по коридору.

– Дориан!

– Что? – воскликнул парень, оборачиваясь.

Причина, по которой в нем возникла такая пугающая перемена, не находилась. Дориан был вне себя. Ярость полыхала в его почерневших глазах, отзывалась в каждом его движении и в каждом шаге. Он подался в нашу сторону лишь для того, чтобы поднять руку в угрожающем жесте.

– Меня это достало! – прогремел он не своим голосом. – Эта тварь не даст нам покоя!

– Дориан. Держи себя в руках, – намеренно спокойным тоном говорил Сэм.

– Мне надоело терпеть это, Сэм, – все с той же поднятой в воздух рукой с взведенным вверх указательным пальцем говорил Дориан. – Как долго это будет продолжаться? Будем ждать, пока она еще что-то не придумает?

– Ты сейчас ничего не сможешь сделать, – блондин обогнул нас с Мэри и уверенно пошел в сторону парня. – Твоя злость ничего не даст. Давай мы успокоимся и придумаем, что можно сделать.

– Ничего ты не придумаешь, Сэм! Ты не хочешь ничего делать!

– Дориан! – прервала его Мэри, следуя за мужем.

– Я не прав? – обратился к ней Дориан. – Мы все знаем! Мы просто сидим и ждем. Чего? Непонятно. Почему ничего не делаем? Потому что боимся!

– Должен быть другой выход, – ответила Мэри.

Стоявший за нами Джон молча прошел мимо нас, преодолел расстояние в несколько метров, дошел до Дориана

и встал прямо перед его лицом. То, что он говорил, я не слышала. Тем не менее, по тому, как Дориан смотрел на него, стало ясно, что слова парня возымели определенный эффект.

– Мне плевать! – Дориан завел руки за голову, а после раздраженно всплеснул ими в стороны.

– Сэм, останови его... – взмолилась Мэри, прошептав ему на ухо что-то еще, чего я никак не могла слышать.

– Джон, эту тварь нужно убить! – ревел парень, разрывааемый собственным гневом. – Неужели ты не понимаешь?

В сотую долю секунды Дориан оказывается согнутым над полом. Правая рука прижата к спине, в шею мертвой хваткой вцепился Сэм. Я не сдержала нервный вскрик. Розали повернулась ко мне и потянула в одну из открытых комнат рядом. За спиной отца я видела, как Дориана потащили вниз по лестнице.

«Плакала наша поездка в город».

– Пап, о ком говорил Дориан? Он думает дело во мне? – сквозь слезы вопрошала я.

– Нет, Вилл, дело не в тебе, – осевшим голосом ответил Пол. – Дориан говорит о другом человеке. О том, кто мог сделать нечто подобное.

– Сделать что? Что было с Джоном?

– Сэм назвал это приступом. Раньше я не видел ничего подобного.

– Прошу тебя, успокойся, – говорила мама, обхватив мое

лицо руками. – Мы все решим. Все будет хорошо.

– Объясни мне, мам! Что здесь происходит?

Чудесное появление Мэри сопровождалось лязганьем каких-то баночек. Как она очутилась в комнате, никто из нас не заметил.

– Выпей, – сказала мама.

Я глотнула горькой жидкости из капсулы и закашлялась.

Поздним вечером к дому подъехала незнакомая машина. Свет фар проник в окна кухни и, скользнув по лицам родителей, мирно пивших свой чай, померк. Я повернула голову в сторону аллеи. Слабое чувство опасения нещадно сжало внутренности. Незадолго до этого Сэм говорил с кем-то по телефону. С того момента мужчина стал будто чего-то ждать.

Дверь в дом открыла Мэри. Ее супруг стоял рядом. Гости-ми оказалась молодая семейная пара. Выглядели они едва ли более обычно, чем семья Кроутеров. Вошедший в дом мужчина имел невероятных размеров раскаченную форму бодибилдера. Даже рядом с крупным и спортивным Сэмом, гость казался огромным. Ощущая свои габариты, он неосознанно сутулился и опускал голову вперед. У него были темные каштановые волосы, серые глубоко посаженные глаза, прямой острый нос и пухлые губы. На гладко выбритом лице не было никаких видимых изъянов. Смею предположить, мужчина зарабатывает на жизнь своим видом. Внешность яркая, он наверняка либо супермодель, либо спортсмен. Так или

иначе, не заметить его трудно.

Его звали Александр. Так к нему единожды обратилась Мэри. Далее не раз я слышала имя «Алекс». Вместе с ним приехала девушка. На вид ей не больше двадцати. У нее было румяное округлое лицо с небольшими, остро очерченными естественным темным оттенком губами. Когда она улыбалась, от глаз рассыпью разбегались тонкие глубокие морщинки. Торчащие из-под шапки вьющиеся сиреневые волосы нежно обрамляли щеки незнакомки. На ней была кислотного зеленого цвета куртка и простой трикотажный костюм.

Девушку звали Эйнджел и она напомнила мне кого-то напоминала.

Гости оказались старыми знакомыми моих родителей. Я не удивилась. Мама, казалось, была ближе ко всем ним, чем ко мне. Их появлению она радовалась больше, чем появлению кого-либо другого. Отец тут же завел живую беседу о неких общих встречах, о общих знакомых, сразу же вспомнились забавные факты. Какое чудо, что я оказалась здесь самой чужой. Ни одну историю я не могла поддержать дополняющими фактами или хоть сколько-нибудь откровенными эмоциями. И пусть окружение погрузилось в вполне себе обычный теплый вечер после долгой разлуки, в этих мирных беседах и шумных голосах я слышала одно.

Ложь.

Остаток вечера домашние провели в гостиной, поглощенные обсуждением всяких мелочей. Ни Джона, ни Дориана я

увидеть уже не надеялась. В конечном счете, когда усталость дала о себе знать, я попрощалась со всеми и ушла в свою комнату.

«Прости за сегодняшнее. Поездка в силе?»

Прочтя смс, я некоторое время пялилась в пустоту перед собой. Сообщение поступило несколько минут назад с незнакомого номера.

«Это нужно спросить у тебя» – застучала я торопливо по клавиатуре.

Пара минут тишины. Выбора нет.

«Когда мне быть готовой?»

«Когда проснешься и будешь готова.»

«Хорошо.»

Я достала из-под своей подушки наушники и засунула их в уши. Надеюсь, что музыка поможет мне расслабиться и уснуть, я расположилась на кровати, раскинув руки и сосредоточившись на том, как слабеют мышцы.

«Откуда у тебя мой номер?» – набрала я через какое-то время.

«Розали.»

«Ок.»

Теперь я могла спать.

Мир вокруг изменился в считанные дни. То, что я видела, что слышала, что окружало меня всецело столько лет, было ложью. Иллюзия обычной жизни. Родители тщательно скрывали от меня опасность. Как вышло, что правда открылась так

неожиданно и бесповоротно? Есть ли у меня сейчас возможность отказаться от всего этого? Вернуть свою жизнь?

Глава 9. «Темные воды»

Утром, на пути в ванную комнату, я нос к носу встрети-лась с Эйнджел. Девушка как раз выходила из соседней ком-наты, когда разносящаяся по дому игра на гитаре вдруг пре-кратилась. Вид у нее был слегка нетрезвый.

– Я разбудила тебя? – промямлила девушка с едва замет-ной вопросительной интонацией.

Пару секунд я размышляла, так как не могла понять, для чего именно она задает этот вопрос. Вряд ли ее в действи-тельности это заботило.

– Это ты играла? – в этот момент я выругалась про себя. Джон прав.

– Да, думала, все проснулись. Забыла, что ты дома.

– Ничего страшного, – страшного действительно ничего не было, однако интонация девушки и ее «ой, извини, я за-была, что ты здесь» немного раздражали. – Ты встала по бу-дильнику, чтобы порепетировать?

– Нет, – ответила Эйнджел, простодушно пожав плеча-ми. – Я и не ложилась.

– Ясно, – откланявшись, я продолжила путь.

Стиль в одежде у девушки был превеселый. Короткая клетчатая юбка с высокой талией, блузка бледно-бирюзового

цвета, плотные черные чулки на спортивный манер и кроссовки на толстой подошве. Ее светло-фиолетовые волосы, с проблесками синевы, собраны в высокий хвост. Девушка шла с прямой, почти изогнутой назад спиной, высоко подняв подбородок. Выглядело это даже забавно. И что странно, я не чувствовала даже намека на парфюм. Ничего. Что она стояла напротив меня, что нет.

Я не спеша умылась, расчесала волосы, собрала пряди у висков и скрепила их на затылке резинкой. После, возвращаясь в свою комнату, я приняла решение, что мне не помешало бы немного подкраситься. Учитывая то, что последние дни я плохо спала, а вчера вовсе плакала, мое лицо требовало маскировки. Когда с макияжем было окончено, в мою голову ворвалась шокирующая мысль.

«Я что, собралась на свидание?»

Черная тень на веках необходима, чтобы скрывать покраснение и припухлость. Ресницы были длинными сами по себе, поэтому даже немного туши предавало взгляду объема и выразительности. Убирать тональный крем сегодня нельзя категорически. Поэтому я вынуждала себя принять свой собственный образ и не делать замечаний. Иногда необходимо это делать. Я понимала, что нездоровый цвет лица и синяки нужно прятать.

К тому моменту, как я спустилась вниз, в доме стоял беспокойный шум. Мужчины расположились в гостиной, у зажженного камина, распивая кофе и беседуя между собой

чуть громче обычного. Среди них оказался и Джон. И Дориан. Оба выглядели вполне нормально и естественно. Даже и не скажешь, что с ними могло что-то случиться. поприветствовав присутствующих, я направилась в кухню. Там я наткнулась на Эйнджел. Она в задумчивости смотрела в окно и помешивала ложкой остывший чай. К ней мне еще предстояло привыкнуть.

– Ого, – демонстративно заявила она, поразительно быстро сменившись в лице. – Отпадно выглядишь!

– Спасибо, – ответила я, проходя к пустующему столу напротив нее. Мне даже далось улыбнуться.

– Есть повод?

– Решила не пугать сегодня своим привычным видом.

Девушка рассмеялась, разворачиваясь корпусом в мою сторону.

– Джон говорил, что вы едите в город. Не знаешь куда?

– Не знаю. А что?

– Мэри составила список того, что нужно купить. Если вы поедете на гризли, то это очень кстати.

– Гризли?

– Гризли пока не на ходу.

От звука голоса Дориана за своей спиной я похолодела. Парень прошел к столу, в пугающей близости от меня, встал рядом и уперся ладонями в гладкое каменное покрытие. Сказать, что он меня напрягал – ничего не сказать. В жизни не чувствовала себя настолько не к месту. И, кажется,

он знал это.

– Моя машина, – сказал он, повернув голову в мою сторону, но глаз от окна не оторвал. – Я попал в аварию. Еще осенью. Пока что ремонт не закончен.

– Мы поедem на машине Сэма, – появлению Джона я практически обрадовалась. – Она более проходимая.

– Да, если сравнивать с твоей тачкой, – оскалился в улыбке Дориан. Меня практически передернуло. – Мою ей не уделать!

– Никто и не спорит, – усмехнулась Эйнджел. – Даже по кюветам лучше кувyркается.

Повисла недолгая пауза. Я подавила смешок, но шутка Эйнджел пришлась по душе не только мне. Темноволосый парень в дверном проеме приглушенно усмехнулся. Дышать в комнате стало куда легче.

– Черт с вами! – огрызаясь, ответил Дориан. – Тащите в тачку свои задницы!

– Список, – протянула я руку к Эйнджел с поднятой вверх перевязанной ладонью.

– А ты есть не хочешь? – спросила меня девушка, протягивая сложенный в несколько раз листок.

– Ты, принцесска, тоже! – продолжал бyянить Дориан, слегка пихнув Джона в плечо. Парни ушли.

– Поем по пути, – ответила я Эйнджел, хватая банан из вазы в углу столешницы.

Я засунула список в задний карман джинсов и направи-

лась в коридор.

– С Никки еще нужно погулять, – выдохнула я, обуваясь.

– С ней уже погулял я, – произнес отец, выглядывая из гостиной.

– А где мама?

– Они с Мэри были наверху.

С матерью последние дни у меня очень натянутые отношения. То ли дело в том, что она лгала, то ли в том, что она не договаривает и сейчас. А может дело в ее ультимативной форме общения? Наверно комплексно. В любом случае, я пока не готова двигаться в направлении решения этого вопроса и налаживании контакта, равно как и она. Ей всегда было тяжело признавать вину, не говоря уже о том, чтобы просить прощения. Особенность характера, которую я терпеть не могла, и которая коварно закралась и во мне.

– Поняла, – я накинула куртку и подошла к Полу.

Он крепко обнял меня и поцеловал в макушку.

– Будь умничкой, – фраза, которую отец произносил всегда, но никогда не объяснял зачем. Полагаю, он надеялся, что я понимаю ее верно.

У самой двери я встретила с Джоном. Он терпеливо ждал меня. Мы попрощались с домашними и вышли на улицу.

Дориан стоял в одной футболке, выкуривая внеочередную сигарету, на краю ступеней лестницы. Когда мы с Джоном подошли к нему со спины, он, казалось, вовсе не обратил на

нас внимания. От него шел поток несвязного бормотания. Я проследила за его взглядом. Перед крыльцом стоял заснеженный черный внедорожник.

– Тебе не нравится? – поинтересовалась я у парня.

– Если ты о тачке, то нравится. В целом, – выдыхая дым, ответил он. – Жрет, скотина, вот что не нравится!

– Расход по трассе меньше, чем у твоего Гризли, – ответил ему Джон.

Дориан недовольно нахмурился, опуская внутренний уголок бровей еще ниже к носу. После он развернулся к Джону и рукой, державшей подходящую к концу сигарету, указал ему в грудь.

– Ты за рулем, – скомандовал он и ушел в дом. Видимо за курткой.

– Что его так бесит? – спросила я Джона, когда мы шли к машине.

– Все, – ответил он. – Но сейчас его бесит то, что он без машины.

– Велика беда... У вас у всех по машине. Без средства передвижения он не останется.

– Он любит свою машину. Кличку даже дал.

– Жаль... А что произошло? Он улетел с дороги?

Джон открыл передо мной заднюю пассажирскую дверь и посмотрел мне в глаза. Что-то этот взгляд определенно значил.

– Фактически, его толкнули. Авария была не по его вине.

– Тогда, полагаю, виновник оплачивает ремонт?

Я села в машину и дверь за мной захлопнулась. Раз ответа нет, то тут два варианта. Либо я права, либо нет.

«Бесит!»

Джон сел за руль. Рядом, на пассажирское сидение, плюхнулся Дориан. Слышать столько ругани за одну минуту мне в жизни не приходилось. Теперь я знаю пару новых слов.

Январские морозы усилились. Нет ни снега, ни ветра, но жуткий холод покрыл поляну у дома и лес невидимым куполом. Пробуксовав на месте, автомобиль подался назад и развернулся к выезду. Мы проехали по узкой извилистой тропе, ведущей из леса, и выехали на пустынную трассу. Спустя несколько минут я увидела первые машины.

За наше музыкальное развитие Дориан взялся сразу. Он подключил телефон к автомагнитоле и включил один из тех треков, что, скорее всего, находились у него в специальной папке, именуемой «поездка», либо же «для тачки». Во всяком случае, для него это было бы логично.

Эту песню я знала.

«Нет сил терпеть это издевательство!

Прекрати мучать меня своей красотой!

Я знаю, ты слушаешь Рок-н-ролл!

Будь моей! Будь моей, моя смертельно больная королева!

Будь! Будь же моей!

Моя смертельно больная королева!»

Следом шли более «тяжелые» треки. Я включала подобные, когда хотела зарядиться неким драйвом, отвлечься, напиться агрессивной энергией. А еще когда не хотела о чем-то думать либо разговаривать...

Джон вел плавно, практически не превышал разрешенную скорость. На въезде в город вовсе сбавил, и даже мне стало казаться, что мы еле тащились. Я огляделась по сторонам и поняла, что мы движемся в незнакомом мне направлении. Побывать в этой части города мне представилось впервые. На окраине теснились сотни небольших приземистых домов прямым из прошлого века. Некоторые были вполне жилые, кое-где стояли припаркованные машины и сидели на привязях озябшие псы. Некоторые пустовали уже не первый десяток лет. Природа этого района была мрачной и депрессивной. Выбитые окна, пустые рамы, торчащие обрывки штор и занавесок, остатки мебели, предметы обихода... Те дома, чьи окна и двери предприимчиво заколотили, снаружи выглядели более оптимистично. Мы двигались вдоль узкой, оживленной улочки, прямо к высившемуся на холме, впереди, регулируемому светофором перекрестку. На тот момент Дориан принял решение побыть в тишине и отключил музыку. Я подалась вперед и села посреди сидения, локтями опершись в спинки передних кресел. На подъезде к перекрестку Джон сбавил скорость и включил поворотник.

– Так куда мы все же едем? – впервые за всю дорогу подала я голос.

– Нас ждут в гости, – ответил Джон, протаптывая педаль в полу, функционирование которой его, по-видимому, смущало. – У нас вроде как группа. Ты видела их в Парнасе. Ася звала нас в канун праздника, но мы не смогли приехать.

– Девчонка с малиновыми волосами?

– Она, – Джон вывернул руль и прибавил газу.

– Надеюсь, ребята тоже там, – тихо отозвался Дориан.

Далее мы вновь ехали молча.

Я бесцельно смотрела вперед, наблюдая за дорогой. Вскоре мы оказались в более живом квартале. Первые высотки – старые потрепанные здания в четыре и пять этажей. Здесь машин стало больше. Мы встряли в пробку. Вернувшись на свое место, я достала телефон и стала рыться в социальной сети.

– Ты не голодная?

Подняв голову, я нашла взгляд Джона в зеркале заднего вида. Он ждал ответа.

– Пока нет, – ответила я.

– Банан замерзнет, – проговорил Дориан, видимо тоже зависавший в телефоне. – Съешь банан.

– Ты такой заботливый, – едко сообщила я ему.

Делать нечего. Нужно что-то съесть, иначе мне станет плохо в самый неподходящий момент.

Спустя несколько минут мы въехали во двор одного из старых районов города. Домам здесь было больше тридцати лет. Покосившиеся фонарные столбы, измученные временем

магазинчики, старые детские площадки и полуживые лавочки. Атмосфера печальная, как ни посмотри.

– Ты пока не хочешь домой? – злобно хихикал Дориан, поправляющий свою дутую куртку, подпрыгивая на сидении.

– Немного есть, – улыбнулась я.

– Правильно. Волки и в городе бывают.

– Тебе уже говорили, что ты жутко вредный? – спросила я его, с единственным желанием – задеть.

– Да, – буркнул он и вывалился на улицу, едва Джон заглушил двигатель.

– Бесит, – бросила я себе под нос.

Закрывший к тому моменту свою дверь парень, развернулся к моему окну и сообщил: «Я слышу!» Он пригрозил мне пальцем?

Наша компания неспеша двинулась в сторону одного из грязно-желтых домов, с потрескавшейся облицовкой. Я запихнула руки в карманы куртки и, опустив голову, шла следом за удаляющейся спиной Джона. Мы дошли до подъезда. Дверь была открыта. Внутри стоял густой сумрак. Резкий смрад едва не сбил с ног. Слышался запах плесени, краски и жареного масла. От запаха аммиака деться здесь некуда.

Я молча задержала дыхание и ускорила шаг. К моему счастью, нам отворили первую попавшуюся дверь. На встречу вышла миниатюрная девушка. По малиновым иголочкам волос, непокорно торчащим во все стороны, я узнала в ней ту самую девочку с концерта. Выглядела она очень мило. Слов-

но маленький зверек. Из-за больших карих глаз, слегка выступающих вперед, создавалось ощущение схожести с совой. Девушка сутулилась и активно двигала плечами, то поднимая их почти до самых ушей, то опуская вниз, вытягивая руки до колен.

– Почему вы так долго? – пропищала она.

Мы вошли в квартиру, и Джон закрыл дверь. Они тут явно не в первый раз.

– Прости. Были дела, – ответил он.

– Я вас три дня жду! Как так можно!

– Ася, познакомься, это Вилл, – продолжал Джон, словно и не замечал упреков.

– Очень приятно, – улыбнулась я, хоть и не поняла еще до конца так это или нет.

Девушка в этот момент словно пришла в себя. На ее детском лице прояснилась искренняя улыбка.

– Взаимно, – ответила она, забирая у меня куртку. – И чья ты подружка?

Что?

– В каком смысле?

– Ну... Подружка, – Ася смотрела на меня, словно ожидая реакции. Я, видимо, должна была что-то прочесть в этом взгляде. Однако яснее не стало. – Типа... С кем ты из этих двоих. Не?

Я покачала головой. Жест вышел сам собой. «Подружка» – последнее, чего я хотела.

– Не, – промямлила я, в то время как маленькая Вилл в моей голове билась о стены и орала от ярости.

На парней я старательно не смотрела.

– Вы голодные? – спросила хозяйка позже, когда наша троица вошла в просторную полупустую кухню.

– Нет, – ответила я в унисон с Джоном.

– Ты одна? – обратился к ней Дориан.

– Ребята внизу. Они сутра уже были здесь, – «В отличие от некоторых» – скорее всего, хотела добавить девушка.

– Отлично, – скупое ответил Дориан.

– Вы как? Что делать будем?

– Мы не против присоединиться.

– Окей! – Ася развернулась к холодильнику, достала оттуда пачку баночного пива, хлопнула дверью и подошла ко мне. – Ты куришь?

В моей голове раздался тихий смех.

– Держи, – она отдала банки Дориану и потянулась к шкафу рядом. Взяв пару пачек чипсов, она объявила. – Идем вниз!

Я задержала дыхание и вышла за дверь, следом за Асей. Шедший позади Джон загадочно улыбался. Я пожалела, что позволила себе обратить на него внимание.

Ася вела нас вперед, в сторону длинного, усыпанного бумагой и стеклами коридора. Всю дорогу она оживленно вещала о том, какие парни шумные и что соседи рано или поздно либо зальют, либо подожгут их студию. Говорила она

громко. Ее свирель эхом разносилась по окрашенным кривоватым стенам дома. Слова из-за этого разобрать давалось с трудом. Мы подошли к старой деревянной двери с выбитым стеклом под металлической решеткой, и вышли на небольшую неосвещенную лестничную клетку. Ася включила фонарик на своем телефоне. В тот момент, когда она остановилась, чтобы открыть дверь, я ненароком шагнула прямо на нее.

– Ой, извини.

– Опять лампочку выкрутили, – выдохнула она и покачала головой, чтобы я не переживала на счет нашего столкновения.

– У вас студия в подвале жилого дома? – поинтересовалась я.

– Студия – громко сказано. Но да, там вся наша аппаратура и техника. Мы сделали все по уму! Соседи не слышат ни звука из-за обшивки стен и потолка, но все равно... Кому понравится, что подростки таскаются каждый день в подвал? Старики думают, что мы курим и пьем, и вообще там бордель!

– Они не правы?

– Только частично, – усмехнулась Ася.

Внизу, спустя один пролет, стояла еще одна дверь. На этот раз железная. Дориан потянул ее на себя, но та не поддалась.

– Звони, – сказал он Асе, и та принялась искать в телефоне чей-то номер.

– Открой нам, – стремительно бросила она, когда абонент ответил на звонок.

Спустя пару секунд за дверью послышались шаги. В замочной скважине загремел ключ. Нам открыл мужчина. Во мраке коридора мы не видели лиц друг друга, и лишь только компания друзей ориентировалась в пространстве и меж собой. Я шла, можно сказать, с закрытыми глазами.

– Привет, – произнес мужчина слегка встревоженно.

– Привет.

Я перешагнула порог и оказалась во втором узком коридоре. Идти здесь можно только по одному. Одна единственная дверь, источающая приветливый мягкий свет, возникла во мраке. Там я увидела тень еще одного человека. Он стоял на пороге и махал нам рукой.

Пространство здесь слегка затуманилось сигаретной дымкой, однако осмотреться это не мешало. Так называемая студия представляла собой небольшую квадратную комнату, вмещающую в себя музыкальные инструменты, колонки и проводку в одной стороне, а в другой два дивана, небольшой стеллаж и пару высоких стульев. Стены и потолок обиты плотной, пористой тканью темно-серого цвета. На полу расположился яркий красный ковер. Еще один, с изображением мандалы, висел на стене у одного из диванов.

– Ребята, это Вилл! – провозгласила Ася, закрывая дверь за нами. – Еще одна девочка в нашей команде.

– Привет, Вилл!

Блондин – ударник группы. Выглядел он старше нас всех. Темно-карие глаза, небольшая бородка и весьма простой стиль в одежде. Его татуировки, которые мне запомнились с концерта, сейчас скрывал простой серый джемпер. Второй парень, был, возможно, младше меня. Длинные прямые волосы, иссиня-черного цвета, сейчас собраны в небрежный хвост. Худощавое сухое тело прикрывали растянутая майка-борцовка и свободные черные штаны, с парой цепей на бедрах. Полагаю, так самозабвенно курил именно он.

– Дэни, – представился блондин.

– Фил, – повторил рукопожатие юноша, впусивший нас.

– Рада знакомству, – улыбнулась я.

В голове повис вопрос. Я осмотрела новых знакомых, но ответа на находила.

Они заодно?

Впервые в жизни я видела такое огромное количество музыкальной техники так близко. У самой стены раскинулась барабанная установка, перед которой стоял микрофон и тренога с камерой. Слева от нее стойки с гитарами. Справа – синтезатор, микрофон и еще одна камера. В центре ребята установили усилители, колонки и еще какие-то блоки с кнопками переключения, рычажками и уймой проводов. У одной из гитар стоял барный стул, а перед ним блок с педалями и кнопками. Именно на этот стул и воссел Дориан.

– Ну что, ребятки, – начал Дэни, поставив свою баночку пива на пол, а сам сел на диван. – Как вы сегодня?

Я подошла к одному из стульев, вскарабкалась на него, и подняла глаза на Асю. Та протягивала мне банку.

– М?

– Спасибо, – ответила я.

– Настроены играть? – блондин хитро улыбнулся Дориану.

– А то, – ответил тот.

– Будешь? – поднимая баночку, спросила у Дориана Ася.

– Нет, мы за рулем.

Девушка пожала плечами и села на пол в позе лотоса, несмотря на то, что места на диванах и стульях хватало.

– Как твоя машина, Дориан? На чем ты сейчас? – отпивая из банки, спросил блондин.

– Пока не на ходу. Беру у друзей, кто делится.

– Хоть что-то... Я сам вот без колес остался. В сервисе пока стоит. Нет денег на ремонт и замену.

– В этом есть свои плюсы, – улыбнулась Ася.

– Какие же?

– Ты можешь пить не просыхая. А еще в городе минус один бешенный водила.

– Ты про тот случай, когда он наорал на девочку, бегущую по переходу? – расхохотался Фил.

– Я спас ей жизнь!

– Тем что напугал ее до чертиков, – поддевала Ася. – Теперь она наверно и на улицу не выходит.

– Нет, я думаю он про тот случай, когда он подрался с

капотом автобуса на перекрестке, – поддержал командные издевки Дориан.

Дэни послал шутников куда подальше.

Я открыла свою банку и немного отпила содержимое. Желудку не особо понравилось то, что в нем оказалось, но это не помешало мне сделать еще несколько глотков. Мне казалось, это необходимым. Я давно не проводила время подобным образом и немного алкоголя в новой компании не повредит. Плюс – я наконец-то без надзора родителей, пусть их засланцы и вызвались выехать в город.

Мне вспомнились мои школьные годы с друзьями на небольших домашних вечеринках. Атмосфера в студии напомнила мне о романтике забытых вечеров.

Спустя несколько минут, когда присутствующие обсудили, кто и как встретил новый год, парни, в лице Дэни и Фила, вяло потащились за инструменты. Темноволосый взял бас и прижал ладонь к струнам, оборачиваясь к Асе.

– Записи не будет. Можем просто потренироваться.

– Я пьяна.

– Ты лучше поешь, когда расслаблена, – ответил парень.

Девушка поддалась.

«В небе, темные флаги.

Мне бы, тихие скалы.

Оставь мне мои раны.

Ты улетишь в свои леса и поля,

По окончанию песни Ася тихонько рассмеялась. Парни проиграли заключительные аккорды еще раз. Фил выглядел очень сосредоточенным и даже хмурился. Что-то в его игре ему не нравилось.

Музыка оборвалась. Повисла тишина.

– Еще раз! – раздраженно поправляя ремень на плече, прорычал юноша.

– Это было круто! – восторженно сообщила я.

– Спасибо, Вилл! – загорелась в хмельной улыбке Ася.

– Мы можем лучше. Давайте попробуем еще раз?

– О боже... – протянул в прижатые к лицу ладони Дэни. – Ты не успокойшься, да?

– Смысл играть один раз?

– Океееей! – Ася отпила из своей банки еще и вернулась к синтезатору.

– Вы, правда, очень крутые!

Я не лгала. На концерте в Парнасе я не смогла вдоволь послушать этих ребят. Сейчас же, когда все наладилось, когда я внезапно оказалась в их компании, я никак не могла позволить обстоятельствам лишить меня этого наслаждения.

Ася взяла верхнюю ноту, и начала песню с начала. На этот раз басист был более раскрепощен и то, что воспроизводила его гитара, ему сейчас пришлось по душе.

– Ты любишь такую музыку?

Взгляд Джона направлен на меня. Он не пил, он был абсолютно трезв, но демоны в его глазах плясали из стороны в сторону. Слабая ленивая улыбка, подернувшая правый уголок его губ, говорила о том, что парень доволен тем, что происходило вокруг. Я неспешно отпила из банки, не забыв сделать вид, что осталась бесстрастна к его обращению, а после ответила.

– И не только такую. Я люблю музыку. Любую, которая западет в душу.

– Сама не поешь, не играешь?

– Я думала, ты знаешь, что нет, – улыбнулась я.

– Не знаю.

Было в его ответе нечто странное. Как не пыталась, я не смогла не придать ему дополнительных значений.

– Что произошло в тот вечер?

Две тьмы, мгновение назад безнаказанно и отчасти цинично глядящие в мою сторону, поспешно скрылись из виду. Мой вопрос смутил Джона? Или вызывал раздражение?

Он отвел взгляд и слегка опустил веки. Едва я позволила себе слабую надежду на восторжествовавшую справедливость, на то, что мой вопрос совершенно обоснован, хищная улыбка вновь завладела губами парня.

– Что именно тебя интересует? Как мы попали внутрь? Или как вытащили остальных?

– Нет.

Тень удивления мелькнула в лице Джона.

– Когда ты стоял на сцене. Что с тобой случилось?

На мой вопрос Джон отвечать не спешил. Нас отвлекла шумная перепалка Аси и Фила, после которой парни разразились хохотом, а девушка перевела внимание на нас. Я улыбнулась ее заинтересованному взгляду, затем вернулась к собеседнику. Джон поднял правую руку положил на спинку дивана и слегка наклонил голову к плечу.

– Ты видел меня раньше? До того вечера?

– Ты строишь какие-то гипотезы.

– Само собой, Джон. У меня не так много информации.

Приходиться додумывать.

– И задавать вопросы.

– Верно.

Пальцы Джона стали неспешно барабанить по тканевой обшивке дивана. Он о чем-то задумался, а после неожиданно усмехнулся и уставился мне в глаза.

«Никуда ты не денешься, Джон».

– Ты смотрел на меня. Мне не могло показаться... Неужели ты узнал меня? Где еще ты меня видел?

– Я говорил тебе о способностях, – неожиданно резко и холодно ответил Джон, немногим позже после моих слов. Он еле сдержался, чтобы не прервать меня. – О том, что у нас есть чуточку больше того, что есть у тебя, у Розали, у твоей подруги... У всех остальных. Мы можем то, что не могут другие. Например, слышать то, что происходит за многие километры от нас. Или слышать шепот в соседней комнате,

за закрытой дверью...

Ребята вновь громко рассмеялись и продолжили оживленно беседовать между собой. Мне пришлось наклониться вперед и прислушаться к Джону.

– Я знал, что ты будешь там, – сказал он. Лицо его стало чуть мрачнее. – Пожар не был случайностью. Его спланировали. Это я слышал как раз в тот момент.

– Ложь.

– Разве? – тьма обрушилась на меня неподъемным грузом. Джон не сводил с меня глаз. – Как просто все списать на неполадки в проводке, на нарушение техники пожарной безопасности... Вот только здание совершенно новое. Оно обошлось кругленькой суммой хозяину. Хотел бы он, чтобы в день открытия произошло нечто подобное?

– И кто же, на твой взгляд, устроил пожар?

– Ты знаешь ответ. Они ведь за тобой туда шли.

Бред.

Шок онемением повис в каждой мышце тела.

– 4 человека. О них знал и Дориан. Двое вошли следом за вами. Двое проникли в техническое помещение за сценой.

– Ты знал.

Вот чего он не говорит. О чем утаивает. Иначе зачем? Только лишь, чтобы выглядеть героем на фоне других.

– Ожидал.

– Как вы узнали о том, что будет? Как ты мог слышать?

– Особые навыки.

– Говори правду.

– Чтобы я не сказал, все будет для тебя ложью или бредом.

Нет? Ты согласна верить мне?

Как долго я его знаю? Незнакомец, который пытается втереться в доверие? Или старый друг, которого я не знаю?

– Жертвы, Джон... Столько людей. Все это из-за...

– Обсудите это потом.

Я повернула голову к Дориану. Впервые за долго время я услышала его голос.

До этого он витал в своих мыслях, разглядывая сложный многофункциональный пульт рядом с собой. Я сделала над собой усилие и замолчала, стараясь не думать о Джоне и его словах. Если бы я не повысила голос, нам бы никто не помешал.

– Мандала исцеления, – почти шепотом сказала Ася, когда обратила внимание на мой изучающий взгляд к ковру на стене. – Чувствуешь что-то?

– Пока ничего, – заторможено поступил ответ от меня. – А что я должна почувствовать?

– Ничего, – в очередной раз подняла она плечи. – Ничего не должна. Но могла бы... Просто поинтересовалась. Может что-то среагировало в тебе на нее.

– Нет, ничего не чувствую, – я нервно сглотнула и улыбнулась.

В комнате зазвучала гитара. Я повернула голову в сторону Дориана. Он словно нас не видел. Пододвинувшись к мик-

рофону, он начал эмитировать басы и некий гул. Все мое существо притаилось.

Фил резко потянулся к пульту и включил запись, на ходу напяливая наушники.

«Это такая тайна. Наша маленькая тайна.

Наш свет и наша благодать.

Пой ее мне. Пой еще, чтобы я мог уснуть.

В этой тени, в этой волне. Пусть здесь будет темно.

Я чувствую эту благодать, этот долгожданный сон.

Спой нашу, нашу тайну.

Спой мне, моя святыня.

Спой нашу, нашу тайну.

Спой мне, моя святыня.

Ты чувствуешь этот покой?

Это такая тайна. Наша маленькая тайна.

Наш свет и наша благодать.

Ты чувствуешь этот долгожданный сон?...

Наш свет и наша благодать.

Ты чувствуешь этот долгожданный сон?...

Мой свет, моя святыня, моя душа.

Спой мне, спой мне, пока я не закрою глаза.

Спой мне, спой...»

Музыка умолкла раньше, чем последние слова Дориана прервались. После того, как он замолчал, вокруг образовал-

ся вакуум. Пустота, которая исходила от Дориана, проникла внутрь меня. Я опустила голову и уставилась на свои руки. Впервые я увидела его таким. Ненавидеть и раздражаться гораздо проще. Сейчас мне некомфортно даже думать о том, что сподвигло его выбрать именно эту композицию. Гнетущая атмосфера печали повисла в воздухе.

– Вот это действительно было круто! – заулюлюкал Фил, хлопнув в ладони, от чего я вздрогнула.

– Чуть позже повторим, – сказала Ася.

Казалось, никто не замечал перемен в парне. Зная его всего пару дней, я могла сказать, что он производил впечатление эмоционального, порывистого и мятежного человека.

Сейчас же он скорбел.

– Тексты песен, – шепотом обратилась я к Джону. – Вы сами их пишете?

Словно вырванный из глубоких размышлений, он нехотя отозвался на мой голос. Эта статуя, холодная и неподвижная, снизошла до меня с запоздалым ответом.

– Чаще всего да, – ответил парень.

Джон к инструментам так и не подошел.

Болезненная энергетика, исходившая от Дориана несколько минут назад, скользкая в каждом ударе по грифу и в каждой ноте, что он производил, повисла во мне, словно морозный туман. Прийти в себя оказалось тяжелее, чем я думала. Голова была забита кучей новой информации и сотнями новых вопросов.

Мне становилось хуже.

Из-за отсутствия окон в помещении, напрочь терялось ощущение времени и пространства. Отчужденность и изолированность сделали комнату похожей на тюрьму. Спустя несколько часов пребывания здесь, несмотря на добрую компанию, захотелось выйти на свежий воздух. Я посмотрела на экран телефона.

– Нам нужно ехать, – внезапно произнес Джон.

– Уже? – в унисон воскликнули Ася и Фил.

– Да, – протянула я. – Еще нужно в одно место.

– Ну вот! Вечно вы кайф обламываете, – бубнил Фил, развалившийся на диване.

– Нам правда нужно ехать, – я достала листок из кармана и бегло прочла пункты. – В первую очередь за продуктами.

Ребята выругались, но все же согласились с тем, что дорога не ждет. Время клонилось к семи вечера. Мы поднялись в квартиру, оделись, попрощались с Асей и вышли с парнями на улицу. Фил жил в том же районе. Его мы высадили буквально через пару минут как отъехали от дома Аси. Дэни же ехал с нами до самого гипермаркета. Попрощавшись и с ним, мы остались втроем. Я шумно выдохнула и прикрыла глаза. Слабая усталость приятно щекотала нервы. Отдав список Дориану, я повалилась на сидения и практически уснула. Лишь возникшая гробовая тишина, когда машина остановилась, и Джон заглушил двигатель, вернула меня к реальности. Мы стояли на заполненной парковке.

– Черт, – простонала я.

– Тоже любишь ходить за покупками? – обратил внимание на мою ругань Джон.

– Там куча людей. И целый список.

– Пойдем! – не выдержал Дориан. – Быстрее начнем, быстрее закончим.

В ответ я пробубнила пару ласковых слов, но все же послушно вылезла из машины.

Меньше чем через час двери гипермаркета выплюнули нас на долгожданный морозный воздух. С двумя тележками, забитыми почти с горкой, мы возвращались к автомобилю. Будучи в салоне, пока парни складывали пакеты в багажник, я снова уснула.

В следующий раз я открыла глаза в лесу. Слабое, но приветливое свечение фонарей на подъездной аллее мигом оживило меня. Я выпрямилась и принялась искать телефон, выпавший из кармана куртки. Джон медленно проехал дальше крыльца, обогнул дом и нажал кнопку на небольшом пульте, что лежал у селектора коробки передач. Металлическая стена в фасаде дома двинулась с места, и через какое-то время показался подземный гараж. Мы проехали вниз и остановились среди других машин. Следом опустилась дверь.

– Пришвартовались! – усмехнулась я.

В помещении стояло несколько автомобилей. Почти все прикрывались чехлами, кроме машин Джона и Мэри. У самой дальней стены, под простым клетчатом одеялом, стоя-

ло нечто. Корявые куски металла касались пола, а помятое, вышедшее из своей орбиты колесо, косо выглядывало из общего ряда машин.

«Гризли» – подумала я.

Дориан открыл железную дверь в дом и вышел из гаража. Остались только я и Джон. Он терпеливо ждал, пока я осмотрюсь.

– Очень много машин, – констатировала я, не выдержав возникшую паузу.

– Возможно.

– На любой случай жизни?

– Практически, – апатично ответил парень.

Я прошла к двери, куда минутой назад самоликвидировался Дориан и остановилась.

– Мы можем сейчас поговорить?

– Здесь нас не слышат, – Джон остановился в паре шагов от меня, расстегивая пальто.

– У меня еще пара вопросов.

– Что именно тебя волнует?

Я шумно вздохнула и засунула руки в карманы.

– Ты знаешь, что я хочу спросить.

– В общих чертах, – проговорил парень.

– Что вчера вечером произошло?

Джон несколько секунд молча смотрел перед собой. Мне было до жути любопытно, что за мысли в его голове сейчас. Думает ли он о каждом слове, что с опаской произносит?

– Приступ – то, что сказал Сэм, подходит как нельзя лучше.

– О какой твари вчера говорил Дориан?

– Он полагает, что одна личность замешана в том, что случилось.

– Ты знаешь, кто и как это сделал?

Повторная пауза. Ответ не находится? Или же Джон не хочет его озвучивать?

– Ты же знаешь, Джон... – произнесла я едва ли не шепотом. – Ты все знаешь. Даже больше, чем Розали.

Голова парня повернулась в мою сторону и меня накрыла мгла его глаз.

– Знаю.

– Почему не расскажешь?

– Не хочу.

Я опешила. Вмиг этот человек стал для меня чужим и незнакомым. Маска равнодушия на его лице вызвала во мне стихийную ненависть.

Он знал ответ. Знал ответы на все вопросы. Меня не покидало чувство, что я задала не тот вопрос. Именно он вызвал в нем раздражение. Из-за него Джон вновь принял на себя маску равнодушного жестокосердного чужака. Я поняла, что совершила ошибку.

Ярость, зародившаяся в глубинах моего сердца, волной обжигающего пламени выплеснулась наружу. Кожа стала гореть, а руки забила безудержная дрожь. Я дернула на себя дверь

и вышла прочь. Далее следовала котельная, пара дверей и витая лестница вверх. В тот вечер я больше не спускалась к остальным. На мое счастье время клонилось к позднему вечеру. Сославшись на усталость, я заперлась в своей комнате, где уснула спустя пару часов, изведенная собственными истериками.

Глава 10. «Химера»

«Вновь в мечтах моих я вижу тебя!

Вновь твой облик возникает передо мною! не таким – ах! – каков ты ныне,

в долине хлада и тени, но таким, каким ты должен был быть –

расточая жизнь на роскошные размышления в граде неясных видений,

в твоей Венеции – в возлюбленном звездами морском Элизуме,

где огромные окна всех палат, построенных Паладио, взирают с глубоким и горьким знанием на тайны тихих вод.»

(Эдгар Аллан По «Свидание»)

– В смысле «ты остаешься здесь»?

– Вилл, было принято решение, что ради твоей безопасности, нужно поступить именно так.

– Чье конкретно мнение учитывалось? Мое могу озвучить?

Ревя и меча молнии, я отшвырнула в сторону сумку, которую начала собирать минуту назад. Следующая по пятам мама, не оставляла попыток довести меня до истерики. Она не унималась и продолжала говорить с моей спиной.

– Это для твоей безопасности! В этом доме тебе будет лучше!

– Мне плевать! Ты лишаешь меня выбора!

– Ради тебя, Вилл! Ради твоей жизни!

– Что происходит? Ты слышишь себя вообще? Объясни, чего ты так боишься? Кто эти демоны, из-за которых мы все тут прячемся?

– Я все объясню, когда мы разберемся, поверь! Сейчас, это необходимо. Я не хочу, чтобы все снова повторялось.

Я развернулась к матери и буквально наступила на нее. Карие глаза дрожали от злости.

– Что им нужно? Почему я?

В то утро беседа с Розали, как ни странно, не привела ни к одному устраивающему всех исходу. Произошедший между нами скандал слышали все. Даже Джон. Родители уехали, оставив меня в доме Кроутеров. Минимальное количество логики, которое я видела в принятом ими решении, отвергалось мною с омерзением. Со мной не разговаривали, мне лгали, а теперь против воли оставили здесь. Учитывая необычайные способности моих новых соседей, я подозрева-

ла, что выбраться мне будет несколько сложнее. Чем больше я думала об этом, тем сильнее крепла во мне смесь обиды, злости, отторжения и ненависти ко всем без исключения.

Машина отца исчезла среди деревьев. После этого в стену влетела одна из моих книг, которую я прихватила с собой из дома. Сидевшая у двери, Никки заскулила и забилась носом в щель дверного проема над полом. Со мной ей оставаться не очень хотелось. Я выпустила ее в коридор и заперлась на замок. Стены моей сиреневой спальни стали давить на меня, словно в каком-то психологическом триллере. Никогда прежде я не чувствовала себя настолько бесправной и бессильной. Я задыхалась здесь.

Предстоящие экзамены в перспективе были завалены. Думать о них, тем более готовиться, я не могла. В голове не нашлось места ничему другому, кроме как мысли, что меня заточили здесь, лишили возможности решать свою судьбу, что мне лгали и держали за маленького ребенка.

За весь день я не выглянула из комнаты. Голод и нервозность ослабили, из-за чего я повалилась на пол у кровати и, запрокинув голову, уставилась в потолок. Так длилось больше часа. Пришедшее на телефон сообщение от Мэри не вызвало у меня никаких эмоций. Я бегло прочла содержимое.

«Давай я принесу тебе поесть?»

Я игнорировала. Уже вечером пришло еще одно сообщение.

«Вилл, пожалуйста, пойми нас. Мы бы не стали делать

что-то во вред тебе».

Я открыла дверь через полтора часа. В доме ни звука. Подойдя к лестнице, я остановилась. Из гостиной, сцепив руки в замок у груди, нетвердой поступью вышла Мэри. Она смотрела на меня.

– Я выясню, в чем здесь дело, – произнесла я. Звук моего голоса прозвучал неестественно пугающе для меня самой. – Если мне никто не хочет помогать, я сама найду людей, что напали на нас и решу вопрос со своей жизнью и тем более свободой. Мне плевать кто они и зачем им это все. Я в состоянии постоять за себя.

– Вилл... – выдохнула Мэри, опуская руки и делая шаг к лестнице, но я ушла, не желая слушать ее.

Утро. Шесть часов. Я вышла из отведенной для меня комнаты и спустилась на первый этаж. В доме царил полнейшая тишина. На заваленной бумагами столешнице лежит незамысловатый томик бледно-зеленого цвета. Не обратив на него ни малейшего внимания, я прошла мимо, к плите. Первый рабочий день после выходных. Через три часа у меня был экзамен по истории древних культур, к которому, конечно же, я не готова.

– Привет.

«Нет, нет, нет... Нет! Только не это».

– Привет, – рефлексивно вторила я. В шесть часов утра, в понедельник, полагается быть недовольной и ненавидящей

все вокруг. Какое облегчение.

Окинув рассеянным взглядом сидящего за пустым столом Джона, я подошла к плите и взяла турку. Благо я купила кофе про запас и весьма неплохой. Залив в чашку холодной воды, тем самым отмерив необходимое мне количество, я вылила содержимое в турку. Пока шел процесс приготовления кофе, я достала телефон из кармана джинсов и прочла сообщение от Наты.

«Чееерт!» – гласило ее утреннее послание.

Я принялась набирать сообщение в ответ.

«Вот и оно! То, чего мы так ждали».

– Я отвезу тебя сегодня.

Голос за спиной был тих и внятен. Я замерла на мгновение, проникаясь смыслом этой фразы, после нажала «отправить».

– И завтра тоже. Отвезить и забирать тебя с учебы буду я.

Далее сообщение от Наты гласило о том, что она проклинала этот мир, учебу, утро и все остальное.

– Розали передала тебе кое-какие вещи.

«Да, согласна. Сколько бы мы не отдохали, нам мало» – отправила я.

– Угостишь кофе?

Застигнутая врасплох, я не сразу сориентировалась в действиях. Я отложила телефон и опустила голову к жерлу турки. Придется доливать.

– Ты с сахаром пьешь? – я продолжила стоять спиной к

собеседнику.

– Все равно.

– Без сахара, – произнесла я, и далее перешла в тихое, едва слышимое мне самой бормотание под нос. – Так как я пью без сахара.

«Я, кажется, впервые рада тому, что появлюсь на занятиях».

«Это из-за заточения? Ха-ха».

«Именно».

– Ты не против того, что я буду с тобой?

Странно, что голос Джона кажется таким спокойным. Я не говорила с ним пару дней, а сейчас так некрасиво себя веду, стоя спиной к нему. Сделав усилие, я обернулась. Его взгляд метнулся к телефону в моей руке.

– Полагаю, у меня нет выбора, – ответила я.

– Сэм, Александр.

Я подтянула к себе стул и села рядом с плитой.

– Это важно? – выражение пренебрежения и равнодушия в лице ощущалось мной более откровенно. Я понимала, что проявляю неуважение и делала это намеренно. – Важно кто именно будет рядом?

«Победа!»

Губы Джона сжались в тонкую полоску, а похолодевший взгляд скользнул по мне сверху вниз. Интересно, выведу ли я его сегодня из себя...

– За тобой, как правило, следовали мы с Дорианом, – спо-

койно ответил парень, выдержав недолгую паузу. – Если бы-
ла повышенная опасность, помогали и Сэм, и Алекс.

– Повышенная опасность?

– Да. Угроза нападения.

– И как вы предвидели такие нападения?

Джон подался вперед и, опершись локтями в стол, вонзил в меня свой неподъемный взгляд. Руки его в замок были сцеплены у самых губ.

– Были свои источники, – ответил он.

– Даже интересно какие, Джон.

Холод его глаз затрещал в воздухе. Спустя миг он несся пургой в мою сторону.

– Вилл. Я знаю, что ты винишь нас. Тебе кажется, что мы как-то к этому причастны...

– Я не права? – перебила его я. Пенка в турке поднялась к самой верхушке воронки, и я еле успела убрать кофе с огня. – Ты, частности, Джон. Давай каждый будет отвечать за себя... Ты замешан в чем-то?

Сдавленный смешок. Острые клыки, немного выпирающие вперед, врезались в бледно-лиловые губы. Парень опустил голову. В нем таилось нечто хищное.

– Даже если и да, какова вероятность что я тебе об этом скажу?

Меня вдруг посетило чувство животного страха.

Я молча взяла вторую чашку, старательно пытаюсь унять дрожь в кистях рук, прошла к парню и поставила ее перед

ним. После я молча села на свое место, не удостоив собеседника даже самым незначительным и мимолетным взглядом. Если я дам слабину, все будет кончено. Мне нельзя позволить им увидеть мой страх.

Больше мы не обменялись ни словом. Всю дорогу в город я молчала, продолжая отсекаать всякую возможность взглянуть на своего спутника. Нацепив наушники, я отвернулась к окну и задремала. Очнулась я только когда автомобиль остановился. Перед нами возникло здание университета. Я протерла глаза и осмотрелась. Мой водитель уставился в окно перед собой и терпеливо ждал, когда я провалю из его машины.

– Я заканчиваю в районе двух. Точно сказать не могу, – ничего не выражающим голосом бросила я и, взяв сумку, потянулась к ручке двери.

– Хорошо.

«Отлично. На несколько часов я без присмотра».

– Постой.

– Что? – наклонилась я в салон, стоя на заснеженной дороге.

В ответ молчание. Иногда мне казалось, что парень не в себе. Глядя перед собой, он молча вернул руки на руль.

– Я тороплюсь! Напишешь, что хотел, – закрыв дверь, я побежала к зданию университета.

«Какая смелость!» – восклицала я самой себе.

Ната стояла у нужной аудитории. Загипсованная рука бы-

ла скрыта за толстой шерстяной накидкой, перекинутой поверх плеча. Подруга встретила меня крепкими и продолжительными объятиями. Мы не успели разговориться, как тихий ропот пронесся по нашей группе.

Наш преподаватель истории никогда не опаздывал. А иногда и приходил раньше. Лекция либо экзамен начинались в тот же момент, когда он появлялся в аудитории. Соответственно, поговорить с подругой у меня не вышло. Мужчина лет шестидесяти, невысокий, ссутуленный, в старом, твидовом костюме, открыл дверь в аудиторию и отошел в сторону, с просьбой пройти группу внутрь. Мы с Натой сели на втором ряду, перед нами никто садиться не рискнул. Предстоящей экзекуции боялись все.

– Нам всем с детства говорят, что бог живет на небесах, – как только образовалась абсолютная тишина, начал мужчина. – Там, наверху... Говорят, что он видит все. Людей, их поступки, их проблемы, даже их мысли. Так говорили и мне, когда я начал изучать религию. Богу не нужно рассказывать о своих проблемах. Он все знает. Один вопрос! Зачем тогда мы с ним говорим? Зачем люди молятся? Зачем рассказываем ему о болезнях, засухе, голоде, о том, что нас кто-то обижает, что кто-то нас не любит... Он же все знает! Так вот все боги, которых знает история, все боги, которым когда-либо молились люди разных наций и религий в разное время – это плод трудов человека. Его сделали таким же, как и мы. Ему придали лицо, чувства, эмоции. Все боги, о которых я

читал. Все они похожи на людей. Они все напрямую зависели от людей, которые жили в то время, были воссозданы их образы, их слова были процитированы таким же человеком, как и мы с вами. Боги были описаны нами же. Правда или нет их существование... Хотя бы одного из них. Верны ли их описания, их намерения, их слова и идеи. Мы не узнаем. Мы никогда не узнаем. Жизнь – это то, что есть здесь и сейчас и эта жизнь дает вам возможность делать что угодно. Что, как и где угодно. Выбор за людьми. То, что можно, а что нет – это лишь то, что воплотили люди в законах и уставах, ссылаясь на богов. Так вот история... То, ради чего я здесь и ради чего здесь вы – это изучение того что видели, делали, о чем думали и о каких богах писали люди во все века. Мы не обсуждаем здесь религию. Мы не обсуждаем политику. Мы говорим о людях и событиях. О таких же людях, которые были до нас. Так вот я прошу вас, как и всех своих студентов, отбросить любые предрассудки. Здесь мы говорим о том, что нас волнует и беспокоит в прошлом. Любого, у кого будут вопросы либо замечания по обсуждаемым темам, прошу молча поднять руку и как только я доведу свою мысль до конца, я попрошу вас высказаться.

За нашими с Натой спинами кто-то поднял руку. Профессор повернулся в нашу сторону и попросил одного из студентов задать вопрос.

– У нас по расписанию сегодня экзамен, верно? – произнес мужской голос.

Профессор сделал попытку выпрямиться и качнул головой.

– Да. Все верно, – отвечал он. – По расписанию у вас сегодня был экзамен, однако я счел необходимым привести вас в чувство после продолжительных выходных более деликатным способом. Сегодня я бы хотел провести семинар и побеседовать с вами. Тему можете выбрать вы. А могу я. Если хотите, можем кратко обсудить пару вопросов из предстоящего экзамена.

Группа сошлась на том, что последнее предпочтительнее всего. Профессор прошел к доске и, отодвинув стул из-за стола, двинулся к трибуне. Далее он поставил стул почти напротив нас и сел.

– Насколько я правильно понял, ваш преподаватель по психологии и социологии сегодня отменила лекции. Верно?

– У нас стоял зачет! – загудела группа.

– Зачет... – повторил мужчина, осматривая студентов. – Староста, не могли бы вы встать?

Девушка, Анна, сидевшая на самых верхних ступенях, встала с места.

– Я староста.

– Отлично. Вы не могли бы уточнить ситуацию с преподавателем? Нужно иметь представление о ваших сегодняшних занятиях. Возможно, если ее действительно сегодня не будет, имеет смысл вас немного задержать и коснуться еще пары экзаменационных вопросов, дабы в пятницу вам было

проще.

– Хорошо, – ответила староста и направилась к двери, шумно стуча острыми каблуками по деревянным ступеням.

По ее возвращению мы узнали, что действительно, после истории у нас не стоит занятий и мы свободны. Несмотря на согласие профессора помочь нам с подготовкой дополнительных вопросов, группа дала понять, что не горит желанием сильно задерживаться.

– Выбор за вами. Мы можем уйти по расписанию, – произнес преподаватель. – А можем максимально охватить хотя бы первые десять вопросов.

– Да!

– Хорошо!

– Так и сделаем!

Мужчина согласился и хмуро покачал головой.

– Хорошо. Тогда давайте... – он посмотрел на свои наручные часы. – Тогда, предлагаю отпустить вас 11. Удобно?

– Да! – хором отозвалась группа.

К слову сказать, это был единственный преподаватель, на занятия к которому было приятно ходить не только мне, но и большинству группы. Он всегда был очень лоялен и шел на встречу. Тому, что он отменил экзамен сегодня, я была рада даже больше, чем дню рождения. Я не верила в качество своей подготовки, поэтому перенос экзамена на пятницу – подарок, каких поискать.

Семинар прошел довольно быстро. Группа не спеша по-

следовала к двери аудитории, и лишь несколько ребят реши-
ли подойти к преподавателю со своими вопросами. Мы с На-
той вышли в коридор.

– Как на счет пойти погулять? – спросила подруга, едва
не летя над землей от счастья.

– Шутишь? За мной же должны приехать.

– И? Тебе нельзя уделить время простой прогулке? Брось,
Вилл! Пройдемся хотя бы по магазинам.

Я шумно выдохнула через нос, в попытках набраться тер-
пения. Подруга знала о моем заточении и о том, что за мной
идет контроль. Не вдаваясь в подробности, я рассказала ей
то, что происходило. Понимания, конечно, у рыжей это не
вызвало. Я и не рассчитывала на это.

– Я не могу.

– Почему? – не унималась Ната.

Мы двигались в сторону гардероба. До перерыва остава-
лись считанные минуты. Вот-вот толпы студентов выльются
из аудиторий в коридор.

– Не могу и все.

– Ты просто не хочешь! Было бы у тебя хоть малейшее
желание провести со мной время, ты бы позвонила им и по-
просила хотя бы пару часов!

Ната бубнила на протяжении всего пути. На ее выпады я
не отвечала, поскольку не хотела ни вдаваться в объяснения,
ни спорить с подругой. Получив свои куртки, мы останови-
лись у одной из скамеек в холле.

– Черт!

Я засунула руки в карманы джинсов, проверяя наличие пропуска. Карточки не было.

– Пропуск? – догадалась подруга равнодушным голосом.

– Да. Я, кажется, оставила его в аудитории.

– Тебе не дадут ключ от нее.

– Знаю.

– Что будешь делать?

– Пойду искать его. Может, в коридоре выронила.

Подруга пожала плечами и продолжила одеваться. Она демонстративно оставалась держать безучастный вид. Что ж, ее дело.

– Созвонимся, – буркнула я, приобняв ее за плечи.

– Пока, – тихо ответила она, явно удивленная тем, что я не стала молить ее о помощи.

Я взяла рюкзак в руку и направилась по обратному пути. Пока не прозвенел звонок, у меня было время спокойно поискать пропуск. Выйдя из фойе, я свернула налево. Южное крыло здания все еще пустовало. Я прошла несколько метров и, дойдя до лестницы, осмотрела ступени и каменный пол. Пусто. Поднявшись на второй этаж, я остановилась. Ничего нет. После этого я сделала шаг в арку, решив продолжить поиски в коридоре второго этажа.

От сильного толчка в плечо меня откинуло обратно, в сторону лестницы. Зацепив высокий порог каблуком, я упала на каменный пол и приложилась затылком о литую чугунину

лестничных перил.

Надо мной стояла девушка. Первое что бросилось в глаза – это ее длинные седые волосы. Они были собраны в высокий хвост, почти на самой макушке. Я вгляделась в ее лицо. Глаза имели неестественный серебристый цвет, отливающие из простого серого в сияющий белый, словно девушке залили в радужку ртуть. Лицо у нее узкое, с острым подбородком, прямым вытянутым носом и изогнутыми темными бровями. Крупные иссиня-черные губы растягивала холодная улыбка.

Я поднялась на ноги. Незнакомка оказалась ниже меня ростом. Я бросила ей что-то несвязное, недовольное, полное обиды и злости, что-то, в чем были слова, но не было никакого смысла, а после сделала шаг назад, проектируя в голове дальнейшие действия.

– Привет, – прошептала она.

В следующий миг она оттолкнула меня к стене и прижалась всем телом. Зрачки ее глаз были не больше головки булавки. В радужках виднелись микроскопические вкрапления черного. И глаза действительно светились. Моя рука сама собой поднялась над ее плечом и, едва я попыталась ответить на ее выпад, она отодрала меня от стены и с чувством ударила о нее вновь. Затылком я почувствовала повторный удар в том же месте.

– Слабая, слабая... – внезапно стала шептать она. – Слабая... Такая слабая Вилл.

Я опустила глаза и вгляделась в черты ее лица.

Вот так мы и встретились? Та, из-за которой все началось?

Увидеть такую молодую, на первый взгляд хрупкую девушку, без охраны, без оружия, без чего-то, что так сильно пугало моих родителей. Ну что за удача!

– Кто ты?

Она рассмеялась.

– Такая никчемная, – продолжал шелестеть ее змеиный язык. – Зачем ты им... Зачем они держатся за тебя?

Ошибки быть не может. Это не выдумка. Она здесь, и она причина, почему все началось.

Каким-то чудом я оттолкнулась от стены за собой и пихнула девушку в грудь. Та отпрянула, продолжая улыбаться. Чувство злости и ненависти обожгло внутренности. Кожа начала пылать. Я сделала быстрый рывок вперед, с четким намерением ударить девушку. Шлепок по ее щеке болью отозвался в руке. Раны на ладонях еще не зажили. Тот факт, что девушка продолжала улыбаться, словно умалишенная, пугал и злил одновременно. Ей словно доставило удовольствие то, что я нанесла ей ответный удар.

Стена вновь напала на меня сзади. Окружающий мир ушел в тень. Губы стали неметь.

– Больно? – прозвучало где-то рядом.

Рука незнакомки впивалась мне в шею, а острые ногти царапали кожу. Она отогнула большой палец и провела по нижней челюсти. Пытливый, холодный, ничего не выражающий взгляд устремлен на меня, пока я пыталась поймать свой ра-

зум и что-то предпринять. Она подтянулась к моему лицу и притаилась. Ее дыхание скользнуло по коже. На губах, щеке, после у мочки уха... Что-то горячее и склизкое коснулось меня у самой шеи и медленно поползло вниз. Я судорожно сглотнула, ощущая приближающиеся приступы тошноты.

– Отойди, – воскликнула я и сделала попытку толкнуть ее.

Девушка расхохоталась.

– Зачем ты им? Зачем ты ему?

Только сейчас я поняла, что моя рука была в западне. Я держала ее волосы и не выпускала их, оттягивая назад, но девушка не обращала внимания.

– Нет никакого смысла. В тебе нет ничего, что они ищут. Знамение – ложь. Не обольщайся. Я приду за тобой, как только докажу ей.

Я в очередной раз попыталась оттолкнуть от себя девушку, но она не сдавалась. Одна ее нога упиралась в пол позади, вторая зависла между моих коленей.

– Ты пустая.

Незнакомка сжала мое горло.

– Ты проиграешь.

– Пошла ты, – я рванула волосы девушки от себя. Это ни к чему не привело.

– Передавай привет Сэму, – произнесла она.

Ее смех эхом пронесся по лестничным пролетам. После рядом со мной раздался какой-то щелчок. В кожу головы вонзились десятки острых игл. Она вырвала прядь волос

прямо из того места, которым я ударилась о перила. Когда горло отпустило, и я смогла сделать почти полноценный вдох, мое тело ослабло и сползло по стене вниз. Опустившись на пыльный каменный пол, я осталась сидеть в полном одиночестве, изо всех сил пытаюсь не терять связь с реальностью.

Моя рука в крови. Кожа на пальцах исполосована тонкими порезами и среди них еще оставались редкие светлые волосы. Поднеся руки под струю ледяной воды, я не сдержала тихое шипение. Сознание постепенно возвращалось ко мне. Я пялилась в свое отражение в университетском туалете, умоляя рассудок прийти в норму. Редкие студентки, появляющиеся здесь, подолгу смотрели на меня ровно до тех пор, пока я не переводила взгляд в их лица. Вид был явно не очень, раз одна из девушек даже предложила помочь. Когда руки стали вновь белыми, я наклонилась над раковиной и принялась мыть шею, в том месте, где касался кожи язык напавшей девушки. Мне казалось, что я вся была в ее запахе, в ее слюне и в ее волосах. Дикое желание смыть с себя ее прямо сейчас переполняло меня. Я не могла избавиться от ощущения ее рук на своем теле, от ощущения ее присутствия рядом. Еще минута и меня бы вывернуло наизнанку прямо в раковину женского туалета. Всем адекватным и трезвым, что у меня оставалось, я пыталась отвлечь себя на нечто менее отвратное, надеясь, что это поможет мне забыть произошедшее. Позабыв об этой девушке на какое-то время, я смогу

минимизировать в дальнейшем ее присутствие в своей памяти. По крайней мере, мне не будет хотеться содрать с себя кожу, как сейчас.

Я представила себе руки Джона. Не знаю зачем. Это вышло само собой. Ненамеренно.

«О Вилл... Что ты делаешь?» – болезненно прошептал мой разум. Он просил сжалиться. Зачем эта мука?

Они отличались от моих. Кожа казалась тоньше. На ней чаще виднелись вены, и цвет их плетения был более заметным. Костяшки кулака имели более насыщенный, розоватый оттенок. В целом кожа на руках отличалась тем, что не имела такого явного снежного оттенка, как, скажем, на шее или ближе к локтям. Чуть темнее. Скорее всего, дело именно в венах. Издали, если смотреть на руки Джона, когда он находился за рулем, они могли отдавать синевой. За столом, в день ссоры с Розали, я заметила, что у парня были кольца. Большой палец левой руки украшал простой строгий обод из толстого слегка затемненного серебра. Ни узоров, ни камней. Средний палец той же руки носил уже более искусное украшение. Это кольцо было покрыто черным материалом, по типу эмали или камня. На правой руке, на указательном и среднем пальце парень носил два довольно похожих кольца. Одно было выполнено из серебра, слитого и обработанного так, что казалось, будто делали это голыми руками. Оно выглядело негладким, неровным, будто из грубого камня. Второе же кольцо, на указательном пальце, повторяло структуру

и форму первого, но было украшено небольшим декором в виде кроны дерева с низким стволом и раскинувшимися в разные стороны ветвями.

Мне вдруг показалось, что я смотрела на эти руки очень давно. Будто они уже есть и были в моей голове. Будто это не руки нового знакомого, а руки человека, которого я не то, что знала, скорее даже уже разглядывала с тем же интересом и пытливостью. От этого чувства мне резко стало не по себе. Я сжала кулаки, отошла от раковины и в последний раз бросила на себя придирчивый взгляд.

Перерыв кончился. Я вышла из туалета и медленно двинулась по коридору, к лестнице на первый этаж. По пути я столкнулась с парой студентов, одного, кажется, даже немного задела в плечо. Голова болезненно ныла и саднила в задней части. Мои попытки привести себя в порядок оказались тщетны. Едва я вышла в полный студентов коридор, стало ясно, что выглядеть как ни в чем не бывало у меня не выходит. Я замечала удивленные взгляды людей вокруг. Дойдя до скамейки, я села и закрыла лицо руками.

Нужно приходиться в себя.

Джон ждет моего звонка в два часа, а сейчас нет и полудня. Открыв рюкзак, я потянулась к телефону.

Тоскливый истеричный вой едва не вырвался из моего рта. Пропуск лежал в том же кармане, где телефон. Стало быть, я зря тащилась на его поиски.

– Да, Вилл, – ответил голос в телефоне.

– Я закончила. Ты далеко? – вполголоса произнесла я.

– На парковке. Жду тебя.

– Иду.

Я подошла к зеркалу, висящему на стене напротив главного входа. Зеленоватый оттенок кожи лица почти пропал. Я рассчитывала, что холод и стужа на улице приведут меня в чувство, поэтому не обратила на это внимания. Следов крови не было. На голову я натянула шапку, спрятав склеенные взлохмаченные волосы. Одежда, казалось, была чистой. В целом, о том, что случилось, внешний вид выдать не мог. Наверное.

«Нужно идти!» – скомандовала я самой себе.

Накинув рюкзак на плечи, я выпрямилась и двинулась к выходу.

Морозный январский ветер закачал меня из стороны в сторону, подрывая уверенность каждого моего шага. Я ускорила, не сводя глаз с парковки впереди.

Черная Mazda стоял там же, где и утром. Вряд ли Джон простоял здесь все эти часы, но такое тоже могло быть. Хотя, на мой взгляд, это до жути скучно.

Я дошла до машины, открыла дверь и села на переднее сидение, шумно выдохнув в теплом салоне.

– Привет, – произнесла я вполне будничным голосом.

Секунда. Вторая. Третья.

– Неужели ты все это время тут стоял?

В салоне ни звука.

Я повернула голову и уперлась взглядом в лицо своего спутника, белеющее на фоне сумрака в машине. Он смотрел куда-то в район воротника моей куртки.

– Что?

«Не может быть.»

Я что-то забыла? Где-то кровь? Синяк? Что не так?

Сейчас я вновь почувствовала тошноту и почти физическое желание провалиться сквозь землю.

Он провел линию зигзага от моих глаз, губ, лица, шеи, плеч, до рук.

Я не могла поверить тому, что мой больной мозг верещал в ту секунду.

Джон знал, что произошло.

– Джон, я...

В следующую секунду он завел двигатель, и автомобиль сорвался с места. Меня вжало в спинку сидения, после отбросило к двери. Нам засигналили с разных сторон, однако парню было плевать. Он не в себе. Здание университета за рекордно короткий промежуток времени осталось позади меня. Вскоре сам кампус тоже исчез за нашими спинами.

– Джон, что происходит? Стой!

Стрелка спидометра подползала к сотне. Мужчина вывернул в сторону оживленной трассы, от чего участникам движения одной полосы пришлось резко затормозить.

– Джон!

Он молчал. Его безумство – зло. Я осознавала угрозу, ко-

торая исходила от него. Ощущала ужас, который испытывала рядом ним.

В зеркале заднего вида сверкнул свет фар машины позади нас. Водитель дважды включил дальний свет и набрал скорость. На мгновение я подумала о той девушке. Я бросила взгляд на Джона. Он включил поворотник и съехал на обочину.

За нами следовала машина Сэма. Из-за руля вышел Дориан.

– ... Что произошло? – услышала я обрывок фразы Дориана, когда Джон вышел на улицу и захлопнул дверь.

Они обменялись парой слов, после чего оба вернулись в салон. Внедорожник Сэма остался на дороге.

– Ну и вонь! – прорычал Дориан, сидевший сзади.

Сил сказать хоть слово у меня не нашлось. О чем он говорит?

Джон вернул автомобиль на дорогу и завиялял меж рядов.

– Тебе нужно в больницу, – проговорил он настолько пустым, ледяным, практически неживым голосом, что меня вновь скрутило чувство тошноты. Так говорят машины, роботы, никак не люди. – После я отвезу тебя домой.

– Я не...

– Вилл, сейчас будет лучше, если ты не будешь сопротивляться, – донесся до меня тихий, почти умоляющий голос Дориана. Охровые глаза застыли на мне с опасением.

Быть может, он прав. Я с ужасом следила за Джоном. Опу-

стевшие, почти безумные черные глаза смотрели прямо перед собой. Руки сжимали в кулаках руль. Под белой кожей прослеживались двигающиеся жилы и суставы. Они именно такие, какими я их представила несколько минут назад. Но сейчас мне абсолютно все равно.

Мы остановились у здания больницы.

– Уважаемая, что с вами произошло?

Усмешка в голосе врача меня напрягла. Его сухие горячие руки сжали мое запястье, застыв на точке пульсации.

– Ничего необычного. Студенческая потасовка, – ответила я ему.

– Ох уж эти студенты...

– Это не важно. Повздорила с подругой.

– Жаркий спор оказался у вас... Где вы ударились?

– Затылок.

Мужчина обошел меня и стал осматривать голову, куда я указала. В кабинете помимо нас с ним сидела еще пара сестер. Обе безучастно шерстили папки с бумагами ровно до тех пор, пока я не произнесла последнюю фразу «повздорила с подругой». Одна из девушек с любопытством остановила свой взгляд на моих руках.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Полное имя?

– Вилл Блэквелл.

– Те двое ваши друзья?

Я сжала губы и внимательно посмотрела на врача.

– Да. А что?

Несложно догадаться, о чем он говорил. Все возможно. Его не в чем упрекнуть.

– Вилл, вы здесь в безопасности. Можете сказать, если...

– Та девушка приревновала меня к одному из них, – тут же придумала я, чтобы не выслушивать лишнюю для себя информацию. – Они друзья.

Сестры переглянулись и вернулись к своим делам.

После небольшого анкетирования, мужчина продолжил говорить.

– Сотрясения нет, – начал мужчина, в то время как я неподвижно ждала, пока сестры закончат с ссадинами на моей голове. – Ушиб сильный, но не смертельный. Сон, обильное питье, никакого телевизора, компьютера и активных движений. Пару дней вам нужно отдохнуть. Никакого стресса. И передайте своим друзьям, что вас нужно беречь от подобного рода событий.

«Ох, они это и без вас знают, док».

Встреча с той девушкой значила одно – контроль за мной будет еще более жесткий. Скорее всего, я больше не выйду из дома. Никогда.

– Больше нет повреждений? – прервал мой неторопливый поток мыслей доктор.

– Нет.

За дверь меня вывели едва ли не за ручку. Парни стояли

в коридоре, у стены, напротив. Оба безучастно смотрели по сторонам. Лишь облик Джона был такой же враждебный и холодный как прежде. Я не решалась подойти к нему. Сейчас я боялась его сильнее, чем той незнакомки.

– Я в норме. Отдых, сон, много воды и мало стресса, – прожевала я, главным образом обращаясь к Дориану.

Тот медленно покачал головой, покусывая нижнюю губу. Стоявший по правую руку от него Джон развернулся и направился к лестнице.

– Идем, – махнул в его сторону Дориан, и мы направились к выходу.

Уже будучи в машине, сидя на заднем сидении, я подумала об одной странной вещи.

Если бы меня хотели убить, то сделали бы это. Я была одна, и никто не мог меня защитить, поэтому любой, даже та девушка, могли просто меня заколоть либо застрелить. Каков был смысл нападать вот так? Говорить подобные вещи? Разве что нападавшая преследовала одну цель – запугать. Ее слова все еще оставались шелестеть в моей голове. О ком она говорила? Каждое ее слово.

Я подняла глаза на сидевшего за рулем Джона. Затуманенный взгляд был приковала к себе заснеженная дорога. Дориан также мирно сидел впереди и молча следил за проезжающими мимо машинами.

– Я могу задать вопрос?

Ноль внимания от Джона. Поняв, что меня игнорируют,

Дориан решил отозваться.

– Задавай.

– Вы сразу поняли, кто это был?

– Да, – ответил Дориан.

– Как?

– По запаху.

– По запаху? – удивленно переспросила я.

– Да.

Духи незнакомки, если они у нее и были, я не чувствовала ни при встрече, ни позже. Каких-то дополнительных запахов, кроме смрада от едкого мыла университетского туалета на мне не было. Даже если напавшая и пользовалась парфюмом, как эти двое догадались, кому они принадлежали?

Я перевела взгляд на Джона. Между нами словно была многокилометровая пропасть. Он не видел и не слышал нас двоих. Под бледной кожей остервенело ходили мышцы челюсти.

– Давай мы позже все обсудим? Пока что тебе нужен отдых.

В словах Дориана сквозила просьба. Просьба посидеть молча хоть пару часов.

– Джон, тебе придется со мной говорить. Не делай вид, что меня здесь нет.

Он поднял глаза к зеркалу заднего вида и бросил на меня смертоносный испепеляющий взгляд, призванный убить меня. Однако внезапно в этом взгляде закралась затуманенная

ть догадки, словно что-то внезапно пришло на ум парню. Я с достоинством выдержала его внимание, не отведя глаз ровно до тех пор, пока сам Джон не вернулся к дороге. О том, что в этот момент его занимала далеко не я, мне и в голову не пришло. Мужчина стал уверенно сбрасывать скорость, включил поворотник и стал прижиматься к обочине. До машины Сэма мы еще не доехали. Впереди десятки километров. Мы с Дорианом вопросительно уставились на Джона.

– Вылезайте из машины, – произнес он.

– Что? – подала я голос.

Ровно секунду Дориан смотрел на друга, после повернулся ко мне.

– Вилл, нужно. Быстро.

Не успев сообразить, я открыла дверь и выскочила практически под колеса подъезжавшего к остановке автобуса. Парни вышли следом. Оба смотрели в сторону небольшого супермаркета в паре сотен метров от нас. Джон схватил меня за руку, крепко сжав мои пальцы, и повел за собой. Шаг у него был быстрый и широкий, мне пришлось почти бежать за ним.

– Что происходит?

Дориан двигался впереди. Когда мы перешли на бег, я догадалась, в чем могло быть дело. Лишь на секунду я успела обернуться и посмотреть, что могло быть за нами. Десятки удивленных взглядов прохожих и больше ничего. Люди столпились у небольших островков быстрого питания, ожидая

своей обед. При виде нас, многие стали недовольно чертыхаться. Я попробовала вырвать свою руку из мертвой хватки Джона, но он не отпускал меня. Проехавшись стоя больше метра на заснеженной наледи, я едва не повалилась на бордюр.

– Джон!

– Нет времени!

– Что? Почему?

– Джон, они следом! – крикнул Дориан.

Впереди, метрах в пяти от меня, стоял незнакомый парень. Его широко распахнутые глаза смотрели поверх меня. Они выражали страх. Я обернулась.

Тень, просачивающаяся сквозь тела прохожих, не замечавших ничего подозрительного, клубясь и трепеща от ветра, неслась за нами. Тьма стремилась по пятам, не отставая ни на шаг. Она росла и сужалась, периодически встречая какие-то препятствия, но путь ее неизменно лежал в нашем направлении. Это было похоже на дым, на густой ядовитый туман, окутавший людей, фонарные столбы, киоски и мусорные баки. Нечто появилось из ниоткуда и стремилось поглотить все вокруг. Появлению галлюцинаций я даже обрадовалась. Надо же, как интересно функционирует мой мозг! Неужели то, что за этим туманом настолько ужасно, что он решил скрыть его от меня?

– Что за...

– Быстрее!

– Не оглядывайся!

Рывком Джон ускорил бег и потянул меня за руку. Я повалилась следом, пытаюсь удержаться на ногах. Впереди появился спуск в метро. Туда бежал Дориан, и мы, соответственно, тоже. Спустившись по ступеням, наша компания двинулась в тоннель. Кто-то кричал в спину, обвиняя в невежестве, кто-то словно завидев страшный чернильный смог, бессвязно кричал. Джон оттолкнул тяжелые металлические двери, и мы оказались в центре подвижной толпы. В воздухе гудел тяжелый запах креозота.

Впереди нас ждали турники.

Обернувшись назад, в поисках надвигающейся тени, я с удивлением обнаружила лишь лица прохожих. Погони нет.

– Иди туда, – скомандовал Джон. Он указывал на пластиковые заслонки у самой будки контролера.

– Джон! Не успеваем! – крикнул Дориан.

– Бегите, – ответил Джон и выпустил мою руку.

Больше я его не видела. Толпы людей растворили его в себе.

Пол под ногами завибрировал. Приближался поезд.

– Вилл, быстрее!

Я послушно подбежала к боковому турнику. Оставшийся со мной Дориан перепрыгнул через металлические ограждения и ровно секунду ждал меня.

– Должны успеть, – сообщил он, когда за нами засвистели контролеры.

– Зачем мы бежим?

Он схватил меня за руку и понесся к эскалатору. Шагнув на подвижные ступени, я почти упала. Дориан поймал меня за плечи.

– Быстрее!

Следом за нами бежали двое мужчин в форме. Тени по-прежнему не было.

Распихав в стороны людей впереди, Дориан вытолкнул нас вниз, на твердый каменный пол. Далее нас ожидала кучка людей, собравшихся у пока закрытых дверей поезда.

– Не успеваем! – выдохнула я.

– Ты больная?!

– Полиция!

– Что вы делаете?!

– Стойте!

Дориан не слышал ничего вокруг. Мы ворвались в толпу, и он толкнул меня в спину, внутрь вагона...

За мутными запачканными стеклами, в нескольких сантиметрах от дверей вагона, стояла девушка. Ее маленькие костлявые руки прижаты к стеклу, лицо направлено к Дориану, а рот слегка приоткрыт, из-за чего казалось, что она напугана. Хотя в ужасе, в тот момент, была как раз я. У нее отсутствовали глаза. Пустые глазницы зияли в ее ужасном до боли печальном лице. Воплощение скорби, потери, обреченности и безумия стояло прямо перед нами, будто живой ночной кошмар. Парень оцепенел. Выражение ужаса на его ли-

це пугало также сильно как девушка на перроне. Вагон тронулся, воздух загудел, и девушка исчезла, словно что-то вытянуло ее назад. Она так и не отвела взгляда отсутствующих глаз с Дориана.

Пустых сидячих мест в вагоне не оказалось. Под натиском заинтересованных изучающих взглядов, я прошла к заднему выходу и повернулась спиной к людям, якобы мне что-то нужно в телефоне. Дориан, спустя полминуты, подошел ко мне, но лица от людей не отвел. Расстояние между нами – почти метр, но, тем не менее, тихий голос парня я слышала.

– Поезд движется в сторону твоего университета. Практически. Нам придется выйти на следующей станции, – проговорил он, пожевывая нижнюю губу и глядя на афиши перед собой. – Я буду в начале вагона. Сними шапку и собери волосы в хвост. Куртку тоже придется снять. Сложи ее внешней стороной внутрь и возьми в руку. Когда начнем тормозить, тебе нужно будет взять телефон, прислонить к уху и максимально правдоподобно с кем-то разговаривать. Наша задача – не привлекать внимание и слиться с толпой. Далее находим машину и уезжаем. Поняла?

– Поняла.

– На выходе будет полиция. Не бойся. Просто иди, улыбайся, разговаривай по телефону и двигайся в сторону дверей.

– А ты?

– Я выйду с другой стороны. Наверху, над нами, жилой

квартал. Там есть супермаркет. Вывеска в форме продуктовой корзины. Встретимся у входа.

– Хорошо.

Ни черта хорошего в этой ситуации не было. Нас преследовали, и я не знала кто именно. Теперь за нами гонится полиция. Вдобавок к этому, мы оставили Джона, и не ясно что с ним теперь.

Засунув руки в карманы и выжидая, пока поезд начнет сбрасывать ход, я остановилась на непонятном постороннем предмете, которого коснулись мои пальцы. Я достала его и пригляделась. Кольцо. Тяжелое, из толстого серебра, со строкой каких-то слов внутри, вдавленных в металл и слегка почерненных. Я подняла глаза на Дориана, но его рядом уже не оказалось. Поезд начал сбрасывать ход.

По приказу Дориана, я сняла шапку, спрятала ее в рюкзак, собрала взлохмаченные волосы, стараясь не задеть раны на затылке, после чего стянула куртку. Внутренняя ее часть была абсолютно черной и выглядела не слишком кричащей. Взяв телефон в руки, я приготовилась выходить. К сожалению, на этой станции людей выходило в разы меньше, чем входило, поэтому затеряться в толпе оказалось той еще задачей.

– Я не знаю, о чем она думала тогда! – воскликнула я, едва ступив на платформу.

По обеим сторонам от меня высокие каменные лестницы. И там и там стояли по двое мужчин в форме. Неужели они

ищут меня и Дориана?

– Понятия не имею, как так вышло, но мы долго над ней смеялись, – удивительно, но в подобном состоянии у меня вышло вполне естественно рассмеяться.

Я ускорила шаг, прижавшись к левой части платформы, где, на мой взгляд, людей двигалось больше. Подняв голову, в попытке проверить безопасность своего пути и примерно запомнить расстояние и расположение колон и скамеек, я заметила блуждающие выскивающие что-то в толпе взгляды мужчин у лестницы.

«Ааа! Ничего не выйдет!»

Истерически засмеявшись, я приняла выражение умалишенного вечно улыбающегося человека и зашагала вперед.

– Не представляю, как можно было так вырядиться! Над ней смеялись почти все, но она будто и не замечала этого!

За считанные метры до лестницы, я сделала аккуратный наклон головы вперед, словно пытаюсь разглядеть что-то под ногами, от чего волосы спали на лицо. Так мне казалось, что я менее заметна. Инстинктивная попытка спрятать лицо очень выручила. Скользящий взгляд мимо меня не повлек за собой ничего более. Мужчины так и остались искать кого-то в толпе, а я практически спокойно пошла дальше. Улыбка с моего немого лица не спадала еще несколько минут, до тех пор, пока я не увидела еще двух полицейских в дверях выхода.

«Черт!»

Ко мне в голову пришла гениальная идея в тот самый момент. Мне нужна компания!

Я окинула взглядом окружающих меня людей и выловила среди них молодую женщину, идущую к выходу прогулочным шагом. Мне она показалась довольно миролюбивой, от чего я загорелась слабой надеждой и решила подойти к ней. Держа телефон в руке, я открыла поисковик и двинулась к женщине.

– Подскажите, пожалуйста! – обратилась я к ней. – Прошу прощения...

Женщина повернула в мою сторону голову и нахмурила лоб.

– Да?

Мне пришлось сбавить ход, чтобы сравнять с ней скорость. Шла она, действительно не торопясь, словно прогуливаясь. До выхода оставалось несколько метров.

– Я не могу сориентироваться. Проехала уже несколько остановок, но не могу понять, куда мне идти, – растягивая слова, говорила я, подойдя вплотную женщине, создавая впечатление близости с ней. – Карты говорят, что где-то здесь находится здание университета...

Пара изучающих глаз столкнулась со мной у самых дверей. Мужчина словно задумался о чем-то, провожая меня взглядом до двери. Появились ли у него догадки касательно меня?

– Да, все верно! – моя спутница заметно оживилась. Она

знала ответ и спешила на улицу, чтобы показать мне путь. Я облегченно выдохнула, в пол уха слушая ее. Мы с ней прошли мимо стражей порядка, вышли в широкий тоннель, ведущий на улицу, и ускорили шаг.

Когда женщина объяснила мне дорогу, мы уже шли по заснеженному проспекту, вдали от входа в метро. Краем глаза я заметила супермаркет, о котором говорил Дориан.

– Ясно. Спасибо вам большое!

Попрощавшись с женщиной, я двинулась в сторону магазина. Как я была рада ее помощи и тому, что она со мной заговорила и фактически проводила до выхода, я не забуду никогда. Если бы не она, вряд ли у меня бы получилось выбраться. Одна вещь все же оставалась для меня пока загадкой. От кого мы убегали первоначально?

Оставшись совершенно одна, я вдруг стала испытывать некое подобие страха. Тревога побудила меня подойти ближе к входу в магазин, где могло быть больше людей. Из головы никак не выходила та девушка без глаз. Совершенно ясно одно – эта не галлюцинация. Ее видела не только я. Дориан смотрел прямо на нее. И, быть может, если бы я не была так напугана, я бы обратила внимание на то, что люди в поезде тоже видели ее. Что это? Призрак метро?

Накинув куртку, я встала у дверей в супермаркет, опершись о пластиковый пандус для сумок, и стала ждать появления Дориана. В кармане по-прежнему оставалось серебряное кольцо. Я крутила его в руке, надевала на пальцы, сни-

мала и пыталась сжать его. Определенно, оно было мужским.

Это могло быть кольцо Джона. Он носил...

– Замерзла?

От появления Дориана в полуметре от меня я вздрогнула.

Он словно вырос из земли рядом.

– Нет, – слабо соврав, ответила я.

– Нам нужно найти машину. Идти минут пятнадцать.

– Дориан, посмотри.

Я достала руку из кармана и показала парню кольцо. Вопрос задавать не имело смысла, он сразу качнул головой и отвел взгляд, поскольку этот предмет его не интересовал вообще.

– Это кольцо Джона, – сказал он, спускаясь со ступеней. – Не помню, откуда оно у него. Он давно его носит. Лет десять точно.

– Зачем он подложил его мне?

– Имеет смысл спросить у него самого.

– Ты не знаешь где он и что с ним? С ним можно как-то связаться?

– Скорее всего, он сейчас занят. Ответить не сможет, но можно ему написать, чтобы он позвонил.

– Дориан, ты не боишься за него? Вдруг с ним что-то случилось?

Парень немного сбавил шаг, чтобы я нагнала его.

– От того, что я буду бояться, легче никому не будет. Я уверен, он за себя постоит, – ответил он.

Я удивленно подняла брови и отвела взгляд. Хороший у Джона друг.

Наш путь пролегал вдоль небольшой узкой улочки одного из старых кварталов города. Жилые дома, школы и сады, пара магазинов и забитый людьми ресторанчик. Возможно, я когда-то уже была здесь, поскольку все детали местности мне казались очень знакомыми. Мы с Натой раньше часто гуляли пешком и разглядывали город. Возможно, школьницей, я шла по той же самой улице.

Я, которой мне уже не стать никогда.

– Та девушка, – решила я на диалог с парнем, спустя какое-то время. – В метро. У нее не было глаз.

– Иллюзия, – скупо ответил Дориан. – Странное, что ты ее видела.

Сейчас он не шутил. Ни ситуация, ни наше состояние не позволяло шутить. Я знала, парень говорит на полном серьезе.

– Что значит иллюзия? Откуда?

– Ее создала та девушка, которая напала на тебя. Диана. В ее власти создавать на основе наших чувств и страхов нечто подобное. Она манипулирует разумом людей.

Я несколько опешила. Ни шуток, ни издевательств. Он просто ответил.

– Мы от нее бежали?

– Ага.

– Она не выглядит особо устрашающей.

– Да, а ты не выглядишь избитой.

– Пошел ты.

Мы неспешно шли вдоль шумной магистрали и думали каждый о своем. Не знаю, что было в голове Дориана, но мою разрывал поток безумных, несвязанных между собой бредовых идей. Например, я подумала, что парни знали эту Диану лучше, чем мне казалось. А еще, они оба, возможно, даже вся семья – чокнутые. Как кто-то может манипулировать разумом других людей через галлюцинации? Как она вообще это делает? Мы ведь не участники псевдонаучного шоу.

– Вилл, я думаю, будет лучше, если ты поговоришь с Джоном. С тобой он более сговорчив.

– Зачем вам это?

– Пошла ты.

Последние жилые дома постепенно ускользали за нашими спинами. Редеющие магазинчики, автобусные остановки, одинокие заправки и старые частные дома. Их становилось все меньше и меньше, от чего складывалось ощущение, что мы покидаем город. Впереди нас ждал городской парк и раскидистый лес. Мы с Дорианом подошли ближе к трассе и увидели на противоположной стороне машину Сэма. В паре сотен метров от нас стоял светофор. Дойдя до него, мы перешли дорогу и вернулись обратно, к внедорожнику.

Машины Джона здесь нет.

– Мы домой? – спросила я Дориана, когда мы оказались в промерзшем салоне.

– Да.

Автомобиль тронулся с места.

Дорога к дому казалась до жути долгой. В пути я засыпала два раза и оба раза, открывая глаза, видела один и тот же пейзаж: заснеженный лес и плотные серо-синие облака. Вокруг тишина и мнимый покой. Слышно только работающий движок и шорох снега по металлическому корпусу. Ощущение реальности пропало. Теперь, казалось, я стала одним из персонажей своих собственных ночных кошмаров. Неведение пугало больше всего. Будущее представлялось мне весьма мрачным. Мрачнее прежнего.

– Та девушка, – внезапно заговорил Дориан, неотрывно глядя на дорогу. – Это Анна. Она умерла несколько лет назад.

Я молчала. Верить тому, что он говорит или нет, выбор за мной, но именно тогда делать его я не хотела. Тому, что я видела, слышала и ощущала в то время, мне еще предстояло поверить.

– Я уверен, что ее убили, – продолжил Дориан, спустя пару минут. – И та самая Диана причастна к этому.

– Ты знал ее?

– Знал.

Когда мы свернули с трассы и двинулись в сторону дома, я внезапно ощутила в груди теплое щекочущее чувство. Все мое существо питала живительная надежда. Я надеялась, что Дж он сейчас был дома, что он уже приехал и ждет нас. Од-

нако, машины парня на подъездной алее я не увидела.

Глава 11. «Не отпускай»

Джон не явился ни вечером, ни ночью. Увидеть его утром следующего дня я надеялась с каждой минутой все меньше. Странно, но слова Дориана вселили в меня некое подобие спокойствия за Джона. Я не знала где он, что с ним и почему он не приезжал, однако в доме тоже никого это особо не заботило. Никто не поднимал этой темы. И дело было не во всеобщем равнодушии, отнюдь. Что-то таилось в этом спокойствии. Будто все были уверены в безопасности Джона. Будто он проделывал нечто подобное не в первый раз. Чем он мог быть занят и как планировал действовать, я не бралась даже строить предположения. Его мысли, его ценности, его взгляд на мир, как и он сам, оставались для меня непостижимой тайной. Я не спешила его понимать. Иногда он раздражал меня так же, как и все остальные. Иногда, в нем одном я инстинктивно видела так необходимую мне справедливость.

Меня это выводило из себя.

Как и ожидалось, вследствие произошедшего, единогласно было принято решение, что выходить из дома, во всяком случае, без сопровождения, мне нельзя. Быть избитой либо убитой, мне не хотелось. Я покорно согласилась. Кто эта Диана и что она от меня хочет, какой сюрприз, никто мне не поведал. Утро следующего дня началось тихо, спокойно и

даже мирно. Пасмурная синева проникала в комнату сквозь тонкую ткань занавески. Магия света создала иллюзию погружения под воду. Вставать я не торопилась. Никки сидела на полу, рядом с кроватью, а голова ее понуро лежала у меня на руке.

– Доброе утро, – прошептала я ей.

Доберман не двинулась.

Я погладила ее по голове и надолго прижалась к ней щекой.

– Сейчас пойдем, погуляем с тобой, – продолжила я с ней тихий диалог, поднимаясь с кровати.

Надев домашние леггинсы и простую черную толстовку, я прошла в ванную комнату, умылась и принялась расчесывать волосы. Безуспешные попытки расплести окровавленные всклокоченные волосы сильно меня расстроили. Я жалела себя. Синяки, кровь на голове и царапины на шее. Обиднее всего было от полнейшего непонимания. Если бы я знала за что такая ненависть, возможно, мне стало бы легче. Когда знаешь, за что тебя ненавидят, проще относишься и к себе, и к миру вокруг.

В доме стояла непривычная бархатная тишина. Ночники в коридоре уже не горели, а значит, кто-то давно вставал и мимолетом выключил всех их. Воздух, коим наполнялось пространство вокруг, наполнился едва заметными ароматами духов, древесины, чистой ткани и жжеными благовониями. Мэри, по-видимому, жгла в доме ароматические палоч-

ки. Слышались нотки можжевельника, лилии, апельсина и ветивера. Я вышла к лестнице, спустилась вниз и остановилась на входе в гостиную. В камине тлели остатки дров. Везде царил идеальный порядок, словно в доме никто не жил. Я прошла к столу и остановилась, оглядывая комнату.

Подушки на диване лежали в одной стороне, как если бы кто-то пытался лечь спать и сгребал их под голову. Эта деталь привлекла мое внимание буквально на пару секунд, пока я не заметила посторонний предмет в кресле. Там лежал небольшой плотный лист белой бумаги. Я взяла его в руки. Фотография. Человека, которого я увидела на ней, я знала.

Стоявшая в парке девушка была поймана объективом фотоаппарата. На лице сияла добродушная улыбка, руки у груди, одна сжимает плечо, вторая держит в руке что-то похожее на связку ключей, волосы собраны в свободную косу. На девушке простые джинсы и яркая голубая футболка. Она стояла прямо, улыбалась и смотрела в объектив. И у нее были глаза.

Ту самую девушку я видела в метро, вчера, когда мы с Дорианом вбежали в вагон. Эта фотография принадлежала ему, раз он сказал, что знаком с этой девушкой. Я помнила ее имя. Анна. Ее карие глаза сияли теплотой. Здесь, на фото, она будто влюблена.

– Что ты делаешь?

Вошедший в гостиную Дориан совершенно четко и ясно дал понять, что ему моя находка не нравится. Выражение его

лица меня насторожило. Кожа постепенно бледнела, а янтарные глаза наполнялись злостью.

– Я нашла ее здесь случайно, – проговорила я.

Сделав шаг в его сторону, я замерла. Снимка в моих руках не оказалось, а сам Дориан стоял в полуметре от меня, сжимая что-то в кулаке. Разделявшее нас пространство комнаты, он преодолел за десятую долю секунды, и этот факт в моей голове уживаться никак не хотел. Я не видела ни шагов, ни движения его рук, ни приближающейся тени. Это очередная иллюзия?

– Дориан...

– Не лезь туда, куда тебя не просят!

Мои слова извинения застряли в горле. После того, что я услышала от парня, во мне что-то перевернулось. Когда я открыла рот, отвечая ему, все мои мирные и дружелюбные намерения улетучились.

«Ни слова, Вилл. Будет хуже».

– Я не лезу! Нашла ее и хотела отдать тебе! Я не виновата, что ты ее потерял!

Что это за звук?

В комнату вихрем влетел Сэм. Он оттолкнул Дориана в сторону, встав прямо перед моим носом. Буквально за секунду до этого парень сделал угрожающий шаг на меня.

– Дориан, уймись! Приди в себя!

Тот рычал.

Рычал, подобно дикому зверю.

В ужасе я отпрянула назад, пока не уперлась в стену рядом с камином.

– Вилл, выйди, пожалуйста, – проговорил Сэм, жестом указывая мне на дверь.

К тому моменту в комнате появилась Мэри.

Она вывела меня в кухню, закрыла двери позади и усадила на стул. На протяжении всего пути девушка неустанно что-то говорила, пытаясь отвлечь от того, что происходило за нашими спинами. Однако я слышала, что говорил Сэм. Дориан, казалось, потерял рассудок.

– Ты как?

– Я в норме. В отличие от некоторых, – выдохнула я.

– Он напугал тебя?

– Я не поняла, что произошло.

Девушка опустила глаза и задумалась. Ответ у нее не находился.

– Та девушка на фото, – понизив голос, сказала я. – Он ее знает. Он сказал мне вчера, что ее зовут Анна.

– Вы говорили с Дорианом о ней? – удивленно уставилась на меня Мэри.

– Да. Мы видели вчера ее. Вернее... Иллюзию, как сказал Дориан, – я сжала руки в кулаках, сама того не заметив. Испытываемая мной обида заставляла меня злиться. Я искала ответы, но не находила их. – У иллюзии не было глаз, но она словно смотрела на Дориана. Он сказал она мертва. Ее звали Анна.

Эта девушка вряд ли была просто знакомой Дориана. Часто ли человек носит фото «знакомых» людей с собой?

– Ты ее видела?

– Кого?

– Девушку... Когда Дориан сказал, что это иллюзия. Что ты видела?

Я уставилась на Мэри. Она словно не слышала меня.

– Анну, – повторила я. – Мы видели ее в метро. Девушку без глаз. Дориан ее видел.

– Что она делала? Говорила ли?

– Я не помню. Не знаю, – я принялась судорожно ворошить вчерашний день. Мне почему-то тяжело давалось вспомнить еще какие-то детали о иллюзии. Во что она была одета? Что делала? Говорила ли? Видел ли кто-то еще ее? – Она просто стояла за дверью вагона и... Смотрела на него. Кажется.

Смотрящая на меня в изумлении Мэри молчала. Лицом ее завладело изумление.

– Вчера он не злился. Сейчас же словно с цепи сорвался, – проговорила я, едва вспомнив о мужчинах за стеной.

– Иллюзии видит тот, на кого они направлены. Она написала ее для него. А ты увидела... – Мэри будто замороженная отвела взгляд и принялась перебирать фрукты на столешнице, погрузившись в раздумья. Через время она продолжила вновь. – Ты увидела. Не знала, что так может быть.

– Она это Диана?

– Да... Она вводит в заблуждение. Мутит воду. Они не приносят вреда, но отравляют душу. Ему больно по сей день. Уверена, ее это забавляет.

– Мэри, расскажи мне. Кто эта девушка, Диана?

– Позже, Вилл, – прошептала Мэри. – Не здесь.

Мэри увлеченно приступила к сборке моего завтрака. Так ничего мне и не ответив, она молча стояла у стола и выкладывала в тарелку салат. Ее попытки выглядеть безмятежной казались мне некачественной игрой. Все не так «хорошо», как она хотела видеть и как порой пыталась убедить окружающих.

– Я сейчас вернусь, – сказала я, вставая со стула.

– Ты куда?

– Хочу погулять с Никки.

Услышав свое имя, собака запрыгала у закрытых дверей.

– А, хорошо, – заторможено ответила Мэри. – Потом поешь?

– Да.

Мэри отставила тарелку в сторону и направилась к двери. К моему удивлению, она вызвалась сопровождать меня. Проходя мимо гостиной, я ненамеренно обратилась вслух. Тишина.

На улице стояла довольно теплая погода. Безветренно, идет тяжелый тихий снег, на подъездной аллее только следы лап Никки. Мэри закрыла дверь за нами и подошла к краю лестницы, где стояла я.

– Анна была его девушкой, – произнесла она. – Конечно, ему больно вспоминать и думать о ней. Как и нам. Так вышло, что он винит себя в том, что случилось. Возможно, поэтому он вышел из себя, а не потому, что ты что-то сказала либо сделала. Не бери на свой счет, ладно Вилл?

От услышанного по телу ледяной россыпью пронеслись тысячи мурашек. Я не спешила отвечать Мэри, в очередной раз прогоняя в голове произошедшее в гостиной.

– Мы все, – переминаясь с ноги на ногу вновь начала диалог Мэри. – Слишком... эмоциональные. Не хотелось бы, доставлять тебе какой-то дискомфорт или неудобства. Однако, я могу лишь предупредить тебя. Печаль, радость, страх, злость. Они проявляются сильнее, чем у других людей. Сможешь с этим смириться?

На последнем девушка неловко засмеялась, как если бы у нее не хватало слов выразить свои мысли, и она понимала, как забавно выглядит. И действительно, от чего-то мне показались ее попытки сгладить все острые углы чем-то по-детски непосредственными. Мои губы подернула слабая улыбка.

– Такое чувство, что у меня нет выбора, – усмехнулась я. Мэри сжала руки в замок, прижав их к груди. После ответила с загадочной улыбкой во взгляде.

– Выбор есть всегда.

Ее синие, словно пасмурное северное море, глаза на минуту замерли в одной точке, устремленные в чащу леса. Я

осмотрелась и увидела Никки, стоявшую в сугробе у подъездной аллеи. Она внезапно залаяла. Приближалась машина.

Черная Mazda выехала из-за деревьев и не спеша подъехал к дому. Фары погасли, урчание двигателя прервалось, и вокруг нас вновь воцарилась тишина. Тонировка окон не позволяла видеть ничего внутри салона, но я догадывалась, что водитель смотрел на нас. Передняя дверь медленно открылась. Все во мне замерло. Я с опаской ждала, когда гости или гости покажутся нам.

– Доброе утро! – воскликнула Мэри, махнув рукой.

Джон.

– Доброе? – с улыбкой обратился к нам парень. – Оно доброе?

– На мой взгляд, вполне, – пожала плечами Мэри. – Вилл?

Я поежилась. Сказать правду или поддержать оптимистичный настрой беседы?

– Могло быть хуже, – мой смех прозвучал угрожающе. Кажется, я зря это сказала.

– Ладно, ребятки... – выдержав небольшую паузу, сказала девушка и двинулась в сторону двери. – Холодно тут. Пойду домой.

Секунды абсолютного молчания тянулись невыносимо долго. Я не знала, чего стоит говорить, а чего нет, и не знала, стоило ли вообще. Тем для разговоров у нас с лихвой, однако, я опасалась за каждое свое слово. Вернее, за те последствия, что неумолимо тянулись вслед им.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец нарушил тишину Джон.

Сказать правду или соврать?

– Хорошо, – ответила я. – А ты?

– Неплохо. Только спать хочется, – он повернул голову к машине, на секунду о чем-то задумавшись. – Мечтаю о теплой мягкой постели уже несколько дней.

– В чем проблема?

– Времени нет, – произнес Джон, а после добавил с хитрым прищуром. – Плюс кошмары.

– Что за кошмары? – я подошла к лестнице и спустилась вниз. На ступенях оказалось достаточно скользко.

– Расскажу позже, – еще одна загадочная демоническая улыбка и слабый кивок. – Когда вырастешь.

Рада его доброму расположению духа. Кажется, он вовсе никогда не шутит и не поддевает никого. Приятная перемена в нем дарила ощущение покоя. Наверное, мне правда незачем переживать. Он все уладил.

Либо же он хотел, чтобы я так думала.

– У меня кое-что для тебя есть.

Я проследила за тем, как парень прошел к машине и открыл заднюю пассажирскую дверь. Джон выпрямился, обращившись ко мне всем телом. На мое лицо упала его тень.

Я все еще боюсь его?

– Буду рад, если примешь, – сказал он.

Его губы, слегка покрасневшие от холода, растянула акку-

ратная улыбка. Одна из снежинок, танцующих над нашими головами, не устояла, и покорно опустилась на ворот пальто Джона. Буквально миг и она исчезла, оставив вместо себя каплю воды. Жалкий конец, пусть и закономерный. Вот что происходило со мной – я приближалась и погибала.

«Вилл... Что с тобой?» – опечаленно спросил меня мой разум, а в ответ ему – молчание.

В протянутых вперед руках Джона лежала плоская коробка из черного матового картона, перевязанная тонкой лентой пурпурной органзы. На протяжении вечности, я безотрывно взирала в глаза Джона и не могла понять, что он делает и зачем. Кажется, это очередной капкан.

– Это вкусный подарок, – произнес Джон вполголоса. – Тебе понравится.

– В честь чего? – овладев собой, подала я голос.

Пауза перед ответом означала, что он не знал, что сказать. Он смущен и даже насторожен.

– Хотел поднять тебе настроение. У меня предчувствие, что это необходимо.

– Спасибо.

– Не за что, – ответил парень будничным ничего не выражающим тоном. – Пойдем в дом?

«О нет...»

Возвращаться туда не хотелось. Помня то, что случилось с Дорианом, я не знала, стоило ли сейчас попадаться ему на глаза.

– Джон.

– Что?

Я сжала коробку в руках и сделала шаг вслед за ним.

– Нам с Дорианом лучше не пересекаться. Пока что.

Сказанное мной вынудило Джона остановиться и вопрошающе уставиться мне в глаза. Под натиском его взгляда я пала.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Не совсем.

– Объясни, что произошло.

– Я сказала что-то лишнее. Вернее, не то, что хотела. Я вообще не хотела его задеть! – слова безумным потоком понеслись прочь, в окружающий мир, теряя простейшую смысловую нагрузку. Я паниковала, поскольку не имела представления, что будет дальше в семье.

– Успокойся и расскажи, что произошло между вами, – проговорил Джон, подойдя ко мне. Нас разделяли меньше полуметра. Сейчас парень возвышался надо мной почти на целую голову.

Выпрямив спину и вытянув вверх шею, я приготовилась говорить, как взрослый рассудительный человек.

– Мы с ним немного повздорили. Я случайно нашла фотографию девушки. Анны. Она была в гостиной, в кресле. Дориану не понравилось, что я ее взяла, и он... Разозлился. Мы видели ее в метро. Я знала, что она умерла, так как он сам сказал. Однако он не говорил, что она его девушка. Я не

знала, что он... Такотреагирует. Сейчас он с Сэмом. Надеюсь, ему лучше...

Джону потребовалась пара секунд, чтобы как-то среагировать на мой затянувшийся рассказ. Вокруг нас образовалось пустое недвижимое пространство, полное холода и тишины. Лишь снег продолжал кружить над нашими головами, словно надеялся скрыть нас от чьих-то глаз и стереть наши следы. Ему было все равно и на нас, и на наши слова, и на наши жизни, он лишь хотел замести наши следы и спрятать под собой. Я на мгновение взглянула на Джона.

– Кого ты видела? – спросил он. Ему требовалось подтверждение. Возможно, он не верил мне.

– Дориан сказал, что это была иллюзия. Я видела эту девушку, Анну, но без глаз. Лицо, волосы, одежду, руки... В метре от себя.

– Она напала?

– Эм, – пауза. Я почувствовала, что нахмурила лоб. – Почему она должна нападать? Ее же... Нет.

Внезапно Джон изменился. Едва заметно подняв голову, он вновь принял незаинтересованное выражение лица, развернулся и направился в сторону дома. Я помедлила, но все же пошла следом.

– Никки! Домой.

Над верхушкой одного из сугробов у леса появилась черная остромордая голова собаки. Завидев, что я уже поднимаюсь по лестнице, доберман вынырнула из снега и понес-

лась в мою сторону.

В доме стояла все та же непривычная тишина. Пройдя в гостиную, мы застали Сэма и Мэри, мирно о чем-то беседующих.

– Где Дориан? – первое, что спросил Джон.

– Джон, все в порядке, – последовал ответ мужчины.

– Я это понял. Где он?

– Джон, что ты...

Парень не дослушал. Он вышел из гостиной. Путь его лежал на второй этаж.

Вид у семейной пары был странный. Их напряжение передалось мне. Одна из дверей второго этажа шумно захлопнулась. Видимо, Джон нашел, кого искал. Стены дома буквально звенели от ярости. Мысль о том, что я стала причиной для ссоры, принялась терзать и изводить меня. Здесь я не к месту.

– Я рассказала, что немного повздорила с ним, – пробубнила я. – Зачем ему Дориан?

Мэри сделала шаг в моем направлении и остановилась в нерешительности.

– Что происходит? – вырвалось у меня.

Последние часы я абсолютно ясно осознавала один единственный любопытный факт: Мэри завладела мной. На протяжении практически половины дня она занимает все мое время. Мы поели, поговорили, убрались в кухне, поговори-

ли, принялись готовить ужин, продолжая разговаривать о максимально неинтересных и повседневных вещах. Обсудили, казалось, все, что только можно. Я знала, какое у нее любимое блюдо, за что она так ненавидит Шекспира и почему в ее доме постоянно царит такой порядок. Она отучилась на историка, но всю жизнь проработала в школе. В соавторстве со своими сокурсниками она издала монографию «Цветы Гадеса» и больше не писала ничего. Уже встречавшийся мне зеленый томик вновь возник перед глазами. Я знала о ее планах на лето, куда они с Сэмом планируют уехать и как долго их не будет в стране. Хотела я того или нет, теперь я знала о проблемах со здоровьем Мэри, повлекшие за собой невозможность иметь детей.

За этим ни к чему не обязывающими разговорами крылась одна простая истина. Мэри не давала мне времени на то, чтобы поразмыслить о том, что я видела и слышала за последние дни. Нехитрый маневр, и я поддалась ему, лишь бы облегчить ей жизнь хотя бы на пару часов. Когда я поняла, что игра затягивается и сил говорить о книгах, фильмах, растениях и животных у меня больше нет, я провела контр-маневр.

– Как погибла Анна?

«Ха!» – торжествующе завопила я про себя.

Мэри бросила на меня скользкий мимолетный взгляд. Улыбка с ее лица исчезла практически в тот же момент, как она услышала имя девушки. Отложив в сторону только что

вымытые ею бокалы из глянцевого черного стекла, она опустилась на стоящий рядом со мной стул.

– Я не знаю.

И сколько же лжи в ее словах? Чего именно она не знала и чего не хотела говорить?

Я молча продолжила разбирать в своей голове сотни тысяч мыслей и догадок на этот счет, когда моя собеседница вновь заговорила.

– Никто не знает.

Подняв голову, я уставилась в глаза девушки. Мысли ее не здесь и не сейчас.

– В каком смысле?

– Никто не знает, Вилл. Тело нашли в ее квартире, где она жила с родителями. Она была одна, и помочь ей никто не мог. У нее остановилось сердце. Так нам сказали.

– Она была больна? Почему тогда Дориан винит себя?

– Нет, Вилл. Девочка была здорова. Дориану тяжело справиться с тем, что случилось. Он полагает, что Анну убили и тому есть свои основания.

– Убили?

Девушка опустила голову к правому плечу, закрывая глаза, как если бы пыталась избавиться от надоедливой ноющей боли. Мне вспомнились слова Дориана в машине, на пути домой. Он произнес имя человека, которого обвинял в убийстве. Имя человека, которого хотел наказать и не мог. На что пойдет мужчина ради мести? Смог бы Дориан убить во имя

любви? И была ли Анна настолько близка ему, чтобы так повлиять на парня? Или же дело в другом...

– Дориан уверен, что кто-то мог искусственно вызвать остановку сердца? – обращалась я вновь с вопросом к Мэри.

Та неожиданно улыбнулась. Тень насмешки скользнула на ее лице.

– Дело не в этом... У Анны не нашли никаких признаков насильственной смерти, никаких вмешательств, никаких веществ. Ничего. Все основания полагать, что смерть наступила от чьей-то руки, беспочвенны. Мы не могли кого-либо обвинить. Пусть даже это и облегчило кому-то жизнь.

Значит, Дориан слепо идет на поводу собственного убеждения. Он винит себя в том, чего не делал и на что никак не мог повлиять.

– Диана как-то обмолвилась, что это ее рук дело. Верить этому или нет, зависело от нас. Однако в ее власти было убить Анну. Другой вопрос, зачем она это сделала. И да, Дориан винит себя, потому что считает, что мог помочь. Мог забрать ее в семью, как мы забрали тебя. Он считает, что это спасло бы ее. Но на тот момент никого из нас не заботила мысль о том, что кого-то из наших друзей или близких могут убить.

– Вы все думали обо мне.

Ответ мне не требовался. Я попала в точку. Возможно, именно поэтому Дориан такой, каким я его видела. Возможно, поэтому он преимущественно все время выглядел слом-

ленным и раздраженным.

– Есть ли что-то еще, помимо слепого желания помочь моей маме? Зачем вы все так за меня печетесь?

Мэри молчала.

Вошедший в кухню Джон наблюдал эту картину на протяжении какого-то времени, поскольку его появление я заметила не сразу, а Мэри словно потеряла связь с миром и продолжала глядеть в окно напротив нас. Его вид не выражал интереса к сути нашего диалога, однако уходить парень не спешил. В один широкий шаг он преодолел расстояние от двери, до холодильника, оперся о него плечом и скрестил руки на груди.

– Я буду у себя, если понадобится, – вздохнув, сказала я.

В тот день в мою дверь так никто и не постучал. Я бродила от окна до кровати больше часа, в поисках хоть одного заслуживающего права на жизнь доммысла, почему этих людей так заботила моя жизнь. Если некий враг, такой как Диана, способен на убийство любого хоть как-то причастного ко мне, почему не было принято решение поймать ее? Сколько еще человек должно погибнуть, прежде чем семья поймет, что врага нужно убрать?

После я забилась в истерике на полу у стены, где минутой назад гладила сонную Никки. Я плакала то ли от обиды, то ли от жалости к себе, то ли от страха... Из головы не выходили образы Анны и Дориана. Кем она была? Что делала, о чем думала, кто ее друзья и родные, думали ли они, что ко-

гда-то настанет день, когда девушка погибнет? Чем были их отношения с Дорианом?

Когда в сознании зародилась мысль, что в какой-то момент могут убить моих близких, паника забушевала с новой силой.

Каким-то дальним участком мозга, той частью, которой я могла осознавать себя, самые простейшие вещи по типу имени, пола и возраста, я совершенно точно понимала, что крик, зарождающийся в моей груди, нельзя выпускать. В лучшем случае, меня напичкают успокоительным. В худшем – из пленницы я превращусь в умалишенную.

Едва на окна навалились сумерки, я подняла свое тело на ноги и подошла к телефону. Там меня ждали несколько пропущенных, включая мамин звонок. Сделав над собой усилие, я набрала ее номер. Иногда «мама» в моей голове, в моей памяти и в моей излишне идеалистичной картине некоторых аспектов жизни, в корни отличалась от «мамы» реальной. Живой. Настоящей. Такой, какой она была в действительности. Я слишком много ждала от нее, забывая, что она просто человек. Кем бы она не приходилось мне – понимать меня на все сто, она не обязана.

Кульминацией сегодняшнего вечера стала еще одна истерика на другом конце провода. Розали благополучно осведомили о том, что со мной произошло, кто и что сделал и как мне досталось. По итогу, спустя час оживленного диалога, полного слез и криков, мама решила все-таки дать мне

успокоиться и прийти в себя. Мысль о том, чтобы посадить меня на цепь прямо в доме нравилась ей еще больше. А вот пытаться выяснить вопросы: кто виноват, и что делать, она наотрез отказалась. Принципы ее общения меня поражали. Крики, ультиматумы, скандалы и истерики. Богатый арсенал для воспитания дочери!

Я бросила трубку едва мама пожелала мне отдохнуть и выспаться. На дальнейший список пропущенных вызовов я смотреть не стала. Отключив звук на телефоне, я засунула в уши наушники и включила музыку.

*«Нам, двум пустым оболочкам,
Мерцающим звездам,
Двум заледенелым океанам,
Дали второй шанс, последний шанс.*

*Нам, двум цветущим садам,
Двум бездонным провалам,
Двум диким ветрам,
Дали второй шанс, последний шанс.*

*Подними на меня глаза,
Услышь мои слова.
Очнись.
Нам дали шанс.*

*Нам дали еще шанс, еще один последний шанс.
Двум черным дырам,
Двум отбившимся от стаи волкам,
Двум померкшим жизням...»*

Анна стояла на пороге плохо освещенной комнаты, держась рукой за дверной косяк и в безумии оглядываясь вокруг. Вьющиеся каштановые волосы трепал невесть откуда взявшийся ветер. Девушка отшатнулась от двери, прошла в комнату и упала возле кровати. Я шла следом, не чувствуя ни ветра, ни стен, коих касалась, ни пола, ни собственной одежды. Видеть напуганную девушку было больно. Какая-то часть меня пребывала в ожидании. Спустя одно мгновение я уже совершенно осознанно ждала, как появится нечто и убьет ее.

Подталкиваемая желанием помочь, я подошла к кровати Анны, села рядом с ней и подняла глаза к двери. Девушка молчала, а руки ее вцепились в одеяло, сжимая ткань в кулаках. Я прислушалась к ее неровному учащенному дыханию. Мгла, движущаяся в коридоре, следила за нами обеими. Пронзенная страхом, я взяла Анну за руку и на миг закрыла глаза.

Открыв их, я увидела потолок. В моей руке ничего не было, и в комнате повисла звенящая тишина.

Я сделала попытку встать, но у меня ничего не вышло. Внезапно до меня дошло что произошло. Реальность всего

одна. Не было никаких других возможных и допустимых исходов.

На моей руке нет ничьей другой руки. В комнате нет никого кроме меня. Осталась лишь тишина и мгла, наступающая с одной лишь целью. В этом сражении мне не стать победителем.

«Дориан!» – раздалось в комнате.

То не был мой крик. Звала не я. Сознание не принадлежало мне.

«Дориан!»

Мгла рванула вперед и упала на меня неподъемной плитой. Удушливая пустота медленно поглотила мой мир. Конец пришел раз и навсегда.

Следующая реальность образовалась из пустоты спустя лишь какое-то время. То, что я видела, пугало и заворачивало одновременно, поскольку никогда в жизни я не видела ничего подобного. До конца не понимая, я это, или все еще нет, я дала команду своему сонному нетрезвому разуму поддаться. Борьба с наваждениями невозможно, а чем больше я стараюсь это делать, тем сложнее мне вырваться из этой пучины.

Моя рука коснулась ледяной гладкой, подобной стеклу поверхности. Тому, что стопы ног ощущали нечто подобное, я была поражена не так сильно, как тому виду, который мне открылся. Я стояла у мраморных перил величественной лест-

ницы, держась за основание одной из колонн. Сидящие неподвижно на них музы держали в руках лиры. Все они, как одна, поднимали головы вверх. Над нами, в куполе здания, сиял витражный круглый потолок. Свет, исходящий от него и падающий ровными лучами на пол, ступени и колонны, надолго приковал к себе мой внимание. Сонный разум ликовал. Прежде я не видела столь яркие сны, да и наяву в подобных местах мне еще не довелось побывать. Поддаться видению казалось правильным решением. Все его детали выглядели так, будто вовсе не были выдумкой. Я чувствовала себя более чем реальной.

Я прошла вверх по ступеням, остановилась на следующем ярусе лестницы и замерла, пытаясь впитать в себя этот вид, пытаясь запомнить все детали. Здание служило оперой либо музеем. Передо мной возвышалась другая, столь же широкая царственная лестница, с невысокими плоскими ступенями, которая разветвлялась на две чуть уже. Обе они вели в порталы, под плетением разнообразных узоров и россыпи статуй. Колонны, ниши с ангелами в доспехах и с щитами, каменные своды с мозаиками на золотых фонах и равнодушными лицами статуй, глядящих вниз лестничного пролета. Я шла вверх по лестнице, чувствуя, что иду абсолютно босиком.

«Как повезло, что здесь нет людей.»

Дойдя до второго яруса, когда тень портала нависла надо мной, я на мгновение остановилась, осматривая просторный

коридор по левую руку от меня. Свет свечей в нишах стен горел через каждые несколько метров, будто кто-то поставил напротив друг друга два больших зеркала и создал своеобразный проход. Завороженная этой пугающей красотой, я и не подумала о том, что здесь мог быть кто-то еще.

– Что ты здесь делаешь?

Лица в камне безучастно смотрели вниз. Я переместилась взглядом в другую сторону и нашла источник звука. И хоть это лицо не было выточено в камне и казалось более живым, холод и безразличие к окружающему миру не покидали и его.

У одной из колонн противоположной стороны лестницы стоял Джон. На фоне всего белого, он казался черной дырой в виде человека в полный рост. На нем были черные брюки и черная рубашка, свободно спадающая с левой стороны и расстегнутая на верхние пуговицы. Он стоял босым, как и я.

– Я... сплю, – ответила я, а голос мой унесся эхом прочь по коридорам.

– Очень рад, – прозвучал ответ. – Другого места нет?

Его фигура преодолела несколько разделявших нас метров в пару шагов и оказалась рядом.

– Что? – выдохнула я.

Моей спины коснулась его рука. Пальцы обожгли кожу. Я опустила голову, фокусируя внимание на своем внешнем виде. Я стояла в простом черном платье в пол, с рукавами до самых костяшек на кулаках. Спина моя обнажена.

– Идем, – произнес голос Джона рядом. Его рука подтолкнула меня вперед.

– Куда?

– Нас ждут. Идем, Вилл.

Находясь на грани между сном и реальностью, я отказывалась логически мыслить. В голове мелькала лишь одна и та же надоедливая фраза: «Она не любит опоздания».

Джон шел быстро, но руку мою не выпускал, как тогда, когда мы бежали в метро. Он вел вперед, по бесконечному просторному коридору, с высокими потолками и десятками колон.

– Делай все то, что я буду тебе говорить, – сказал Джон.

– Ладно, – просто ответила я.

– Я в твоей голове. Можешь ничего не говорить.

– Хорошо, – подумала я.

– Это всего лишь сон, но я хочу, чтобы ты шла рядом и делала то, что я говорю. Первое – не смотри никому в глаза. Второе – не смотри в то, что может тебя отражать. В первую очередь в зеркала. Будет лучше, если говорить ты не будешь. Людей, которых ты увидишь, старайся не разглядывать.

– Поняла.

В конце коридора возникла пустота. Она росла от пола до потолка, занимала всю ширину коридора, и казалась чем-то лишним, неправильным и ненужным здесь. Казалось, что кто-то просто вырезал часть помещения и заменил его подвижным, как поверхность озера, полотном, с расщепленны-

ми краями. За ним стоял сумрак, в котором едва отражались детали архитектуры замка, оставаясь, будто продолжением коридоров.

– Нам нужно туда, – проговорил Джон, когда я остановилась в нерешительности глядя на это явление.

– Не хочу, – произнес кто-то моим голосом в моей голове.

Парень встал напротив меня, загородив собой, и его рука коснулась моей щеки.

– Не бойся. Я здесь.

– У тебя руки горячие.

Я оборвала себя и встряхнула головой. В ней последнее время очень много лишнего. Сделав над собой усилие, я шагнула в пустоту первой, всем своим видом желая показать, что не боюсь ничего по ту сторону. Проход казался погружением в воду. Холодная водная гладь поглотила меня в себе, удержала всего мгновение и выпустила. На выходе я оказалась абсолютно сухой.

Стоп коснулась мягкая свежая трава. Я оказалась в чаще леса. Вокруг тонкие прямые стволы деревьев, верхушки которых скрывал белесый молочный туман.

– Идем, – ворвался в мое сознание Джон.

Он повел меня дальше в лес.

Приближаясь к концу нашего пути, я стала замечать появление теней за деревьями вдалеке. Люди стояли на расстоянии нескольких метров друг от друга, облаченные в грязно серые, коричневые и черные мантии с ног до головы. Их

лица скрывали тяжелые капюшоны, а головы были обращены вниз. Среди них стояла гробовая тишина. Никаких, даже самых тихих перешептываний и шорохов, от чего могло казаться, что тут проходит траурная процессия. Однако даже для похорон, обстановка стояла более чем мрачная и пугающая.

По наставлениям парня я опустила голову и шла вслед за ним, не поднимая глаз на присутствующих. Ни гробов, ни вырытых ям, ни могильных плит... Среди людей стоял человек без покрытой головы. Выглядел он как мужчина, но мое сонное сознание уверяло меня, что передо мной женщина. Человек, в отличие от массовки, одет в простой брючный костюм темных тонов. Голова гладко выбрита и испещрена плетением сложных татуировок. Она медленно обернулась к нам, едва мы приблизились. Я видела губы, щеки, прямой нос. К глазам подниматься я боялась. Это женщина.

– Ты откуда? – прозвучал низкий осевший голос незнакомки.

– Не знаю, – ответил Джон. Голос его звенел металлом.

Я крепче сжала его пальцы.

– Если он здесь, то, это она его привела, – прошептала одна из теней рядом с женщиной.

Та молчала, в раздумьях оглядывая нас. Я почти физически чувствовала на себе ее взгляд.

– Дай ей подойти ко мне, – внезапно произнесла женщина.

– Нет, – прозвучал ответ Джона.

– Почему?

– Я считаю, что это не безопасно.

Тени медленно повернули головы в нашу сторону.

– Мне нужно забрать ее силой?

– Можешь попытаться.

Я подняла глаза на Джона. Вопреки своим словам, он не сводил глаз с лица впереди.

– Джон, мне нужно взглянуть на нее.

– Зачем?

– Убедиться, что это она.

– Поверь мне.

– Тебе? – женщина слабо засмеялась. – Тебе, предателю и лжецу?

Он молчал. И тогда женщина двинулась в нашем направлении.

Тихое, утробное, словно дикий зверь стоял рядом, рычание зародилось где-то рядом.

– Ни ей, ни тебе, бояться нечего, – говорила женщина, приближаясь к нам.

«Я могу посмотреть на нее?» – подумала я про себя.

«Стой спокойно, все хорошо.»

«Не отпускай мою руку.»

Детский панический страх быть оставленной в незнакомом месте с кучей чужих людей завладел моим сознанием. Этот сон можно отнести к разряду ночных кошмаров. Тени вокруг нас стали плыть по кругу, создавая ощущение безум-

ного водоворота. Я почувствовала, как сквозь сон начала дергаться и стонать. Подступала паника.

Женщину, стоявшую перед нами, я смутно ощущала знакомой. Ее имя вертелось где-то на задворках сознания. Я помнила ее, но не могла осознать этого, как это часто бывает во снах: ты чувствуешь, однако не понимаешь.

Сжав руку Джона, я зажмурилась.

В одну секунду все вокруг изменилось. Сотни окружавших нас деревьев завертело в жутком вихре. Поднявшийся штормовой ветер едва не отбросил меня на землю. Как вышло, что руки Джона рядом не оказалось, я не поняла, но когда мои глаза в ужасе стали метаться в поисках парня, единственное, что они находили – это тьма, стоявшая прямо передо мной.

Во сне я не понимала, чем являлось существо, возникшее рядом, но испытанный страх казался более чем реальным. Я отпрянула и уперлась спиной в ствол дерева. Тени вокруг исчезли, и не было никого, кроме меня, той женщины и самой тьмы, оскалившейся на высоте нескольких метров над землей.

– Джон, ты забылся? – вскричала женщина.

«Что мне делать?» – вновь и вновь думала я, но ответа не приходило.

Зверь, сочетавший в своей природе и волка, и медведя, сделал шаг назад и опустил голову. Он зарычал и клацнул зубами в пустоте перед собой. Тело его сжалось перед брос-

ком.

Мои руки поднялись в воздух, вытянулись ладонями вперед и замерли. Что-то глубоко в моей голове придало мне чувство покоя и уверенности. Я словно делала то, что мне указывали. Едва волк сорвался с места, я сжала руки в кулаки и закрыла глаза...

Картинка вмиг пропала, втянувшись в центр темного экрана, что был перед моими глазами. Видение исчезло.

Глава 12. «Дорогая фея»

В детстве я очень любила свои сны. Еще ребенком я неосознанно уделяла большое внимание тому, что происходило в ином мире. В мире, где царили вещи, которым не было места в реальности. Глубокие, черные, обездвиженные океаны, мертвые затуманенные леса, заброшенные замки и поросшие плющом и ипомеей дома. Простые принцессы, рыцари, колдуны и ведьмы, феи и ангелы. Иногда эти сны наполняли меня легкостью и ощущением волшебства. А иногда порождали в моем сердце чувства страха, боли, непонимания... Так или иначе, я всегда с интересом наблюдала за тем, в какие игры играет мой разум и какие образы он выстраивает для меня. Я оживленно делилась с окружающими меня людьми подробными рассказами, где была, что видела и с кем разговаривала по ту сторону ночи, до того времени, пока сны не перестали сниться, а сама ночь не осталась обыч-

ным способом отключиться от реальности, забыться. Меня покинули и мои принцессы, и рыцари, и дома, и замки, в которых я так хотела побывать, и даже ведьмы, и мертвецы.

Я не видела сны, поражающие своей красотой либо впечатляющие своим ужасом уже несколько лет. Поэтому те видения, которые изредка посещали меня, застревали в моей голове очень надолго. Они не уходили из виду ни по пробуждению, ни в первые минуты пока я приводила себя в порядок, ни часом и ни двумя позднее. От части, я была рада возобновлению подобных волнительных ощущений. Мне казалось, будто я вновь вернулась в детство. Однако те вещи и те события, которых коснулось моей сознание в эту ночь, пугали сильнее, чем вампиры, зомби и колдуны даже в самых ужасных кошмарах.

Сплетение реальности и сна воедино – вот что подкосило мою уверенность в своем психическом здоровье. То, что происходило со мной последние дни, то, что я видела и слышала, стало угрозой нормальной жизни. Я чувствовала, что теряю связь с действительностью.

Ближе к полудню в моей комнате появился Джон. Несмотря на открытую настежь дверь, он остановился на пороге и постучал о дверной косяк.

– У тебя все хорошо? – спросил он у меня, когда я попыталась улыбнуться.

– Да, – отчеканила я с выражением из серии «Что за тупые вопросы?»

Парень слегка заметно нахмурил лоб. Вид у него едва ли лучше моего.

– Мы можем с тобой поговорить? – скрепив руки на груди, вновь обратился он ко мне.

– Да, конечно. О чем?

Я привстала с кровати, отложив телефон и книги, и подошла к двери.

– Сейчас, – добавил Джон, словно думал, что я не понимаю смысла его слов.

– Конечно.

– Идем.

После этого он выпрямился и оттолкнулся от стены. Довольно странное начало диалога.

Я пошла следом. Мы спустились на первый этаж, затем Джон обогнул лестницу и продолжил идти дальше, вниз, к подземному гаражу. Вскоре я оказалась в тускло освещенном помещении, под лестницей и входной дверью в дом. Далее, под нами, располагалась еще одна лестница, теперь уже металлическая, винтом спускающаяся вниз. Я шла молча, превозмогая в себе тревогу и волнение. Зачем мы тащились на минус второй этаж дома, пока оставалось загадкой. Обойдя котельную, мы вышли в маленький узкий коридор, где Джону пришлось вручную включить свет. Здесь находилось три помещения, двери в которые были закрыты. Идущий передо мной парень открыл самую крайнюю, находящуюся в углу коридора.

В нос ударил запах сырости и чистящего средства. Что именно находилось за дверью, я не знала, пока Джон не исчез в темноте и не поднял вверх сразу несколько рубильников.

– И зачем мы здесь? – выдохнула я, оглядываясь.

Просторное помещение, примерно в двадцать-двадцать пять метров в длину и пятнадцать в ширину, вмещало в себя неглубокий бассейн, шесть мощных колонн и несколько лежаков и скамеек вдоль стен. Черные плиты на самих стенах, белые на дне безводного бассейна и колоннах, сейчас освещал слабый синий свет ламп, располагавшихся по периметру.

– Я не думаю, что нас будут намеренно подслушивать, либо пытаться как-то помешать, но я все же хочу поговорить с тобой именно здесь, – мой загадочный спутник прошел к самому бассейну, отвернувшись от меня. – Здесь нас не услышат.

– Моего крика никто не услышит, – усмехнулась я, но смешно мне отнюдь не было.

– Все верно, – согласился Джон. – Однако, не думаю, что ты будешь кричать.

Итак, я под землей, за закрытой дверью, с парнем, у которого не ясно, что на уме. В общем-то, мероприятие в перспективе «веселое».

Я переминалась с ноги на ногу, пытливо выискивая способы выхода из ситуации в случае, если захочу либо мне понадобится уйти, пока Джон выжидающе смотрел на дно пу-

стого бассейна.

– Твоя мама боится, что ты можешь не совладать с собой. Наверно поэтому она готова терпеть ссоры. Тактика довольно странная, но вполне понятная. Тем не менее вечно так длиться не может.

Интересное начало. Кажется, именно так я представляла «час икс». Пройдя вперед, ближе к краю резервуара, я мимолетом бросила случайный взгляд на Джона.

– То, что ты так спокойно реагировала на некие вещи, – подбирая каждое слово, говорил парень. – И то, что со временем стало происходить в тебе... Говорит о том, что жизнь с нами меняет тебя. И меняет именно в ту сторону, которую мы предполагали. Ты меняешься, Вилл.

– О чем ты?

Он на пару мгновений закрыл глаза.

– Все повторяется... Я не знаю, как звали ту девушку, но ты можешь выяснить, если у тебя появится желание. Эта девушка была чем-то вроде... Оберега, главы семьи... Что-то, что обобщает эти понятия. От нее зависела жизнь, целостность и сила семьи, в которой она находилась.

– К чему ты ведешь?

– Выводы тебе придется делать самой. Связи прямой между вами нет, я лишь буду говорить то, что знаю сам.

Странно, но в тот момент, когда я понимала, что истина где-то рядом и я получу ответы на все свои вопросы, я ощутила полнейшее нежелание слушать то, что говорил Джон.

Возможно, я действительно боялась правды, поскольку понимала, что назад дороги не будет. И ее уже нет.

– Хорошо, – произнесла я. – Надеюсь все не так страшно, как мне кажется.

Джон промолчал. После небольшой паузы, когда мы оба бездумно глядели невидящим взором в пустующее дно перед собой, он вздохнул и вновь заговорил.

– Ты видишь то, что обычный человек видеть не может... Девушку в метро ты увидела потому, что Диана хотела напугать либо попросту обескуражить Дориана. Эти иллюзии – один из ее инструментов влияния на нас. Физически, как человек, она слабее. Однако то, что она умеет, способно убить любого, кто не знает, как противостоять ее силе. Иллюзии тени, дыма, мертвых людей, всяческих монстров, вещей, которые выбиваются из реальности – это то, что она делает. К этому нужно быть готовым. Раньше их видели только мы. Сэм, Мэри, я, Дориан... Они были направлены на нас, поэтому представляли угрозу. Вся опасность вот здесь, – Джон поднял руку и ткнул указательным и средним пальцами себе в висок. – Из-за этого можно умереть. Либо же потерять рассудок. Когда я узнал, что ты увидела Анну в метро, я понял, что тебе нужна помощь. Лгать либо что-то скрывать сейчас уже нет смысла. Ты помнишь свой сегодняшшний сон?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я ощутимо округлила глаза и шумно сглотнула. Джон повернул в мою сторону голову, когда ответа от меня не последовало.

– Помню, – ответила я. – Иногда я подолгу помню свои сны.

– Ты же согласишься с тем, что сон был необычный. Верно?

Разумная часть меня умолкла. Здесь я не могла ничего ему ответить.

– Джон, я не понимаю, почему мы сейчас это обсуждаем.

– Потому что я хочу, чтобы ты поняла то, что я говорю, – голос парня сейчас показался мне очень громким. Он несколько раз эхом пронесся вдоль стен помещения и отозвался у меня в голове. – От этого зависит все. Понимаешь?

– Нет, я не понимаю! Я против какой-то ведьмы? Что я могу? Как ей противостоять, если вы все вместе не можете ничего сделать?

Парень молчал. Его дыхание затаилось, а тьма в глуби его глаз грозила поглотить мою душу. Злость, с которой он смотрел на меня, пугала и раздражала одновременно.

– Мое единственное желание, Вилл, – низким, очень тихим голосом произнес Джон. – Чтобы ты попыталась понять. Ты сильна и можешь дать отпор любому. Любому, кто будет угрозой тебе либо твоим близким... Та женщина. Обычно я говорил с ней. Только потому, что она звала. Она вторгалась в сознание и говорила с нами. Тогда, когда ей было удобно и когда именно ей что-то хотелось, а когда... Когда я понял, что там была ты и что именно ты вызвала меня туда... Я осознал, насколько ты сильна. Даже не представляя, что проис-

ходит. Ты все равно, каким-то образом сделала это. Ты нуждалась подсознательно именно в этом. В том, чтобы с тобой кто-то был. Ты чувствуешь, что с нами твоя безопасность. Однако вывела ты именно меня. Ни Сэма, ни Дориана, ни кого бы то ни было еще... Я не могу пока понять зачем, но, если ты скажешь, что осознаешь происходящее и даешь отчет своим действиям и мыслям... Мне, возможно, станет проще.

От этих слов и того, как именно они произносились, у меня сперло дыхание. Я вмиг оказалась в западне. В заточении своего онемевшего и потерявшего связь с реальностью разума. О какой борьбе и о какой невысказанной победе идет речь, когда я не могу взять верх над эмоциями?

Ответа в своей голове и в своем сердце я найти не могла. Мы молчали какое-то время, на протяжении которого я искала простейшее объяснение тому, что произошло ночью. Это все меньше и меньше походит на шутку и все больше схоже с безумием. Я, кажется, теряю рассудок.

– Тебе сложно, – произнес внезапно Джон. – Слишком много всего. Можем сделать иначе. Не думай и не ищи объяснений либо оправданий тому, что происходило там, во сне. Просто давай повторим наш предыдущий опыт диалога? Я буду рассказывать историю... Либо же несколько. Затем задашь вопросы, если захочешь.

– Идет.

– Хорошо, – появлению улыбки на его губах я заметно оживилась, даже обрадовалась. – Наша семья включает в се-

бя людей, которые абсолютно чужие другу-другу по крови. Сэм якобы мой отец, но сама понимаешь... Сходства нет. Его супруга, Мэри, чуть старше меня. Сэм, отличается от нас тем, что он единственный, кто родился... «не человеком».

Услышав эту фразу, я похолодела. Правда все ближе, а я все больше не хочу ее слышать.

От тошноты у меня напряглась челюсть. Я опустила голову, в надежде что собеседник не увидит перемен в моем лице.

– Наверняка ты догадываешься кто она.

– Диана?

– Она его сестра. Отвечаю на твой вопрос, почему мы все бежим. Одна из причин – неспособность отказаться от члена семьи, пусть даже если он угроза остальным.

– Диана? Сестра Сэма?

– Да, но не просто сестра. Отец один. У них колоссальная разница в возрасте. В отличии от брата, она родилась обычным человеком. От нее многого ждали, но она не могла этого дать в силу своей природы. Ей сложно давалась эта жизнь. Возможно поэтому она натворила столько дел.

– Что она натворила?

Джон не ответил. Взгляд его устремлен в стену перед нами. Мысли далеко за пределами этого дома. Далек от меня.

– Нет смысла говорить об этом. Это не мелочь, однако, эта часть ничего тебе не даст. За ее душой много грехов. Не меньше, чем у нас. Тем не менее, Сэм отказал ей в ее прось-

бе.

– Просьбе?

– Есть еще пара членов семьи, кто родился таким, как Сэм. Я, Мэри, Алекс, Дориан, Эйнджел – нет.

– Какими, Джон?

Пара алых колец на мгновение возникла рядом со мной. Бросив мимолетный взгляд, Джон словно опомнившись, отвернулся и опустил на пол. Сев на край бассейна, он спустил ноги вниз и сцепил руки в замок. Я осталась стоять рядом, не видя ничего, кроме горящих глаз перед собой.

– Диана была угрозой, большей чем я. Ее вина в бессмысленных жертвах. Ее хотелось силы, власти, возможности вышиться над всеми. Сэм отказал. А она человек и боится умереть.

– Зачем ей это?

– Она не в себе. В детстве она пережила травму, Сэм все списывает на нее.

– Ты говорил о каком-то предсказании.

– Семьи подобные нашей находят своего предводителя среди людей. Один на миллиард. И она верила, что будет им.

– Ее отвергли?

– Ее отверг Сэм. Мы тогда только узнали друг друга.

– За что Сэм ее отверг?

– Она угроза. Была и есть. И у нее нет того, что нужно.

– У меня тоже нет.

– Есть. О тебе говорила Грейс.

– Кто?

– Женщина во сне. В вашем понимании она оракул.

– Ты не пустил ее.

Парень молчал. Сотни догадок пронеслись в моей голове, пока он готовил ответ. В беспомощном ожидании я ослабела и опустила руки вниз вдоль тела.

– Джон? Есть ли причина?

– Я не знал, что от нее ждать.

– Нет, есть ли причина, почему ты это делаешь?

Он молчал.

– Кто вы? Кто ты?

Парень вдруг повернул в мою сторону голову, и я пересеклась с ним взглядом. Загадочное выражение лица, сочетающее в себе глубокую задумчивость и упоение, на время замерло. Он искал ответ. Его черные глаза смягчили взор.

– Человек.

– Человек? – удивленно вторила я.

– Да. Я считаю себя человеком. Хочу, по крайней мере, себя таковым считать, – в следующее мгновение Джон опустил голову и вновь уставился в невидимую точку на дне бассейна, – Внешне мы ничем не отличаемся от остальных. При желании, можно вернуться к нормальной жизни и быть самым обычным человеком во всех смыслах этого слова. Наш выбор быть другими. Грешно не использовать силу, которая есть. Учитывая тот факт, что она может кому-то здорово помочь.

Мне вспомнились горящие углями глаза Джона в тот вечер, когда произошел пожар. Забавы ради, я повторила маневр с примеркой масок виновников на лица спасителей. Если сила, о которой говорит Джон, не абсолютное благо? Что если моя мама ошиблась насчет них?

– Мы все смертны. Кто-то больше, кто-то меньше, но еще никто не избежал конца. Я повторю свои слова, что сказал в лесу. Будь я тобой – я бы верил.

– В чем твоя сила?

Он сдавленно усмехнулся.

– Хлеба и зрелищ! – тихо сказал Джон.

– Если не хочешь – не нужно, – опомнившись, стала отнекиваться я.

– Вилл.

Я прикрыла глаза и шумно выдохнула. Все на миг остановилось.

– Да.

– Ты смогла бы довериться мне?

– Допустим.

Сил нет. Я повержена. Пусть все будет таким, какое оно есть. Я больше не могу «казаться».

Ноги ослабли. Я подалась вниз и шумно села на край бассейна, поодаль от Джона.

– Игра. Правда или ложь? – в голосе парня звучала тихая насмешка.

Демоническая мрачная улыбка на его лице вызвала во мне

смесь довольно странных ощущений.

В непонимании я уставилась в глаза парню.

– Скажи, о чем ты сейчас мечтаешь, – проговорил он. – Что-нибудь, что можно увидеть. Например, тарелка мороженого или билеты на концерт любимой группы.

– Прекрати издеваться.

– Я серьезно. Попробуй.

Не закатить глаза невозможно.

– Дорогая фея, хочу получить в подарок голого парня-супермодель, приносящего мне тарелку мороженого! – шутки ради прокричала я.

– Не слабо, – резюмировал Джон, слегка подернув бровью.

Несомненно, я впечатляю.

Его взгляд направился вперед, к противоположной стене помещения.

– Ну ничего себе, – выдавила я, повернув голову.

На другом краю бассейна стоял незнакомый мужчина. Высокий. Накаченный. Обнаженный.

– Джон, откуда...

Незнакомец, с абсолютно нечитаемым выражением лица, перевел на меня взгляд и улыбнулся. В руке у него я увидела стеклянную вазу с шариками мороженого, покрытого сиропом красным сиропом.

Я на миг перевела взгляд на Джона, а когда вернулась к незнакомцу, его там уже не оказалось.

– У него были глаза? – спросила я.

– Я не видел, – весело ответил Джон.

– Тебе нравится такое? Голые парни без глаз?

– Брось, Вилл. Это шутка. Ты хотела узнать, что я могу.

– Ты такой же, как она?

Вот тут ему стало не до смеха. Лицо Джона вмиг изменилось. Улыбка напрочь исчезла с его лица.

– Я другой, – прозвучало в ответ.

– Так можешь только ты? Или они тоже? Сэм, Мэри...

– Только я.

– Почему?

Парень уперся руками в глянцевый пол и резко встал на ноги. Задрав голову, я продолжала смотреть на него, удивленно наблюдая за переменами в его лице.

– Это твой навык? – продолжила я.

– Вроде того... Идем. На сегодня, думаю, достаточно.

– Нет, не достаточно!

Я встала напротив него.

– Что произошло в тот день, когда ты стал другим?

Радужка его глаз черная. Черная как сам зрачок. Их отделяет лишь объем, зрачок видно из-за глубины. В синеватом свете комнаты, именно зрачок стал отливать синевой. Я даже не собиралась отводить взгляд. Тем лучше мне виднелись изменения. Внешнее кольцо радужки медленно, словно от залетевшего от пламени пепла, стало просачиваться искрами. Всего миг и они переросли в тонкое окаймление радужки, затем заполнили ее алым свечением

– Я умер.

За обеденным столом, когда все семейство собралось вместе, чтобы мирно побеседовать за кружкой чая и очередным шедевром кулинарного искусства Мэри, я никак не могла избавиться от размышлений на тему истинной природы этих людей. Откровенно говоря, я видела, что все здесь изо всех сил старались выглядеть самыми обычными и простыми людьми. Глава дома – Сэм – брал на себя определенный объем ответственности за все, что делалось в доме. Он выглядел серьезным, собранным, довольно строгим, но безмерно внимательным и чутким к каждому. От его пытливого взора нельзя утаить ни радость, ни грусть, поскольку, что бы ни происходило, он всегда интересовался состоянием близких людей. Такое поведение присуще отцу семейства. И не удивительно, что его женщина – Мэри – впитала в себя эту заботу и любовь и транслировала ее в окружающий мир троекратно. Она любила все и всех, что было в ее зоне досягаемости. Жар ее сердца согревал этот дом, еду, которую она готовила, порождал искренние улыбки на лицах родных и друзей, дарил уют душе и, казалось, исцелял от любой боли и от любых мук.

Я наблюдала за поведением Александра и Эйнджел, пока те беззаботно разговаривали и шутили друг над другом. Пара была юна и горяча. Они отличались от Сэма и Мэри главным образом в том, что в их отношении к миру и к людям

вокруг главенствующими идеями стояли свобода, легкость и непосредственность. Их нрав более эмоциональный, открытый и раскованный. Они чаще шутили, и все чаще шутки их были откровенными, а иной раз и ироничными. Алекс часто подкалывал Дориана и то, каким не спортивным и слабым тот был. Эйнджел в свою очередь отпускала довольно грубые шутки в адрес своего молодого человека, от чего тот даже не злился и не пытался ответить.

В сторону Дориана я старалась не смотреть. Из головы не выходило то, что произошло между нами и то, что я узнала от Мэри. Кроме жалости и желания отдалиться, ничего другого я в себе отыскать не могла. Возможно, я никогда не смогу его понять.

Джон, сейчас сидевший по левую руку от меня и молча наблюдающий комик-шоу Алекса и Эйнджел, представлял собой сосредоточение умиротворения и блаженной расслабленности. Его не заботили ни шутки, ни злостные отклики, ни молчание кого-то за столом, ни сам обед. Он стал наблюдателем. Наш разговор оставался между нами, и теперь нас обоих связывала эта небольшая тайна. Мы с ним молча наблюдали за тем, что происходило вокруг и размышляли каждый о своем.

Одна деталь заботила меня неестественно сильнее всех прочих.

Что он имел в виду, задавая вопрос о доверии к себе?

Вспоминая его взгляд, его лицо и то, как он говорил, я

все больше и больше склонялась к достаточно любопытно-
му заключению, которого не ожидала сделать до того момента,
пока мы не поговорили. Джон боялся себя. Боялся или
же ненавидел. Тому подтверждение его неохота отвечать на
прямо поставленный вопрос.

– Хочешь, налью тебе выпить? – внезапно спросил он у
меня, наклонившись к моему плечу.

Я изобразила на своем лице некое подобие улыбки.

– Надеешься, что это поднимет мне настроение? – также
еле слышно проговорила я.

– Надеюсь. Еще надеюсь, что это тебя расслабит, и ты перестанешь отвечать вопросом на вопрос.

Я слабо усмехнулась.

Тем не менее, кроме неумолимо стынувшего кофе пить я
ничего не стала.

– Как тебе пирог, Вилл? – обратилась с вопросом Мэри,
из-за противоположной части стола.

Мой взгляд принялся предательски озираться по столу, в
поисках предмета, о котором говорилось.

– Очень вкусный! – ответила я. – Он похож на кокосовый
пирог в одном из моих любимых кафе, но в сотню раз вкуснее.

– Любишь кокос? – поинтересовался Джон.

– Я да, а вот Натали терпеть не может.

– Попробуй обязательно из той коробки трюфель с миндалем. Там много кокоса, – улыбка на лице Джона сияла так,

словно он занимался сбытом не конфет, а запрещенных веществ. Я ухмыльнулась и с опаской осмотрела лица сидящих за столом людей.

Члены семьи не упустили этот момент.

– Коробка конфет? – переспросила Эйнджел.

– Джон любит задаривать девушек шоколадом, – не удержался от очередной колкости Дориан. Кажется, он единственный у кого в чашке для чая был вовсе не чай.

– Молчи, идиот! – пихнула его девушка, продолжив тему с подарком. Она повернула голову к Александру и болезненно кольнула его своим пристальным взглядом. – А когда мне ждать от тебя подобных поступков?

Парень не растерялся и с каменным выражением лица ответил ей то, что впоследствии вызвало небольшой акт насилия над его рукой.

– Выходи, тогда, за Джона.

– Ах так! – Эйнджел принялась его колотить.

– А что у тебя есть выпить? – прошептала я Джону.

Он улыбнулся и поднял руку к лицу, коснувшись пальцами своих губ.

– Кстати по поводу Натали, – спустя какое-то время произнесла Мэри. – Вы не хотели бы увидеться?

«Шутишь?»

– Я не против, – практически без эмоций ответила я.

– Может быть вам съездить всеми, развеяться?

Я вытянула шею, пытаюсь вникнуть в то, к чему клонит

Мэри.

– Это не опасно? – с выражением «вы что, тут все, психи?» проговорила я.

– Сэм, Джон? – девушка многозначительно перевела взгляд на мужчин.

Блондин мягко кивнул.

Они оба что-то замышляют

– Почему бы и нет? Угрозы нет. Плюс ко всему, Симона может вас прикрыть, если будет необходимость.

– Симона? – удивленно воскликнула Эйнджел.

– Да, она приехала утром.

«Отлично... Дожили!»

Простая встреча с подругой собирает целую свиту.

Что имел в виду Сэм, когда говорил, что угрозы нет? И почему Джон не говорил того же?

– Я не против развеяться. Только если Дориан и Джон не против, – отозвалась я, но радости в моем голосе не прибавилось.

– Я не против, – поступил ответ от Джона.

Глава 13. «Бастилия»

– Тема, конечно, классная...

На моем лице непроизвольно родилась гримаса недоверия и насмешки. Идея парня напротив меня, во истину, воплощение идиотизма.

Дориан не унимался с самого утра. Его то и дело швыряло из состояния «оптимистичный болван» в состояние «надоедливый нытик». Это бесило не только меня. Вольготно раскинувший свои громадные руки по спинке дивана Алекс, в конечном счете, не выдержал и наорал на него. Тем временем, Джон безучастно следил за игрой огня в камине. Ему до показательных выступлений друга не было никакого дела.

– Почему вы такие нудные? – воскликнул снова Дориан, не выпуская из рук свой телефон.

– Мы не нудные, черт тебя дери! – взвыл, словно от боли Александр. – Ты просто капаешь на мозги уже больше часа.

– Правда, Дориан, – проговорила я. – Идея классная, но... Не думаю, что это подходит для совместной вылазки с Натой.

– Что вы предлагаете? Просто потащиться в кафе? Это скучно!

– Да! Зато вечеринка готов – вот что круто! – нервы качка были на пределе. Интересно, сколько ему осталось до точки невозврата? Досталось бы тогда Дориану...

– Вилл, твоя подружка не любит такие вечеринки? – спросил у меня Дориан.

– Если бы у нее был выбор: слушать метал либо альтернативу... Она бы выбрала отрезать себе уши, – с сознанием дела ответила я ему.

Парень выругался и упал в кресло, продолжив читать онлайн афишу в телефоне.

– Как же вы оказались в Парнасе? – решил вмешаться в

диалог Джон.

– Ната до конца не понимала, на что идет, – улыбаясь, ответила я.

– А ты интересный друг, – сказал он.

Эйнджел вошла в гостиную и тут же прокомментировала ситуацию.

– Я могу пойти.

– Плюс один! – загнув первый палец, сказал Дориан. – Вилл?

– Я «за», – ответила я. – Могу попробовать уговорить Натту.

– Попробуй! Уже два! Алекс? Джон?

– Не, не, не! Алекс и вечеринки – это понятия из разных вселенных! – засмеялась Эйнджел. – Пусть лучше тогда с нами идет Джон.

Сидящий на диване мужчина театрально изобразил сердечную боль.

– Это все из-за того, что я не делаю тебе подарков? – несильно взволнованный ответом, проговорил Алекс.

– Да! А еще из-за того, что ты не умеешь танцевать.

– Какая жалость. Как с этим жить.

– Джон? – повторно обратился к парню Дориан.

Парень повернул голову в нашу сторону.

– Костюмы нужны?

– Нет, только маски, – ответил Дориан.

– Выбора у меня нет.

Что-то в моей груди радостно екнуло.

Мне жизненно необходимо уговорить Натали. Что бы не произошло.

– На счет Симоны, я, правда, не понял, – внезапно произнес Алекс. – Она приедет или нет?

– Она в городе, но я не смог до нее дозвониться, – ответил ему Джон. – Вряд ли она присоединится к нам.

Итог: в эту субботу, благодаря активным уговорам Дориана, наша скромная компания отправляется на загадочную готическую вечеринку, что будет проходить на окраине города, в неизвестном мне районе. Дело осталось за малым – убедить Натали поехать с нами, ибо ради встречи с ней все это и задумывалось изначально.

Пока парни собирались на улицу за глотком свежего воздуха, я молча стояла в коридоре дома, опершись о холодную стену и разглядывая Джона. В какой-то момент мне показалось, что он выглядит более худым, чем буквально несколько дней назад. То ли дело в том, что я привыкла к нему, то ли в том, что он действительно похудел. Не помню, чтобы за общими застольями он уделял особое внимание еде. Оставаясь незамеченной, я внимательно изучила его тело. Высокие, округлые плечи, широкую грудь, талию... Рядом с Алексом он смотрелся куда выигрышнее. Худоба была ему к лицу.

Ребята, включая Дориана, Алекса и Джона вернулись лишь вечером. Для себя я отметила – ни одна машина с парковки не двинулась.

По возвращению домой Джон уделил мне особый, секундный взгляд. Я притаилась, выискивая в тени его глаз какие-то скрытые знаки, однако, как и прежде, они хранились на самом дне, и я не могла до них добраться.

– Как отличить реальность от иллюзии?

Мой вопрос возник сам собой и казался мне очень актуальным, учитывая тот факт, что я на все сто процентов поддерживала предложение Джона проработать умение противостоять Диане. Чтобы бороться, нужно знать все про орудия врага.

– Исходя из увиденного, могу сказать, что иллюзия – то, что выбивалось из общей картины реальности, – отвечал мне Джон. – Например: откуда взяться медведю в центре оживленной городской дороги? Или как мог оказаться призрак мертвого человека посреди толпы людей?

– Если исходить из этой логики, все верно, иллюзию найти легко. Но как же...

– Да, сложнее всего совладать с собой. Иногда мы видели наши страхи... А иногда то, чего желали всем сердцем. Например, призрак Анны – фактически удар под дых для Дориана. Он не боялся ее. Эта другая иллюзия.

Какое-то время мы молчали. Я глядела в постепенно уходящее под воду дно бассейна. Резервуар заполнялся буквально за считанные минуты.

– У меня нет купальника, – проговорила я.

– И ты не умеешь плавать, – ответил Джон. – Я помню.

Я подошла к рубильникам в стене и опустила крайние левые, оставив свет только в дне бассейна. Синее свечение отразилось от воды на темные стены вокруг нас.

– Тебя что-то волнует? – спросил меня Джон, когда я вернулась к воде и села на пол.

С ответом я не спешила. Говорить ему правду значило признаться в страхах и в слабостях, а мне этого хотелось меньше всего.

– Волнует то, что Диана может навредить мне и людям, которые мне дороги. Я бы хотела иметь что-то, что могло защитить.

– У тебя это есть.

– Ты о семье?

Парень сел на углу противоположной стороны бассейна. Сейчас он казался мне призраком.

Где же я видела его раньше...

– В вас сила. Я знаю. Но я хочу иметь что-то, что будет во мне. Хочу иметь... Возможность самой постоять за себя.

– Я тебя понимаю. Твои желания вполне естественны. Только не забывай – чем больше на себя берешь, тем сложнее справиться.

– Да, я согласна. Это одна из причин, почему Розали не хотела со мной говорить.

– Ты понимаешь ее?

Я подняла глаза на парня и остановилась в немом ступоре.

– Сейчас нет, – ответила я наконец. – Мы разные.

Джон не отреагировал. Взгляд парня направлен в воду, а на лице не читались ровным счетом никакие эмоции. Мысленно он, бесспорно, находился не здесь.

– Химера – то, что видел Дориан. И то, что видела ты. Ты лишь свидетель этих явлений. Их видят всегда два человека: кто направляет и тот, на кого направлено. Ты увидела, потому что это одна из твоих возможностей. Химера – извращенное воплощение мечты. А есть миражи, приведения, иллюзии того, чего человек боится. Тот мужчина – химера. С ними бороться сложнее, чем с миражами.

– Я понимаю почему, – соглашаясь, кивнула я.

– И почему же?

– Человек не всегда хочет от нее избавляться.

– Верно. В отличие от призраков страха, ужаса, боли, муки и насилия, химера ублажает сознание и в этом основная опасность. Она в силе свести с ума так же, как и самые ужасные видения.

– Диана воспроизводит их всех?

– Да. Как только она нащупает, за что можно ухватиться, она приступит к делу.

– И как можно помочь себе, кроме как логически оценить возможную реальность?

– Нет абсолютного противоядия, – проговорил Джон, устремив на меня свой взгляд. – У каждого свой способ борьбы, но все они практически сходятся на том, чтобы оценить

действительность и объективность явления.

– Если я не смогу этого сделать, все будет кончено?

– Можем попробовать.

Я оглядела стены помещения. Здесь минимум деталей и максимум пустоты. Пол, стены и вода. Все, что здесь появится – выход из реальности.

Мерцание голубых пятен света на стенах дрогнуло и рассыпалось на тысячи синих огоньков. Я повернула голову и увидела, что Джона на противоположном углу бассейна нет. Вода волнами билась о стены, но как нырнул туда парень я не заметила. Как только я успела сообразить, что случилось, Джон вынырнул перед самым моим носом. Струи воды стекали с прядей волос на его чистое, выточенное будто бы из лунного камня, лицо, в глаза, в приоткрытые губы, вниз, к облегавшей грудь и плечи намокшей футболке. Черные агаты, помещенные вместо глаз, пристально глядели внутрь меня. Это действие лишило меня возможности мыслить и отвечать за себя. Потеряв последнюю связующую нить между реальностью и сном, я подалась вперед, опершись ладоням о мокрую плитку, где были руки Джона.

– Вилл.

Мощный неестественный толчок в грудную клетку вернул меня на место. Блуждающим неосознанным взглядом я изучила местность. Вместе с тем как быстро я возвращалась, ко мне также стремительно приходило понимание собственной глупости и беспомощности. Джон сидел на том же углу, что

минутой ранее, абсолютно сухой и неподвижный.

Это, похоже, одна из превосходнейших химер.

– Странный способ борьбы с иллюзией, – прозвучал голос Джона откуда-то спереди, куда я не решалась поднять глаза.

«Какого хрена ты сейчас делала?!» – вопила я на себя.

– Если химера была здесь, куда делся ты? Вернее... Реальный ты? – придя в себя, спросила я.

– Все это часть того, что я воспроизвел для тебя. Можно изменить пространство, время, изменить реальность в корни. Полностью дезориентировать противника.

– Тогда все, что ты говоришь про распад объективной реальности и иллюзии – бред. Если я увижу здесь и сейчас, вместо бассейна, море и жаркие тропики, акула, которая откусит мне ногу, будет вполне себе реальной.

– Ты права, но тебе необходимо совладать с собой, держать разум трезвым и холодным. В таком случае ты сможешь побороть наваждение. Нельзя позволять терять связь со временем. Помни то, где была секундой ранее.

Я выругалась и вытянула ноги вперед. Закатав джинсы выше лодыжки, я подползла к краю бассейна и коснулась воды кончиками пальцев.

– Давай попробуем что-то масштабное? – обратилась я к парню, уняв раздражение. – То есть не какого-то призрака, а, скажем, полностью погрузимся в иллюзию?

– Я не уверен, что мне удастся это сделать.

Я подняла голову и удивленно уставилась на Джона. В от-

личие от меня, он не выражал никаких переживаний.

– В этом вопросе я слабее Дианы и не смогу навести такую мощную иллюзию.

– Мы можем попытаться?

Взгляд Джона переместился на меня. Отвечать он не торопился, о чем-то глубоко задумавшись.

Я мысленно сгруппировалась, готовясь к очередному выбросу из действительности.

– Я раньше не пробовал, но, – мой собеседник поднялся во весь рост и отошел от бассейна. Внимание его блуждало по стенам крытого периметра, будто выискивая основы для создания очередного обмана. Он развернулся лицом к стене за собой и замер.

Несколько секунд я, затаив дыхание, ждала появления каких-то изменений. Вода, постепенно заполняющая резервуар, все также шелестела, нежно касаясь моих ног, от чего я не сразу обратила внимание на появление постороннего дополнительного шума.

Этим шумом стал беспокойный фоновый шорох, исходящий от стен помещения, будто под плитами мощным потоком неслась вода. В поисках значимых для визуального восприятия изменений, я начала осматриваться вокруг. Лишь фигура Джона оставалась неподвижной и невозмутимой. Стена напротив него вдруг качнулась, затрещала по углам и завибрировала. Вытянув перед собой руку, парень сделал шаг к стене, как если бы хотел оттолкнуть ее.

В пустом проеме образовалось гигантское, настезь распахнутое окно, а за ним – бушующее море. Темные, подвижные воды распростерлись на многие километры вдаль от меня. Штормовой ветер обрушился мне на лицо и окатил потоком холодного ливня. Волны безумного расщепившего океана бились об оконную раму. Вода шумным течением неслась внутрь помещения, сразу попадая в бассейн. Искра яркого света на мгновение ослепила меня, но после нее раздался раскатистый оглушительный гром. Я поднялась на ноги и шаткой походкой направилась в сторону окна. Повторный удар молнии расколол иссиня-черные кучевые облака на части и исчез на горизонте, будто уйдя под воду.

Палуба старого полуразрушенного корабля опасно накренилась, и до меня донесся треск древесины. Очередная волна направлялась в мою сторону, оттуда, куда мгновением раньше ушла молния. Я огляделась в поисках убежища, но не находила ничего кроме разрубленного одной из мачт мостика. От очередной ослепляющей вспышки света я вынужденно зажмурилась. Корабль пугающе завалился на бок. Корпус его оглушительно затрещал. В следующее мгновение волна накрыла меня с головой. Спустя еще миг толща воды поглотила меня в себе и тянула к темнеющему на глубине дну. Ни рыб, ни акул, ни кораллов. Абсолютная тишина, пустота и миллиарды тонн холодной воды над головой...

Оказаться сидящей на полу у бассейна было для меня спасением. Провести параллель между моей мнимой кончиной

в океане и внезапным появлением в целостности и невредимости, здесь, в доме Кроутеров, у меня вышло не сразу. Поняв, что произошло, я облегченно вздохнула. Буквально за мгновение до того, как огорчение поражением в борьбе за настоящее сковало сердце.

– Вполне реалистично, – осведомила я Джона, который сейчас выглядел не слишком довольным.

– Почему ты не попыталась ничего сделать? – задал он вопрос.

– Потому что я не знала, что делать!

– Придумай что-то. Борись. Иди против того, что видишь.

– Я даже не поняла, что это мираж! – заметно повысив голос, отвечала я. – Все так... Реально.

Реакцией парня на мой эмоциональный всплеск стал протяжный тяжелый вздох. Он потер напряженный хмурый лоб рукой и подошел к краю бассейна. Было видно, что ему тяжело дается работа со мной. И хотя на моих тренировках настоял он, я все чаще и чаще ждала, что он опустит руки и откажется от затеи упражняться в борьбе с вмешательствами в сознание. Не подав голоса, я продолжила мирно смотреть на мерцающую гладь воды под ногами.

– Если хочешь, можно провести групповые занятия, – спокойным низким голосом проговорил Джон. – Попробовать с Мэри, например.

– Это мне поможет?

– Она поделится опытом. Думаю, поможет.

– Хорошо.

Мой учитель поднял руки к воротнику, поддел пальцами хлопковую ткань и стянул с себя футболку. Далее следовали джинсы. Я замерла, пытаясь сосредоточиться на своих ощущениях. Призрак более чем реальный. Я пыталась найти в нем какие-то детали, мелочи, которые могли бы мне позволить повлиять на него, остановиться, исчезнуть. Я пригляделась к полчищу шрамов на торсе, груди, руках парня. Первое, что предложило мне воображение, это визуализировать то, как все шрамы вдруг откроются, и из них польется кровь.

Мужчина, стоявший на противоположной стороне бассейна, остановился и бросил внимательный взгляд к воде.

Я замерла.

Копия того самого Давида висилась в нескольких метрах от меня. Вскоре, статуя ушла в воду, отрезвив меня на мгновение.

В ожидании, когда призрак исчезнет, я сидела какое-то время, пока он не вынырнул в том же углу, где свисали мои ноги. Шло время, а мои жалкие попытки совладать с сознанием и расколоть мираж, не приводили ни к чему хорошему. Я боялась, что видение направится ко мне и попытается что-то сделать и от этого, скорее всего, выглядела очень забавно. Даже кулаки сжала...

– Вилл?

Призрак перевел свой взгляд с водной глади прямо на меня. Я сжала челюсти, не зная, что делать.

– Ты в норме? – говорил со мной фантом.

– Я не знаю, что делать, – выдавила я из себя.

Пауза.

– Делать с чем? – спросил меня призрак, оттолкнувшись от стены.

– С этим, – я покосилась на грудь собеседника, которого видела перед собой.

– Ничего, – ответил он. – Можешь залезать в воду в одежде, если хочешь. Если тебе неудобно, могу уйти. Прости, если смутил.

Я вытаращилась на Джона.

Холодный пот выступил по лицу. Я чувствовала, как напряглись мышцы всего тела. Неужели я могла так облажаться?

– Ты думала, что это иллюзия?

Ярость из-за собственной слабости пробила дрожью тело. Сжав челюсть, я опустила голову к воде.

Я бездарна. Ничего из этого не выйдет.

– Вилл, ты куда?

Тяжелая металлическая дверь с грохотом закрылась за моей спиной. Я даже не старалась скрыть свою злость. Мне было абсолютно плевать слышат ли меня и мою ругань в доме.

«Дура».

В ванной первого этажа я принялась смывать с разгоряченной кожи лица слезы. Странно, что злость вызывает

именно желание плакать. Эмоциональные всплески подобного рода меня пугали, поскольку из-за них я все сильнее убеждалась в том, что теряю свой рассудок. В таком состоянии было только одно – убежденность в своем провале.

– О, Вилл, решила попить кофе? – с одной из своих дежурных улыбок обратилась ко мне Мэри, когда я вошла в кухню.

– Да, – ответила я ей и голос мой послышался мне слишком слабым. – Могу я выпить кофе у себя в комнате?

Синеглазая нимфа повернулась ко мне, оценивающе разглядывая мое лицо.

– Конечно, – выдохнула она. – Станный вопрос.

Я поставила кофе на плиту, моля всех богов и всех духов, чтобы только сегодня и только сейчас он приготовился как можно быстрее.

– Ты не хочешь ничего обсудить? – спросила меня Мэри, спустя пару минут.

– Сейчас нет.

– Хорошо.

Девушка забрала стоявшие на столешнице стопки полотенец и вышла из кухни. Ее шаги отдалялись у самой лестницы. В любой другой день, мне кажется, она бы так не поступила.

Не дожидаясь, когда поднимется пенка, я вылила кофе в чашку и поспешила к себе.

– Привет.

– Привет, – ответил мне знакомый голос в телефоне.

Поставив свой кофе на туалетный столик, рядом с уже знакомой черной коробкой, все еще перевязанной лентой, я села на стул напротив зеркала. Ната ответила на звонок довольно быстро, будто держала телефон в руке все время. Услышать ее голос было для меня чем-то вроде антидепрессанта. Она подруга детства. Именно того детства, где не было ни врагов, ни смертей, ни страхов, ни опасностей. Говоря с ней, я вновь находила ту самую Вилл, которую теряла с каждым днем все неотвратимее.

– Решила позвонить? – откровенно поддевая, говорила Ната. – Я думала, ты уже забыла про старых подруг.

– Прости, – что ж, ее нападки вполне мне понятны. – Надо было раньше позвонить.

– Угу. Говори себе это каждый день.

– Не злись. Я виновата и признаю это.

– Хоть что-то!

Судя по шумам на фоне голоса Наты, подруга была на улице. Мне вспомнились недавние события в университете, и нападение Дианы.

– Нашла пропуск?

– Какой пропуск?

– Электронный пропуск. Ты пошла искать его в тот день, – в значении «ты тупая что ли?» воскликнула подруга. Она тяжело дышала. Видимо, куда-то спешила.

– Да. Нашла... Ты сейчас где?

– В магазин иду. Нужно купить домой продуктов. Мама

сказала, что на выходные уедет к тетке в другой город. Так что буду одна.

Это мой шанс!

– Есть идеи, чем будешь заниматься? – воодушевленно поинтересовалась я.

– Море! Спать, пить и учить лекции! А что? Есть предложения?

– Парочка... – проговорила я, растягивая каждую букву улыбкой.

– Я слушаю.

Жаль, но я не подготовила письменно речь. Убедить Натю потащиться со мной на вечеринку готов задача на грани возможного. От каждого моего слова зависит будущее. Учитывая недавний инцидент.

В конце концов, это один из немногочисленных шансов увидеться.

– В эту субботу будет вечеринка в городе. Я очень хочу куда-нибудь вырваться. Тем более, что, по отзывам, ее многие ждут. Сходим вместе?

– А как же твои зрители?

– Они сами предложили. Я говорила, что очень хочу с тобой повидаться.

– И? Разрешено только в субботу? И только туда?

Я шумно выдохнула. Кажется, ответ Наты будет отрицательным.

– Я очень хочу сходить с тобой туда.

– О боже, нет... «Очень хочу»! Это значит, что там будут мохнатые хиппи! Или торчки с черепами на лицах!

– Я ни разу не была на таких вечеринках, Ната, ты знаешь, – подавить смех не вышло.

– Но очень хотела бы! Верно? – окружающие подругу шумы притихли. Она вошла в помещение.

– Ты моя единственная подруга... – начала я, но она перебила.

– Способная терпеть твою черную душонку!

– Так ты согласна или нет? – повторно спрашивала я ее.

– Ты не сказала, что за вечеринка. Где именно и в честь чего.

Музыкальные вкусы, равно как и предпочтения в фильмах, книгах и стилях одежды у нас с подружкой разнились, подобно черному и белому, жизни и смерти, ангелу и демону. Если я употребляю слова из серии: готы, маски, рок, метал, неформалы и тому подобное, ответ будет «нет». К нему могут добавиться и оскорбления.

Я вспомнила про наш недавний уговор. Мы не идем туда, куда хочу я. Теперь это решает Ната.

– Это костюмированная вечеринка, – буркнула я.

– Типа как на хэллоуин?

– Ну... Вроде того, – в каком-то смысле я не лгала.

Девушка нервно выругалась и загремела чем-то стеклянным.

– Если я соглашусь, ты переночуешь у меня? – спросила

она.

– Я могу договориться о твоей ночевке здесь.

– «Здесь» это там? – хихикнула она. – В Бастилии?

Эта идея в тот момент казалась мне если не отличной, то вполне себе неплохой. В том, чтобы Ната была здесь, я видела логики больше, чем могла объяснить Сэму и Мэри, с которыми предстояло говорить. Зная историю с Анной, я могла даже попробовать сослаться на нее, что конечно было бы низко.

– Я не хочу стать пленницей, как некоторые, – язвительно сообщила Ната. – Поэтому договорись о ночевке у меня и я, так и быть, поеду на твою вечеринку.

– На одну ночь. Ната, одна ночь.

Рыжая в очередной раз выругалась и на этот раз – победа! У нее что-то выпало из руки и осколками посыпалось на кафельный пол.

– Окей! Сообщи по итогу что решила! Пока! – воскликнула девушка.

– Отлично! Спасибо!

Ната сбросила звонок.

Я и мой кофе несколько секунд смотрели друг на друга. Возникшая у моих ног Никки недовольно заурчала, указывая носом на коробку конфет на столе. Она явно уже не первый час на нее смотрит.

В конечно счете, Ната согласна ехать со мной, при условии, что я приеду к ней на ночь и разделю с ней несколько

часов. По мне, сделка состоялась выигрышная. Как ни крути – я в плюсе. Тем не менее, замысел подвести подругу ближе к семье и тем самым обеспечить ей чуть больше безопасности, чем у нее было сейчас, стал моей идеей фикс.

По прошествии пары часов, когда чашка с гущей от кофе уже остыла, а из коробки исчезли несколько конфет, я вышла из комнаты и двинулась в сторону кухни. На первом этаже никого не оказалось. Убрав посуду, я прошла в гостиную и села на ковер у камина, где моего тела гостеприимно коснулось тепло уже слабеющего пламени. Странно как дом, полный людей, оказывался в такой абсолютной, всепоглощающей тишине, будто бы нет здесь и души. Ни смеха, ни тихих голосов, ни скрипов дверей, ни шороха шагов. Я прислушалась вновь, но слышала лишь собственное дыхание и потрескивание углей в огне.

Внезапно голову посетила одна забавная мысль. За нее я могла получить выговор, поскольку если у меня все получится, вряд ли это кому-то понравится. Во всяком случае, мне бы не понравилось.

– Мэри, – произнесла я громче, как если бы она была в комнате, но и недостаточно громко, чтобы меня слышали за пределами гостиной. – Можем поговорить?

Ответа не приходило, как и любого другого шума, который мой гласить о том, что кто-то откликнулся на зов. Я пожала плечами и продолжила смотреть на небольшие клочки пламени перед собой.

– Они с Сэмом уехали. Будут через пару часов.

По голосу я поняла, кто вошел в комнату.

– Ты был в своей комнате?

– Если вопрос к тому, насколько тебя хорошо слышно, то да, я был в своей комнате.

На Джоне по обыкновению абсолютно черная одежда. Простые джинсы и свободно сидящий реглан с темно-серыми полосками ткани на рукавах. Он, подобно тени, прошел к креслу в углу и сел на самом краю. Я отвела взгляд к камину и сжала руки в кулаки, так, чтобы Джон не видел.

– Я поговорил с Мэри по поводу наших занятий, и она поддержала мою идею.

– Они все в курсе, что ты мы с тобой разговаривали?

– Да.

– И как они?

– В норме, – недоверчиво ответил Джон.

Я развернулась к нему лицом, отсев от камина.

– Всех больше заботит вопрос как ты.

– Все не так страшно, как боялась мама, – у меня получилось улыбнуться.

Взгляд плавающих от света пламени черных глаз сместился по направлению ко мне, однако так и не коснулся меня. Витавший в своих думах, Джон не сразу возобновил диалог. Пока я гладила лежащую рядом Никки, парень без какого-либо движения притаился в кресле.

– Ты думала я призрак? Поэтому разозлилась?

– Да, – кажется, я лгу.

Здесь есть что-то еще...

Простое поражение и даже осознание своей глупости не вызовет столько негодования и злости.

– Я просто думала, что это очередная иллюзия. Это странно.

«Превосходно! Все сразу стало понятнее!»

Я подняла руки к лицу в непроизвольном желании прикрыть глаза и спрятаться, но в самую последнюю секунду решила заняться своей прической. Сняв резинку, я распустила волосы и раскинула их по плечам.

– Я думаю, хотя бы на первых порах, нужно предупредить тебя. Можем вести счет, например, на счет три – начинать. Что скажешь?

– Джон, дело не в этом. Думаю, я просто чувствую себя слабой, – я сделала попытку избавиться от повторно нахлынувшего на меня чувства презрения к себе самой. Качнув головой в сторону, я тем самым спрятала лицо за стеной распущенных волос.

– Мы учимся. То, что ты уже видишь их и видишь даже не свои, это успех.

– Джон!

Как я оказалась стоящей во весь рост, уставившись в мрачные глаза Джона, я не помнила. Мой вид не вызвал у него ни удивления, ни даже непонимания. Абсолютно ничего. Даже повисшее в воздухе безмолвие его не смущало. Он

просто смотрел на меня с абсолютно равнодушным выражением лица.

– Что? – наконец произнес он очень тихо.

И здесь я ослабела. Желания говорить что-либо у меня пропало.

– Ты много от себя требуешь, – проговорил он. – Снова.

– Я хочу быть сильной. Уметь защититься. Хочу понимать то, что происходит.

– Я это помню. Ты говорила.

– Можно как-то ускорить этот процесс?

Джон молчал. Тлеющие угольки в сумраке его глаз притягивали к себе, подобно звездам. Я прошла к противоположному дивану и села фактически напротив парня. Моя цель – не отводить взгляд. Быть может, хотя бы в этих глазах я найду какие-то силы.

– Ты говоришь о тренировках. Да? – нотка злости в отдалении звучала в каждом сказанном слове.

– Конечно. О чем еще?

Парень качнул головой и опустил глаза вниз, к раскрытым ладоням на коленях.

– Мэри готова присоединиться завтра. Будем пробовать работать с ней.

– Хорошо, – ответила я.

– Постарайся выспаться и отдохнуть. Ладно?

– Если меня опять никто не призовет, то постараюсь, – в гостиную смеялась только я. Мой собеседник был отрешен и

замкнут. Он закрывался от меня вновь. Вопрос – почему?

– Еще раз прости, что смутил сегодня. Я не хотел.

– Все в порядке. Можешь ходить раздетым постоянно, меня это не заботит, – я старалась не улыбаться, но истеричный смешок вырвался сам собой.

– Это вызвало больше усилий, чем я полагал. Вряд ей также тяжело.

Я вспомнила события в бассейне. Странно, но память о шторме почти не сохранилась. И даже образа химеры в голове уже не было. Я знала, что произошло, но не помнила. Шторм, молнии, разрушенный корабль и беспросветная толща воды.

– Что ты чувствовал?

Парень нахмурил лоб, пытаясь сосредоточиться на ответе.

– Это очень сильно напрягает мозг. Такие масштабные иллюзии даются тяжело. Наверно, это третья либо четвертая. От них голову разрывает изнутри, а тело бьет лихорадка.

– Это опасно для тебя?

– Нет, но неприятно.

– Тогда я понимаю твой порыв броситься в воду, – сказала я. – Я бы также сделала.

Победа! Первая улыбка за вечер!

– Тренировки будут там же? – спросила я парня позже.

– Как хочешь, – ответил он бесстрастно. – Можем там, можем здесь, либо на улице.

– Место не имеет значения? Вообще никакого? То есть...

Я не разобью ничего, не полезу в окно?

– В большинстве случаев, жертвы наваждений остаются без движения, в ступоре. Максимум что может случиться: твое тело рефлекторно двинется с места.

– Превосходно!

Между нами вновь образовалось молчание. Каждый был погружен в свои мысли, и даже не заботился о том, как выглядит со стороны.

Но я позволила себе одну маленькую роскошь. Я тайком глазела на Джона. Магия, исходившая от мглы его глаз, стала своеобразным капканом для меня. Так могло длиться и час, и два, и день, и неделю... Это одна из его «особенностей».

– Ты говорила с Натали? – напомнил он о том, что не является неподвижной статуей.

Я активно заморгала и огляделась.

– Да, говорила. Ты же слышал нас, да?

– Я слышу, если у меня есть такая цель. Намеренно я не подслушивал.

– А это значит чтооо...

– Что я не слушал и спрашиваю тебя, что вы с ней решили.

– Ну, – протянула я, собираясь с мыслями, – Она готова пойти, не зная куда и на что, при условии, что я буду ночевать у нее после вечеринки. Я предложила переночевать здесь. Само собой, после того как согласую с вами.

Конечно, я знала, что мой поход к подруге будет отклонен и да, конечно, я знала, что в целом мероприятие очень рис-

ковое. По-видимому, я страдаю без этих острых ощущений и афера подобного масштаба – истинное наслаждение для моего потаенного «я». Так или иначе, я верно шла к тому, чтобы решить судьбу субботнего вечера.

– Отличная идея, – внезапно подал голос Джон. – Она может остаться здесь и на ночь, и на две. Сколько захотите.

– Эм... Ты серьезно?

– Да. В доме всегда рады гостям, – парень наклонил голову вперед, словно пытаюсь спрятать от меня свою улыбку.

– Я гость? – заглядывая в теплую тень, падающую на лицо парня, уточнила я.

Он повернулся и подловил меня в этот момент.

– Ты член семьи, – ответил он. – Даже больше.

Что это могло значить, я не спросила. Не хотела спрашивать.

На меня снизошло озарение. Я едва не подпрыгнула на месте.

– А зачем ты отдал мне свое кольцо?

– Захотел, – секундой позже отозвался Джон.

– Это не ответ.

– Ответ. Более чем.

– У этого жеста есть какой-то смысл? Какой-то обряд?

– Что-то вроде традиции оставлять монетку там, куда хочешь вернуться. Я оставил то, что было под рукой.

– Я не понимаю. Оно теперь вечно будет у меня или мне его вернуть?

– Как хочешь. Однако я не планировал его забирать.

Голос парня звучал расслабленно, умиротворенно, покорно... Кажется, все его демоны в тот вечер смиренно склонили головы и покинули его. Смотреть на Джона, слушать его, ощущать рядом с собой... Это, по-видимому, был один из самых чудесных миражей. В тот вечер, я почувствовала себя дома. «Дом» – там, где я остаюсь собой. Ни лжи, ни фальши, ни масок, ни попыток заставить себя быть кем-то другим, ни лишних слов и посторонних фраз. Здесь только я. Такая, какой была всегда.

– Я видела сон...

Виски, наполовину заполнивший мой стакан, замер и застыл неподвижно напротив моего лица. Я лежала на полу рядом с камином и наблюдала за тем, как теплые золотистые оттенки шафрана, меда и шоколада играли на фоне беспокойного пламени. Мой собеседник остался со мной, на своем месте, покорно слушая мои пустые глупые рассказы. Шли часы, а я никак не могла замедлить их ход. Мог ли этот вечер в одной из прочих тысяч вселенных, таких как наша, длиться вечность?

– Один и тот же сон... Много раз...

Я вытянула руку и коснулась указательным пальцем края своего стакана. Опьяненная, я едва улавливала ход своих собственных мыслей.

Еще немного и от меня не останется ничего, кроме забывшегося нетрезвым сном тела.

– Лилии были всюду. Всегда... Каждый год... Я видела человека. Он стоял в моей спальне, у окна. Не помню его голоса, его лица, запаха духов... Почему мне кажется, что это был ты?

Спящая рядом со мной Никки открыла глаза и подняла уши. Ее внимание привлек человек в кресле, позади меня. Подняться и осмотреться вокруг я не смогла.

– Как давно ты рядом? Как давно меня знаешь?

В ответ мне прозвучала тишина.

– Это ведь ты, Джон... Я знаю. Это всегда был ты...

Глава 14. «Черный опиум»

Утром следующего дня, а вернее с рассветом, я открыла глаза в своей комнате и нашла себя в той же одежде, в которой ходила весь вчерашний день. Немного удивившись такому раскладу, я, недолго думая, все же поднялась с кровати и осмотрелась. На полу у моих ног лежал телефон. Не помню, почему оставила его там.

Спать мне уже не хотелось, поэтому я выскользнула за дверь и поплелась в ванную комнату, приводить в порядок помятую заспанную физиономию. В воздухе витал запах свежего мужского геля, а на зеркале, в уголках, все еще держались капли конденсата. Заперев дверь на замок, я сняла с себя одежду, включила воду и встала под душ, задвигая створки кабинки. Когда я осознала, что пришла сюда без полотенец,

ца, мой рот изверг из себя несколько яростных ругательств. О том, что мои новые знакомые могут прекрасно слышать сие утреннее действо, я вспомнила не сразу.

После того как с душем было покончено, я отодвинула стеклянные двери кабины и оглядела комнату в поисках чего-то, чем могла вытереться. Слева от меня раковина, под ней только средства для мытья тела и шампуни, далее дверь, на которой висели халаты, тут же, в углу, расположилась невысокая скамейка, а рядом с ней из стены торчал подвесной стеллаж. На его полках стояли предметы декора: ракушки, баночки с песком и белые круглые камни. Одним уровнем ниже располагались предметы по уходу за кожей тела и лица, и несколько скляночек с духами. Мой взгляд спустился ниже, где к своему огромному восторгу, я нашла скрученные в рулеты махровые белые полотенца. Шагнув на мягкий коврик перед кабинкой, я подошла к полкам стеллажа и схватила одно из полотенец.

Покосившись на девушку за пеленой влаги в отражении я сgrimасничала.

«Интересно, исчезнут ли эти царапины на шее?»

К моему приходу в кухне зародился дивный тонкий аромат свежих трав и пряностей. Мэри и Эйнджел трудились над созданием какого-то эликсира, разбирая сухие веточки эстрагона, мяты, хвоща, перебирая цветы липы, ромашки и складывая все по баночкам. Столешница перед ними была вся усыпана травами и цветами, создавая необыкновенно

красивую картину на белом мраморе.

– Как здесь пахнет! – прошептала я, подойдя ближе к девушкам.

– Да, согласна. А какой их них вкусный чай! – Мэри потянулась рукой к одной из забытых пробкой баночек и передала ее мне. – Открой ее.

За толстым прозрачным стеклом хранились пряности. Я открыла баночку и прислушалась к аромату. Он был свежий, сочный, сладкий и согревающий.

– Что здесь?

– Попробуй угадать, – улыбнулась Эйнджел.

– Анис, фенхель... – начала я, то прислушиваясь к аромату, то разглядывая содержимое склянки. – Гвоздика, имбирь... Пахнет ягодами. Не пойму, какими именно.

– Верно! – одобряюще кивнула Мэри, не поднимая глаз с связки трав в руке. – Клюква и яблоко.

– Ого!

– Эйнджел очень любит собирать чай сама. Это ее страсть!

Девушка с собранными в пучок фиолетовыми волосами тщательно пыталась скрыть улыбку, но у нее не выходило. Она отвернулась от нас и проговорила едва слышно.

– Мне просто нравится собирать их в баночки.

– Да. Баночки и бутылочки – это тоже ее страсть, – прикрыв ладонью губы, якобы только для меня, сказала Мэри.

– Мне кажется, любая девочка любит подобные вещи. Баночки, коробочки, красивые бутылки... Но то, что ты дела-

ешь – это круто! – вполне искренне сказала я.

– Спасибо, – ответила она.

– Мэри, я хотела кое-что спросить.

Девушка отставила в сторону тяжелую стойку из массива дерева, заполненную банками с травами и развернулась ко мне.

– Я прочла «Цветы Гадеса». Почему ты не стала писать дальше?

– Работа завершена. Мне нечем ее дополнить.

Я предвидела ответ.

– Ты говорила о соавторстве с друзьями. Кто-то может помочь тебе?

Догадка озарила ее печальные покрытые наледью глаза. Моя маленькая победа не принесла мне никакого удовольствия.

– Они в прошлом. Продолжения не будет, – ответила Мэри, казалось, спокойно.

– Я не могла оторваться от чтения. Когда-нибудь, тебе обязательно нужно вернуться к этому.

– И какой же цветок ты выбрала? – стоявшая за столом Эйнджел развернулась ко мне. Лицом ее овладела лукавая маска

– Асфodelь.

Карие глаза девушки сместили внимание к моим рукам. Только тогда я заметила, что нервно надламываю веточки лаванды и отрываю от нее цветки.

– Так и знала, – с лицом заскучавшего ребенка произнесла Эйнджел. – Мой мирт. И, конечно, розы.

К завтраку в кухне собрались все члены семьи. Сразу после него, Мэри и Джон потянули меня к уже знакомой лестнице, ведущей под дом.

– Первый раз попробуем здесь же, – пояснил мне Джон, завидев округлившиеся глаза на моем лице.

– Так вот где вы пропадали часами! – воскликнула идущая позади меня Мэри, когда мы вошли в бассейн.

– Нам очень нужна твоя помощь, Мэри. Вилл пока не дается борьба с иллюзиями и ей нужен твой опыт.

– Опыт! – фыркнула девушка. – Я далеко не боец в этом вопросе.

Я сложила ладони вместе и повернулась к Мэри.

– Прошу. Мне нужно хоть что-то.

В плотной глубокой синеве глаз девушки засверкали огоньки.

– Попробуем, – был ее ответ.

Наш «тренер» прошел вглубь помещения. Я притаилась в ожидании. На что хватит его фантазии?

– Джон, я первая? – несчастная нимфа закрыла дверь. Ей еще только предстояло увидеть то, что в одно внезапное мгновение выросло в образовавшемся между мной и ею расстоянии.

Незнакомый мне мужчина стоял спиной ко мне. На широкой ссутуленной спине красуется бычья голова. Одна ру-

ка в кармане спортивных брюк, правая впереди у груди. Он опустил руку и увидела нож.

– Она не видит, – прошептала я.

Мэри подняла глаза перед собой и остановилась. Оцепенев, она не сводила глаз с мужчины. Химера сделала шаг по направлению к своей жертве.

Краем глаза я заметила – Джон неподвижен. Он внимательно следил за ней.

Химера бросила несвязный громкий крик и занесла нож над головой Мэри. Я ждала, что она дернется, уйдет с траектории удара, хотя бы уклониться, но этого не произошло. Вопреки моему трусливому ожиданию, она склонила голову и ринулась под руку нападавшему. Обогнув его под локтевым сгибом, девушка выпрямилась, выставила руку напротив руки мужчины, другой же резко нанесла острый удар ребром ладони в районе шеи. Он обернулся, и я увидела его пустые глазницы. После движения противников стали едва различимы. Размытый силуэт Мэри держался строго за спиной химеры. Скорость, с которой все происходило – вот, что шокировало меня больше всего, невзирая на самую суть ситуации. Жертва отказывалась проигрывать. Зацепившись за плечи мужчины, Мэри обняла его голову и сдавила горло в удушающем захвате.

Переведя внимание на Джона с вопросительным выражением лица, я отвлеклась от Мэри. В один миг все закончилось. Девушка шла по направлению ко мне ухмыляясь так,

будто выиграла в каком-то соревновании. Что ж. Я бы на е месте ликовала сильнее.

– Что ты видела, Вилл? – спросил она меня.

Ответить сразу не удалось. Потерев лицо взмокшими ладонями, я шумно выдохнула и еще раз бросила осторожный взгляд в пустоту, где совсем недавно происходила схватка.

– Ты ударила его в шею, – отозвалась я, не веря своим словам. – Душила...

– Ну, Вилл, ты многое пропустила!

– Ты двигалась очень быстро! Я успела увидеть лишь это.

– Повторим?

Девушка подошла вплотную ко мне и сжала мое запястье.

– Я не поняла, как ты... Почему ты не дернулась? Неужели ты не испугалась?

– Меня трудно застать врасплох, – усмехнулась Мэри. Не понимаю откуда у нее такая радость на лице. – Попробуй стать частью этой иллюзии. Как только у тебя будет уверенность в нереальности того, что перед тобой, стань фантомом сама. Поверь, любая другая вряд ли бы напала на мужчину с ножом. Это была моя фантазия. Я увидела его, осознала, сделала то, что он не ожидал. Фантазия. Понимаешь?

– Я не могу отличить реальность от вымысла. Поэтому не знаю, в какой момент действовать и как.

– Джон, можешь создать свой призрак рядом с собой? – обратилась к парню Мэри.

– Могу, – согласился он.

– Давай так, Вилл, закрой глаза, – продолжила девушка, обращаясь ко мне. – Мы скажем, когда нужно будет открыть.

– Жуть.

– Просто попробуем. Если не поможет, будем искать другой выход.

– Погнали, – я покорно опустила веки и притаилась.

Вокруг меня образовалась гробовая тишина.

– Джон? – прозвучал голос Мэри. – Открывай глаза, Вилл.

Я сжала челюсти и приготовилась.

– Классно, – невесело выдала я, уставившись перед собой.

Что первый, что второй, Джон выглядели один к одному. Оба стояли в нескольких метрах от нас, в свободной расслабленной позе, без каких-либо признаков опасности или угрозы. Те же волосы, тот же взгляд, одинаковые черты лица, одежда... Ничего не отличало их. Оба смотрели на меня в упор. Во взгляде некое подобие интереса, но лишь отчасти. Скорее выжидание, словно пауза перед атакой.

По телу ледяной волной пронеслись мурашки.

Родившаяся в моей голове идея была на грани безумия. Она просуществовала пару секунд, но ей хватило, чтобы стать видимой. То, что без моего ведома и согласия начало происходить вызвало во мне сильнейшую панику. Я выругалась в голос. Стоявшая по правую руку от меня Мэри внимательно следила за переменами в моем лице.

Одна из фигур напротив, с нечитаемым выражением лица, подобного маске куклы, вытащила руки из карманов

брюк, подцепила край свитера и потянула его вверх. Медленно обнажив торс, химера сжала в руке свитер и остановилась. Не меняясь в лице, не отводя взгляд, он поднял свободную руку к пуговице на брюках. Все то, что только начинало появляться на задворках моего сознания, уже обрзовывалось наяву. Я не успевала даже сфокусироваться на действиях парня.

Я зажмурилась и вдавила пальцы рук с еще незажившие раны на ладонях

– Вилл, ты здесь?

Перед моими глазами возникло лицо Мэри. Она обхватила меня руками и встряхнула. Фантом позади нее рассыпался, будто фигура из песка.

– Да, здесь.

– Как ты?

– В норме.

Джон стоял на своем месте. Невозмутимый и бесстрастный. Один. Ровно так, как минуту назад.

«Мне плевать!» – убеждала я себя. Пыталась убедить, но не выходило. Я подняла руки к лицу вновь потирая щеки.

Был ли призрак вдохновения на дне мглы в его глазах реальным?

– Что ты видела? – возбужденно вопрошала Мэри.

– Ты не... – я умолкла. Джон говорил, что их видит тот, кто создает и на кого направлено. Ну и я, как наблюдатель.

С моих губ слетел бесхитростный смешок. Я сошла сума?

– Ты не видела? – продолжила я свой вопрос, как будто никто не видел перемены в моей реакции.

– Нет, только если они будут направлены на меня. Это твоя химера.

«Моя.»

– Ты заставила ее выдать себя, – произнес тренер. – Умно.

– Очень, – «Пошел ты»

– Как ты его прогнала? Он вообще нападал? Что он делал? – сыпала вопросами Мэри.

– Я просто закрыла глаза, и он исчез.

Мой ответ меня не устроил. И ее тоже. Образовавшаяся пауза не давала мне шансов. Надежда, что Мэри не узнает о том, что произошло стала меркнуть. Я боялась поднять глаза на Джона.

– Да, исчез, – он поднял руки к своему лицу, прикрыл глаза и сжал переносицу.

Мэри осталась недовольно хмурающейся. Это не тот результат, которого она хотела.

– Нужно повторить, – выдала она.

– Давай попробуем с тобой, – Джон опередил мой ответ.

Он указал на стоящую между ним и мной девушку.

Та усмехнулась, но поняв, что он серьезно, смутилась. Поразмыслив непродолжительное время, Мори вернулась с ответом.

– Хорошо.

– Вилл? – Джон бросил на меня настороженный взгляд.

«Прекрати.»

Я кивнула.

Из-за спины раздался шум. От неожиданности я подпрыгнула. Обернувшись, я посмотрела на запертую дверь. Нас было трое, но я совершенно четко слышала, что кто-то вошел сюда. Мэри сделала шаг назад. Они с Джоном переглянулись. Стоило ли говорить, что их сплоченность насторожила меня?

Одна из колон справа от меня исчезла. Ее движение в сторону привлекло мое внимание. Однако повернуть голову я не успела. Мощным толчком меня отбросило на пол. Проскользив по каменным плитам я повалилась на спину. Такой недружественный жест здорово задевал самолюбие. Я вытянула руки под собой и попыталась встать, но Мэри прижала меня к полу. Ее вес неприятно поразил меня. Казалось, что на меня водрузили груды камней. Не теряя времени, она подняла руки к моей шее. Тонкие теплые пальцы уже не были такими безобидными.

«Что мне делать?»

Девушка оскалилась и наклонилась к моему лицу.

«Это не она! Не она!»

Вцепившись в ее пальцы в жалкой попытке освободиться, я судорожно искала что-то, что могло помочь. Я помнила ее улыбку, ее мирный нрав, ее внимательность и радушие. Что произошло сейчас? Что я сделала? Непонимание и паника – два злейших врага, благодаря которым задача становилась

невыполнимой.

Ее лицо исчезло. Обжигающие кожу путы тоже. Промелькнувшее над головой нечто спасло меня. Тем не менее, я вскочила с места и сгруппировалась, приготовившись обороняться.

«Где она?»

Грозное животное рычание сопровождалось криками и мольбой о помощи. У стены напротив меня клубился и ревел монстр. Руки Мэри отчаянно боролись с ним, но всего мгновение и они обессиленно упали на пол. Волчья пасть сделала финальный рывок и все прекратилось. Как и предыдущие фантомы, что Мэри, что напавшее на нее чудовище, растворились в воздухе, не оставив и тени.

– Ужасно! – выдохнула я и направилась к двери.

– Что? – голос Мэри приближался. – Что произошло? Что ты видела?

Обернувшись, я застала на себе пристальный взгляд девушки. Ну почему она так воодушевлена? Потому что не видит?

Переведя взгляд на Джона, стоявшего позади нее, у одной из колон, я опешила. Он едва заметно качал головой.

– Ты напала. Все тоже самое, что с тем мужчиной, – подумала я несложный ответ.

– И? Это все?

– Да, я душила тебя и все исчезло.

«Лгунья. Как они.»

– Моя девочка! – ее устроил такой расклад. Она повернулась к Джону. – Дальше?

Вплоть до самой субботы наши тренировки стали обязательной программой каждого дня. Периодически Мэри пропускала занятия, ссылаясь на необходимость выполнения домашних дел, поэтому мы с Джоном привлекли Александра. Тот выказал огромное желание помочь нам, в частности мне, а его борьба с иллюзиями и призраками поразила и меня, и Джона. Мужчина громил, колошматил, разрывал и разгрызал все, что видел в иллюзорном мире. Его образ косматого саблезубого медведя, который убивал все, что представляло угрозу, надолго сохранилось в моей памяти. Я видела его лишь пару раз, а после Джон вернул в наши ряды Мэри, сославшись на то, что ее пример подходит мне лучше. Я не согласилась. Монстры у нас с Алексом получались очень хорошо.

Стоило ли говорить, что моя учеба в университете стала страдать? Лишь раз я прослушала лекцию в записи, любезно предоставленную моей верной Натали. Лишь раз, но даже он не мог завладеть моим вниманием. Слушая о истории права, я видела только одну картину и только о ней и думала. Вернее, о двух. О реальной и о иллюзорной. Хотя спустя дни, мне стала казаться что они обе были выдумкой. Выдумкой, которая дарила мне возможность поддаться нирване. Казалось, мой одурманенный разум сам рисовал мне то, чего не было.

Даже если я все выдумала, пускай будет так.

Суббота.

Собираясь в дорогу, я повторно позвонила подруге и попросила взять с собой на всякий случай денег, поскольку не имела представления, что будет за мероприятие и на ком будут напитки и еда. У меня, конечно, денег не было. Розали тему налички в моем кармане не поднимала.

В шестом часу вечера в дверь моей комнаты постучали.

– Входите, – уже уверенная в том, что меня слышат, вполголоса проговорила я.

За дверью стоял Дориан.

– Я хотел кое-что уточнить, – начал он, сцепив руки на груди. – Вечеринка тематическая. Будут нужны маски.

– Да, я помню.

– Тебе и твоей подруге, – он вошел в комнату и положил на столик передо мной крафтовый пакет.

– Спасибо.

С того дня как я нашла фото Анны мы с Дорианом практически не разговаривали. За все это время мы от силы обменялись парой слов. Сейчас его появление в моей комнате вводило меня в напряженное состояние ожидания. Факт того, что я боюсь парня, пугал меня еще сильнее чем самая страшная участь, которую я себе представляла от рук Дориана. Я чувствовала вину и смятение, так как вторглась в то, что он скрывал ото всех. Мне было до жути некомфортно

рядом с ним. Еще хуже от того, что Джон в тот день говорил с ним. Подробности, к слову сказать, мне не поведали. Какой сюрприз.

– Дориан, – позвала я удаляющегося к двери парня. Он остановился.

«И?»

Что я могла ему сказать? Мне жаль? Прости, что случайно вторглась в твою личную жизнь? Что вижу то, что не должна?

– Ничего, – я соорудила некое подобие улыбки. – Спасибо. Это нам необходимо.

– Да, согласен, – парень остановился на пороге и многозначительно вздернул бровь. После его голос осел. – И да, Вилл... Не бери в голову.

«Не бери в голову» – как странно это звучит. Можно подумать тот, кому это говорится именно так и поступит.

За рулем внедорожника Сэма сидел Дориан. Мы с Эйнджел сели позади него. Джон, как выяснилось позже, выехал на своей машине за полчаса до нас. Требовалось это ради сохранения моей безопасности или же это была простая прихоть парня, ясно не было, но так или иначе, Дориан заверил в том, что Джон будет на вечеринке. Он говорил «ему нужно по пути в одно место».

Мы забрали Нату с остановки рядом с ее домом и двинули дальше. Знакомство ребят было самым обычным и даже равнодушным. Ох, какие сюрпризы ожидают Натали, останься она с ними подольше!

– Я думал тебе уже сняли гипс! – перекрикивая музыку в салоне, прохрипел Дориан.

– Шутишь? Мне в этой штуке еще месяц ходить! – Ната вытаращила на меня глаза с выражением «Он идиот?» Я кивнула.

– Туда можно положить это? – Дориан поднял с пустующего рядом с собой сидения стеклянную бутылку.

– Смотри на дорогу, – Эйнджел вытянула вперед руку и ударила Дориана в плечо.

Да, это ужасно.

Внезапно компания разорвалась громким хохотом.

– Тебя ведь Дориан зовут? – Натали наклонилась к переднему сидению и подняла глаза к зеркалу заднего вида.

Из моих вмиг вспотевших ладоней предательски выско-чил телефон.

– Да, – спокойно отозвался парень из-за руля.

– Я не помню тебя. Ударилась головой, – от голоса подруги мне стало не по себе. Что у нее на уме? – Мне говорят, ты спас нас.

– Кто говорит?

– Все вокруг. Ты и твой друг.

– Наверно да, не помню.

«Хочу домой.»

– Спасибо.

Дориан кивнул.

Что происходит?

– Не хотела умирать.

– Я догадался.

Когда они оба умолкли я выдохнула. Получилось довольно громко.

Эйнджел улыбалась во весь рот.

Наш путь лежал в сторону старой промышленной зоны города. Дорога тонкой размытой лентой плелась среди полей и плотных высоких стен заборов, за которым изредка виднелись крыши складов, каркасы недостроенных зданий, свалки металла и башенные краны. Чем ближе к месту назначения мы были, тем шумнее становилась в салоне. Дориан продолжал шутить, а Ната отбиваться. Когда ей на помощь пришла Эйнджел, у него не осталось ни шанса.

– Местечко будоражит, – прошипела у самого моего уха Ната, указывая на виды за окном.

И правда, картина удручающая. Тут никак не ожидаешь проведения каких-то мероприятий. Даже неформальных.

Одна из стен высокого ограждения резко оборвалась, и Дориан свернул в образовавшуюся дыру, сбавив скорость почти до минимума. Дорогу расчистили, организовали даже парковку. Здание промышленного склада подсвечивали тусклые красные прожекторы, бьющие откуда-то из сугробов. Небольшие кучки людей слонялись то тут, то там. Кто-то незатейливо пританцовывал под фантомную музыку. Кто-то, гонимый вьюгой, бежал в зал или наоборот, к машине. Дориан остановился на одном из пустующих мест невдалеке

от входа и, заглушив двигатель, развернулся к нам.

– Ваши пригласительные. На левое запястье. Куртки оставляем здесь. Не думаю, что там есть гардероб. Вход в масках.

К манерам этого парня привыкать придется долго. Моя подруга будет приятно удивлена, узнав, что этот самый человек настоял на ее компании. Куда исчез его настрой и рвение, я не могла даже представить.

– Все в порядке? – спросила я между делом, стараясь не придавать значения тому, что заметила перемену в его настроении.

– Да, – ответил он уверенно. – Не понимаю, где Джон.

– Еще кто-то будет? – Натали воодушевленно перевела взгляд на меня.

Я повязала подруге на левую руку черную атласную ленту, в центре которой по всей длине располагалась вставка из грубого, темно-зеленого кружева.

– Фи, – последовала естественная реакция девушки.

Следом на моей руке оказалась такая же лента. Мы сняли куртки и, едва я потянулась к ручке двери, рыжая вспомнила про маски.

– Один вопрос, – произнесла девушка, разглядывая две одинаковые кружевные маски на твердом каркасе с парой черных роз у виска.

Эйнджел, вышла следом за Дорианом. Парень закурил. На вид ему вовсе не холодно. Он одет в свободную черную во-

долазку-мантию, капюшон которой сейчас накинут до середины макушки, не скрывая лица парня.

– Ты Мортиша, – бубнила Ната рядом. – А кто я?

– Это не важно. Будь, кем хочешь.

– Не могу. Мы же на тематической вечеринке! Я не могу выбрать.

– Салли. Ты Салли. Идем.

– Это все, потому что я рыжая, да?

«Сил мне!» – взмолилась я и, поправив маску, вышла на улицу.

С первых секунд уже хотелось вернуться внутрь прогретого салона. В пустом поле с невысокими стенами редких складов бушевал сильнейший ветер. Он заметал мои волосы из стороны в сторону и почти сразу запылил нас снегом.

– Идем внутрь, – скомандовал Дориан, возвращая сигарету к губам. Он пошел первым, а мы с Натой двинулись следом за ним.

– Джон приехал? – обратилась я к Эйнджел.

– Не понимаю. Слишком много людей, – ответила она.

Станный ответ. Она ориентировалась на слух? На интуицию? На что?

В лице Натали на мгновение застыл знак вопроса.

Музыка, донесшаяся до меня сквозь еще закрытые двери, казалась мне очень знакомой. Когда мы вошли внутрь, я столкнулась с ярким желтым светом прожекторов, но мой взгляд все же сумел выцепить сцену у противоположной от

входа стены.

– Надо было одеться как она! – прокричала Ната мне в ухо.

Идущий впереди Дориан ответил тут же.

– Не надо было.

Женщина на сцене двигалась в сильных порывах ветра от вентиляторов перед ее ногами. Из одежды на ней был красный облегающий комбинезон и сетчатые чулки. Руки до самых плеч облиты черной краской. Рядом с ней – ее музыканты и пара девушек, танцующих в том же ритме, за прутьями металлических клеток по бокам сцены.

Я знаю ее. Знаю песню.

«Я здесь за одним наркотиком.

Лишь ради него одного.

Иди же ко мне,

Мое упоение, моя любовь, мой опиум»

Удивительно как спокойно я себя ощущала в толпе абсолютно чужих мне людей, беспорядочно танцующих вокруг. Я позабыла обо всех проблемах и спустя чуть больше часа, казалось, напрочь затерялась в музыке. Натали не отходила от меня дальше, чем на пару шагов, а вот Эйнджел и Дориана мы из виду давно потеряли. Одна группа сменяла другую, блондинка в комбинезоне появлялась еще дважды, после чего исчезла и она, и ее труп.

Здесь нет ни страха, ни тревоги, ни волнения. В буйстве красок, в потоке музыки, за пеленой незнакомых лиц, за сотнями масок... Покой.

Моя радость – Натали отдалась этому. Мы танцевали вдвоем, и я чувствовала, что ей по душе происходящее. Сомнений нет, мы здесь не зря. Я бы назвала это «обнуление».

Фарфоровая маска печального клоуна возникла в бледном медном свете, в черной массе людей, также, как и я неспешадвигающихся в такт музыке. На каждом моем обороте, когда я неотрывно плыла вслед музыке, маска смотрела в мою сторону. Едва свет померк, и композиция сменилась, расстояние между нами пошло на убыль, словно толпа подталкивала нас друг к другу.

«Иди ко мне» – прошептало мое сознание.

Фантом был более чем реальным. Настоящим. Он реальнее, чем я. Чем все эти люди, этот зал, музыка, которую я слышала много лет назад. Здесь он и ничего больше. Его руки коснулись моей талии, а после прижались к спине. Ощущение его тела рядом затмило сотни других чувств. Я не решалась касаться его, пока что-то во мне, будь то интуиция или нетрезвость, подтолкнули меня вперед.

Теплый. Сильный.

Живой.

Маска незаметно опустилась к моему плечу.

– Ты пьяна? – послышался знакомый голос.

Вместо ответа я протянула руки вперед и едва касаясь,

опустила их на его плечи. Казалось, я коснулась пепла. Казалось, еще немного и он исчезнет. Он будто не человек. Я боялась, что одно неосторожное движение и маска растворится в воздухе, словно химера.

Парни на сцене взялись за одну из самых лиричных композиций, которых я слышала. Она вводила в транс. Не поддаться этому невозможно. Тело покачивалось, словно на волнах, и плавно кружило на месте.

Он был моим сном. Моим видением. Наваждение, следующее за мной попятам, не отстраняясь ни на миг. Теперь я это понимаю. Что-то во мне дало ответ на мой вопрос четко и ясно. Идущая к этому столько лет, делая поспешные рывки вперед, а в самый последний момент, в одно мгновение, в один шаг, в одно касание, нашла то, зачем пришла сюда.

– Какого черта ты жмешься с ним?! – заорала на меня Натали, выдергивая за руку на себя.

Наваждение погибло.

– Пошли поговорим! – рыжая потащила меня сквозь темную массу людей в сторону выхода, не связно что-то выкрикивая в мой адрес. Лишь у самой двери я услышала, что та пыталась донести. – Сколько можно! На кой хрен тогда я здесь!

– Ната!

Девушка не слышала.

– Ты больная? – обратилась она с первым вопросом ко мне, когда мы оказались на улице.

Меня затрясло то ли от холода, то ли от волнения. Следом за нами вышли еще трое.

– Ната, прости, я не познакомила тебя... Это Джон, – пролепетала я, качнув головой в сторону парня за мной.

– О, да, правда? – выпалила она. – Мне плевать!

Джон снял маску и подошел к нам ближе.

Девушка в оцепенении зависла на месте. От удивления у нее слегка приоткрылся рот.

– Натали, здесь холодно, идем внутрь, – ответила я, пытаюсь подойти хоть на метр ближе.

– Я никуда не иду. Можешь и дальше веселиться без меня, – прошипела она наивно полагая что нас не слышат. Хотя делать что-то по-тихому, прятаться, у нее не в ходу.

– Говори тише.

– Зачем я здесь?

– Ната, – да, я виновата. Потеряв связь с внешним миром, я оставила подружку одну. Ее злость и раздражение понять я могла, но ее желание выяснять все и при всех, не умещалось в моей голове. – Мы можем поговорить потом?

– Нет! Я домой.

Девушка развернулась и направилась к парковке.

– Черт, – выругалась я себе под нос.

– Мне кажется, она замерзнет, – отправляя в рот очередную сигарету, проговорил Дориан.

– Открой нам машину, пожалуйста. Я поговорю с ней.

– Ты ей не нравишься, принцесса, – парень с чувством

пихнула Джона по плечу.

Я поспешила за Натой, не задумываясь о том, идут ли за мной следом.

– Я вызываю такси! – сообщила она мне, когда я догнала ее.

– Зачем?

– За тем, что я хочу домой. Ни минуты больше здесь не останусь!

Дориан открыл дверь пассажира, где сидела Ната и отошел в сторону. Девушка достала из салона куртку и накинула на плечи.

– Ты ведешь себя как маленькая. Можешь успокоиться?

– Вилл, у тебя новые друзья. Иди, развлекайся, – она достала телефон и повернулась спиной ко мне. Я слышала тихое несвязное бормотание. – И зачем я сюда притащилась!

– Ната, прости... Я понимаю, что ты чувствуешь.

– Ничего ты не понимаешь! У тебя нет времени на меня. У тебя свои дела. Так иди!

– Мы можем поговорить дома?

– Я говорить не хочу. Наверняка у твоих новых друзей куча фанаток. Что ж, удачи тебе в этом нелегком пути!

Натали не постеснялась посмотреть на Дориана.

– Неа, только вы, – отозвался он с печальной миной.

– Истерика кончилась? – холодно уточнила я.

– Иди, – тем же встревоженным голосом отозвалась подруга.

– Не хочу. Без тебя я никуда не пойду.

– Отвали.

Я знала, что стоит за ее реакцией. Быть брошенной, к сожалению, страх, который Натали не может преодолеть больше десяти лет.

– Я отвезу тебя.

– Нет. Я дождусь машину.

– Не ломай комедию, балда. Сюда никто не поедет. Видела дорогу? Садись в машину.

– Дориан!

От крика Эйнджел мы все одновременно обернулись в сторону склада, откуда доносились звуки музыки. Девушка быстрым шагом направлялась к нам. Какая-то часть меня заподозрила неладное. Уж слишком тревожно звучал ее голос.

– В машину, – внезапно скомандовал Дориан.

Мы с Натой в непонимании проследили за удаляющейся спиной парня, лишь спустя какое-то время, решив поступить так, как он сказал. Он вместе с Эйнджел исчез из виду. Я прислушалась к абсолютной тишине в салоне. Гулкие низкие удары музыки почти не доносились до нас, однако что-то постороннее и чужеродное повисло практически на той же волне. Я практически ощущала кожей далекие вибрации в воздухе, словно где-то на территории гудела электростанция.

– Что-то случилось? – в конечном счете, не выдержала Ната, и голос ее звучал уже не так раздраженно, а скорее измученно.

– Не знаю, – ответила я ей.

– Мне кажется, что да.

Я повернулась к подруге лицом и вопросительно уставилась на нее, ожидая объяснений. Казалось, именно в тот момент она позабыла о нашей ссоре.

– Она что-то увидела, – проговорила подруга. – Видела ее выражение?

Джона с ней не было. Эйнджел пришла одна.

Случиться могло абсолютно все. Практически что угодно. Оставалось только ждать. Нас с Натой одних определенно бы не оставили просто так.

Раздался хлопок. Я медленно повернула голову к подруге.

«Нет.»

Еще один.

Ни Дориана, ни Джона, ни Эйнджел.

На мгновение я подумала, что это даже хорошо. Мне казалось оружие – последнее что будет использовать Диана. Осознав, что это она и что от нее обычно ждут чего угодно, я оцепенела.

Раздались очередные хлопки выстрелов.

– Вилл!

Из сумрака врывалась компания из нескольких человек. Они бегом пронеслись мимо машины и исчезли за воротами. Все в черном, но точно не готы.

– Что делать?

Ответить Натали мне нечего. Паника не давала мне отве-

тить на этот вопрос даже самой себе. Я покосилась к замку зажигания. Ключа нет.

Тишина внезапно расступилась. Двери впереди открылись.

– Выходите, – велел нам Дориан.

– Вилл, нужно сесть в машину Джона. Быстро, – Эйнджел внезапно возникла на переднем пассажирском сидении.

Ни секундой позже моя дверь открылась и из тьмы в салон проникла рука Джона. Мне вспомнилась ночь звонка Наты, когда мы все ринулись в больницу. Именно так Джон радушно приглашает присесть в его машину. Он вытянул меня на улицу, в тот момент, когда Дориан более настойчиво попросил Нату последовать за мной. Не проронив ни слова, я повиновалась Джону. Быстрым шагом мы вышли к соседнему ряду парковки и двинулись в сторону ворот, туда, где стояла его машина.

Он шел быстро. Пыльца его с чувством впивалась в мое запястье. Распахнув заднюю дверь седана, парень толкнул меня внутрь. Следом за мной в салон погрузили Натали. Она сыпала ругательства.

Не прогрев двигатель, Джон вжал педаль газа в пол, и вырулил к воротам. Автомобиль отчаянно буксовал на скользкой заледенелой дороге, но, тем не менее, вывел нас с территории склада и на большой скорости вошел в поворот на выезде. Когда мы преодолели первые сто метров за пределами склада и вышли на прямую дорогу к трассе, я заметила

свет фар позади нас. Дориан следовал за нами.

– Что произошло? – обратилась я к Джону.

– Ничего страшного.

– Кто были те люди?

– Те, кто следит и доносит о нас.

– Ди?

– Само собой.

– Черт!

Сидевшая по левую руку от меня Ната вопрошающе округлила глаза, переводя взгляд с меня на Джона и обратно. Вид у нее был не испуганный, а скорее удивленный. Возможно, в тот момент она прониклась чувством понимания ко мне и к ситуации, в которой я оказалась.

– Ты везешь нас домой?

– Да.

– Они могут проследить за нами?

– Они и без этого знают где он. Просто не суются.

– Почему?

– Дориан берет их на себя, – проигнорировав мой вопрос бросил Джон и продолжил набирать скорость. – Они не знают, что вы со мной.

– Почему они не суются?

С ответом Джон медлил лишнюю секунду.

– Нас там слишком много.

– Мы слышали выстрелы.

Он молчал.

– Вилл, нам ничего не угрожает? – шепотом, едва слышно спросила у меня подруга, подтягиваясь к моему плечу.

– Думаю, нет, – солгала я.

Цифры на спидометре варьировали от ста сорока до ста восьмидесяти единиц. Нас с Натой вжало в спинки сидений, но мы выглядели вполне презентабельно. Во всяком случае, она не кричала, а меня не рвало, а это определенно успех. Ночь сгустилась над городом в считанные часы и вот теперь, ближе к полуночи, даже свет и мерцание дорог не могли выжечь ее мглу с просторов улиц. Я встревоженно наблюдала за редкими автомобилями вокруг, опасаясь появления вражеских лиц хоть в одной из них. Лишь Джон казался вполне спокойным и расчетливым. Его взгляд источает покой и внимательно следит за дорогой, а руки плотно сжимают руль. От истеричного рева двигателя в итоге заложило уши. То поднимая глаза на парня, то вновь возвращаясь к пейзажам за окном я задавалась одним единственным вопросом.

«Его могли убить?»

Что грозит Джону за его отчаянные попытки сохранить мне жизнь? От чего он пытается сберечь меня, и под что подставляется сам?

На выезде из города за нами вновь увязался уже знакомый внедорожник. Мы остановились на светофоре перед перекрестком. Мое внимание привлек поравнявшийся с нами водитель мотоцикла. По узкой талии, облаченной в экипировку, я поняла, что там сидела женщина. Она постучала в

пассажи́рское окно впереди, привлекая наше внимание, после чего отсалютовала и вырвалась вперед, не глядя на запрещающий сигнал светофора.

– Это кто? – спросила я.

– Симона, – ответил Джон, и автомобиль сорвался с места.

Ее байк стоял у самого крыльца, когда мы, наконец, вернулись домой и остановились посреди аллеи. Повернувшись к подруге, я заметила, что та приросла к окну в немом удивлении, разглядывая массивный кирпичный дом, выросший на пустыре в скупом свете фонарей.

– Мы приехали. Пошли, – сказала я ей.

Натали потянулась и поспешно собралась на выход. Минутой позже со стороны дороги выехал и Дориан. Джон попросил нас с подругой подняться в дом, чтобы мы не мерзли, а сам остался на улице, вместе с Дорианом и Эйнджел. Противиться его просьбе я не стала. Окрепший зимний мороз гнал меня прочь. Однако Натали не спешила. Она стояла перед машиной Джона и на лице ее зависло загадочное выражение

– Идешь? – дрожащим голосом окликнула я подругу.

Дверь оказалась открыта. В доме нас встречала Никки, вихрем кружащая у порога. Подняв голову, я увидела вышедших навстречу Сэма, Мэри и Алекса.

– Привет... – протянула Мэри, слегка напряженная от появления Наты в доме, словно ожидала, что та сделает что-то не так. Выглядела она при этом очень забавно.

– Привет. Это моя подруга. Натали.

– Очень приятно, – девушка рядом со мной попыталась улыбнуться.

– Вы уже знаете?

В ответ мне прозвучала тишина.

– Вы, наверное, устали и ужасно голодные, – минутой позже продолжила Мэри, будто ничего не происходило. – Как насчет очень позднего ужина?

– Очень поздний ужин – мой фетиш, – ответила Натали.

– Отлично! – воскликнула Мэри. – Я как раз ждала вас и только нарезала рыбу для брускетт.

– Мы поднимемся наверх, надо освежиться, – сказала я, подталкивая подругу к лестнице.

– Хорошо!

Я потащила Нату за собой, на второй этаж.

– Почему никто не вызвал полицию? – шипела она за моей спиной, а после продолжила сыпать проклятия.

Я потащила ее по коридору к своей комнате. Будто я не знала, что нас услышат.

– На темницу не очень похоже, скажу сразу.

Ната прошла к туалетному столику и принялась разглядывать стоящие на нем предметы. В ее руках очень скоро оказалась закрытая черная коробочка, в которой я оставила несколько конфет.

– Кто подарил?

– Новогодний подарок, – ответила я уклончиво.

– Джон?

Я выругалась. Оказалось, что слова вырвались наружу.

Реакцией на мою реплику последовало спокойное методичное изучение остального пространства в комнате.

– Ты можешь объяснить, что там произошло? – прошептала Ната.

– Я сидела с тобой в машине! Откуда я могу знать?

– Но ты знаешь кто стрелял! Ты говорила с Джоном!

– Тише!

Рыжая в нетерпении всплеснула руками и уставилась на меня с лицом «я сейчас тебя убью».

– Выясним позже. Сделай одолжение, не шуми.

Я покосилась на свою разворошенную сумку с вещами, заботливо собранную и переданную мне матерью. Нужно переодеться.

– Ты брала что-то из одежды? – спросила я Нату.

– Смеешься?

– Найди что-нибудь там. Мне нужно в душ.

Ни минутой больше я не хотела говорить с ней в том же тоне, в котором мы начали вести спор. Выйдя в коридор, я закрыла за собой дверь и зашагала в сторону ванной комнаты. Краем уха я слышала беседу Мэри с, предположительно, Симоной, голос которой я слышала впервые. Он звучал очень низко, но громче, чем голос Мэри. Хриплый, как будто она курила, как и Дориан.

Я не обратила внимания на включенный свет в ванной

комнате. И это стало роковой ошибкой.

На фоне черных плит на стенах увидеть белоснежный обнаженный мужской торс – никакая не проблема. Я сама не ожидала от себя, что вскрикну и вывалюсь в коридор спиной, едва не содрав с петель дверь.

– Подожди.

– Что? – тупо отозвалась я из-за двери, в ручку которой вцепилась обеими руками.

Тишина.

Я немного толкнула дверь, оставляя небольшую щель в проеме, чтобы слышать Джона.

– Извини. Я поторопилась...

– Зайдешь?

Одно из двух: либо мне это чудится, либо я сошла сума.

Он стоял, будто из последних сил, опершись руками о раковину, ссутуленный, измученный. В лице читались нетерпение, и даже боль. На его плечах висела все та же черная рубашка, в которой он был на вечеринке. Она распахнута настежь. С волос маленькими каплями на грудь стекала вода. Он не смотрел в мою сторону.

– Вилл.

– Да? – неуверенно отозвалась я, с усилием отрывая пристальный взгляд от обнаженной кожи парня.

– Можешь пожалуйста помочь?

Я сделала шаг вперед. Надрыв, с которым звучал его голос пугающе отрезвлял.

– Все в порядке? – спросила я и часть меня надеялась на положительный ответ

– Да, – ответил парень, выпрямляясь над раковиной. – Почти.

Я прошла ближе к нему, выискивая хоть одну зацепку, позволяющую предположить, что могло случиться с парнем за считанные минуты, пока мы вошли в дом, а он остался снаружи. Вблизи, его лицо казалось более бледным, чем обычно. Губы била слабая дрожь.

– Джон, что случилось?

Тот в ответ загадочно ухмыльнулся и поднял руки к воротнику рубашки. Улыбка его выглядела безумной.

Когда рубашка сползла с его рук на пол, я увидела странные пятна на черной ткани. Понимание того, что произошло, дошло до меня в один миг. Я сделала шаг вперед и, обойдя Джона, уставилась на его спину. По коже вниз, к пояснице, спускалась пятнами кровь. В общей сложности я видела три раны, каждая из которых угрожающими черными дырами зияла в безупречно белой коже. Одна в левой лопатке, вторая чуть ниже, на уровне почки, третья в правом плече.

Я прижала руки ко рту и отпрянула.

– Нужно вытащить их, – прояснил ситуацию Джон.

Я отвела взгляд от окровавленной спины парня, но раны так и остались миражами перед моими глазами.

– Раны не заживут, пока пули внутри.

– Я не смогу, – сдавленно сообщила я, чувствуя, как хо-

лодеют губы и щеки.

– Ты боишься крови?

– Почему ты не поехал в больницу?

– Вилл, прошу.

– Я сейчас вернусь. Позову Мэри...

– Нет, – протянул он, поднимая глаза к зеркалу и встретившись со мной взглядом. – Я прошу тебя. Помоги мне.

Неожиданно для себя, я тихо взвыла и отвернулась от Джона, пытаясь ухватиться за что-то, что приведет меня в чувство. Паниковать было нельзя, но именно этим мой разум и занимался, отказываясь приводить в порядок мысли. На полках у раковины стояли небольшие прозрачные контейнеры с ватными дисками, щетками и тубиками разнообразных кремов. Там же, рядом, был косметический пинцет. Я взяла его в руку и посмотрела на Джона. Он молча наблюдал за моими действиями в отражении перед собой.

– Нужно обработать... – прошептала я.

– Ничего не нужно. Можешь вытащить пальцами.

Я выругалась. На моем лице проступила ледяная влага.

– Будет больно.

В ответ он кивнул.

Я знала, что меня могло стошнить. При виде крови мне не было плохо, но при виде таких ран, организм реагировал вполне ожидаемо.

– Не бойся. Просто вытащи их, чтобы раны затянулись.

Кожа Джона на несколько градусов горячее моей. Места

ранений пылали огнем. Коснувшись одного из них пальцами, я поняла, что внутри очень скользко, и я не смогу вытянуть пулю.

– Не могу. Мышцы напряжены.

– Они не могли пройти глубоко. Попробуй еще.

– Черт!

И действительно, что было практически нереально – пули застыли на глубине нескольких миллиметров, и одну из них я почувствовала сразу. Трясущимися пальцами я коснулась раны и с усилием растянула кожу в стороны. Спина Джона болезненно сжалась, а с его губ сорвалось шипение. Металл патрона был примят и скошен к самому носу, словно стреляли в стену. Когда он оказался в моей руке, кровь заструилась из раны с новой силой, от чего я инстинктивно прижала ладонь к отверстию от пули. Мое прикосновение вызвало у Джона новую судорогу боли.

– Прости! – прошипела я.

– Давай остальные. Ты молодец.

Вторая и третья пуля пошли проще. Спустя буквально пару минут я стояла ни жива, ни мертва, сжимая их в руке и таращась на них невидящим взором.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Джон сдвинул створки душевой кабины в сторону и встал под воду. Я безропотно осталась стоять на своем месте, ожидая инструкций.

– Вилл?

От звука его голоса, произносящего мое имя, меня пронзило током, и я сорвалась с места, направившись к ванне.

– А?

– Дай руку.

Я послушалась.

Струя холодной воды коснулась пальцев и ладоней, унося прочь по сливу кровавые разводы. Я подняла глаза на Джона, пока тот пытался стереть с моих рук кровь, растирая их под водой.

– Дай их мне.

Я разжала пальцы, отдавая пули.

– Ты мог умереть?

Его пальцы на мгновение замерли, оставшись на моей ладони.

С силой оттолкнувшись от пола, я шагнула вперед, в тень кабинки и прижала парня к стене. Мои руки сами собой обвили его талию, а тело безвольной куклой повисло в воздухе, пока Джон не поймал меня и опустился вместе со мной на дно ванны.

– Мог, – проямлила я. Оказалось, что я плачу. Голос дрожит, и я сама его еле слышу.

Я вжалась лицом в грудь парня. Вода била в спину живительным потоком. Одежда на мне вмиг промокла и прилипла к телу, но мне было абсолютно все равно.

Он в опасности по моей вине. Постоянно. Защищая меня,

они все подставляют себя под удар. И Джон первый на очереди к концу, поскольку именно он рядом. Он всегда рядом.

– Нет.

Его голос звучит так мягко. Так тихо. Он будто снится мне.

– Не могу, пока ты не в безопасности.

– Я не хочу терять тебя.

Молчание. Он не реагирует, но и не отталкивает меня.

– Не оставляй меня, – моя рука скользнула по его спине, но Джон не шевельнулся.

Кожа. Хвоя. Свежие травы. Мох. Кашмеран. Тяжелый дымчатый аромат. Сложный. В нем столько нот.

Я не могла перестать дышать им. Не могла оттолкнуться от его груди. От его шеи.

Пусть это химера. Сон. Что угодно, я не уйду.

В дверь ванны постучали вновь. Я насчитала три попытки добраться до нас.

– Иду! – сорвалось с моих губ, едва я успела что-либо сообразить.

Попытки убрать руки от Джона принесли физическую боль. Я отстранилась от него, опустив голову, чтобы не встречаться с ним взглядом, и поднялась на ноги.

Избавившись от второй кожи в виде насквозь мокрой одежды, я вышла в коридор. О чудо, на пути мне никто не попался.

Вернувшись в спальню, я нашла Натали в своем спортивном костюме серого цвета, вольготно расположившейся на кровати. Разбросав в стороны книги и одежду, она раскинула руки по подушкам и смотрела в невидимую точку на потолке. На меня она пока не реагировала. Обойдя туалетный столик, я опустилась на пол и принялась искать в своей сумке обезболивающее. Едва я вышла из ванной комнаты, заднюю часть головы начало неприятно саднить.

– Я думала, ты утонула, – выдала подруга.

– Не дожدهшься, – ответила я ей.

– Злишься?

– Я? С чего?

– Я наговорила лишнего.

– Да, но полагаю все по делу, и ты сказала, что думаешь.

Девушка молчала. Я вытянула из внутреннего кармана сумки спасительные таблетки и поднялась на ноги.

– Рада что мы увиделись, – с улыбкой произнесла Ната. – Пусть даже чуть не умерли. Было весело.

Я не сдержала смех. Моя голова данного порыва не оценила. Тугая ноющая боль сковала шею и обвила затылок.

– Так кто стрелял? Джон?

– Тебя можно попросить, говорить тише? – взмолилась я, усаживаясь на край кровати.

– А что? Думаешь, они подслушивают?

– Нет, у меня начинает от тебя болеть голова.

– Опять я виновата!

– Нет, стрелял не он, – тут я даже не пыталась говорить тихо.

Перед глазами всплывали раны на спине Джона. Он весь был усыпан шрамами самых разнообразных форм и видов, а теперь у него раны от пуль.

Одна опасная идея проникла в мое сознание. От всего этого можно избавиться своими силами. Если меня не будет, никто не объявит охоту по мою душу, да и родные перестанут рисковать собой.

– Вилл? – позвала из-за двери Мэри.

– Да.

– Ужин готов. Идете?

– Пошли, – бросила я подруге и двинулась к двери.

На одном из высоких стульев сидела молодая женщина не старше тридцати лет за сверкающим стройным бокалом белого вина. Ее сухую спортивную фигуру облегла трикотажная блузка оливкового цвета с глубоким острым вырезом на спине и лоснящиеся кожаные легинсы. Черные непослушные волосы едва касались плеч, на смуглой коже лица темнели карие глаза и такая же темная насыщенного сливового цвета помада. При виде меня, девушка наклонила голову к левому плечу, оценивая разглядывая меня сверху вниз.

– Симона, – проговорила она, едва Мэри открыла рот, чтобы представить нас.

– Очень приятно, – ответила я ей. – Вилл. Моя подруга Натали.

– Рада встрече, – рыжая по левую руку от меня неловко переминалась на месте.

– Как дела? – странно, но я практически чувствовала, что брюнетке до этого дела нет. – Освоилась в доме?

Я не знала, что ей ответить. Застигнутая врасплох от одного вида этой дамы, я сглотнула и перевела взгляд к бокалу перед девушкой.

– Девочки устали с дороги, – вмешалась в разговор Мэри. – Им бы поесть и поспать. Завтра поговорите.

Она подтолкнула нас с Натой к столу.

– Да, – невозмутимо ответила Симона. – Представляю. Натерпелись вы.

Она знает.

Женщина встала со своего места и удалилась.

Мы с Натой переглянулись.

– Приятного аппетита, – прошептала Мэри. – Вы вместе будете спать или мне подготовить комнату?

– Вместе, – ответила подруга.

Глава 15. «Бадб – темная пророчица. Ворона нашей битвы»

В кухне помимо нас с Натали, остались Эйнджел и Мэри. Они мирно попивали чай и беседовали с нами на отвлеченные темы. Что-то в спокойствии Эйнджел и в ее поведении, непривычно тихом и безобидном, приводило меня в состояние настороженного ожидания. Она находилась рядом с

Джоном в момент выстрелов и прекрасно знала, что произошло, но упорно старалась не подавать виду и даже не делала попыток коснуться в разговоре этой темы. Это напрягало. И раздражало. Само собой, при подруге я бы не хотела поднимать целый ряд тем. Привязаться к Эйнджел с расспросами планировала позже.

После позднего ужина мы с Натой ушли в спальню и по просьбе Мэри забрали с собой Никки, так как та взяла моду скулить ночами у порогов комнат других жильцов дома. Распрощавшись с девушкой, я закрыла дверь спальни изнутри и зажгла ночник на туалетном столике. Надеяться, что эмоциональные потрясения на сегодня закончились, было слишком наивно. Это я осознала сразу, едва наши с Натой взгляды пересеклись. Девушка сцепила руки на груди и сжала губы в тонкую полоску.

– Что? – не дождавшись от подруги разъяснений, спросила я. Дойдя до кровати, я повалилась на подушки и с наслаждением вытянула ноги.

– Расскажи мне о Джоне, Вилл.

Я нервно усмехнулась. Почему-то вышло снисходительно.

Прикрыв рукой глаза, я постаралась придумать более-менее сносный ответ. Соображать давалось с трудом.

– Он так пытался сгладить вину?

– О чем ты? – я разлепила отяжелевшие веки и вопросительно уставилась на подругу.

– О том, что он сделал Вилл. И кстати... Почему я ничего

не знала об этом?

– Я не понимаю, о чем ты. Объясни, только не говори так громко, пожалуйста, – сохранять спокойствие становилось тяжелее.

– Я о его манере водить, Вилл, – даже не пытаюсь сбавить громкость, ответила девушка. – И то, что между вами сейчас... Он так извиняется за то, что чуть не сбил тебя в тот день?

Она не шутила. Она говорила на полном серьезе.

– Это он, Вилл. Его номера.

– Что?

– Вилл, ну же! Не помнишь? – рыжая вопросительно уставилась на меня. – Это та самая тачка.

– Говори тише, прошу. Мы не одни в доме.

– Боишься быть услышанной? С каких пор тебя волнует, что они думают о тебе?

– С тех самых, как они вытащили твою и мою задницу из пожара.

Победа.

Тишина ласкает слух. Постепенно головная боль шла на убыль.

Вопреки моим надеждам, уснуть, как я не пыталась, у меня не выходило. Соседствующая со мной в постели девушка уже глубоко спала, отчего ее дыхание стало громче и тяжелее. Мне оставалось лишь пялиться в нависший над головой потолок и терпеливо ждать, когда мною овладеет сон.

Слова Натали застряли в голове, подобно корням сорняков. Сквозь них нельзя было прорваться. Мысли мои наполнили картины событий сегодняшнего вечера. Толпы людей, музыка, игра света и маски вокруг... Все это превратилось в сплошную гору мусора, несвязанных между собой бессмысленных обрывков фраз. Я не помнила, как выцепила Джона из общей массы и как узнала его. Вот я танцую одна, медленно покачиваясь в унисон с музыкой, а в следующее мгновение обнимаю его. Я так хорошо знаю Джона, что могу определить его нахождение в толпе? Или же это была простая случайность, и на его месте по воле случая мог оказаться совершенно любой человек?

Перед глазами возникли зияющие раны на бесконечно прекрасной спине парня. Кровь, струящаяся вниз, по рельефу мышц, напряженных от боли, скошенные к носу пули в моей руке, снова кровь и прикосновения сильных жестких рук к моим дрожащим пальцам...

Я не готова понять то, что происходит.

В ту ночь я сошла сума.

Кажется, полусон почти увлекла мое сознание за собой, когда лежавшая перед кроватью тень добермана внезапно поднялась и села на месте, уставившись острой мордой на дверь. Утробное тихое ворчание в глубине ее груди означало, что она вот-вот залает. Я выползла из-под одеяла и села на корточки перед Никки, прикрывая ее морду руками. В голову даже не приходила мысль, что могло что-то случить-

ся, поскольку собака не стала бы среди ночи просыпаться и прислушиваться к звукам за стенами. Лишь спустя какое-то время до меня дошло, что реагирует она на входную дверь дома.

Гости.

Буквально в ту же секунду раздался грохот. Дверь в дом внезапно захлопнулась.

– Тихо! – прошипела я, зажимая челюсти собаки обеими руками. – Сиди тихо, Никки.

Спустя какое-то время, я решила рискнуть. Медленно убрав руки от добермана, и подошла к двери в комнату. Кажется, все стихло, но напряженно ворчащая у моих ног Никки указывала на обратное.

Я повернула ручку и слегка приоткрыла дверь, прислушиваясь.

С первого этажа доносились едва различимые глухие голоса. Кажется, я слышала Сэма и, возможно, Симону. Третий голос я слышала плохо. Их слов разобрать я не смогла, но выходить в коридор не стала.

Неожиданно передо мной возникла Эйнджел. То, как она выглядела, говорило само за себя. Ее брызжущие искрами раскаленной лавы глаза бросили на меня мимолетный, но внимательный, предостерегающий взгляд. Продолжая смотреть на меня, она наклонилась вперед, коснулась ручки и закрыла дверь перед моим носом.

Ошарашенная тем, что произошло только что, я уселась

на пол и уставилась в тонкую щель света над порогом.

Вплоть до самого рассвета я не спала. Сидевшая у моих ног Никки уснула вскоре после того, как ушла Эйнджел. Когда за дверью послышались шаги, шорох возни и голоса людей, я приняла решение прекратить эту битву за сон. Собрала мягкие волосы в косу, я переделалась в домашние спортивные штаны и надела свободную черную футболку. Ванная комната оказалась свободной, и я надолго закрылась в ней, тщетно пытаюсь смыть с лица усталость и бессонницу.

В коридоре второго этажа мне встретился Дориан, по обыкновению хмуро поздоровавшийся со мной и прошедший в свою комнату. Дверь в спальню Сэма и Мэри была открыта, и я краем глаза застал лежавшего в постели мужчину, зарытого в подушках. На пути вниз, когда я спускалась по лестнице, меня догнала Мэри. Она потрепала появившуюся следом за ней Никки по голове и прошла со мной в кухню.

– Ты рано проснулась, Вилл, – будничным легким тоном говорила со мной девушка.

– Да, – все что смог выдать мой мозг. Я отказалась от предложенного завтрака и встала у плиты, где Мэри уже готовила на семью очередное блюдо. Кажется, под крышкой сковороды томился растопленный сыр и сливочный соус.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовалась девушка.

– Ночь выдалась беспокойной.

Мэри выпрямилась и буквально мгновение разглядывала мое лицо, после чего сглотнула и едва заметно качнула го-

ловой. Такой жест значит что-то вроде «А нет, мне показалось».

– Ты часто плохо спишь?

– Иногда бывает.

– А сегодня. Сегодня ты спала вообще?

Я помедлила с ответом.

– Я проснулась от шума и больше не спала, – проговорила я, не сводя глаз с лица Мэри.

Девушка остановилась с ножом в руке, не опуская его больше на рассыпанную по доске зелень.

– Кто-то приезжал ночью? – спросила я у нее.

– Я думала ты спишь. Не хотели тебя беспокоить, прости.

– Ничего страшного, – я заторможено попятилась назад, так как не ожидала извинений со стороны Мэри. Кажется, она слишком часто, и слишком сильно переживает о чувствах других людей. – Просто мне интересно, что случилось ночью. Если бы Никки не зарычала, я бы не обратила внимание.

Мэри не отвечала. Она отложила доску в сторону, вытерла руки о полотенце и села на ближайший стул.

– Диана с друзьями.

От звука этого имени у меня сжались внутренности. Я почувствовала приступ тошноты. Головная боль вернулась не ноющими саднящими волнами, а вкраплениями сотен игл.

– Зачем? – единственный вопрос, ответ на который меня волновал.

Девушка истерично усмехнулась.

– Извиниться.

– Что?

– Ее ребята, якобы по ошибке открыли стрельбу на складе, и она решила, что нужно приехать и попросить прощения.

По ошибке? Стрельба по ошибке?

Диана просит прощения?

Возникший в дверях Алекс застал меня трепещущую и бледную, будто приведение. Я поражено уставилась на Мэри, выискивая в ее словах хоть что-то логичное и подвластное осознанию. Если кто-то и понимал суть происходящего, то этим кем-то точно была не я.

– Где Джон? – выдала я.

– Джон? – округлила глаза Мэри, повернувшись к мужчине у противоположной стороны стола.

– Да. Где он?

– Он вышел на улицу, – ответил Александр. – Скоро должен прийти.

Это самое «скоро» растянулось на неограниченный срок.

Исчез, как и ожидалось.

Из своей комнаты я не выходила уже несколько часов, даже отказав подруге в компании на время обеда. Она делала попытки расспросить меня о том, что случилось и почему я так погано выгляжу, но я отнекивалась.

Нападки со стороны Дианы и людей, которые ей помога-

ют, выходили за рамки. Я не могла ни понять, ни дать объяснения тому, что она делала. Это уже не походило на элементарное желание убить. Это было издевательством, желанием свести сума, а после добить собственными руками либо довести до самоубийства. Она следит за мной и моими близкими, не дает спокойно жить, нападает, после чего является без приглашения в их дом. Чего она хочет?

Быть может, имело смысл просто сдаться ей. Сделать то, чего она так жаждала, и, наконец, избавить людей вокруг от беспокойного ожидания нападения извне.

– Мне собираться? – спросила вдруг Ната.

Как она здесь оказалась?

– Что?

– Мне собирать вещи? – скрепив руки на груди в воинственной позе, повторила девушка. – Я так понимаю, разговаривать ты со мной не будешь.

Я прижала руки ко лбу и зажмурилась.

Нужно приходить в себя.

– Твоя мама сегодня возвращается? – обратилась я к подруге.

– Нет, завтра вечером. А что?

– Тогда, может, и сегодня здесь останешься?

– Ну уж нет! Иди к черту, – рыжая принялась шагать по комнате. – Я приехала с подружкой пообщаться, а не спать с приведением, Вилл.

– Я правда выгляжу как приведение?

– Да, приведение, которое умирало и воскресало минимум десять раз.

– Здорово. У тебя есть свое личное приведение.

Последнее должно было прозвучать как шутка, но даже мне показалось, что говорила я как умалишенная.

Ната выпрямилась и подошла к моей кровати.

– Вилл, – позвала она меня почти шепотом, от чего я слабо улыбнулась. – Поговори со мной... Что здесь происходит?

Она указала пальцем на мой лоб.

– Я, наверно, схожу сума, – также шепотом ответила я ей.

– Ты и раньше не особо здорова была, но сейчас... Ты выглядишь, – с трудом подбирая слова, говорила девушка. – Словно кто-то умер!

– Ната, я...

– Нет, послушай меня. Я вижу, что происходит что-то неладное. Просто так тебя бы не стали увозить. Я не знаю кто и что сделал и что может сделать, но я прошу тебя... Не опускай руки. Приди в себя.

Я рассмеялась.

– Приди в себя, – прошептала Ната. – Ты ведь не такая.

– Возможно, именно такая.

– Сопливая, мягкотелая размазня?

Я вновь усмехнулась. Так вот кем меня видела подруга.

– Чтобы не происходило, Вилл, устрой им! Разнеси к чертям все то, что пугает тебя.

– Ты говоришь не обо мне.

– Со стороны виднее. Не ты ли отбивала меня от стаи собак в школьном парке? Не ты заступила меня перед моим отцом, пока этот идиот жил с нами? А Парнас? Кто если не ты потащился бы в огонь за мной?

– Да, сейчас, после твоих слов, я еще больше верю в твою теорию.

– Я же шутила.

– Нет, в любой шутке есть место правде. Что если у меня и правда не все дома?

– Окажись я на твоем месте, я бы задавалась теми же вопросами.

Мы с Натой просидели в моей комнате вплоть до самого вечера, разговаривая и слушая музыку. Благодаря ей, я будто бы вернулась в норму. Жить становилось легче. Нам будто снова по 13.

На ужин нас позвала Мэри. К моему удивлению, Джон к нам не присоединился. По словам Алекса, он видел его утром и весьма здоровым, поэтому причин для беспокойства быть не должно. Однако они все же у меня были.

Натали увезли домой после полудня следующего дня. Остаться со мной она не хотела, ссылаясь на маму и учебу, поэтому пообещала вернуться, если ее позовут, в следующие выходные. Сэм и Мэри уехали вместе с ней, сказав, что приедут к вечеру. В доме стало непривычно шумно после их отъезда. Алекс и Дориан притащили в гостиную колонки и включили музыку, а чуть позже решили, что им необходимо

зарубиться в приставку. У Эйнджел в руке появилась бутылка вина и бокалы. Картина перед глазами возникла до боли знакомая.

Кем бы они не были, они были людьми. В первую очередь. Иначе как объяснить вечеринку, стихийно зародившуюся в доме, едва Сэм переступил порог за пределы дома?

Как выяснилось позже, Джон находился в доме. Вернее, под ним. Он и Симона прошли мимо гостиной в кухню. На девушке легкий спортивный костюм, а обнаженный торс и грудь блестели от пота.

– Он дома? – удивленно обратилась я к Эйнджел.

– Ага... Не помню, когда он вернулся, но да, он определенно дома.

– А с ней что?

– У Симоны тренировки каждый день и иногда по несколько часов. Возможно, он тоже был в зале, не знаю.

– В зале?

Девушка отпила вина и закашлялась.

– Ага, внизу.

– Они не будут ругаться из-за шума?

– Он нет. Она может, – Эйнджел вновь отпила из своего бокала, а потом внезапно вспомнила о моем, ударила о него и снова отпила.

– А кто она?

– Симона? Она давняя знакомая Сэма... Долгое время занималась боями без правил. Потом Муай Тай. Начала зани-

маться среди «своих». Сейчас просто старается поддерживать себя в форме, а иногда и нас заставляет. За работу тренера ей не платят. Она берет плату кровью.

– Интересно.

– Ага, они с Алексом часто закупают там.

– А ты?

– Я нет! Меня не заставить. Но ты не бойся ее. Тебе, скорее Мэри навалит, чем она, – девушка рассмеялась собственному чувству юмора.

В гостиную вошли Джон и Симона. О том, что он мог быть на тренировке я не подумала бы. Черные джинсы, свободный джемпер, те же кольца на руках. Симона прошла к нам и тяжело упала на диван.

– По случаю чего отмечаете? – спросила она, ударив своим стаканом с водой о бокал Эйнджел.

– Настроение – выпить, – с довольной миной ответила ей девушка.

– Любопытное настроение. А ты, Вилл? Попала под руку или у тебя тоже такое настроение?

Я перевела взгляд с Симоны на Джона. Он на меня не смотрел. Отсалютовав парням, он вышел из гостиной, не желая становиться частью этого вечера.

Что произошло?

– Попала под руку, – проговорила я.

– Хорошо. Как смотришь на то, чтобы позаниматься со мной?

«А?»

– Позаниматься?

Пара пьяных карих глаз скрылась за кривой прозрачной стенкой бокала. Эйнджел сделала вид, что не слышала вопроса Симоны.

– Ну да. Фитнес. Плавание. Борьба. Что хочешь?

– Я не...

– Выбор за тобой. Просто я могу помочь тебе с этим, если хочешь. Раз уж я здесь и делать особо нечего.

– Не отказывайся, Вилл, – вмешался в наш разговор Александр, не выпуская из рук джойстик. – Она со всеми нами работает.

– Спасибо, Алекс, – ответила Симона без улыбки, бросив мимолетный взгляд на экран телевизора.

– Я не против. Плавать не умею.

– На воде держишься?

– Думаю да.

– Отлично. Начнем завтра?

Симона сделала непонятное движение, пожав мне плечико и подмигнула, а после ушла.

– Готовься, – ехидно сообщила мне Эйнджел, видимо интерпретируя жест Симоны как угрозу.

Я сделала несколько глотков вина из своего бокала, поморщилась и вышла из гостиной.

В кухне стоял полумрак. Тонкая линия подсветки над столешницами дарила помещению приятный теплый свет. Тень,

стоявшую у самого окна, не заметить проще простого, тем более учитывая тот факт, что я изрядно выпила. Вторая порция вина – ошибка, о которой я буду помнить всю ночь. Так или иначе, я обратила внимание на Джона, лишь когда допила все, что мне налили и поставила бокал у мойки. Он смотрел в окно, сцепив руки на груди и, казалось, не слышал моих шагов.

«Что мне делать?» – совершенно спокойно и здраво задался вопросом мой одурманенный разум

Мои ноги привели меня к самому окну, оставив между мной и Дракулой чуть меньше метра. Он по-прежнему молча стоял и смотрел перед собой. Его спина слегка ссутулена, а плечи опущены вперед. Что с ним не так?

– Я не помешаю? – вопрос мой звучал шепотом. Мне показалось это унижительным, и я повторила вопрос уже в голос. – Не помешаю?

– Что ты хотела?

«Ого!»

– Я хотела поговорить.

– Тебе для этого нужен я?

Его бесит мое состояние? Мое поведение? В чем дело?

– Могу и сама.

– А что еще ты можешь сама делать?

«Навалить тебе!»

– У тебя плохое настроение, – подсказала я очевидное, на тот случай, если собеседник терялся в догадках.

– Вилл, я устал, – говоря это, он понизил тон и звучал в два раза тише. – Давай перенесем разговор на завтра?

– Ага. А завтра ты опять исчезнешь. Что с тобой сегодня?

Моя рука сама собой поднялась в воздух и зацепила край свитера Джона на уровне ремня. Он не подал виду.

– Джон?

Молчание. Тьма за окном не давала мне и шанса видеть лица парня. Вместо отражения, я смотрела в кромку ночного леса.

– Я хочу тебе помочь, – проговорила я. Наверное, я.

– Чем?

– Хочу, все упростить. Я могу решить эту проблему.

Сдавленный смешок. Он отходит вперед, и ткань исчезает из моей руки.

– Я могу помочь, Джон.

– Ты не можешь, Вилл.

– Хочешь, я убью ее?

Он медленно разворачивает ко мне корпус, и, полагаю, смотрит на меня.

– Почему ты хочешь ее убить? – спрашивает он.

– Я вижу, как она изводит вас. Тебя, Сэма, Дориана... Он не станет вредить сестре. Вы не пойдете наперекор ему. Это замкнутый круг.

– Из твоих уст это звучит так просто.

– А вы все слишком усложняете.

– Что будешь делать, если у тебя не получится ее убить?

– Ты не дашь ей навредить мне.

Тьма просочилась сквозь толстое оконное стекло. Ее сын теперь стоял передо мной. Ни звука, ни шелеста, ни едва заметного движения.

Я выстояла. Дурман придает сил. Мне даже удалось заговорить вновь.

– Я доверяю тебе.

Он внезапно рассмеялся.

– Ты пьяна.

– Нет.

Я делаю шаг вперед и вновь цепляю ткань на торсе парня. Цели у меня нет. Лишь желание вызвать хоть какие-то эмоции.

В школе мне достался камень. Кажется, я получила его в каком-то конкурсе...

– Вилл...

Такое странное слово...

«Жеода!»

Я раскалю его и посмотрю, что внутри.

– Вилл...

Кожа под рукой горячее моей. Пальцы уперлись в твердые мышцы. Я опешила.

В коридоре дома горит свет. Сэм и Симона стоят у дверей гостиной, Александр впереди, у самого зеркала. Мэри и Джон у стены, по левую руку от меня. Дверь в дом открыва-

ет Александр. Первыми входят двое мужчин в черной форме и берцах. Следом за ними движется знакомая фигура девушки с длинными седыми волосами. Облаченная в растянутую сетку-футболку, полупрозрачный топ и брюки-карго, она спустила с плеч куртку и равнодушно пошла вглубь коридора, даже не заботясь о грязных пятнах снега под подошвой ее ботинок.

При виде ее ледяной острой, как лезвие ножа улыбки, меня бросило в холод. Она прошла в дом, подобно хозяйке, царице, какому-то божеству.

– Рада что встречаете, – прошелестела она, словно змея.

Один из людей в форме закрыл дверь, с силой дернув ее на себя, от чего стены дома сотряс гулкий удар.

– Не ждали тебя, – проговорил Сэм. – Чем обязаны?

– Даже ты здесь. Все в сборе! – гостья осмотрела присутствующих, и взгляд ее зацепился за Симону. – Не вижу только маленькую Бадб.

– Зачем ты явилась? – обратился к ней Сэм.

Диана усмехнулась и подняла руки к груди.

– Я надеялась на теплый прием. Могу надеяться на чашку чая, брат?

– Отвечай.

– Я хотела попросить у вас прощения, семья. И конечно, у нее тоже.

– Ее ты не увидишь. Проваливай.

– «Ее ты не увидишь!» – передразнила Сэма девушка и

перевела взгляд к лестнице. – Ты часто ошибаешься, замечаешь это? Она сама ко мне придет, Сэм. О, Эйнджел!

Девушка с горящими огнем глазами спустилась по ступеням и не спеша подошла ближе к гостям, остановившись рядом с Симоной.

– Малютка спит? – спросила у нее Диана.

– С чего ты решила, что она придет к тебе? – внезапно раздался голос Джона.

Диана повторно усмехнулась, сделав угрожающий шаг в его сторону.

– Потому что я так думаю,

– Я получаю то, что хочу, ты знаешь, Джон, – ответила она с мрачной улыбкой. – Тебе пора бы запомнить.

– Что ты сделала?

– Не задавай глупых вопросов. Ты знаешь.

Расстояние между ними критически уменьшалось. Во мне забились паника. Пальцы гостьи с длинными острыми ногтями коснулись груди Джона.

– Прости их. Они не ведали, что творят. Они всего лишь дети.

– Что ты сделала с Вилл?

– Опять ты о ней! Мы можем поговорить обо мне хоть раз? Хоть раз?!

– Что ты хочешь?

– Что я хочу? – с усмешкой воскликнула гостья.

Диана подалась вперед, к самому лицу Джона и ее губы

коснулись уголка его рта.

Я закрыла глаза.

– А чего ты хочешь от нее, Джон? М?

За моей спиной раздался стук. Один. Два. Три.

Опустив руку вдоль тела, девушка без глаз прошла вперед, обойдя меня справа. Диана использовала опасный прием. Фантом с чувством бил по психике. Увидеть его я не ожидала. Я, которая была на вечеринке, выглядела словно воскресший кошмар. Черные брюки и рубашка, распущенные по спине волосы, маска в левой руке. Химера двинулась к Джону. В тот момент из нерушимой мраморной статуи он превратился в поверженного воина. Челюсти плотно сжаты, лоб пронзила глубокая морщинка, а радужка глаз постепенно стала заливаться лавой.

– О... – шепотом протянула Диана. – Ты боишься ее? Или же наоборот, Джон? Что с тобой?

Химера подошла к нему ближе. Он в ожидании не сводил с нее глаз, как ждут обездвиженные узники своего тела приближения смерти. Призрак поднялась на носки и замерла. Не закрывая отсутствующих глаз, не меняясь в лице, не издав и звука... Она коснулась губ Джона. Веки его обессиленно опустились.

– Проваливай, Диана! – прорычал диким зверем Сэм.

– Как грубо... – проскулила незваная. – Что я сделала тебе?

– Уходи! Не смей являться сюда!

Девушка сделала шаг назад, но вид ее не был похож на опечаленного изгнанника. Она торжествовала.

– Она сама придет ко мне, Сэм. Вот увидишь. Очень скоро. Умоляй меня, чтобы я убила ее быстро. Она ответит за то, что ты сделал. Все вы сделали.

Видения в состоянии опьянения выглядят более реальными, однако я сразу поняла, что произошло. Мою руку все еще держала прижатой к телу Джона неведомая сила. Я сделала усилие и сделала два шага назад. Реальность неспеша возродилась из пустоты.

– Что с тобой? – Джон не сводил с меня глаз.

– Диана.

Он изменился в лице.

Диана угрожала мне. Она пришла сюда не с целью просить о прощении. Она ждет, что я повинуюсь своему страху и решусь пойти на смерть своими двумя.

– Она оставляет видения на других людях? – спросила я Джона.

– Что?

– Или я сама влезла в прошлое?

Сделав несколько шагов назад, я повалилась на один из стоящих за мной стульев. Теперь уже вовсе не алкоголь ставил под сомнение уверенность каждого моего движения. Я закрыла лицо руками, вновь и вновь возвращаясь в ночь, когда явилась незваная гостья. Она хотела, чтобы я это видела?

Или причина в Джоне?

– Вилл.

– М?

– Она что-то сделала. Скажи, что произошло в тот день?

– Ты все видел. Я не понимаю, о чем ты.

– Она забрала у тебя что-то? Какую-то вещь?

– Какую?

– Что угодно, Вилл!

Что я вижу? Он в страхе?

– Какую-то твою личную вещь. Что угодно. Украшение, одежда, тетрадь...

– Она вырвала мне клочок волос. Помимо всего прочего.

Тишина.

– Объяснишь, что произошло ночью? Почему она так хочет вам отомстить? И что между вами двумя?

Ничего.

Я открыла глаза и нашла себя в абсолютном одиночестве в пустой кухне вмиг помертвевшего дома.

С того дня все изменилось. Дом погрузился в штиль. Мэри больше не говорила со мной о прошлом, не рассказывала о древних легендах, не собирала семью за привычным горячим ужином. Сэм молчал, погруженный в себя с головой. Грозной тучей, что еще миг и разразится молнией, он бродил по дому будто зверь в клетке. Александр больше не шутил, не пытался вывести из себя Дориана, не приставал с рас-

спросами ко мне и к Эйнджел. И только Симона, будто ожидала подобного расклада. В ней не изменилось практически ничего.

Тренировок с Джоном больше не было. Его я видела все реже и реже, и все чаще проводила время в компании Симоны, вызывавшейся благородно выжать из меня все соки. Это и к лучшему. Уставая физически, я легче ложилась спать и меньше думала о том, что происходило вокруг. Занятия с ней – единственное что меня радовало. Изредка я отвлекалась на монографию Мэри, вновь погружаясь в транс. Под четким онлайн-наблюдением Наты, с готовилась к очередному экзамену, собирая в кучу материалы, присланные ею. Моя дорогая Никки пребывала в раю. В лесу мы проводили с ней практически по несколько часов в день.

Время шло, а я изо всех сил пыталась не следить за его неумолимым ходом.

Изменения требуют усилий. Так или иначе. Хочешь меняться – терпи.

Я забыла о том, что чувствовала и что меня заботило еще совсем недавно. А ведь источник моих терзаний вовсе не мысль о смерти.

Я знала, что Джон исчезнет. Он всегда исчезал. Мой вопрос остался открытым, и я понимала почему не получила ответа. Прошрое парня – бездна, в которой мне не выжить, окупись я в нее хоть раз. В неведении мой временный покой. Я соглашалась на звание трусихи. В этой номинации пусть

лучше так. Бояться правды лучше, чем знать ее и жить с ней. Это я уяснила и с этим не спорила.

Я выбрала самое простое – делать так, как мне говорят. Симона не лезла ко мне в голову. И это меня спасало.

– Симона.

– Да?

Девушка остановилась, в последний раз бросив на пол здоровенную шину, и качнула головой в мою сторону, мол «что хотела?»

– У тебя один байк?

– Да. К чему спрашиваешь? – вытирая пот со лба, она подошла и села на кожух тренажера рядом со мной.

– Хотела прокатиться.

– Умеешь водить?

– Нет, но думаю научиться.

Она вздохнула, переводя дух, и ответила позже.

– Можем прокатиться с тобой днем.

– Ты и я? – воодушевленно обратилась я к ней.

– Байки в гараже. Можем взять с собой еще кого-нибудь.

– Нет, только ты и я.

Ее карие глаза смотрели поверх ряда грифов у зеркала. Осмотрев пристальным взглядом свое отражение, она повернулась ко мне.

– Как скажешь. Одевайся теплее. Я поищу свою старую экипировку.

– Это обязательно.

Симона простая. Ненавязчивая. Честная. В общении с ней не нужно искать второго дна и сотни раз думать, что говоришь. Какое облегчение.

После обеда, она вошла в мою комнату. В руках ее черный пакет.

– Нет. Обязательно. Я слышала, твой отец печется обо всем на свете. Если он узнает, что я посадила тебя на байк – мне не сносить головы.

Не удивлена, но спрошу.

– Давно их знаешь?

– У Розали был громкий процесс по поводу того здания в центре города. Слышала?

– Да. Они выиграла.

– Да. Я была там. Сын министра слишком труслив, чтобы ходить без охраны даже в зал суда.

– Хотела бы я видеть его лицо, когда он узнал, что вы с Розали знакомы.

– Он и сейчас не знает. Одевайся, – Симона бросила экипировку мне на кровать.

– Вы далеко? – возникшая в дверном проеме в кухне Мэри, с тревогой осмотрела мой внешний вид.

– Пару километров туда и обратно, – ответила Симона. – Прокатимся и вернемся.

– В такую погоду?

– Мы осторожно.

– Это...

– Плохая затея, – перебила я девушку. – Цитируешь Пола.

В курсе?

– Вилл, – окликнула меня Мэри с целью спорить.

Я приготовилась слушать, но она молчала. Лишь спустя пару секунд, девушка вернула руки к груди, сцепив их в замок, и продолжила с совершенно другим тоном.

– Туда и обратно. Я терпеть не могу мотоциклы.

– Спасибо, – заторможено ответила я.

Желание чмокнуть ее в щеку я поборола с небольшим трудом.

Мотоцикл Симоны пришлось выкатывать из гаража. Она завела его уже на улице, от чего близлежащий лес пронзил долгий протяжный рев двигателя. Я села позади девушки и обняла ее за талию. Из-за шлема движения и повороты головы пришлось ограничить. Преимущественно я смотрела ровно перед собой.

Толчок вперед взбудоражил во мне приятных телу трепет. Какое счастье – глупую улыбку никто не видит. Мы плавно сошли с места, направились к подъездной аллее, а после, чуть прибавив скорость, Симона вывела нас к трассе, откуда начался наш путь.

Магистраль заполнена автомобилями. Да будь у Симоны большое желание, она вряд ли бы смогла набрать нужно скорости. Мы двигались также, как и все. Байк прижался к обочине правого ряда. По сторонам снег, лес и чистое небо. Солнце бросало миллионы микроскопических бликов на по-

лотно впереди, от чего казалось, что мы двигались по россыпи алмазов. Завидев впереди более свободный прямой участок, Симона заметно прибавила газу. Мы стали обгонять соседствующие с нами автомобили.

Кажется, я понимала Симону. Было в этом жесте что-то глубокое, неподдающееся объяснению.

Она согласилась взять меня с собой не только потому, что я слезно просила об этом. Стены дома, какими бы радушными, манящими, родными и уютными они не были, не могли дать Симоне то, что нужно. Она другая.

По возвращении домой я застала Дракулу сидящим в кресле в гостиной, спиной к двери. Забавно, но я практически кожей ощущала исходящие от него волны раздражения. Его рука опустилась на подлокотник вместе со стаканом виски. Он прекрасно знал, что я приехала. Теперь уже я не была его любимицей. Его игрушкой для отвода глаз. Он не смотрел в мою сторону и даже для вида не пытался быть любезным. Красноречивый жест от человека, которого я считала не таким, как все.

Сейчас я не планировала его понимать. Мне плевать, как и ему.

К моему удивлению, вечером Мэри позвала семью на ужин. Тому, что я попросила порцию отдельно, она была готова. Сидеть за общим столом в компании с парой хмурых лиц, включая мое собственное – героизм, на который я се-

годня не способна. Забрав со стола в кухне подготовленную тарелку с едой, я все же чмокнула Мэри в щеку и направилась к себе. Есть у меня желания не было, поэтому попросить еду с собой, стало скорее жестом уважения к чужому труду. Я поставила тарелку на туалетный столик, закрыла дверь и разделась до нижнего белья, сбросив всю теплую одежду на ковер у кровати. В моем зеркале промелькнула чья-то фигура. Я остановилась на месте и пригляделась. У меня стали виднеться ребра. Набрав в легкие воздуха, я вытянулась и встала боком к зеркалу.

Да, мое слепое следование за Симоной – лучшая идея.

Ее работа заключалась в контроле безопасности высокопоставленных людей и людей, чьи счета позволяли оплату личных секьюрити. При условии наличия команды подготовленных бойцов, ей все равно поступали запрос на личное присутствие. Пару ночей ее не было дома, но неизменно по возвращению, она вновь брала меня в зал.

Алекс и Эйнджел вели блог о путешествиях, спорте, питании и фотографии. Всюду девушка таскала за собой сумки с тяжелой аппаратурой, а ее парень, цветочной феей, порхал за ней и напевал идеи очередного сценария для ролика. Делал он это намеренно, чтобы повеселить домашних или же был таким на самом деле, я не разобралась. И тем не менее, выглядело это забавно.Ф

Дориан все время пропадал в чатах с Асей и парнями из группы. За игрой на гитаре он мог пропадать часами в сво-

ей комнате. Исключения были. Если Сэм с самого утра не произнес ни слова – лучше музицировать на крыше. Этому правилу придерживалась и молодая пара шутников.

В свою очередь Джон подходил к работе с группой менее ответственно. Они с Дорианом практически не пересекались.

В общей сложности дом покидали вахтами. Побывать в одиночестве мне не удавалось. В доме всегда кто-то оставался.

И как тут не почувствовать себя важной шишкой да не загордиться?

Ближе к очередным выходным, по обыкновению выйдя из душа после тренировки, я набрала номер подруги. Она мне не ответила. Поначалу я не предала этому никакого значения, решив, что она свяжется со мной, как только избавится от серной пробки в своих чертовых ушах. После же, раздражение переросло в ярость. Я высушила волосы, переоделась и легла в кровать. Ната не позвонила ни часом, ни двумя позднее. Более того, она не отвечала на звонки.

Стала бы я обижаться на нее, если бы она с кем-то сдружилась?

Уйти из чьей-то жизни и ждать, что тебе не найдут замену – глупость. Обижаться и ставить условия – эгоизм. Я понимала это, но принимать отказывалась. В конце концов, я не такая, как она.

Ночь наступила раньше, чем я ожидала. В доме по обык-

новению царит безмолвие, и слышно только шорох снега за окном. Ни голосов, ни музыки, ни шума телевизора. Пустота и только. Чтобы не сойти сума, я поддалась слабости. Надев наушники и провалилась в забытье.

Открыла глаза я уже в совершенно другом мире. Ясность и трезвость, коими обладал мой разум сейчас, значили лишь то, что это не самый простой сон.

Вокруг меня худые стволы деревьев и желто-зеленый едкий туман. Невдалеке квадратная тень, в чью сторону я двинулась. Этой тенью оказалась кресло-коляска, а в ней сидела уже знакомая мне фигура человека, о котором я уже успела забыть.

– Здравствуй, Вилл.

Женщина подняла голову, и я нашла ее лицо более составившимся и погибающим. Обритая кожа головы таяла, словно под воздействием ядовитых испарений в лесу.

Я поморщилась. Болезнь сочилась подобно соку из гниющего яблока, отовсюду, куда бы я ни переводила взгляд.

– Грейс.

– Наконец-то я тебя застала, – проговорила женщина.

На ее коленях спала старая косматая кошка. Больше здесь я никого не видела.

– Это твоя охрана? – зачем-то спросила я будто не своим голосом.

– Мне не нужна охрана, но да, сегодня со мной только она.

– Зачем я здесь?

– Затем, что мне не удалось с тобой поговорить в прошлый раз.

– Я слушаю.

Женщина опустила голову и закрыла глаза.

– У меня совсем мало времени. Я бы очень хотела пови-
даться с тобой. Не здесь.

– Что ты хотела со мной обсудить?

– Прошлое, Вилл... Прошлое, о котором ты не знаешь. И
твоя мама тоже.

– Ты о Диане?

Картинка местности вытянулась и исчезла за спиной жен-
щины, словно наши неподвижные тела приобрели скорость
света и устремились прочь. Спустя миг, мы оказались в
незнакомой мне комнате. Простой интерьер из старой ме-
бели, потертых стен, многострадального ковра и тяжелого
стеклянного плафона, зависшего на уровне моих глаз. За
пыльным окном билось лучами полуденное солнце. Здесь
ощущение реальности стало ярче. Кошка с колен Грейс
спрыгнула на пол и выбежала за дверь.

– Ты в большой опасности.

– Знаю.

– Тебе грозит смерть.

– Знаю.

– Нет, Вилл. Ты ждешь опасности не там, где она очевид-
на.

Сквозь сон я почувствовала, как дернулось все мое тело.

Сознание внезапно захотело вырваться из западни, но у него не хватало сил. Прикованная к месту я стояла и смотрела на Грейс, неустанно борясь с наваждением.

– Он не опасен для меня, – ответила я.

– Мне жаль, но это не так.

– Я не верю тебе.

– Он может убить тебя.

– У него была куча возможностей.

– Намеренно или нет, он убьет тебя.

– Ты не знаешь его.

– Их цель – завладеть стаей и другими. Диана много сил вложила в то, чтобы отделить Джона от семьи. Не думаю, что он так просто взял и вернулся. Даже если и так, и он действительно оставил эту затею, она сама его так просто не отпустит. Она не отдаст его тебе.

– Что значит «завладеть стаей»?

– Она жаждет стать тобой. И он лишь часть ее плана.

– Он не угроза мне.

– Она не отпустит его, Вилл.

Стены по сторонам от нас содрогнулись. С потолка вниз посыпалась побелка.

– У меня нет сил бороться с тобой. Выслушай, Вилл.

– Ты лжешь!

– Вилл. Мне жаль. Он действительно опасен для тебя.

Осознанно или нет, но он несет угрозу для тебя.

– Ты ошибаешься. Я знаю его.

Грейс подняла руки от своих колен.

– Нет!

От звука собственного крика, внезапно перетекшего в истошный вопль, я зажмурилась и почувствовала, как стены вокруг меня разорвало и унесло прочь.

Распахнув глаза посреди ночи, я принялась искать телефон. Он оказался лежащим на полу. Не удостоив внимание циферблат, я набрала торопливое сообщение

«Надо поговорить.»

Ровно минуту я смотрела на кнопку «отправить».

Ложь ли то, что говорила Грейс? Быть может, это мой воспаленный мозг строчит для меня очередные небылицы. Оракул – атрибут тех, кто верит. Пережиток прошлого. Стоят ли внимания ее слова?

Спать я уже не могла. Головная боль взяла верх, и мне пришлось выползти из своей спальни. В ванной комнате я надолго повисла над раковиной, заливая лицо ледяной водой. Боль не унималась, что привело меня к судорожным поискам таблеток. Я вывалила содержимое полка под раковиной, двинулась к стеллажу у стены и нашла там коробку с лекарствами. Вытянув знакомый препарат, я выдавила на ладонь пару капсул и запила их проточной водой.

В дверь ванны постучали. Этот звук оглушил меня. За постепенно усиливающимся писком в ушах, я не сразу узнала донесшийся до меня голос.

– У тебя все хорошо?

– Да. Все отлично, – соврала я, отпуская ручку двери и отходя назад.

Губы снова немели. Шею била слабая дрожь. На то, чтобы спорить с кем-то сил у меня нет.

Джон сделал шаг на меня.

– Что ты выпила?

Я ткнула пальцем в картонную коробку на ребре раковины. Та едва не упала на пол.

– Сильные боли? – спросила Джон.

– Да.

– Они лишь снимут спазм...

– А ты врач?

В комнате вмиг похолодело. Парень не отвечал, явно соображая, что со мной делать. За постепенно усиливающимся звоном в ушах, я слышала, как он прошел мимо меня, поднял коробку с лекарствами и убрал ее на место.

– Не смей.

– Что не сметь?

– Делать вид, что все «ок». Я все видела, Джон.

– О чем ты?

– О Диане. Я видела ее в ту ночь. И химеру тоже. Никак не определишься?

Кожа в том месте, куда смотрел Джон, плавилась будто воск. Оставив попытки разглядеть хоть что-то за дрожащими мутными пятнами перед глазами, я закрыла глаза и склонилась к раковине. Боль призвала на помощь тошноту. Я

вжалась лбом в металлический кран, покрытый ледяной испариной, и провыла неясное ругательство.

– Уходи.

Молчание.

Открыв один глаз, я вижу лишь его руки, сжатые в кулаки в метре от меня.

– Уходи.

Он не двинулся с места.

Ну что за мука? Я обязана умолять оставить меня одну?

– Я не уйду, чтобы ты не сказала, Вилл.

Шаг за шагом.

Он приближается, а я стою на месте не в состоянии двинуться или что-то сказать. Он подается вперед, наклоняется, заводит одну руку мне за колени, вторую за спину, и отрывает меня от пола. Бороться я не готова.

«Если ты прав, Оракул, пусть смерть придет сейчас.»

В комнате Джона у самой стены теплится гирлянда. Ее свет – случайность. За стеклом напротив кровати уже давно утро, но ни я, ни спавший рядом парень не спешили вставать и выключать ее. Я в десятый раз поворачивала голову, чтобы убедиться, что мне не чудилось и лицо на соседней подушке не плод моего воображения.

Джон спал поверх одеяла, в той же одежде, в которой забрал меня ночью. Расстояние в вытянутую руку мне казалось какой-то ошибкой. Я не решалась двинуться с места, боясь

спугнуть наваждение. Темные ресницы тяжело опущены и неподвижны. Губы плотно сжаты. Выражение покоя, будто мы не мы, наполнило его лицо светом.

Я все забыла. Я все простила.

Если цена тому мое сердце – пожалуйста. Оно мне больше не нужно. Пусть только этот миг останется в моей памяти ровно таким, каким я вижу его сейчас.

Пробужденный моим вниманием сумрак смотрел на меня с неким подобием интереса. Он будто изучал меня также, как я его.

– Доброе утро, – раздался приглушенный шепот.

– Привет, – зеркально тихо ответила я.

– Как ты?

– Хорошо.

– Как голова?

– Не болит.

– Я рад, – ответил мужчина.

Сумрак исчез. Джон вновь закрыл глаза.

Сначала я испугалась. А после мне стало спокойнее.

На губах его родилась улыбка.

Глава 16. «Победа проигравшего»

*«Как заставить тебя понять,
насколько мой дух сейчас подобен темнице,
куда не проникает ни луча света,*

*и лишь страх в цепях жметя в её углу,
страх, что ты убедишь меня взяться за то,
что исполнить мне не дано.»*

(Шарлотта Бронте «Джейн Эйр»)

– Мне нужно идти. Симона будет меня искать.

– Вали вину на меня.

– Это не даст мне никаких поблажек, – я нехотя выползла из-под одеяла.

– Вилл?

Я остановилась у края кровати, старательно изображая поиски какой-то вещи.

– Что?

– Угостишь кофе?

«Конечно.»

– Конечно, – ответила я.

На мое ночное сообщение Сэм ответил утром.

«Хорошо.»

Что же со мной случилось?

Я уставилась на свое заспанное опухшее лицо в зеркале туалетного столика. Мне абсолютно, совершенно точно, без всяких сомнений нечего сказать ему.

Грейс – незнакомая мне женщина, чья личность окутана тайной, и никто не может ничего вразумительного о ней сказать. Она врывается в мои сны и говорит вещи, которые способны свести сума. Она обвиняет Джона в том, что он может

меня убить. С какой стати я буду брать в оборот ее слова?

У Джона был минимум миллион возможностей мне навредить, если допустить что у него есть мотив.

«Вне дома» – набрала я ответное сообщение и, не дожидаясь появления сомнений, нажала «отправить».

– Кения! – выпалил вошедший в кухню Дориан, усаживаясь на несчастный скрипящий стул по правую руку от Джона

– Что? – не поднимая головы спросил парень напротив меня.

Я опустила свою чашку на стол. Будет интересно.

– Кения! – прозвучало повторно без изменений.

Вот тут Джон поднял глаза и уставился на Дориана с неммым вопросом во взгляде.

– Фруктовые нотки, – проговорил шутник с зависшей на лице улыбкой в выражении «Я прав? Прав, да?» – Я помню! Ты говорила у Кении аромат фруктов.

Джон отложил в сторону телефон, откинулся на спинку стула и с загадочным выражением лица продолжил изучать собеседника. Я буквально слышала, как пораженно восклицает его разум.

– Это десертный кофе. Коньяк и апельсин, – если я улыбнусь, мне будет стыдно. – Но ты запомнил про Кению.

Шум из коридора привлек мое внимание. Эйнджел редко ступала на последнюю ступень. Чаще всего оставшееся расстояние до холла она преодолевала прыжком. На лице ее искрилась восторженная улыбка.

– Что случилось? – поинтересовалась я.

Та только загадочно пожала плечами.

– Позже узнаешь, – пропела она и прошла к плите. – А мне?

Экран моего телефона обнадеживающе засветился. Я потянулась к нему и вгляделась в мелкий шрифт оповещения. Натали. Ответа от Сэма я так и не получила.

– А где Мэри? – прерывая тихое пение девушки позади себя, спросила я.

– Они уехали. По кое-каким делам, – продолжила напевать она.

«Кое-какие» дела – далее «повод сбежать от разговора»

– Я знаю, тебе не терпится, но давайтеждемся их возвращения, – вошедшую в кухню Симону радостный настрой девушки раздражал также, как и меня.

– Не терпится что? – вот тут внимание Дориана привлек наш разговор.

– Вечером, – Симона даже не попыталась смягчить свой ответ. Махнув рукой на парня, она повернулась ко мне. – Настроена на тренировку или сегодня отдохнешь?

– Ночью я... – мой взгляд непокорно метнулся к Джону. Он продолжил пить свой кофе. – У меня началась мигрень. Если возможно, сегодня я бы отдохнула.

– Вот как, – хмуро проронила девушка. – Жаль.

Эйнджел вновь вернулась к надоедливому мотиву. Вокруг становилось слишком много людей.

– Прокатимся? – Симона сдвинула соседствующий со мной пустой стул в сторону и оперлась руками о стол. – Мне должны передать бумаги по работе. По пути хочу купить что-нибудь на вечер.

– С вами можно? – угрожающе развернулась к нам лицом Эйнджел.

Меня передернуло.

– Ты же сказала на тебе ужин, нет?

– Черт!

Я торжествовала. Пусть Симона была далека от тонких материй, чувств, интуиции и прочего... Ее холодный и расчетливый ум замечал все детали. Она спасла нас.

Позади Симоны я ненароком заметила мимолетный, буду брошенный по ошибке, но все же выжигающий взгляд. Джон загадочно улыбнулся. Замеченный мной, парень перевел рассеянный взгляд на Дориана, уже минуту вещавшего что-то о том, какие все вокруг нудные.

– До вечера?

Последовав за Симоной к выходу, я все на миг остановилась рядом с Джоном.

– До вечера, – ответил он, но лица его я не видела.

Сигаретный дым, выпускаемый губами девушки, стремительно поплыл вслед за удаляющимися далеко позади автомобилями. Магия, создаваемая ею, рожденная каждым ее движением, завораживала меня. Симона вернула обе руки

на руль и мимолетом посмотрела в мою сторону.

– Расскажешь, что произошло?

Прошло несколько минут с момента нашего отъезда. За рулем машины Сэма Симона была как своя. Она знала где лежит запасная зажигалка, учитывая, что в доме курила только она и Дориан. Найти в бардачке очередную пачку сигарет тоже труда ей не составило.

Не получив сиюминутного ответа, девушка устремила на меня свой суровый взгляд.

– Так заметно?

– Я не о вас с ним, – прижимая пальцы к губам ответила Симона. – Что ты видела?

Покой – недостижимая заветная мечта.

Я зря надеялась, что, выйдя за порог дома, избавлюсь от расспросов. Оказавшись в капкане рядом с Симоной, я в очередной раз подметила для себя один неприятный факт. Говорить с людьми все тяжелее и тяжелее.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила я лишь бы заполучить еще минуту на размышления и не оставаться в этом болоте унижительного молчания.

– Я слышала ваш разговор ночью. Ты сказала, что видела Диану.

– Да.

– Как это произошло? Что ты видела?

– Я думала, тебя больше беспокоит мой здоровый крепкий сон.

– Хочешь и дальше пить снотворное?

Карие глаза метнули молнии в моем направлении. Голос Симоны сегодня еще более низкий.

– Или разберемся с этим? – продолжила она, не дождав-
шись от меня ответа.

– Видения преследуют меня что в реальности, что во сне.

– Вот! – Симона оторвала руку от руля и ткнула в пустое пространство перед моим лицом. Дым коснулся моих глаз. –
Говори, что ты видела.

– Я видела ночь, когда Диана заявила в дом. Видела и слышала все, что происходило.

Пауза. Водитель молчит, внимательно слушая меня, а я пытаюсь отогнать от себя мрачные образы в своей голове.

– Она угрожает мне и вам. Не имею представления, что она хочет сделать, но, думаю, у Джона есть догадки, – продолжила я, переводя внимание с дороги на лицо собеседницы. – Он знает.

– Догадывается, – ответила Симона.

– Нет. Знает.

Ее высокий всегда гладкий лоб пронзила пара глубоких морщин. Симона слегка наклонилась к рулю и перевела на меня взгляд. Выглядело это достаточно устрашающе.

– Я слышу в твоем голосе обвинения, – выпалила она.

– Да. И?

Я старалась не отворачиваться. Казаться хладнокровной. Однако меня беспокоило то, что Симона вот уже несколько

секунд не смотрит на дорогу.

– Иногда забываю, насколько ты юная и зеленая, – наконец произнесла она, возвращая сигарету к губам. – Уверяю, Джон не угроза тебе.

– Грейс готова спорить.

«Ха!»

Лицо Симоны приняло озадаченный вид.

– Сегодня я видела ее вновь. Она считает, что он угроза.

– И ты веришь?

– У меня есть выбор?

– Она может ошибаться. Во всяком случае, она ошиблась в отношении Дианы.

– Что их связывает?

– Грейс помогла Диане, когда та осталась одна. Своих детей к Грейс нет и, думаю, это сыграло злую шутку с ней. Для нее Диана – маленький нашкодивший ребенок, – говоря последнее Симона пугающей усмехнулась.

– Что сделала Диана? Почему Сэм против нее?

– Она не смогла оправдать ожиданий отца. И брата. Она решила, что от нее ждут чего-то большего, поэтому вела себя глупо.

– Джон сказал она напала на Мэри.

– Да, но Сэм изгнал ее не по этой причине.

Симона включила поворотник и перестроилась в левый ряд, набрав скорость. Тащиться по скоростному ограничению ее раздражало также сильно, как и Джона.

– Диана винила отца в том, что осталась человеком. На ее просьбу он ответил отказом. И тогда она напала на него.

– На своего отца?

– Тогда они с Джоном были «вместе», – Симона бросила на меня неосторожный взгляд. – Отношения больше напоминали братские. Сохранять нейтралитет Джону становилось все сложнее. Он знал, что семья его не примет. Также он понимал, что Дианой движет только месть. А Грейс... Ей очень легко обвинить всех вокруг, лишь бы не видеть корень зла в своей подопечной.

– Почему теперь Джон в семье?

– Ты.

Простой ответ нетерпящий вопрошаний. Одно слово, которое Симона решила, вбирает в себя всю суть происходящего.

А я не уловила ее.

Мы остановились на парковке придорожного мотеля. Симона заглушила двигатель, забрала документы с задних сидений и вышла на улицу. Я осталась в одиночестве.

Грейс могла ошибаться и это дарило надежду. Будь у Джона желание, он бы давно мне навредил. Не может Диана действовать его руками.

Ее поцелуй в ту ночь, будто раскаленное отравленное жало копья, вонзалось надоедливый образом в мою память. Как я не хотела, я не могла избавиться от него. Права ли Симона в отношении этих двоих?

– Я хочу встретиться с Грейс, – завидев приближение Симоны, проговорила я.

Девушка открыла заднюю дверь, бросила папку с документами на сидение, а после вернулась за руль.

– Зачем? Я тебе все объяснила.

– Мне надоело, что она является ко мне во сне. Хочу объяснить ей, что так не делается.

– Вот как, – усмехнулась Симона.

Заведя руку под руль, девушка завела двигатель и опустила ногу на педаль. Мы тронулись с места. Путь лежал в обратном направлении.

– И что она тебе там наплела... – почти неслышно пробубнила Симона.

Спустя какое-то время мы свернули с трассы в стороны уже знакомого мне гипермаркета. На моей компании Симона буквально настояла. Первым делом мы направились в отдел алкоголя. Девушка, особо не разглядывая полки витрин, уже наученным жестом вытянула со стеллажа пару бутылок вина, опустила их в корзину и направилась дальше, к крепкому алкоголю. После мы неторопливо двинулись в обратном направлении. Лайм, мята, пакет фруктов, корзинка ягод, консервированное манго, несколько коробок конфет, охлажденная рыба, овощи...

– Это все на вечер? – переспросила я, осматривая неуверенно держащуюся на колесиках корзину.

– Найди здесь вазу. Примерно такую, – Симона протянула

мне свой телефон. На экране высокая прямоугольная ваза из сине-зеленого стекла.

Мой немой вопрос остался без внимания. Найдя похожую вазу, я получила одобрителный кивок. Наконец-то мы последовали к выходу.

Дорога домой заняла меньше времени. Погруженная в телефонный разговор, Симона едва ли обращала на меня внимание. Я только рада. Опустив голову к правому плечу, я бездумно уставилась в темнеющее небо за окном, краем уха слушая неугомонное щебетание незнакомого мужского голоса на другом конце линии. Поему покою настал конец, когда девушка завершила звонок и откинула телефон в сторону.

– Ты не была пьяна в тот вечер, ведь так?

– К чему ты клонишь?

– К тому, что ты сказала ему.

Я нехотя перевела взгляд на Симону. Губы ее подергивала едва заметная улыбка.

– Мне кажется, чтобы тебе не сказала Грейс. Или я. Или Сэм. Кто угодно... Ты уже приняла решение. Верно?

Вместо ответа я отвернулась к окну.

Вскоре показались первые огни придомовых фонарей. Симона остановилась прямо на подъездной аллее. Поднимаясь по лестнице, я ровно на три ступени отстала от нее. Она не обратила внимания на мою заминку и, похоже, даже не услышала, как в кармане моей куртки раздался звонок. Дверь в дом, однако, девушка за собой закрыла.

Выудив телефон из кармана, я посмотрела на экран.

Ната.

– Да, привет.

Спустившись со ступеней лестницы, я сделала два шага к машине и остановилась, ожидая ответа.

– Вилл.

Услышав голос подруги в телефоне, я примерзла к месту.

– Что случилось?

Шорох. Непонятный глухой удар и скрежет.

После со мной говорит мужчина.

– Здравствуй, Вилл.

– Кто это?

Я слышала его впервые. Присутствие рядом с подругой посторонних людей в совокупности с взвинченным звучанием ее голоса, вот из-за чего начинается паника.

– Я думаю, ты знаешь, кто попросил связаться с тобой. Не переживай, с твоей подругой все хорошо. Она любезно согласилась одолжить свой телефон, чтобы я смог сделать очень важный звонок...

– Что ты с ней...

– Когда я буду говорить, ты будешь молчать, чтобы до тебя лучше доходило. Хорошо?

Я бросила косой взгляд к двери дома. Слышал ли меня кто-то? Слышал ли кто-то моего собеседника?

– Так вот, твоя подруга, согласилась помочь мне и дать связаться с тобой. У меня есть очень важная информация

для тебя, которую я бы не хотел разглашать твоим... «Друзьям». Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю.

– Нет, не понимаю.

– Постарайся. Я попытаюсь тебе объяснить. Видишь ли, тебе посчастливилось стать игрушкой в чужих руках, пешкой. Ты стала их питомицей. Они окружили тебя лаской, заботой, вниманием... Однако есть и всегда было одно маленькое «но»... Ты ведь не знаешь зачем они это делают? Один твой близкий друг знает гораздо больше, чем ты думаешь. Я скажу тебе то, что он скрывает, а за тобой уже выбор, верить мне или нет.

– О ком ты говоришь?

Собеседник тяжело задышал.

– Если ты еще раз меня перебеешь, я буду вынужден вернуться к вопросу о твоей подруге. У нее такие красивые глаза... Завораживает!

Левой рукой я прикрыла рот.

Собеседник продолжил.

– Моя работа – доносить людям то, что им нужно услышать. Не перебивай. Семья, в которой ты живешь, выхаживает тебя, откармливает, как свинью на убой, ради того, чтобы ты стала их рабыней. Еще до твоего рождения, тебя застолбили именно для них. И тот паренек это хорошо знает. Это игра. Ты сама знаешь, чем тебе грозит попытка сбежать оттуда. Тебя так запугали, что ты боишься собственной тени, но забываешь о том, что самые близкие люди – самые

опасные враги. Запуганный зверек внутри огромной клетки со сворой цепных псов снаружи. И знаешь, что самое забавное? Ты никому не веришь.

Больше я его не слышала.

Телефон завис у моего уха, но ни звука я не слышала.

Вакуум.

Разум померк. Все во мне остановилось. Я не знала, сколько прошло времени, и сколько я простояла в абсолютной неподвижности посреди аллеи. Я не могла ни убрать телефон, ни повернуться к дому, ни шагнуть с места.

Окликнувшая меня Симона, заставила мое тело вздрогнуть. Я повалилась в бок, но осталась стоять лишь благодаря чуду.

– Вилл, холодно. Ты идешь в дом?

«Беги» – закричала маленькая, напуганная Вилл в моей голове.

– Ты в порядке? Кто звонил?

Она не слышала?

Делает вид что не слышала звонка?

– Что случилось? – услышала я голос Эйнджел из глубины дома.

Нужно вести себя спокойно. Если они все слышали, я не должна подавать виду, что меня заботят слова незнакомца. Я должна оставаться такой, какой была и до звонка.

Убрав телефон в карман, я развернулась к двери.

– Иду, – проговорила я.

Лицо Симоны такое же спокойное и отрешенное. Она развернулась спиной ко мне и шагнула в холл. Я последовала за ней.

Если я буду вести себя так, словно ничего не произошло, я выиграю какое-то время. Меня могут запереть в подвале, могу убить прямо сейчас, могут увезти... Что угодно. Мне нужно время, чтобы решить, что делать. Покажи я сейчас волнение, все тут же пойдет прахом. Сославшись на головную боль, я поднялась на второй этаж и заперлась на замок. Сидевшая у ног Ники печально глядела мне в глаза.

Как мне уехать?

До города десятки километров. На попутках, с собакой, тоже вряд ли куда-то можно доехать. Нужно было действовать тихо. Если меня заподозрят, я потеряю все шансы на спасение. Одежду, которую мне заботливо привезли родители, взять я не смогу. У меня будет одна сумка, в которой я постараюсь забрать все, что у меня есть из необходимого. Двигаясь практически бесшумно, плавно ступая на каждую ногу, не перемещая вещи по комнате, я сложила свои пожитки в спортивный рюкзак и села под самой дверью, прислушиваясь к шорохам за пределами своей спальни.

В доме кроме меня семь человек. Сэм и Мэри приехали ближе к позднему вечеру, больше после них никто не уезжал. Ближе к полуночи в свою комнату ушли, кажется, Алекс и Эйнджел. Спустя несколько минут прошел еще кто-то. Внизу еще четыре человека. Я ждала, как они поочередно разой-

дутся по спальням, и я смогу выйти. Время шло. Вопреки моим ожиданиям, в дверь моей комнаты никто не стучал.

Последним мимо моей двери прошел кто-то из парней. Шаг тяжелее и размашистее. Он закрыл дверь где-то в конце коридора. Я ждала еще около получаса, если вдруг кто-то решит перед сном спуститься вниз, но в доме повисла абсолютная тишина.

Я знала, что меня могут услышать.

Поэтому пошла на опережение.

Ключи от машин и Сэм, и Мэри хранили на тумбочке в холле. Там же периодически оставались ключи от других тачек. Автоматическая коробка передач – лучшее что придумало человечество. Надежда крепла в каждом моем вдохе и в каждом движении.

Я вышла в коридор со спокойной сонной походкой. Медленно прошла к лестнице, спустилась по ступеням, будто в порядке вещей.

Рывок. У меня пара секунд.

Я схватила ключ от внедорожника Сэма, впрыгнула в ботинки, зацепила по пути куртку и выбежала с Никки за дверь. Автомобиль приветливо замигал фарами. Пропустив добермана вперед, я села за руль и сдала назад, пока задний порог внедорожника не зачерпнул заледеневшего на верхушке сугроба снега.

Секунда. Две. Три.

Дверь дома закрыта. Я выворачиваю руль и, пробуксовав

на месте, срываюсь в сторону дороги за лесом. Уже на трассе я заблокировала двери и прибавила газу, поглядывая в зеркало заднего вида. За мной пока никого. Сквозь слезы я следила за дорогой перед носом машины, нервно ожидая, что начнется погоня, но на всем пути мне не попалось ни одной знакомой машины. Конечно, все слышали, что я уехала. Не трудно догадаться, что мои родители тоже в курсе и возможно меня сегодня же привезут обратно.

Знала ли мама?

К кому я могла поехать?

На въезде в город я сбавила скорость. Взяв курс на дом Натали, я принялась соображать, что и в какой последовательности буду делать.

Первое – нужно выяснить, где сама Ната. Что с ней. В каком она сейчас состоянии.

Я нашла окно в ее комнаты сразу. Оно было полностью зашторено. Свет не горел. Оставалось ждать наступления утра. То, что говорил мужчина, было похоже на правду, равно как и то, что говорили все вокруг. Мои родители верили Кроутерам и вряд ли ждали предательства от них, поэтому говорить с Розали пока смысла я не видела. Тот факт, что абсолютно незнакомые люди приводили меня к заключению, что мне грозит опасность именно от семьи Кроутеров, не давал мне покоя. Я не знала где мне искать правду и не знала, кто мог помочь.

Та самая Грейс все меньше и меньше внушала доверия.

Какой у всех них мотив? Что я сделала?

Безусловно, связь между Джоном и Дианой была, вот только какая, мне предстояло выяснить. Он умел то же, что и она, и это мало походило на счастливое стечение обстоятельств. В ту ночь, когда она заявила в дом, ее горячее желание пригубить поцелуй Джона говорил о том, что у нее были какие-то чувства к нему. Тогда слова Симоны звучали как чистое вранье. Сам Джон и вовсе мне ничего не ответил.

Несвязный поток мыслей и сотни вопросов одолели меня. Головная боль вернулась без приглашения. Тело безвольно погружалось в сон. На то, чтобы остаться на плаву и не закрыть в очередной раз глаза дольше, чем на пару минут, у меня уходили все остатки сил.

Я не сводила глаз с далекого окна Наты, всем сердцем надеясь, что вот-вот в ее комнате загорится свет.

– Я схожу сума, – пробубнила я себе под нос.

Моя спутница – Никки – недовольно заскулила и принялась топтаться по кругу, не находя места куда можно бросить свои кости. Ее движение привлекло мое внимание. Я протрезвела.

Постепенно в окна домов стали загораться огни. В восьмом часу утра Ната включила свет. Ее фигура двинулась мимо занавесок и остановилась в районе шкафа. Спустя пару минут она включила свет в гостиной, где спала ее мама. Они собирались. Я завела автомобиль и не спеша подъехала к подъезду ее дома. Ната появилась через час. Сказать, что

увидеть меня она не ожидала – это не сказать ничего.

– Вилл? – ошарашенно выкатила она глаза, когда я открыла водительскую дверь.

На ней не было видимых признаков насилия. Она как всегда по утрам, выглядело угрюмо и раздраженно. Вытянув из-за воротника куртки шею, девушка торопливо двинулась в мою сторону.

– Ты что тут делаешь? И почему ты одна?

– Ната, расскажи, что вчера произошло?

– Господи... Ты из-за этого приехала?

Теперь моя очередь удивляться.

Взгляд Наты из серии «Ты что, дура?» сбил меня столку.

– С кем ты вчера говорила? – настойчивее заговорила я.

– Да не знаю... Подошел какой-то чудик, сказал, что ему необходимо позвонить тебе... Думала это кто-то из твоих. Он говорил о тебе так, словно вы друзья.

– Из моих?

– Ну да! Я думала это один из твоих новых дружков... Конечно, я застремалась сначала, но он выглядел таким серьезным. Сказал, что нужен телефон. Я не помню, что точно он мне сказал, но что-то вроде «Это очень важно, твоя подруга должна знать».

– И ты отдала ему телефон?

– А что мне было делать? Я понятия не имела, кто он и чего хотел, но подумала, что это действительно могло быть важно!

– Ты слышала, что он говорил?

– Нет... Он отошел от меня, а я стояла у стойки охраны в фойе... Стоп. А что он тебе сказал?

Нату не тронули. Она отдала телефон по доброй воле. Более того, ее совсем не беспокоил тот факт, что к не подошел незнакомый человек и заговорил обо мне.

– Почему ты написала мне? – я поняла, что перешла на крик.

– Что? Почему я должна... – она резко умолкла. Глаза потемнели от осознания произошедшего. – Это не один из твоих?

Подруга опустила голову и посмотрела вглубь салона. При виде добермана внутри лицо ее приняло еще более озадаченное выражение.

– Ната, мне нужна помощь.

Глава 17. «Будь умничкой»

– Что ты думаешь делать? – спросила Ната.

Мы сидели в машине у ее дома, недалеко от парка.

– Не знаю.

– К родителям ехать ты не хочешь. Верно?

Я молчала.

Это было не так. Первое что я хотела – вернуться к родителям.

– Я не думаю, что мне стоит ехать к ним.

– Ты боишься за них или за себя? – поворачивая ко мне голову, спросила Ната.

– Честно признаться... Я сейчас боюсь абсолютно всего. Именно так, как сказал вчера тот мужчина.

– Ты после его звонка решила уехать?

– Не совсем.

– Я не понимаю, Вилл, – она недовольно вздохнула и отвернулась к окну.

– Мне нужно время на то, чтобы решить, что я буду делать дальше.

– Вилл... Ты угнала тачку. Помимо того, что за тобой ведут охоту какие-то демоны, сейчас и полиция по твою душу объявится.

– Вряд ли Сэм станет обращаться по этому поводу.

– Так что, она теперь твоя?

Не сдержав эмоции, я выругалась.

– Мне нужно снять квартиру. Желательно недорогую. Найти деньги хотя бы на первое время и найти работу.

– У меня есть на примете квартира, но она тебе не понравится.

– Неужели?

– Но тачку оставь у родителей. Пусть ее заберут, – угрожающе подняв палец, сказала Ната.

– Где эта квартира?

Оказалось, что в доме, где жила Ната, буквально парой этажей выше, недавно мирно скончалась старушка. Ее семья,

в лице дочери и брата покойной поспешно вывезли все вещи, мебель и технику. Скромные пожитки бабули и старую утварь в доме вынесли на помойку, и, судя по всему, в квартире остались только стены.

– У тебя есть деньги? – спросила у меня Ната.

Мое лицо ответило за меня. Подруга недовольно поежилась.

– Ладно, – бросила она. – Давай так... Я договорюсь о встрече на ближайшее время, возможно квартира пока пустая. Нужно будет найти где-то деньги. У тебя есть идеи?

– Нет. Я буду искать работу, но на первое время денег нет.

– Может, попробуешь договориться с родителями?

Я усмехнулась.

– Что? – пожала плечами подруга.

– Мало того, что я сбежала, так еще и объявлюсь с просьбой одолжить денег.

– Не знаю... Это же родители. По мне, это нормально.

Выбор у меня был весьма ограничен. Людей, способных одолжить довольно крупную сумму денег, у меня среди знакомых нет. Оставались только родители.

– Отлично! Спасибо! – Ната отключилась от звонка и убрала телефон, после чего обратилась ко мне. – Шикарно, Вилл! Они будут здесь через час. Покажут тебе квартиру. По поводу оплаты можно с ними договориться. Мама много лет дружила с этой женщиной, иногда присматривала за старушкой.

В конечном счете, мы с Натой просидели в машине почти два часа. Хозяйка квартиры задерживалась, но торопиться мне было некуда. Вряд ли меня найдут именно здесь, если, конечно, Грейс не решит влезть либо же у Джона не откроется дар провидца.

Квартира оказалась абсолютно пустой. В коридоре одиноко стояла старая табуретка. В небольшой гостиной, на полу, лежал скрученный матрас в компании с потрепанным насосом. Спальня за стеной тоже оказалась пустой. Наличие в кухне почти всей мебели, включая стол и угловой диван, несказанно меня обрадовало.

– Заселиться можете сразу. Если нужно, могу подготовить договор, – женщина, которая приходилась дочерью усопшей, не спешила сдавать квартиру незнакомцам. Идея поселить соседскую подругу ей нравилась куда больше. К Нате она обращалась на «ты».

– Это не так важно, – по-свойски ответила ей девушка, выражая всем своим видом уверенность в том, что делает, словно квартиру сдавала она, а не эта женщина. – По поводу оплаты. Как вы рассчитывали ее принимать?

– Ну... – сбитая с толку протянула хозяйка. – Я думала брать на месяц вперед и плюс залог. В нашем случае, наверное, залог не требуется.

Я поморщилась. Залог?

– Хорошо! Спасибо!

– Повторюсь, заселиться можете хоть сейчас. Ключи будут

у вас, еще одна связка у меня. Оплатить можете либо наличными, либо переводом.

– Нам нужно время подумать, – ответила я хозяйке.

– Да, конечно! Я буду здесь до обеда.

– Хорошо.

Ната потянула меня вниз, в свою квартиру. Пока она кипятила чайник и собирала к перекусу снеки, я пытливо выискивала хоть какие-то идеи. Как бы мне не хотелось, все мои размышления приходили к одному человеку.

– Слушай, – позвала Ната из кухни. – Могу предложить тебе, как вариант, договориться с моей мамой. Может она поддержит...

На душе заскребли кошки. Я опустила отяжелевшую голову на руки.

Уж лучше я попробую поговорить с папой.

– Ты слышишь меня? – войдя в комнату с весьма недобрым видом, обратилась ко мне Ната.

– Слышу. Я просто думаю, что нужно сначала поговорить с родителями.

– Поедешь к ним?

– Нет.

– Ладно, Вилл. Не парься только особо. Если ничего не выйдет, я договарюсь с мамой. Поживешь у нас.

Подруга осталась стоять на пороге в комнату, задумчиво ожидая от меня хоть какой-то реакции.

– И откуда ты такая взялась, – протянула я с улыбкой, под-

нимая голову.

– Какая?

– Добрая.

В ответ девушка изобразила что-то непонятное на своем лице и вышла за дверь. Для нее это звучало как оскорбление. Либо ей не понравилась моя откровенность.

Телефон молчал. Ни единого пропущенного. Я не имела представления, что творилось на уме у родителей, и что планировали делать Кроутеры.

– Алло.

Голос отца звучал громче обычного, был напряжен и звенел металлом. На звонок он ответил почти сразу, едва я услышала первые гудки. Я взяла себя в руки и ответила.

– Привет, пап.

– Вилл, где ты? Что случилось?

– Пап, я в городе. Ничего не случилось, все хорошо.

– Где ты? Когда вернешься?

– Пап, все хорошо. Я в безопасности. Мне нужно было уехать на время.

– Куда? К кому? Что произошло?

Объяснить все то, что сейчас занимало мою голову, от чего я последние часы в доме не знала покоя, что лишало меня сна и нормальной жизни... Все это казалось таким ненастоящим, таким бессмысленным. Я могла бы попытаться, но должного эффекта это бы не возымело. Так вышло, что я оказалась между двух огней и не знала в какую сторону дви-

гаться. Говорить все это отцу – бессмысленно. Жалко и глупо.

– Пап, все нормально. Я потом все объясню.

– Где ты сейчас?

– Я не хочу, чтобы кто-то приезжал за мной.

– Ты ставишь себя под удар, Вилл! Ты что, не знаешь, что это опасно?

– Пап. Я все знаю. Даже больше... Я бы не стала уезжать просто так.

– Почему, Вилл? – крики отца болью отзывались в моей груди. Я на грани того, чтобы сорваться. Нужно что-то предпринять.

– Пап, мне очень нужна помощь.

– Что случилось?

– Ничего. Я просто... – голос мой сорвался. Я шумно сглотнула и потерла рукой заколовший висок. – Мне нужны деньги. На первое время. Я решила пожить отдельно, пока не приму решение, что делать дальше...

– Ты сума сошла? Они тебя убьют! – полным гнева криком прервал меня отец. Слетевшие с его губ проклятия лишили дара речи. Все более чем настоящее. – Она стреляла в твою беременную мать. Они устроили теракт! Что значит пожить отдельно?! Ты самоубийца?

Я убрала телефон от лица и ткнула пальце на красную кнопку.

– Все ясно.

Подруга стояла в дверном проеме с бутылкой воды в руке. По взгляду все понятно. Она слышала каждое слово.

– Я дерьмо?

– Точно нет, – надменно бросила она и прошла в комнату. – Я бы тоже сбросила.

Легче не стало.

Натали плюхнулась в кресло рядом со мной и завела разговор на тему «Никто не имеет права так с тобой обращаться». В свою очередь я слушала ее в пол уха. Другая половина все слушала крики отца, десятки раз по кругу повторяя его слова.

– Он звонит, – девушка указала на телефон рядом со мной.

– Да, – я перевернула телефон экраном вниз. Трижды отец пытался связаться со мной вновь за буквально пару минут.

– Они знают где я живу?

– Дориан знает район. Он же забирал тебя в тот вечер...

– Но ты не уверена.

Я качнула головой. Найти меня при желании – дело максимум часа.

– Есть ли еще причина, почему ты сбежала?

Я поморщилась. Тошнота подступила к самому горлу. Закрыв глаза, я холодно ответила подруге на вопрос.

– Это не побег. И причин много.

– Ты сделала это из-за звонка того парня?

Из-за чего?

Розали – властная, контролирующая, вспыльчивая, нападающая, вездесущая, слишком любящая себя, чтобы услышать чужое мнение. Пол – такой же вспыльчивый, ведомый, черствый, холодный, согласный лишь на то, что будет соответствовать его ожиданиям, что будет вписываться в его видение мира. Сэм – доминирующий, всезнающий и ничего не предпринимаящий, человек, решивший, что все как-то само собой каким-то волшебным образом решится само, делающий вид, что ему не плевать. Дориан – бесцеремонный, надменный, такой же вспыльчивый, упрямый и самодовольный тип.

Джон...

Натали что-то бубнила рядом. Она что-то говорит. Что? «Джон?»

Его тонкая, едва различимая улыбка. Украденная мной, запечатленная в моей памяти. Ее больше ни у кого нет. Только в моей голове. Его мягкая, еще сонная, безмятежная улыбка, исчезнувшая в шелковых подушках. Простая, как у человека. Человека, которым он не являлся.

– Я уехала, так как думала, что ты в опасности.

– Так вернись. Я в порядке.

Глубокие серо-голубые глаза Натали пытливо впивались мне в лицо. На губах обосновалась хитроумная ухмылка.

– Мне на ум приходит только тот парень. Он ведь давно за тобой следит. Как минимум с осени. Боишься его?

– Он здесь каким боком?

– Ты не говоришь, я додумываю. Все, как всегда. Я помню, как вы танцевали тогда...

– Отвяжись!

Терпеть не могу, когда она права. Аж тошнит.

«Денежный перевод»

«Я приеду через час к зданию факультета. Буду ждать. Срочно!»

– Что там?

– Отец прислал деньги.

– Вот видишь! Поорал и успокоился.

– Через час мне нужно быть у университета. Он будет ждать.

– Поедешь?

«Пообещай, что ты будешь один»

Никки я оставила у Натали. Заведя двигатель внедорожника, я выехала с парковки во дворе и двинулась в сторону места назначения. Чувство омерзения к самой себе и дезориентации не покидали меня ни на миг. Какая-то часть меня была абсолютно уверена в правильности действий, другая же рвалась обратно к Кроутерам. Похоже ли это на стокгольмский синдром?

Машина отца стояла на полупустой парковке университета. В салоне кроме него я никого не увидела. Лицо его было опущено, а взгляд направлен куда-то вниз. Остановившись на обочине, не доезжая до шлагбаума, я присмотрелась

к стоящим неподалеку машинам. Ни одной знакомой. Отец поднял голову и осмотрелся. В руке у него находился телефон. Отбросив его на приборную панель, под самое стекло, он прижал руку ко рту и выжидающего уставился на дорогу. Глаза его помутнены тревогой.

Я осмотрела салон. Телефон в кармане куртки. Наушники я, кажется, оставила у подруги. На задних сидениях ничего, кроме полупустой бутылки воды и зарядного устройства телефона Мэри. Завидев папку документов Симоны, я невольно чертыхнулась.

– Супер, – выдохнула я и в последний раз положила руки на руль. Назад дороги для меня нет.

Оставив внедорожник на соседствующем с машиной отца месте, я заглушила двигатель и вышла.

– Привет, – сказала я, подходя к папе.

Он уже стоял у своей машины, опершись рукой о раму двери.

– Привет.

Мы молчали. Долго. Слишком долго, чтобы не заметить это.

Пришлось говорить первой.

– Ты один?

Он скупно кивнул головой.

– Пап, я знаю, ты злишься...

– Нет, – прервал он меня и голос его едва снова не сорвался на крик. – Если ты думаешь, что справишься, что с тобой

все будет хорошо, что ничто и никто тебе не грозит – пожалуйста. Удачи.

– Так не могло больше продолжаться.

– А сейчас? Что сейчас у тебя на уме?

– Пап, я не хочу быть вечно кем-то спасаемой или же кем-то преследуемой. Позволь мне самой отвечать за свою жизнь.

– Ты говоришь чушь!

– Как вы видели это с Розали? Что я буду до седины сидеть в том доме, бояться каждого звонка в дверь, слушать сказки, верить в чепуху, которую несут окружающие...

– А что ты будешь делать, если прямо сейчас здесь будет Диана?

– Что угодно! В конце концов, она всего лишь человек... В ней больше правды, чем в тех, кому вы доверяете.

Двери главного здания университета открылись и на улицу неспеша стали выходить обучающиеся. Кто-то двинулся в сторону парковки, кто-то остался стоять рядом со входом, закуривая и продолжая шумную беседу, кто-то направился к входу в метро. Я осмотрела окружающие нас машины и снова не обнаружили ни одного знакомого лица.

– Передай Сэму мои извинения. Вот ключи... Я выйду на связь сама, если будет нужно. Преследовать меня не нужно

Отец не двинулся с места, продолжая буравить взглядом невидимую точку у меня под ногами. Кожа на его лице продолжала пылать.

– Возьми, – протягивая ключи, настойчиво сказала я.

– Что ты делаешь, Вилл... Ты подставляешь себя. Неужели ты не понимаешь, что тебе грозит?

– Пап. Возьми ключи, и я уйду.

– Только ради этого хотела встретиться?

– Я хотела поговорить с тобой. Хотела, чтобы ты понял.

– Я не могу понять это, Вилл. Ты просто ставишь свою жизнь под угрозу. И все.

– Значит, так тому и быть. Это мое решение. И очень прошу, не нужно за мной следить.

Отец обессиленно умолк, едва заметно подняв глаза куда-то в сторону.

– Я перевел тебе денег на карту. Должно хватить на какое-то время, пока ты не... Решешь «что-то», – пренебрежительно тряхнул он головой.

– Спасибо. Ты очень помог мне.

– Сомневаюсь.

– Отдай, пожалуйста, это Сэму и передай мои извинения. Я не хотела этого.

– Ты вернешься?

Безвольная улыбка предательски осела на моих губах. Зачем? Что это даст? Так, я стала выглядеть слабой. Теперь отец абсолютно убежден, что я не знаю, что делаю.

– Я хотел дать кое-что, – он открыла заднюю дверь машины и остановился. – Садись, я довезу тебя. Потом заберешь пакет.

– Пап, не нужно...

– Садись, – протянул он нетерпеливо. – Дай отцу проявить заботу.

– Ты уже сделал, все что мог. А что в пакете?

– Потом посмотришь. Садись я довезу тебя.

– Пап...

– Что? Думаешь, я попытаюсь тебя похитить?

– Я знаю, ты уже сказал ей, зачем и куда направился. Пожалуйста, эту часть истории ей знать не обязательно.

Я повиновалась. Скорее это была попытка угодить отцу, чем истинным желанием поддаться.

– Северный парк? – спросил Пол, как только я захлопнула за собой дверь

«Черт!»

– Ты сразу догадался?

– Я бы сделал также.

– Но я не буду жить с Натой. В любом случае, меня скоро там уже не будет.

– Как скажешь, – с тоном «мне все равно» отозвался отец.

В черном плотном пакете оказался сверток. Тяжелый, плотно перевязанный в мой старый школьный шарф.

– И зачем?

– Глупый вопрос. Так у тебя чуть больше, чем «несколько» шансов.

Я покосилась на отца. Не верю, что он делал это.

– Надеюсь, он тебе никогда не пригодится. Мне спокойнее, когда я знаю, что тебе есть чем обороняться. Если все-

таким придется.

– Мама в курсе?

– Она всегда была против наших походов в стрелковый клуб. Хотя это сейчас мне кажется очень логичным, – усмехнулся мужчина.

– Она много нелогичных вещей предпринимала.

– Да, вы похожи.

Я открыла рот, чтобы выругаться, но остановила себя в последнее мгновение.

– Тебе стоит понять ее. Уважать ее решения. Она много сделала для того, чтобы ты сейчас просто дышала. Еще одна причина почему меня бесит твое решение.

– Пожалуйста, не начинай это.

Отец бросил на меня раздраженный взгляд. От злости у него покраснели белки глаз.

Еще немного и очередная идиотская ухмылка снова завладеет мной. Я опустила глаза к пакету на коленях.

– Я благодарна ей. И тебе. И Кроутерам, – «кем бы они ни были и чего бы не хотели от нас» – Спасибо тебе.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. И давай, звони мне, если что-то случится, хорошо?

Взгляд его темных, будто топленый шоколад, глаз заволокла неясная мне тень. Он смотрел в сторону так, будто знал то, чего не знала я. Он хотел и мог сказать что-то еще, но не решился сделать это. Быть может, в тот день я в тысячный раз потеряла его доверие, а быть может, именно тогда,

он понял, что прежней мне не быть, и ему не станет легче.

– Спасибо тебе, – я вытянулась к отцу и крепко обняла его широкие могучие плечи. После я вышла на улицу и быстрым шагом направилась к парку, на ходу вытирая слезы со щек.

Глава 18. «Мое – не мое»

«И дыбом встали волосы мои

При мысли, что спасись – не в нашей власти.»

(Данте Алигьери «Божественная комедия»)

Май.

Кошмары стали неотъемлемой частью моего существования. Моя плоть, мой разум, моя боль и мои гниющие раны. Этот густой смердящий осадок – доказательство того, что мои воспоминания и моя история не выдумка, не плод фантазии и не старания больного воспаленного мозга, испещренного гноящимися язвами – тем, что осталось от прошлого. Это все было правдой. В каком-то смысле быть больной, знать диагноз и иметь подходящие лекарства – спасение. У меня же были догадки, опасения... И бесконечная, тяжелая, вяжущая, подобно болотному илу, тупая боль, пронизавшая все клетки тела. Я боялась ночей, боялась шумов, изредка выбиралась на улицу, спала лишь тогда, когда со мной в комнате оставалась Никки. Я все чаще и чаще стала проверять заперты ли замки, все чаще укладывала пистолет рядом с собой, под подушку, звонила подруге и коллегам с такой пери-

одичностью, которую было не застать годом ранее. Я всячески пыталась заполнить свободные часы и минуты хоть чем-то, что могло отвлечь меня от моих нездоровых назойливых мыслей. Пол рядом с матрасом был завален книгами, статьями, кучей исписанных дневников, вперемешку с тетрадями из университета. Казалось, я забила свой досуг чем только могла.

Но как бы я не хотела, как бы не противилась и не тянула время, неизменно наступала ночь. Чтобы я не делала, она неизменно подступалась ко мне. Раз за разом.

От окна в комнате падал сотнями рассеянных и трепещущих лучей свет. словно северное сияние. Холодный, изумрудный, туманный свет, устремленный вглубь комнаты. Я подошла ближе к оконной раме, упершись ногами в постель, заглянула за подоконник и увидела, как обесточило высотки напротив. Как мутная зеленая вода подползла почти да самого моего этажа, закрыв собой все, что было на земле. Я потянулась к пластиковой ручке и обнаружила, что окно давно открыто. Ночь сырая и холодная. Мерцание водной глади, нашедшей слабый источник света где-то высоко в небе, манило и влекло к себе. Сквозь сон, я отчетливо понимала, что эта особенность губительна и не правильна, но «я во сне» отказывалась повиноваться. Я вытянула руки над головой, оттолкнулась от пола и выпрыгнула в окно, почти сразу же нырнув в ледяные воды.

Фасады домов, деревья, машины. Все, что так привычно

и близко, все это поглотила вода. Находясь в ее власти, я отчетливо различала местность и предметы вокруг. Теперь она не казалась такой мутной и нечистой. Я оглядела знакомую мне улицу в поисках чего-то важного, чего-то, что подсознательно жаждала найти в этой глубине.

Боковым зрением я выцепила у самого дна странный блик. За многометровой толщей воды под ногами виднелось то, чего я боялась. Опустив голову и присмотревшись, я увидела до ужаса знакомое лицо.

Он лежал на спине, закрыв глаза. Его ноги и руки неподвижно зависли над землей.

«Утопленник!» – подумала я и вместо того, чтобы всплыть, вдохнуть еще немного спасительного воздуха, я подталкиваю себя вперед и плыву вниз, ко дну, преодолевая десятки метров студеной воды с такой скоростью, какую не видела даже у самых лучших пловцов в мире.

Тело человека неподвижно. Он не живой. Я не могу даже сдвинуть его с места. Выбываясь из сил, в попытках спасти беднягу, я с ужасом осознала, что стала задыхаться сама.

Вдруг рука утопленника ловит меня за запястье. Его глаза, черные и безжизненные, ровно такие, какими их непреклонно хранила в себе память, сейчас смотрят на меня в упор. Какая-то немислимая, неподвластная моему пониманию ни во сне, ни по пробуждению, печаль твердо ужилась в этом взгляде. Эта скорбь словно стала частью его, она завладела им.

Он сжал мою руку, и запястье в тот же миг болезненно затрещало, осколками впившись в плоть. Агония и животный ужас спасли меня, позволив вырваться из этого затянувшегося кошмара. Взамен я оставила безумный истошный вопль, что еще долго будет жить в той реальности.

Я открыла глаза на полу своей съемной квартиры и тупо уставилась в белый потолок над собой. Так я пролежала довольно долгое время, придя в себя лишь от скрежета когтей о линолеум. Доберман понуро и не спеша подошла к постели и опустила голову на матрас, фыркнув что-то вроде: «Ты долго будешь валяться?»

Наступило утро. Я должна встать.

Зайдя в кухню, я сразу включила телевизор. Его очень любезно предоставила хозяйка, решив, что в абсолютно пустой квартире будет нужен именно он и я от всего сердца была благодарна ей, поскольку он создавал привычный фоновый шум, к которому я привыкла за последние годы. Поставив кофе на плиту, я подошла к «обеденному столу» Никки, взяла миски и двинулась к мойке. Помыв и протерев их, я налила воду в одну и положила корм в другую, то и дело поглядывая на хмурую нетерпеливую морду рядом с собой.

Алина – моя начальница, вернее директор и руководитель кафе-бутика, где я работала. Она предоставляла большую скидку для сотрудников на десерты и напитки. Мне очень удачно досталась коробка трюфелей с миндалем, которую оставили на складе месяц назад, благополучно забыв о сроке

годности. Я вывалила коробку на тарелку и поставила в центре стола. Подоспевший кофе я вылила в подготовленную чашку и направилась в ванную комнату. Пока я умывалась, напиток остыл до комфортной температуры. Сев на край дивана, я бросила бесцельный блуждающий взгляд за оконную раму.

Сегодня совпали выходные у меня и у Натали. Я ждала ее с особым нетерпением. Тяжелые назойливые мысли тянулись за мной по пятам, в какую бы сторону я не направила внимание. Лишь она одна могла хоть немного загородить меня от них.

Мне не снился никто из Кроутеров уже несколько месяцев. С момента моего отъезда, я не видела ни Джона, ни Диану, ни Грейс. Очевидно, подсознательно я чувствовала вину за свой побег, ведь фактически я бросила семью, что приняла меня как своего полноценного члена. Для меня осталось загадкой лишь то, почему сознание решило начать вести диалог с совестью, спустя такой продолжительный период времени.

Я не думала о Джоне...

Иногда.

Одна из причин, по которой я записала себя в помешанные, это те самые мысли. Я искала его в толпе. Выискивала его лицо. Цеплялась взглядом за проезжающие мимо машины той же марки, что у него, обращала внимание на парней хоть на толику имеющих сходство с ним. Бесконечно думала

о его словах, о его манерах, о движениях. Воспроизводила наши диалоги и досконально изучала все те детали, молекулы и частицы, которые были в нем. Строила картины и образы прошлого, играя с реальностью и вымыслом. Это стало моим хобби.

Я заняла себя работой, учебой, записалась на плавание и притащила домой кучу книг, но неизменным оставалось одно – я встречала в своей голове Джона. Где бы я ни была, куда бы ни смотрела и что бы ни делала, я видела его.

И вот теперь, к концу весны, я увидела его таким. Пугающим, страшным, неживым...

– Ты сегодня выглядишь еще хуже, чем обычно, – благо-родно отвесила мне очередной комплимент моя гостья.

Ната явилась ко мне в квартиру с бутылкой вина, полным рюкзаком фруктов, контейнером бутербродов и переносной музыкальной колонкой. Еще совсем сонная, явно только успевшая отодрать себя от кровати, она плюхнулась на диван в кухне и попросила заварить ей чай с «люксовыми конфетками».

– У меня выходной.

– Тогда вопросов нет, – лениво протянула рыжая, хотя справедливым объяснением моего «роскошного» вида это не являлось.

– А у тебя что?

– Тоже выходной. Плюс, я поругалась вчера с Артуром. Поэтому мое лицо похоже на раздутый прокисший помидор.

– По какому поводу? – без особой заинтересованности спросила я, зная, что так и так подруга примется расплескиваться эмоциями. Мне оставалось вести отсчет. Три, два один...

– А! – она махнула рукой в жесте «ну его», чем порядком меня удивила. – Не хочу о нем... Давай лучше ты расскажи, как ты сегодня себя чувствуешь и чем планируешь заняться.

– Я в норме. Судя по бутылке за моей спиной, планирую напиться.

– Да ну прекрати! От такого количества мы не напьемся.

– Предлагаешь прогуляться до магазина?

Ната театрально ухмыльнулась.

За что я безумно благодарила эту девушку, так это за то, что она создавала вокруг меня особый, отчужденный мир, полный покоя, расслабления и всепоглощающего «Черт с ним!». Все проблемы этого мира обсуждались ею как какие-то ненужные и временные детали, значения у которых не было. В нем нет ни грусти, ни печали, ни страхов, ни боли. Все, что волновало меня, когда я была одна, рядом с Натой становилось чушью, ничем. Она не расспрашивала меня о вещах, которые я не хотела обсуждать, не напоминала мне о них и очень редко сама бралась ныть по поводу своих злоключений. Мы просто отдыхали вместе. Шутили, смотрели кино, выпивали, слушали музыку, иногда выбирались на улицу. Это была тотальная терапия. Она действительно помогала.

К вечеру мы с подружкой достаточно выпили, чтобы начать плакаться друг другу в жилетки. Так вышло, что у Наты имелся прекрасный повод.

Артур – юноша, с которым мы учились на одном факультете. Невысокий кареглазый смуглый парень, с сухим телосложением, присущим парням, которые занимались борьбой. Он ухаживал за Натой уже больше полугода, а последние три месяца официально стал ее парнем. Как только это произошло, подружка чаще стала пропадать в кафе, кинотеатрах и аттракционах без меня, чему я не удивлялась и реагировала хоть и не спокойно, но всегда с пониманием. Известие о том, что между влюбленными возникла ссора, значило лишь то, что во время примирения я рискую быть вовсе забытой, на день или даже два, поэтому от сегодняшнего вечера нужно было взять максимум.

– Знаешь, у меня все равно такое ощущение, что я поступила очень неправильно. Я тороплюсь, будто боюсь остаться одна и умереть в одиночестве. Это так... Глупо.

– О чем ты? – с блаженной улыбкой переспросила я у подружки.

Девушка нахмурилась и подняла бокал к виску, словно мысли ее витали на уровне загадок вселенной.

– Я так странно себя чувствую рядом с ним... Как будто он совершенно чужой мне человек. Такое чувство, что рядом незнакомец. Ты понимаешь меня, Вилл?

– Нет. Я не сталкивалась с подобным.

– Ну как тебе объяснить... Это как... – морщинки на лбу девушки стали чаще и глубже. – Ты даешь себе отчет в том, что это твой парень, что ты хорошо его знаешь, вы давно знакомы, но все твое тело и душа ощущают себя рядом с ним, словно с чужим человеком. Как если бы я взяла незнакомого человека в автобусе, который сидит рядом, за руку. Понимаешь?

– Быть может, это не твой человек? Или ты просто, не привыкла. Такое тоже бывает.

– Да как можно любить человека, можно с ним строить отношения, если ты не привыкла? Это тогда не отношения вообще... А бред какой-то.

– Тогда, возможно, это первое.

– Я, в принципе, согласна с тобой. Возможно, он не мой, а я не его. Тогда зачем это все? Для чего?

– Чтобы понять. Что твое, а что нет.

– Вилл.

Я вопросительно подняла глаза на подругу. Та явно что-то замышляла.

– Ну? – протянула я, пытаясь подтолкнуть Нату к продолжению ее мысли.

– Извини, если спрошу что-то лишнее. Ты сама не говоришь об этом, а я всегда боялась поднять эту тему, но мне нужно кое-что узнать для себя. Была ли вероятность, что у вас с Джоном могло что-то получиться?

На моем лице зависло туповатое выражение. Я чувство-

вала это по тому, как сковало мышцы, а брови взметнулись вверх.

Забавно, но пьяной легче отвечать на такие вопросы.

– Вряд ли, – в конечном счете, пробормотала я, потея и краснея, как тушка поросенка в печи. – Он слишком... Непростой.

– Настолько непростой, что казался чужим тебе?

– Не совсем, – я поймала себя на мысли, что представляю картину нашего с Джоном союза. Это заняло довольно время, и Ната даже успела заполнить наши бокалы по очередному кругу.

– Если не хочешь, можешь не отвечать. Я наверно лезу не туда.

– Дело не в этом. Я не знаю, как ответить тебе.

– Скажи только, считала ли ты его абсолютно чужим, незнакомым, не твоим на все сто процентов. Насколько он мог близко к тебе подойти?

– Наверное, достаточно близко. Я не помню, о чем думала в те моменты, когда он был рядом. Иногда он действительно казался мне чужим. Иногда, он ощущался ближе и роднее, чем родители. Наверно, я рисковала, доверяясь ему, однако я гнала сомнения прочь.

– Давай я задам тебя вопрос, на который есть два варианта ответа, – Ната взяла мою руку и сжала с силой пальцы. – Не важно, что ты ответишь, далее мы эту тему закрываем. Я искренне хочу понять тебя, и себя тем самым тоже, но, если

тебе неудобно, мы закроем тему. Хорошо?

– Задавай вопрос.

– Джон «твой» или «не твой» человек?

Ответ был на поверхности, и я могла озвучить его не задумываясь, ибо получила его давным-давно. Однако стоило ли это того, чтобы сознательно услышать и принять этот факт, как сам собой разумеющийся? Я не хотела признавать это, не хотела проигрывать свой собственный вымышленный бой.

– Можешь не отвечать, – напомнила мне Ната.

– А смысл? Ты же спать не будешь! – усмехнулась я. – Да. Он был «моим». Возможно, если бы мы не были такими разными, у нас когда-нибудь что-то могло получиться.

«Ты чокнутая, Вилл. Абсолютно.» – раздосадовано сообщил мне мой внутренний голос.

– Ты жалеешь, что ушла? Вернее уехала. Именно касаясь вопроса отношений с Джоном.

– Нет. Я ни на что не рассчитывала. Он просто человек, как и я, оказавшийся прикованным обязательствами... Возможно, ему вовсе не хотелось общаться со мной.

– Не будь этих обязательств, твоих родителей, той психованной... Ты бы подошла к нему?

– Нет, – честный ответ.

– А что же с ними? Сэм, Дориан, Мэри... Ты думаешь, что они могут вернуться в твою жизнь? Ты сама хотела бы этого?

– Я бы хотела вернуться в некоторые дни и события, побывать снова той Вилл, но я не стала бы что-то делать для

этого сейчас. С того момента, как я уехала, я не слышала и не видела никого из семьи. Возможно, это как раз та ситуация, когда твое остается, а не твое уходит.

– Значит, угрозы для тебя нет? – понизив голос, спросила Ната. – Никто не следит за тобой, не пытается навредить.

– Вообще никого. Словно меня потеряли или забыли.

– Это странно. Провернуть такую спецоперацию, а после оставить все вот так. Родители ничего не говорят о них?

– Отец не говорит.

– А мама?

– Я не разговаривала с ней.

– Серьезно? – воскликнула рыжая, округлив глаза.

– Она не звонила мне ни разу, а я общалась только с папой и то, по делу.

– Ты про деньги?

– Да.

– Ты вернула ему долг?

– Да, но он проигнорировал все мои сообщения с благодарностями. Наверно он даже не проверял счет.

Какое-то время мы с подружкой просидели молча. Из колонки на столешнице доносилась негромкая ритмичная музыка. В какой-то момент я забылась и начала постукивать ногтями по бокалу в такт.

– Так. Хватит сидеть! Допивай и пошли, потанцуем!

Рыжая поставила свой уже пустой бокал на стол и мягко потянула меня за локоть.

Глава 19. «Изнеможение»

«Магнифик» располагался на одной из станций метро, буквально в нескольких кварталах от дома. В хорошую погоду на работу я добиралась пешком, выходя на полчаса раньше обычного. Когда же мне было лень, или погода на улице не позволяла идти пешком, я садилась на автобус и за считанные минуты добиралась до места. Хозяйкой этого кафе, как и трех других, расположенных в разных точках города, была женщина. Алина. На вид ей не больше сорока, выглядела она всегда довольно броско, но со вкусом. Любила винтажные вещи, платья в пол и тяжелые украшения, чаще всего выполненные из металла. Небольшие кружевные броши-бабочки, массивные бусы, часы на цепочке, серьги с небольшими механизмами под стеклом, замысловатые кольца... Волосы она убирала в пучок, закалывая парой спиц. Ее макияж чаще всего ограничивался красной либо бордовой губной помадой и тонкими стрелками до самых висков. Алина была молчаливой, задумчивой, строгой женщиной, периодически перемещавшейся тяжелой грозовой тучей по залу и кухне. Поработав с ней несколько дней после собеседования, я нашла ее вполне миролюбивой, внимательной ко всем мелочам женщиной, заботливой и идущей на компромиссы.

Под ее крылом в кофейне работали пять официантов, включая меня, два бармена, команда из шести человек в

кухне и немолодой мужчина-охранник, бдевший в выходные дни и среди недели, по вечерам, когда людей прибывало больше всего. Моя напарница – девушка, с которой я чаще всего контактировала в зале – Виктория. Она была старше меня на пару лет, носила кольцо на безымянном пальце и забеременела почти сразу, после моего прихода. Денис – один из барменов, стоял на сменах со мной также часто, как и она. Оба были веселые и простые ребята, то и дело болтающие между собой в свободные минуты.

Завидев меня, входящую за барную стойку, Денис загадочно подмигнул мне, явно посылая какой-то сигнал, смысл которого я не уловила. В подсобке, где я планировала переодеться, меня ждала Алина, в чьей руке угрожающе зависла кипа бумаг.

– Доброе утро, – проговорила я, без стеснения поглядывая на стопку документов в руках женщины.

– Доброе, Вилл, – ответила Алина. – Готова к трудовым будням? Как отдохнула?

– Успешно. Даже успела выспаться.

– Это отлично! У меня для тебя небольшое задание. Виктория сегодня уйдет раньше, задержаться с тобой не сможет, так как ей нужно к врачу. Поэтому я вынуждена передать тебе одно дело. Ты раньше занималась этим, думаю, справишься.

– Что за дело?

– Нужно сделать заказ. К концу недели необходимо по-

полнить запасы десертов, в частности трюфелей и сиропов, кофе и обновить остатки кухни. Здесь остатки склада и оборот за прошедшие две недели. Решила распечатать, надеюсь, что так будет удобнее. Если людей вечером будет меньше, можешь начать раньше. Если нет, придется задержаться на пару часов. Сможешь?

– Смогу, но мне нужно будет такси.

– Само собой.

– Хорошо. Это нужно сделать сегодня или могу утром приехать раньше?

– Смотри по своему состоянию. Если устанешь сегодня, можешь завтра утром. Главное отправить на склад заказ не позднее одиннадцати, так как машины отгружают уже в обед.

– Поняла.

– Отлично! Спасибо. Плата за эти часы удвоена.

– Хорошо.

Алина оставила бумаги на одной из коробок у стены и вышла в коридор, позволив мне приготовиться к рабочей смене. Буквально через пару минут вошла Виктория.

– Слышала, тебя нагрузили, – начала она, снимая с себя верхнюю одежду.

– После выходных это вполне нормально, – пожала я плечами в ответ.

– Прости, что подставила. Осмотр почти в восемь вечера, благо хоть недалеко. Я бы помогла тебе, но не смогу. Если бы знала, что заказ нужен сегодня, перенесла бы на другой

день запись.

– Прекрати. Я справлюсь. Работы на час – полтора в худшем случае.

– Все равно неловко. Придется задерживаться. Хочешь, я приеду после осмотра?

– Не нужно. Я думаю, к закрытию людей будет меньше, и я сяду за ноутбук раньше.

– Ох... Надеюсь! Давай заплету тебя?

Я поправила футболку и вытащила застрявшие в воротнике волосы.

– С косичкой будет удобнее, – продолжила девушка, подходя ко мне с вытянутыми вперед руками.

– Спасибо.

Людей меньше не становилось вплоть до самого закрытия. В районе девяти вчера пришла женщина и оставила спецзаказ на гигантский праздничный торт с шоколадными единорогами, которых она непременно хотела видеть по бортам каждого уровня. На нее я уделила довольно большое количество времени, вынудив тем самым Дениса постоять на разное.

– Заказ на пятницу, – проговорила я, вскарабкиваясь на барный стул. Припечатав бланк к столу ладонью, я тяжело выдохнула и осмотрела полупустой зал. – Оплата по счету.

– Ого... Приличная сумма. Ты сегодня бомбишь!

– Не говори. Скоро заработаю свой первый миллион.

– Здесь вряд ли. Но нервный срыв или депрессию – всегда

пожалуйста.

– Ага... Или диабет, – усмехнулась я.

– Кстати! Алина оставила тебе на вечер кофе и вафли. Она так тебя задабривает? – парень отдал мужчине его заказ в виде чашки кофе и вернулся ко мне, продолжив довольно улыбаться.

– Это вместо зарплаты. Не радуйся.

Последним посетителем оказался тот самый мужчина, который подходил к стойке за кофе. Он очень долго говорил с кем-то по телефону, довольно эмоционально и громко, явно не заинтересованный ни в кофе, ни в ужине. Воспользовавшись случаем, я достала рабочий ноутбук и села за оформление заказа товара. Денис остался со мной на полчаса после закрытия, составив компанию по чашке кофе, пожаловался на нелегкую судьбу, связанную с учебой, родителями и девушкой. Для фонового шума, чтобы не заскучать вполне годилось, но вопросы, которые иногда проскакивали в моем направлении и явно ждали ответа, ужасно отвлекали.

– Слушай... Тебе завтра сутра опять, да? – убрав руки от ноутбука, спросила я у парня.

– Угу.

– Езжай домой. Не нужно со мной тут сидеть, тебе же не платят за это, – мягко сказала я.

– Да, да, собираюсь. Ты точно справишься тут?

– Конечно, шеф. Оставь мне только ключ, я не помню, чтобы брала его с собой сегодня.

– Хорошо, не проспи завтра. Если не откроешь, я уже не помогу.

– Логично.

Вскоре после ухода парня я расслабилась и уже спокойнее заполняла форму, внося нужные цифры в колонки. В одиночестве работалось легче. Я закончила в половине двенадцатого ночи, отправила заказ менеджеру и пошла в кухню со своей пустой чашкой от кофе. Вызвав такси, я села в подсобке, переобуываясь в уличные кроссовки. После я прошлась по служебным помещениям, выключила везде свет и технику, вышла в зал, отключила подсветку витрин и бара, отключила вывеску и села на стуле у выхода, ожидая машину.

Домой я попала ровно в двенадцать и застала Никки в полубезумном состоянии. Пришлось немедленно бежать с ней на улицу.

«Не спишь?» – набрала я сообщение Виктории, пока доberman носилась по лужайке за домом.

«Нет. Что такое?»

«Ты сможешь выйти завтра утром?»

«Могу. Ты только закончила?»

«Да. Чувствую, утром буду не в состоянии».

«Конечно. Отоспишься к ланчу?»

«Да».

«Заметано».

«Ключ есть у тебя?»

Ответ не приходил. Неужели она сразу после нашего диа-

лога ушла спать?

Я ждала сообщений от напарницы еще почти час. Они не приходили.

Открытие заведения всегда лежало на ком-то из кухни. Либо Алина сама открывала его утром. Я не помнила, чтобы Виктория открывала своим ключом зал. Возможность завтра поспать и прийти позже с треском провалилась.

Пришлось завести будильник.

Я сидела на табуретке в кухне, слушая свое учащенное сонное дыхание, пока мозг медленно, но верно не отключился вовсе. Как я дошла до гостиной и упала на матрас, я уже не помнила.

В следующее мгновение над головой заверещал будильник. Невидящим взглядом я уставилась в потолок, пытаюсь понять, как быстро прошли эти несколько часов и откуда этот странный звук рядом? Поняв, что нужно отключить сирену и начать собираться, я, пыхтя и кряхтя, решила подниматься.

После прогулки с Никки, я вернулась домой, чтобы закинуть в желудок пару злаковых хлебцев и залить их стаканом воды. Дорога до работы заняла поразительно небольшое количество времени.

Когда я увидела включенную вывеску и свет за занавесками витрин, с губ сорвался нездоровый смешок. Я поплелась к дверям и вошла внутрь. Вид моей сменщицы, стоявшей у бара и изучающей бланки заказов, отражал мои эмоции.

– Ты чего здесь делаешь? – задала Виктория своей первый и весьма актуальный вопрос.

– Я думала ты... Вернее я не знала, что у тебя есть ключ.

– Я бы согласилась выйти утром и открыться, не будь его у меня? – слабая усмешка на губах девушки говорила о том, что она приятно удивлена моим приходом. – Тебе бы не помешало почитать перед выходом сообщения. Я же ответила, что у меня есть ключ.

Я плюхнулась на ближайший стул.

– Ооо... – протянула напарница, откладывая бланки в сторону. – Ты, может быть, тоже беременна?

– Нет. Просто не выспалась.

Девушка задумалась, недовольно хмуря лоб. И хотя ничего страшного не произошло, чувствовала я себя предельно глупо.

– Так, – сказала Виктория, шагая ко мне. – Ты явно заработалась... Тебе нужен мини-отпуск. Это не дело совсем, ты же понимаешь?

– Отдых – это всегда хорошо, но я всего пару месяцев здесь. О каком отпуске может идти речь?

– Это все детали. Если сотрудник устал и по нему это видно, Алина может пойти на уступки и дать небольшой перерыв.

– Мне это не нужно. Только одна ночь хорошего сна и все. Я не хочу терять в деньгах.

– Да причем здесь это! – воскликнула Виктория. – У тебя

что? Кредиты? Дети? Долги? На твоих плечах чье-то содержание? Расслабься хоть на миг. Всех денег не заработаешь. Только себя гроишь.

Я закрыла глаза, откинув голову к стене за собой. Все что она говорит – правда, но я еще не в том, состоянии, чтобы давать себе слабину.

– Я понимаю, что ты говоришь. Если меня накроет, я поговорю с Алиной, – в итоге согласилась я, следуя за одной единственной целью – отвязаться от нравоучений. – Не волнуйся за меня.

– Вот и хорошо. Рада, что ты услышала меня, – девушка пожала меня за плечи и продолжила заниматься обычными повседневными делами, пока я рылась в своем телефоне. Сообщения действительно были, но почему я их не заметила, осталось загадкой.

Рабочий день тянулся бесконечно долго. Как я ни пыталась себя занять, за что бы ни бралась, мне казалось, вечер не наступит никогда. Такие дни не редкость, и я часто ловила себя на мысли, что жду не дождусь, когда уйду с работы. Потому я знала, что рано или поздно один день сменит другой, одно уныние заменит другое, а безумная тяга к дому будет появляться все чаще и чаще. Буквально за пару дней, с того момента как я заключила договор с хозяйкой квартиры, пройдя несколько собеседований, я попала в уже знакомую мне кофейню, откуда когда-то получила коробку конфет в подарок. Странное стечение обстоятельств, позволив-

ших мне с легкой руки устроиться именно в это место, найти добрую начальницу, дружный коллектив и вполне неплохой заработок, удивляли меня до сих пор. Возможно, я ждала, что рано или поздно эти двери откроются и я увижу знакомые мне лица. Не грусть. Не печаль. Не раздражение и точно не злость. Я только чувствовала, как безутешная надежда пыталась свести меня с ума. Она разрушала меня. Бессмысленная пустая надежда. Уж лучше бы ничего это не стало вовсе.

Я уставала физически и изматывалась душевно.

И одна часть меня, самая большая и самая влиятельная, была согласна на это разрушение. Это добровольное наказание – думать о прошлом, надеяться на то, чего быть уже не может, отказываться от реальности и от своего присутствия в ней.

Это длилось почти четыре месяца.

В самом начале, когда в жилах кипела ярость, а разум жаждал справедливости, во мне находились силы на жизнь и на борьбу за себя и свои интересы. Потеряв их, успокоившись, поняв, что все позади, я очерствела. Стала призраком самой себя. Лишь изредка меня посещали светлые и добрые мысли о скором лете, об отпуске, о поездках с Натой за город... Они вбрасывали в мое существование яркие краски.

Я теряла себя. День за днем.

– У тебя все хорошо?

Повторный вопрос подобного характера от коллеги на

смене говорил о том, что внешне я не выглядела как человек, у которого «все хорошо». От части, я догадывалась, что сегодня явно не мой день и вид у меня весьма так себе, поэтому реагировала на попытки Виктории разговорить меня относительно спокойно. Мне нечего было ответить.

– Да, все в порядке. Хочу спать.

– Хорошо, что завтра выходной. Отдохнешь... Кстати! – это ее «кстати» и приклепнутый к столу блокнот для заказов, значили, что сейчас мы будем что-то оживленно обсуждать и нужно набраться терпения. – Что будешь делать?

– Пока не думала над этим. Наверно встречусь с друзьями, – ответила я, стараясь держаться на грани между заинтересованностью в теме и равнодушием.

– Друзья – это классно. Хотела предложить выбраться за город в общий выходной. Что скажешь?

Я едва заметно подняла голову от своего блокнота.

– А есть куда?

Девушка расплылась в улыбке.

«Рано радуешься, девочка. Ты меня еще не заинтересовала.»

– У меня родители купили дачу недалеко от города. Среди недели их там не бывает, поэтому можно туда завалиться с кем-нибудь из наших и отдохнуть. От города, от людей.

– С «нашими» это с кем?

– «Моих» ты знаешь, – Виктория рассмеялась. – Муж очень ждет. Я думала взять бар и еще пару человек, у кого

будут выходные. Что скажешь?

– Звучит интересно. Напиши в чат, думаю парни точно не откажутся, а вот с девочками нужно будет поговорить.

– Если что, ты «за»?

– Я «за», если будет машина.

– Конечно, я договорюсь, – девушка скрутила блокнот в руке и прижала его к груди. – Жду не дожусь! Надоело тухнуть в городе. Необходим свежий воздух, природа, солнце...

– Да, не помешало бы.

Краем глаза я обратила внимание на погоду за окном. Люди, выходящие из метро, были в куртках. Интересно, дождь и слякоть отменят вылазку на природу?

К закрытию людей в зале практически не осталось. Молодая пара, засидевшаяся в углу под старым фонарным столбом и потерявшая счет времени, завидев, что персонал уже одет и готов выходить, поспешно поднялась и приступила к сборам. Виктория закрыла дверь, после подошла к барной стойке и отключила основной свет в помещении. По ее рекомендации, я ушла раньше, оставив ее и персонал кухни на закрытии. Я сонно двинула по направлению к автобусной остановке. Поздним вечером общественный транспорт чаще всего пустой и можно расположиться, где удобно. Я села в начале автобуса, по правую руку от водителя, и уткнулась виском в окно. Город опустел и сейчас казался куда уютнее и живее, чем днем, когда потонувшие в серости люди торопились кто куда, а улицы кишели подобно термитнику.

Дома меня ждала Никки. Не снимая с себя одежду, я потянулась к поводку и вышла на прогулку с собакой.

Странно и вместе с тем очень забавно то, как спокойно я чувствую себя сейчас. Словно и не было ни друзей, ни врагов. Только я и этот мир вокруг. Ни оттенков, ни цветов, ни черного, ни белого. Я перестала оценивать происходящее, и оно перестало влиять на меня. Если я когда-нибудь забуду все то, что было, стану ли я счастливой?

В кармане джинсов завибрировал телефон. Я ответила сразу.

– И долго ты там стоишь?

– Никки убежала в кусты. Я ее пока не вижу, – проговорила я, сходя со своего места и подзывая добермана.

– Могла бы и меня позвать, – буркнула Ната.

Вытянутый нос Никки высунулся из сумрака. Она рысью бежала в мою сторону.

– Я жду тебя. Выходи.

– Вечно ты так! Я должна напрашиваться?

– Я сейчас пойду домой.

– Выхожу! – подруга оставила напоследок обидное ругательство и сбросила звонок.

– Ты все? – обратилась я к Никки, которая села перед моими ногами. – Сейчас еще одна подойдет. Будем гулять дальше.

Дверь подъезда открылась через пару минут. Рыжая топлоиво топала к нам. Ее появлению собака обрадовалась

сильнее, чем моему приходу домой.

– Пройдемся до магазина? – спросила у меня Ната. – Ты не сильно сегодня устала?

– Пойдем, – я нацепила поводок на ошейник добермана и повернулась к подруге. – Нужно поспать. Сутра сама не своя.

– Успеешь. Ты ведь завтра выходная?

Если я скажу «да», мне не удастся лечь раньше. Ната ночное создание, и она вряд ли имела представление об усталости и понимании, как хочется спать после двух полных рабочих смен. Если я скажу «нет», она начнет возмущаться и причитать, сыпать советами о смене работы, о том, что мне нужно давать руководителю понимать, что я не рабочая лошадка, что мне нужен отдых, что я должна говорить о своих правах...

Гораздо проще было сказать правду.

– Выходная. Поэтому я хочу сегодня лечь как можно раньше, а завтра встать как можно позже.

– Отлично. Выпьем чаю и спать. Не против гостей сегодня?

– Гость ты?

– Конечно.

– Не против.

В магазине Ната набрала пару бутылок коктейлей, пачку печенья и целый пакет фруктов. Судя по ее флегматичному выражению лица, поход ко мне был запланирован заранее.

– Давно ты куришь? – спросила Ната, пока мы стояли у

подъезда дома.

– Не курю, – ответила я не собираясь продолжать говорить дальше.

Сбросив сигарету в урну, я достала ключи и повела подругу за собой.

Так проходили дни.

«Каждый имеет право быть таким, каким хочет» – часто говорила подруга.

Именно эту фразу ей, на мой взгляд, крайне важно произносить как можно чаще самой себе.

Первые дни лета мы провели с ней порознь. Подруга уехала с матерью за город с целью убраться в родительском доме. Я осталась одна в городе и не придумала ничего лучше, чем взять Никки, собрать рюкзак с едой, взять одеяло, и, прихватив наушники, отправиться в ближайший лес. Дорога до него пролежала через оживленную улицу, постепенно перетекающую в узкую улочку между старых домов, в часе ходьбы от нашего парка. Шла я не торопясь, практически прогулочным шагом, ускорившись только в самом начале пути, искренне желая побыстрее пройти кипящие жизнью кварталы. Когда за спиной исчезли новостройки, крупные торговые центры и магазины, пропала новизна и вычурность современных архитектурных веяний, а на глаза все чаще попадались полуразрушенные древние дома, я сбавила ход. Никки двигалась размеренно, спокойно, даже не обращала внимания на лай собак за заборами, чем очень меня радовала. Мы вышли на

небольшой перекресток, дождалась сигнала светофора и перешли дорогу. Перед нами возникло зеленое цветущее поле. Кто-то гулял с детьми, у кого-то бегали рядом собаки, кто-то решил расположиться на земле и погреть косточки под летним солнцем. Я решила, что нам с Никки будет лучше держаться слегка в стороне, чтобы случайно не попасть под чье-то желание пообщаться или поиграть. Путь наш продолжился вдоль дороги, а ближе к лесу мы немного сократили расстояние, срезав угол поля. Впереди, в тени деревьев и кустов, виднелись редкие цветные блики от шлемов и костюмов велосипедистов. Я надеялась, что хотя бы в чаще леса мы не найдем людей, поэтому продолжила идти дальше, не выпуская поводок из рук.

Спустя какое-то время, когда стих шорох дороги и пропали даже самые отдаленные голоса, мы с Никки оказались на небольшой лужайке, обнятой со всех сторон деревьями. Она цвела сотнями разнообразных растений. Голубые, синие, белые, фиолетовые и желтые цветы усыпали землю, создавая живописный природный ковер, на котором не терпелось улечься и уснуть. Я отпустила Никки с поводка, наказав ей не убегать никуда за пределы зоны видимости, после чего открыла рюкзак, достала оттуда плед и постелила его на землю, поверх пушистой травы. С собой у меня были яблоки, контейнер с бутербродами и пакетик ореховой смеси с миндалем и вишней. Я легла на плед и подняла глаза к небу. Там, над деревьями, мелькали ласточки, а чуть ниже, почти

у меня над головой можно было различить бабочек.

Я неподвижно пролежала так какое-то время, пока мое сонное расслабленное тело не потянуло в сон. Прospать здесь пару часов – перспектива так себе, ведь у меня были дела на вечер. Пришлось подниматься. Никки лежала животом вверх, почесывая спину о траву, в паре метров от меня. Она была на седьмом небе от счастья. Увидев, что я встала, доберман вскочила на ноги и бросилась ко мне, требуя поиграть с ней.

Ближе к вечеру мы пошли домой. По пути я зашла в магазин и купила продуктов на несколько дней. Чувствовала я себя вполне отдохнувшей и даже счастливой. Идея позвонить отцу уже не казалась такой пугающей.

– Привет, Вилл, – ответил мне папа.

На другом конце провода слышались множественные голоса и шум улицы.

– Я не отвлекаю? – обратилась я к нему.

– Нет, все хорошо. Мы в магазине. Что-то случилось?

– Нет, я просто хотела с тобой поговорить. Как у вас дела?

Пауза.

Отец набрал воздуха в легкие и протянул:

– Ну... Все нормально. Дом, работа. Сейчас вот решили за продуктами выйти.

– Ты с мамой да?

– Да. А что?

Я не говорила с ней с того дня, как уехала. Ни разу. Только

с отцом. Если раньше я не хотела говорить, то теперь уже не могла.

– Ничего. Просто интересно.

– Если хочешь, можем с тобой увидеться. Ты работаешь сегодня?

– Сегодня и завтра я выходная, пап.

– Отлично. Могу заехать за тобой в восемь. Что думаешь?

– Думаю, что это хорошая идея.

– Хорошо. Я тогда позвоню тебе, когда буду выезжать.

– Ладно.

Как и обещал, отец позвонил мне спустя пару часов.

– Где встретимся? – спросил он у меня, и я замерла, теряясь с ответом. Кажется, я решаюсь на очень важный шаг.

– У меня. Помнишь, где живет Ната?

– Да, смутно, правда. Ты пока с ней живешь?

– Практически.

Отец пытался принять безучастный вид, но по голосу было очевидно – он удивлен моему откровению. Я ждала его к восьми вечера.

Прошло всего четыре месяца, а казалось, что целая вечность. Как долго мы не виделись? Как долго я не была в роли дочери? Неужели я настолько выросла, что смогла бы жить одна всю жизнь?

– Я не мог представить себе, что так выйдет.

Под пытливым изучающим взглядом моего отца того и гляди начали бы плавиться стены квартиры, мебель и все

предметы вокруг. Он бродил по комнатам, разглядывал вещи, а вид его был весьма удрученный. Пустая спальня, почти такой же пустой зал, где мы с Никки проводили большую часть времени, кухня. Здесь не было ни уюта, ни изящества, ни красоты. Скупая потребность. Я не хотела, чтобы отец видел меня такой, но что-то вынудило меня в тот день открыться ему. Я молча наблюдала за его прогулкой по дому.

– Я так и не понял, что случилось.

– Наверно я испугалась. Либо устала. Как видишь, меня никто не тронул за это время.

Ответа не прозвучало. Отец прошел в кухню и сел на край дивана, за пустую чашку кофе.

– Тебе нужна помощь, Вилл?

Звучало это так, словно он не мог ничего предложить. Словно он понимал, что он не мог дать того, что мне нужно. Поразительная перемена произошла в моем отце за короткий промежуток времени. Он выглядел... Обреченным.

– Чем бы ты хотел помочь? – спросила я у него, пока заливала воду для кофе в турку.

– Не знаю. Чем-нибудь. Ты отдалилась от нас, мы практически не разговариваем и мне важно знать, что ты не нуждаешься ни в чем.

Края чашки в моей руке угрожающе впились в кожу на ладонях. Я сделала над собой усилие и поставила ее на столешницу, чтобы не разбить.

Шрамы на ладонях останутся со мной на всю жизнь. Они

– символ моей беспомощности.

– Иногда я нуждаюсь в некоторых вещах, папа. Но мне никто не может их дать. Не думай об этом, ладно? Сейчас все хорошо.

– В чем ты нуждаешься?

– Пап.

Я повернулась к нему всем телом и с укоризной посмотрела ему в глаза, хотя губы растягивала неловкая улыбка.

– Давай не будем это обсуждать?

Отец опустил голову, ничего мне не ответив. Наверное, я худшая дочь на планете.

Поставив кофе на плиту, я села на диван рядом с мужчиной и обхватила его локоть руками.

– Ты злишься на меня?

– Нет. Просто думаю, как все исправить.

– Что ты хочешь исправить? Вернуть меня домой? Или вернуть «туда»?

– Нет, Вилл. Все исправить. Если бы было возможно.

– Вот ты и ответил на свой вопрос. Мы с тобой нуждаемся в одном и том же.

– Многое изменилось за последнее время. Мне очень жаль, что тебе не нашлось места там. Я бы хотел, чтобы у тебя все в жизни было хорошо, без проблем и трудностей, без нужды, без врагов... Но это, видимо, не в моей власти, – голос мужчины охрип и ослабел. Я испугалась, что он заплачет.

– В твоих силах было сделать меня счастливым ребенком.

Ты справился.

– Думаешь?

– Я считаю, что была очень счастливой.

– «Была», – вторил он невесело.

– Пап. Чувствовать себя счастливым в прошлом – это нормально!

– Это горе. Счастье в прошлом – горе, – проговорил он.

– Я с тобой не согласна. Ты самый лучший папа на свете и мне не на что жаловаться.

Слабая хилая улыбка подернула уголки губ мужчины. Его броня дала брешь и это моя личная маленькая победа.

– Ты так выросла, Вилл.

Глава 20. «М.С.»

Парень Натали водил старенький отцовский пикап. Автомобиль видал виды и то и дело грозился развалиться на ходу. Нам с Натой, все же, не мешало это всякий раз доверяться ему и самому Артуру, тем более, если парень говорил, что «на днях» выехал с автосервиса. По его словам, машина переживет нас всех. Хорошо, если так.

Субботним ранним утром, Артур оказался в полной боевой готовности на пороге дома моей подруги. Сумки мы собрали еще с вечера, поэтому нам оставалось одеться и выйти на улицу. Никки я вынужденно оставила дома, так как не

была уверена в том, что смогу уследить за ней, а за несколько часов в одиночестве в пустой квартире она вряд ли бы устроила погром. Мы с подружкой завалились на заднее сидении пикапа, пока ее кавалер загружал сумки в багажник. Наш путь лежал в туристический комплекс «Желтая сосна» в полусотне километров от города. Это была небольшая специально возведенная деревенька на краю небольшого поселения, соседствующего к югу от нас, вмещавшая все необходимое для бюджетного туриста, голодного до диких лесов и изящных пейзажей. Главным образом там располагалась бурная каменистая река, оставшаяся в наследство от добывающей промышленности и россыпь небольших бревенчатых домиков в один этаж. Каждый стоял на индивидуальном круглом участке, обведенном невысоким декоративным забором. Въезд на машинах запрещен, поэтому мы оставили пикап на специальной стоянке у ворот и двинули дальше, пешком вверх по холму, сквозь молодой лиственный лес.

Территория комплекса вмещала в себя пару десятков домов, бассейн, спортивную площадку, мост через реку и импровизированное кафе с преимущественно домашней кухней. Так как у нас была цель искупаться и отдохнуть, мы заплатили только за вход, не бронируя дома. Наша компания приняла решение подняться вверх по течению, ближе к мосту, где, мы надеялись, людей будет меньше. Артур благородно согласился подождать, пока мы с Натой первыми окунемся в воду, после чего вернемся к нашему лежбищу с вещами.

– Очень красиво! – вынырнув из воды и оказавшись рядом со мной, воскликнула рыжая. – Рада, что поехала?

– Да. Здесь и правда обалденный вид.

– Воооот! А зимой можно взять в аренду домик! Тоже на троих, или четверых, не знаю, как у тебя будет с этим зимой.

– Или на двоих.

– Нееет! Вдвоем будет скучно. Поплыли!

К нашему возвращению Артур уже разложил вещи и спокойно сидел на плече, ожидая, когда мы, наконец, освободим его с поста надзирателя.

Спустя какое-то время, пока мы с подружкой увлеченно разговаривали между собой, я услышала вдалеке смех и голоса приближающихся людей. Кто-то грозился помешать нашему мирному отдыху. Мы с Натой решили не обращать внимания на непрошенных гостей и легли ближе к земле, надеясь стать менее заметными. За секунду до следующей реплики я обратила внимание на помрачневшее выражение лица подруги, взгляд которой устремился куда-то вверх меня.

– Ну и задница у тебя, малышка!

Услышав знакомый голос, я подняла голову.

Прям над моей пятой точкой остановилась невысокая костлявая девушка. Кожа цвета молока казалась болезненной и нездоровой, даже по сравнению с моей бледностью. Яркие непослушные волосы потеряли неестественный малиновый оттенок и сейчас казались скорее рыжими, чем розовыми. За массивными солнцезащитными очками нелегко

было узнать эту особу, не будь я знакома с ее писклявым голосом.

– Ася?

– Кто еще!

Она опустилась на колени рядом со мной и я, сама того не заметив, повисла на ее микроскопических плечах.

– Если бы не она, я бы тебя не узнала! – язвительно сообщила она мне, ткнув пальцем мне в ягодицу.

Тем временем Ната молча выжидала, когда сие действие, наконец, завершится.

– Вы не против, если мы присоединимся к вам? – манера говорить и двигаться у Аси импульсивная и довольно резкая, однако угрожающими или, во всяком случае, вызывающими напряжение, ее поведение назвать нельзя. Она своя. По крайней мере, мне так казалось.

– Мы? – я слышала, как резко изменился мой голос.

– Да. Я и они.

Девушка указала в сторону небольшой хохочущей компании, стоявшей в стороне. То, с каким волнением я осмотрела их, меня несказанно разозлило. Я одернула себя и перевела взгляд на Натали. Компания состояла из трех незнакомых худощавых парней и еще одной девушки с весьма пышными формами.

Надежда сменилась разочарованием. За разочарованием пришла ярость.

– Я их знаю? – для вида поинтересовалась я.

– Сейчас узнаешь. Ой, прости. Меня зовут Ася, – девушка протянула руку к Нате, а та зависла на пару мгновений.

– Натали.

– Очень приятно, – ответила Ася. – Ну так что? Могу позвать ребят?

Мы с подружкой переглянулись.

Она ждала ответа от меня, ясно дав понять, что ей эта затея не по душе.

– Да, думаю неплохая идея. Будет весело, – проговорила я. Ася ушла.

– Давай поедem на речку, Натали. Давай посидим в тишине, Натали. На природе так тихо и спокойно, Натали, – бормотала едва слышно рыжая, скривив уголки губ к низу.

– Она моя старая знакомая. Я должна была сказать «нет»? Ната ничего не ответила.

– Ребят, познакомьтесь, это мои подруги – Вилл и Натали.

Попытка провести выходной в спокойной обстановке не увенчалась успехом. Не могу сказать, что не обрадовалась появлению Аси в моей жизни снова, но при виде нее у меня пробежали мурашки по коже. Она – часть моего прошлого, того, что я хотела оставить позади. Я бы ни за что на свете не стала намеренно искать встречи с ней или с парнями из группы, но подобная случайность меня приятно взволновала. Возможно, я даже соскучилась.

Когда Артур, выходя на берег, увидел пополнение нашей команды, выражение глубокой озадаченности застыло на его

лице. У меня вызвало улыбку то, как он вытаращился на нас с Натали. «Как это произошло?» – вот что читалось у него во взгляде.

– Кто пойдет в машину за пивом? – громко обращался ко всем один из парней, чье имя я благополучно забыла почти сразу.

– Видимо ты, – ответила ему Ася.

– Один? Нет уж, я один не хочу идти.

– Вот же неженка. Сам предложил сходить! – воскликнула новая знакомая, высоким сильным голосом. Кажется, Эмма.

– Ладно... – протянул второй парень. – Пошли.

Едва они пропали из виду, Ася внезапно обратилась ко мне.

– Вилл. А где Джон?

Мой взгляд невольно скользнул в сторону Наты. Она смотрела на меня с опаской и недоверием, как если бы я сидела на mine.

– Я не знаю. Мы не общаемся.

– Серьезно? Ох... – ошарашенно выдавила Ася. – Я сама его потеряла. Дориана видела в сетях, он даже писал мне. А вот Джона нет. Странно, после того как вы пришли в гости, я их больше не видела.

– Ничего не могу сказать по этому поводу. Я не слежу за ними.

– Вы поругались? Говоришь так, будто у вас что-то произошло.

– Нет. Просто мы не общаемся.

– А что случилось?

Шум реки усилился. Повисло давящее молчание. Несколько пар глаз какое-то время изучающе глядели на меня.

– Вилл? – не унималась Ася. – Вы поругались?

– Ребят, никто не хочет поплескаться? – хлопнула в ладоши Эмма.

– Я не против, – ответила ей Ната.

Остаток вечера мы провели как обычная, ничем непримечательная компания друзей. Я думать забыла о вопросе Аси, а она сделала вид что отстала.

«Прости меня.

Прости за то, что говорила тебе, за то, что делала и за то, чего не смогла сделать. Прости, что оказалась такой слабой, такой чужой, такой глупой и такой неправильной.

Это мое письмо тебе. Мое очередное письмо, которое я никогда тебе не отправлю. Мой очередной крик, моя попытка сказать хоть что-то, хоть пару слов, способных залечить эти раны.

Прости, что не стала для тебя чем-то важным, чем-то близким и родным.»

«Я снова пишу письма. Надеюсь, это поможет мне избавиться от тебя. Это терапия. Если мне станет лучше, я

*перестану изводить бумагу, перестану плакать и скрестись
о стены, как обезумевшее погибающее животное.*

Надеюсь, мне станет лучше.»

*«Сегодня я сожгла прошлые письма. Там слишком много
чувств и эмоций. Они ведь не нужны. Больше ничего этого
не нужно.»*

*«В этом послании в пустоту спешу уведомить тебя, на
что решилась. Теперь я не хочу всего этого. Хочу забыть все
и начать заново.*

*В конце месяца я ухожу из «Магнифик». Найду новых дру-
зей, уеду и забуду все это. Забуду тебя.»*

*«Я нарисовала тебя. Твой портрет. Химеру, что навсегда
останется со мной, в моей власти.*

Химеру, которую тебе не отнять!

*Плевать на то, что вышло плохо. Косо. Грязно. Здесь я
и твой призрак, которым ты не был. Призрак, которого я
искала.»*

Взгляд откуда-то снизу впивался мне в лицо и ощущался практически физически. Это Никки. Мое состояние ей не нравилось. Она скулила и ворчала, периодически перемещаясь по комнате из стороны в сторону, в надежде, что я выйду из транса и вернусь к реальности. Отложив ворох смя-

тых листков, я поднялась с матраса и потянулась к своей походной сумке в поисках сигарет. Моя рука нащупала пакет с сырым купальником, оставшийся с вчерашнего вечера, пару пачек чипсов, скрученную футболку...

Твердый картон, шершавый и грубый, как если бы был обтянут мешковиной, короткие нити по краям... Книга?

Я вытянула инородный предмет из сумки на свет и уставилась на старый переплет.

Это действительно оказалась книга. На вид ей не меньше сотни лет. Переплет рассыпался, обложка едва держалась на месте, часть страниц торчала наружу, выбиваясь из общей стопки. Помимо бумаги в ней было что-то еще. Книга плохо держалась в руке. Казалось, любое неосторожное движение могло обратить ее в пыль.

«Что это? Откуда?»

Подобных вещей я не хранила. «Вечер» Анны Ахматовой выглядело более жизнеспособным, чем эта книжонка. Я опустилась на постель и подняла на себя обложку. Под ней вырванный лист, вылетевший ко мне на колени, после еще один, такой же пустой, далее чудом уцелевшая, пожелтевшая, иссушенная временем страница с вписанными от руки инициалами в нижнем правом углу.

«М. С.»

Первые несколько страниц оказались пустыми. То, что следовал после них, отбрасывало напрочь предположение о том, что в руках лежала простая книга.

В маленькие темные уголки вставлены старые фотоснимки, некоторые из которых сохранились лишь отчасти. Дома, предметы интерьера, цветущий сад, пара щенков в старинном ажурном кресле... Постепенно на фотографиях стали появляться люди. Первым шел портрет три четверти. На нем молодая девушка с собранными в высокий пучок волосами, неподвижно глядящая за спину фотографа. На голове у нее темная лента, повязанная почти на макушке. Мочки ушей украшены жемчужными каплями. На высоком кружевном воротнике старинного платья красуется брошь камей. Далее эта девушка запечатлена на общих кадрах с семейной парой и тремя детьми. Снимки с детьми, снимки верхом на лошадях, фотография какого-то собрания в гостиной за круглым столом. Девушка была изображена практически на каждой карточке.

«Мария Сарагат» – прочла я на одной из страниц.

«Сегодня особенно чувствуется потребность прогуляться по нашему дивному саду. Воздух необыкновенно чист и свеж, словно весна пришла и в наши края. Даже болезнь отступила от меня. Дай Бог, я поправлюсь, и мой любимый заберет меня к морю.»

Боже, как давно я не видела море.»

Я перелистнула еще несколько страниц, наткнулась на вшитые в бумагу потрескавшиеся и крошившиеся листья ду-

ба, клена, пару полевых цветов... Здесь альбом выглядел особенно измученным. Влага скривила страницы и размазала чернила. Текст, вписанный в книгу от руки, был читаем лишь местами.

«Он не смог приехать ко мне. Наверное, я не увижу его до самой зимы. Дети постепенно покидают дом. Жаль, я не могу последовать за ними и покинуть виллу. На мне останется хозяйство и сад. Семья редко бывает дома. Наверно поэтому мне все невыносимее эти стены. Это не похоже на клетку. Скорее простор, в котором мне нет места.»

«Нашла сегодня на старом дворе. Конюх лишь пожал плечами. Бедная наковальня»

На этой странице едва держится фотография. Точнее то, что от нее осталось. Потерев пальцами пожелтевший картон, в надежде смахнуть пыль времени, я пригляделась к тому, что видела. Помещение практически не освещено, а предмет, который автор снимка жаждал запечатлеть, сливался с затененными стыками между стен и полом. Та самая наковальня, о которой писалось выше, разбиралась на фото едва ли. Я нашла ее только благодаря острому носу.

«Я вновь осталась одна. Уж лучше смерть, чем такая жизнь. Я схожу сума.»

Автор прекращает писать. Одна из страниц была абсолютно пустой, а после я наткнулась на весьма странную фотографию. Я долго не могла понять, на что смотрю. Лес, деревья, в десятке метров от фотографа, выглядывая из-за стволов, горят огнем несколько пар хищных глаз. На первом плане человек. Ноги. Тонкие, худые ноги, длинная светлая ткань подъюбника, женские туфли...

Когда я поняла, что вижу, руки сами собой захлопнули альбом.

Кому могло прийти в голову сфотографировать висельника?

В непонимании я сидела и тупо пялилась на закрытый альбом в руках. Как это часто бывает, от старых вещей так и веет загадкой и печалью, но эта книжонка производила неизгладимое впечатление. Что-то с ней было не так. Ужас, горечь, чувство утраты. Хозяин книги, как и люди на фото, мертвы не один десяток лет. Так странно теперь же держать в руках когда-то очень личный предмет.

Я потянулась к телефону, зарытому где-то в одеяле, и позвонила подруге.

- Привет, – выпалила я тут же, едва прекратились гудки.
- Привет, Вилл.
- Слушай, ты дома сейчас?
- Нет, только вышла с семинара. А что?
- Ты не видела вчера... – я вновь коснулась альбома, взяла

в руки и слегка покрутила, разглядывая со всех сторон, будто бы это помогло мне понять откуда он взялся. – Ты не видела, чтобы кто-то из ребят вчера трогал мою сумку?

– Нет... – протянула заторможено Ната. – Ее никто не трогал.

Мы с Натой уходили вместе, оставляя вещи либо Артуру, либо друзьям Аси.

– А что случилось, Вилл? У тебя что-то пропало?

– Нет, не пропало... Появилось.

– Что? – удивленно воскликнула девушка. – Тебе что-то подложили? Что ты нашла, Вилл?

– Да.

– Чтобы ты не нашла – не трогай!

– Нат, я нашла книгу. Очень странную. Вроде старого фотоальбома или личного дневника... Ей лет сто пятьдесят.

– И чем она тебя удивила? Может быть, ты положила ее к себе и забыла?

– Ты издеваешься? Я же не конченная идиотка. Если бы я хоть раз ее видела, я бы запомнила. Плюс ко всему, фотографии внутри...

– Что там? Хотя нет! Я сейчас приеду и посмотрю. Жди меня!

Ната отключилась.

Спустя несколько минут от нее пришло смс с вопросом.

«Нужно что-то купить домой?»

«Нет.»

Я отложила дневник на пол, а после ушла в ванную, мыть руки. У меня, кажется, был телефонный номер Аси. Нужно спросить у нее, не видела ли она кто мог подложить книгу.

На звонки девушка не отвечала. Она могла быть где угодно. В студии, на концерте, на улице, в душе, отключить звук и уснуть... Надеяться, что она ответит на звонок в ближайшее время, не приходилось. Если она не перезвонит мне через пару часов, я сделаю это сама.

Уже будучи в кухне, я достала из холодильника оставшиеся со вчерашнего утра куриные котлеты и положила контейнер с ними на столешницу. В шкафу я нашла пачку риса и высыпала ее в кастрюлю, залив водой и поставив на огонь. Пока готовился обед, я решила выпить кофе. Дорога домой у Наты займет не больше часа, поэтому я все-таки решила, что дождусь ее, и мы вместе сядем за стол. Время тянулось ужасно медленно, и чтобы не вернуться к странным образом появившейся книге, я принялась щелкать каналы в телевизоре.

Подруга постучалась в дверь, едва я успела разложить по тарелкам рис.

– Вкусно пахнет, – вдохнула она, разуваясь в коридоре. – Я очень голодная.

– Это хорошо. Сейчас пойдем есть.

– Отлично! – провыла девушка.

За обедом я не хотела ничего обсуждать. Пока Ната жадно стучала вилкой о тарелку, я периодически поглядывала

на нее, оценивая ее эмоциональное состояние и способность здраво мыслить, чтобы помочь мне разобраться с появлением загадочной вещицы.

– Вилл, – внезапно позвала меня девушка, не отрываясь от еды. – А у тебя самой, есть идеи, откуда могла она взяться?

– Ни одной. Ее кто-то подложил.

– Зачем?

Я пожала плечами.

– Пойдем, покажешь, – Ната запихнула в рот остатки риса и отодвинула пустую тарелку от себя.

Войдя в гостиную, мы обе усталились на брошенную на полу книгу. Подруга подошла ближе, села на постель и взяла альбом в руки.

– Очень старая. Такую даже не найдешь в библиотеках, – бормотала Ната.

– Очень старая

Рыжая внимательно пролистала все страницы, остановившись ровно на той, где были запечатлены ноги повешенной девушки. Мы обе переглянулись. Ничего не сказав, Ната перевернула страницу. Под этой фотографией не оказалось ни единой записи. Пара листков оставались абсолютно пусты. Далее снова шли фотографии каких-то людей и старой усадьбы.

– Надо поискать этот дом в интернете. Я думаю, что могли положить по ошибке, – рассуждала подруга, продолжая разглядывать содержимое книги. – Она однозначно очень

странная и местами пугает, но я все равно не уверена, что у этого есть какой-то потайной смысл. Просто странные фотографии. Особенно там, где у людей на фото плохо проявляются глаза. И повешенная. Кто мог...

– Что? – я перебила девушку и подошла ближе к ней. – В каком смысле плохо проявляются глаза?

– Ну вот, – Ната вернулась на пару страниц назад и указала пальцем на одну из фотографий. – Смотри.

На снимке уже знакомая мне по другим кадрам супружеская пара, только без детей, уютно расположившаяся среди цветущих кустов в саду. Довольно крупный план на лица при солнечном свете давал неплохое качество съемки, но как раз именно глаза плохо различались на белых лицах. Виден зрачок, а радужка словно обесцвечена и практически сливается с белком. Я перевела взгляд на другую фотографию, чуть выше, где та самая девушка сидела за столом с книгой в руках. У нее такого эффекта я не обнаружила

– Ты еще видела такие фотографии? – спросила я у Наты.

– Да, кажется, – она принялась листать страницы и в какой-то момент протянула мне альбом снова. – Здесь.

Это был снимок собрания людей за круглым столом в доме. Все они смотрели в кадр, позируя. Лишь у троих я нашла совершенно обычные глаза. Ни размытых границ радужки, ни белого свечения, ни дополнительных бликов. А в общей сложности на фото 11 человек, включая предположительную хозяйку дневника.

– Могу предположить, что это брак, – сказала Ната. – Поскольку у этих людей на других фотографиях все нормально с глазами.

– А повешенная?

– Ну да, это вообще мрак. Задний план видела? Какой зверь может так высокого забраться на дерево? Это может быть какая-то старая обработка фото? Как на тех, что делали на хэллоуин.

Я промолчала. Думала я далеко не о возможностях фотографии того века.

– Не знаю, что хуже в этих снимках, – продолжила Натали. – Человек, который запечатлевал нечто подобное, или его фантазия, если уж это поддельные кадры.

– Зачем мне ее подложили?!

– Надеюсь, она не проклята.

– Я тоже.

– А что за Мария Сарагат? – Ната вернулась к инициалам на первой странице и вопросительно уставилась на меня.

– Не знаю. Первый раз слышу это имя.

– Поищи в интернете. Я пока еще полистаю.

Я не верила, что смогу что-то найти на ее имя, но других полезных идей пока не поступало.

Как и ожидалось, поиск ничего не дал. Пока Ната молча листала альбом, разглядывая фотографии практически носом касаясь страниц, а я ушла в кухню.

– Вилл! – спустя какое-то время крикнула Ната из комна-

ты.

– Что?

Рыжая прибежала в кухню с книгой в одной руке и смятым листком бумаги в другой.

«Привет, извини, что делаю это молча. Не знаю, что могу тебе сказать. Меня попросила женщина с татуировкой на голове»

Смысл этих слов не доходил до меня ни с первого, ни со второго раза. Ната отдала мне листок, а сама села за стол, продолжив изучать книгу. Я вновь и вновь перечитывала послание, в попытках понять, о ком говорилось в нем.

«Это никуда не годится! Пока я не уеду отсюда, они не отстанут от меня. Даже Ася оказалась с ними. Они все пытаются свести меня сума!»

– Вилл! Что ты делаешь? Вилл!

«Я не хочу этого. Я ушла и оставила все позади. Это все в прошлом.»

– Вилл!

Мои руки оттолкнули к стене. Я подняла глаза от мусорного ведра перед собой и увидела Нату. Ее лицо покраснело, а потемневшие глаза буравили меня взглядом. Она яростно оттолкнула меня в сторону.

– Какого хрена ты творишь?

– Я хочу выбросить ее, – ответила я внезапно разъяренно.

– Нет. Такие вещи не выбрасывают. Это антиквариат! Если она тебе не нужна, ее заберу я.

Рыжая достала альбом из ведра и сжала его в руке.

– Не знаю, что у тебя в голове, но ты меня пугаешь, – сказала она и вышла из кухни вместе с книгой.

Я осталась одна. Мозг отказывался соображать, как такое могло произойти. Как у Грейс хватало сил и власти, оказываться так близко? Как она вторгалась в мою жизнь, но отсутствовала в ней физически?

От мысли о очередном заговоре стало тошно.

В моем телефоне не было пропущенных звонков. Ася не собиралась перезванивать, поэтому я набрала ей еще раз. Ответа не последовало.

«Позвони мне как освободишься. Очень нужно поговорить» – бессмысленный, полный отчаяния жест. Я нажала «отправить» и бросила телефон на стол.

Убрав остатки обеда и задвинув ведро в угол, я решила вернуться в гостиную. Моя подруга оставалась сидеть на матрасе, разглядывая содержимое дневника. Лишь сейчас я обратила внимание на ворох рассыпанных вокруг нее бумаг. Мне оставалось лишь верить и надеяться, что Ната не обращала на них внимания и не прочла хотя бы пару строк.

– Нашла что-нибудь? – обратилась я к ней, не спеша сгребая свою писанину в охапку.

– А что? Ты уже успокоилась?

– Не смейся.

Она не смеялась. Точно нет.

– Я много что нашла. Например годы. Не знаю, что они

обозначают, но помечены так, словно это годы жизни.

– Покажи.

– Смотри, – она открыла дневник на пустой странице. Я не сразу заметила наличие тонких линий грифельного карандаша. – Н.И. – 1618-1834, Р.Н. – 1783-1825, А.М. – 1715-1821, Н.С. – 1643-1840, Р.А. – 1570-1826...

Некоторые цифры были заменены звездочками. Автор текста либо не знал дат, либо скрывал их. Ната читала их вслух ровно, четко и спокойно.

– Это не могут быть даты жизни, – в конечно счете резюмировала она. – Люди столько не живут.

– Да.

«Нет.»

– Ты что думаешь? – спросила подруга у меня.

– Не знаю. Выглядит довольно странно. Что еще нашла?

Ната принялась листать страницы и остановилась почти у самого конца книги.

Далее она читала вслух.

– «Мне сказали, что так и должно быть, но я не знаю, чему верить. Никто так и не понял, что случилось, а я будто умерла на мгновение. Я думала, что это все сказки, что ничего подобного не может быть, но я ошибалась. Легенды не врут. Теперь я часть этого, хоть и не верю тому, что сделала. Это не могла сделать я. Не могла!»

Затем девушка пролистала дневник дальше и продолжила читать.

– «Роксана родила в полночь девочку. Мы все с замиранием сердца ждали ее появления на свет. Кем именно она станет никто не знал. Севастьян боялся брать ее на руки, настолько сильно любил. Девочка родилась крупной, здоровой, красивой, с добрым нравом. В доме практически не было слышно ее плача. После нескольких дней раздумий ей дали имя. Лиди. Она раскрылась на шестом году жизни. Дети во дворе стали задирать нашего поваренка, а тот в силу болезни, не смог их отогнать. Лиди заступилась за него, но не удержалась и ударила одного из мальчишек. Севастьян решил увезти семью, пока не утихнут беспорядки. После похорон семья погибшего мальчика тоже уехала в город, но Севастьян и Роксана так и не вернулись.»

Подруга перелистнула одну страницу и подняла книгу вверх, поворачивая ко мне содержимое.

«Мена»

Это слово занимало площадь двух листов, им был испи-сан каждый свободный сантиметр, оно заняло все свободное место, сделав страницы практически полностью темно-серыми. Его выводили быстро, импульсивно, словно в бреду. Я буквально видела своими глазами, как несчастная выводила в исступлении это слова. Она не могла быть счастливой. Все, что я узнала о ней из этого дневника, говорило о том, что ей было невыносимо.

–Ты знаешь, что значит это слово?

Я покачала головой.

– Это похоже на имя? – вновь задала вопрос Ната.

– Я не знаю.

– То, как это написано и с какой силой... Кажется, человек был не в ладах с собой.

– Да.

– Вилл? – протянула Натали в нетерпении. – Ну же! Скажи что-нибудь.

Я не могла.

Преследования не кончатся. Я всегда там, куда за мной приходят.

– Неужели у тебя совсем нет идей? – не унималась подруга.

Поднявшись с пола, я направилась в кухню. За привычным занятием мне становится спокойнее. Намыливая тарелки по второму кругу, я практически пришла в себя

В полнейшей прострации я просидела в одиночестве на старой табуретке у окна в кухне, пока рыжая не пришла по мою душу, спустя какое-то время.

– Ты опять? – раздался ее голос из-за моей спины. – Мне остаться или я могу идти?

– Как хочешь.

– Я хочу, чтобы ты ответила, Вилл.

Я перевела взгляд на подругу.

– Они не отстанут.

Глава 21. «Дориан»

«Я не пал, хоть полн уныный!

В этой за́клятой пустыне,

Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда

В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?»

Ворон: «Больше никогда!»»

(Эдгар Аллан По «Ворон»)

– Ты уверена?

– Да. Я давно приняла решение.

– Я могу попробовать тебя остановить?

– К сожалению, нет. Я хочу поменять сферу, и, возможно, уеду.

Женщина, сидевшая напротив меня на таком же высоком барном стуле, придвинула к себе лист бумаги и бегло осмотрела текст уже в который раз.

– Когда планируешь закончить рабочие смены? – спросила Алина.

– Этот месяц хочу полностью отработать. Я знаю, что вы сейчас занимаетесь набором персонала, поэтому будет легче.

– У тебя осталось... Раз, два, три... Шесть смен. Верно?

– Пять. Шестая приходится на мой выходной. Мы с Викторией поменялись, – ответила я ей.

– Ладно, Вилл. Я поняла тебя... Жаль, что приходится расставаться. Но я рада, что ты была здесь.

После рабочего дня, я вызвала такси, чтобы отвезти по-

друге коробочки с обещанными мной пирожными, не помяв их в дороге. О том, что я собираюсь к ней зайти, я не сказала, поэтому рассчитывала сделать что-то вроде сюрприза. На парковке у кофейни довольно скоро появился старенький вишневый пикап. Я набрала водителю такси, чтобы уточнить марку автомобиля, но оказалось, что он еще в пути.

– Я хочу домой. Быстрее! – заныла я в уже отключенный от звонка телефон и плюхнулась на один из пустых стульев у двери.

Проверка связи. Ната онлайн, значит, пока не спит.

«Жди меня.»

На сообщение она не ответила.

Таксист привез меня к дому и высадил почти у самого подъезда. Я поднялась к себе, вывела Никки на улицу, а после вернулась и переоделась. Собрав коробочки со сладостями в фирменные крафтовые пакеты, я спустилась к подруге и позвонила ей на телефон.

– Откроешь мне?

– Сейчас, – почти равнодушно ответила она.

Девушка стояла на пороге в квартиру, одетая в домашнюю пижаму, со скрещенными на груди руками в немом посыле: «Что тебе нужно?» Я приготовилась обороняться.

– Как обещала, – протягивая пакеты, сказала я.

– Я уже и забыла о них!

Дома у Натали никого не оказалось. Воздух был пропитан запахом жидкости для снятия лака и средствами по уходу за

телом. В гостиной работал телевизор. Рыжая прошла к столу, вытащила коробки из пакета и обратилась ко мне снова.

– Останешься у меня на ночь?

– Если приглашаешь, то могу.

– Хорошо. А то мне одной скучно. Мама опять уехала. Ее новый парень меня бесит. Сходишь за Никки?

– Да, сейчас.

Я поднялась на свой этаж, зашла в квартиру, чему питомица безумно обрадовалась, взяла с собой полотенце и майку, после повела Никки следом. Оказавшись в квартире Натальи, она сразу направилась на исследование кухни. Ей почему-то казалось, что в ее прерогативу входит обход чужой кухни и поиск еды.

– Что ты будешь: чай или кофе? – слышался голос Натальи.

– Ничего. Воду, – ответила я ей.

– Я не тебя спрашиваю, а Никки, – также кричала из кухни девушка, а после продолжила тише. – Эгоистка.

Нет, это нельзя так оставлять. Ее нужно проучить.

– Так и будешь злиться?

– Я всего лишь веду себя как ты, – с показательным равнодушием ответила рыжая.

С того дня как мы нашли дневник отношения не ладились. Она думала, что я скрываю от нее что-то. На самом же деле я просто сторонилась этой темы.

– Добавишь мне ликер? – с улыбкой спросила я.

Уже далеко за полночь мы с Натальей как-то незаметно и

плавно перешли к обсуждению странных и довольно непривычных для нас тем. Не могу сказать, что капля алкоголя в кофе могла этому способствовать, так как и большая доза не вызывала такого эффекта. Скорее мы с подругой попали на одну волну.

– Ты так изменилась, – сказала Натали.

– В чем именно?

– Во всем... Я иногда тебя не узнаю.

– В лучшую сторону или в худшую?

– А это разве важно? Я не могу сказать, стала ли ты лучше или наоборот.

– Все мы меняемся. Это нормально.

Подруга, погруженная в свои мысли, молча разглядывала мою ладонь, прорисовывая пальцем узоры, повторяющие шрамы от порезов.

– Ты грустишь, – проговорила я, наблюдая за лицом девушки.

– Иногда.

– И сейчас. Можешь сказать почему?

– Не знаю, Вилл, – Ната едва заметно нахмурилась. – Это все связано как-то с тем, что случилось зимой. Я переживаю.

– О чем?

– О том, что когда-нибудь мы будем порознь. О том что наше спасение лишь отсрочило то, что произойдет.

– Теперь я тебя не узнаю, – мой смешок не смог разбавить обстановку. Ната не отреагировала. – Обычно ты звучишь

более оптимистично.

– У тебя научилась.

– Мы все не вечны. И это не повод для грусти. Скорее наоборот.

– А сейчас?

Подруга подняла глаза и внимательно взгляделась в мое лицо.

– Что ты будешь делать сейчас, после увольнения?

– Ты боишься, что я уеду? – догадалась я.

– Нет, Вилл. Дело не в этом. Даже если бы ты решилась уехать, мы бы продолжили общаться. Мы ведь подруги. Я часто думала, что ты намеренно закрываешься, уходишь в себя, будто в твоём мире есть только ты и твои проблемы, и абсолютно нет меня, которая могла бы помочь. Это тоже эгоизм. Ведь я хочу помочь. Хотела всегда, но ты уходила. Каждый раз. Вновь и вновь... И мне кажется, что когда-нибудь... Ты уйдешь навсегда.

Я молчала. Переваривая сказанное подругой, я почти физически ощутила боль человека, который теряет близкого друга без видимой причины. Это действительно болезненно. Ты остаешься один, а помочь тебе не может никто, разве что этот человек, остановить которого не в твоей власти.

– Вилл, я знаю, что тебе тяжело. Ты оказалась в сложной ситуации, но сейчас все позади. Пожалуйста, не теряй себя. Ладно?

Слабая улыбка на моем лице привлекла внимание Наты.

Она удивленно подняла на меня глаза.

– Я, думаю, я еще даже не находила себя.

– Тем не менее. Не уходи в... Это. У тебя есть я, есть родители, есть люди из внешнего мира, которые могут с тобой поговорить и помочь. Главное – говори. Не молчи.

– Это часть меня. Ты знаешь, я не очень многословна, – договорить я не смогла.

– Нет, – резко прервала меня Ната. – Ты просто думаешь, что ты одна такая, что тебя никто не понимает, что все ниже тебя, что твои проблемы самые важные и самые «проблемные». Тебе нет дела до мнения других людей.

От меня скрывали правду всю жизнь. О реальной угрозе я узнала совсем недавно. Родители – живой пример. Это и есть проявление слепой, безумной, эгоистичной заботы? Что должно было произойти, чтобы я сама столкнулась с правдой лицом к лицу?

Сейчас Ната была на моем месте.

– Ты права, – сквозь сжатые до боли челюсти едва проговорила я.

Ната опустила голову, вернувшись к изучению моих рук, словно она могла что-то видеть в этих беспорядочных линиях. Жаль я не могла проникнуть в ее голову.

– Этот дневник передали люди, от которых я бежала. Это не просто люди. Я бы не хотела с ними встречаться. То, что кто-то из них оказался снова так близко, и смог повлиять на мою жизнь снова, меня пугает и дико раздражает. Я ушла,

оставив все позади, чтобы начать заново, но это все равно проникает в мою жизнь сквозь какие-то потайные щели. Поэтому я хочу уехать, хочу убрать из жизни неизвестных мне врагов и черт знает откуда взявшихся друзей.

– Ты чувствуешь их власть над собой? Поэтому так злишься?

– И это тоже... Я бы предпочла увидеть смерть своими глазами, чем постоянно прятаться и верить рассказам о том, какая она страшная.

– Почему тогда Джон, Дориан, Сэм, Мэри... Почему ты уехала?

Я не ответила. Не хотела и не могла.

Меня абсолютно не беспокоило, как я выгляжу в глазах подруги.

– Мне кажется, это важнее чем ты думаешь. Вилл, это часть твоей жизни и от нее не так просто отказаться.

Последними из кафе вышли сотрудники кухни и бармен. Я оставалась, чтобы свести кассу и отключить везде свет. Справившись с закрытием кассовой смены, я поспешила уйти в подсобку и переодеться. Завтра у меня выходной, поэтому мне не терпелось попасть домой и лечь спать как можно раньше. Вернувшись в зал, я отключила свет в баре, подсветку витрин, убрала оставшиеся стулья на столы и, забрав сумку со стойки, направилась к двери.

Едва в замочной скважине был совершен последний обо-

рот ключа, телефон в моей руке внезапно завибрировал.

– Да, – с целью дать понять собеседнику что у меня нет времени говорить, произнесла я сухо и коротко.

– Привет, Вилл.

Я приросла к месту, замерев с ключом в руке.

Первое что хотелось сделать – сбросить. Второе – задать вопрос.

«Зачем?»

– Я на работе. Что-то срочное?

«Ну конечно! Тебе стали бы звонить просто так?»

– Я знаю. Можем с тобой поговорить?

Разворачивая голову на сто восемьдесят градусов, я совершенно четко осознаю свою ошибку. Моя недалёковидность позволила оказаться в этой крайне невыигрышной ситуации. На парковке у входа стоял вишневый пикап, что я принимала за собственность одного из сотрудников соседнего супермаркета. Когда я увидела его первый раз? На прошлой неделе? Нет, он стоял здесь в день, когда курьер приехал за одним из заказов...

Гризли.

Голос Дориана казался чужим и незнакомым. Я словно слышала его первый раз в своей жизни.

– Можем, – зачем-то ответила я. В то мгновение мне казалось, что бежать от разговора будет признаком трусости.

Тяжелой поступью я направилась к стоявшей в гордом одиночестве машине на пустыре и, открыв дверь, села

внутри.

– Привет, – сорвалось у меня с губ. Я даже не могла повернуть голову в сторону Дориана.

– Привет, – проговорил он.

Тишина.

Никто из нас не решался продолжить разговор. Я слегка повернула голову влево, словно хотела проверить наличие людей на остановке в паре сотен метров от нас, и краем глаза зацепила темнеющее рядом со мной лицо парня, глядящего строго перед собой.

«Жуть.»

Он жутко изменился. Кажется, стал старше.

– Я отвезу тебя домой, если ты не против, – его рука возникла под рулем. Двигатель взревел подобно зверю, и пикап тронулся с места.

– Я с тобой никуда не поеду. Ты сказал «поговорить».

– Я хотел сказать «к тебе домой». Покажешь дорогу?

– Останови машину.

Мы встали у выезда. Дориан поднял руку к губам, оперся о свою дверь и отвернулся к окну. Время шло.

Сгустившаяся ночь опустилась на город. Очередной день подошел к концу. А сколько таких уже было позади?

– Есть ли какая-то причина? – спросила я у парня.

Он ответил после недолгих раздумий.

– Простое желание увидеться не подходит?

– Сомневаюсь, что это для нас с тобой.

– Я хотел поговорить с тобой, но только сейчас смог это сделать. Ты удивишься, но я случайно тебя здесь нашел.

– Не удивлюсь.

– Прости меня, Вилл.

На моем лице застыл немой вопрос, но на него никто не обращал внимание. Дориан выпрямился, опустил руки, сцепил их в замок и с шумным ударом опустил их себе на бедра.

– Я был груб, знаю. Я забываю, что не все согласны мириться с мом характером. В тот день... Я не должен был.

– Я знаю, что это из-за нее. Не извиняйся. Мне жаль, что так вышло... С тобой и Анной.

– Да.

– Северный парк.

Минуту спустя, мы выехали с парковки кафе.

– Как Сэм? Мэри?

Дориан слегка сощурился. Руки плотнее сжали руль. Остановившись на запрещающий сигнал светофора, парень подался вперед, опустив грудь на руль.

– Симона?

Зеленый свет. Пикап тронулся.

– Как ребята?

– Он пропал.

Потускневшая охра его глаз привлекла мое внимание. Веки полуопущены. Под ресницами заметны нездоровые подтеки.

– Почти сразу.

Дориан сбросил вес. Лицо осунулось, скулы, мышцы и жилки на челюсти бросали подвижные тени, под глазами синели впадины. Он не здоров.

– Слишком долго, – говорил он, а я не сводила глаз с этого чужого незнакомого мне лица в свете фар, проносащихся мимо встречных автомобилей. – У него это было в порядке вещей, но оставались звонки, сообщения... Сейчас этого нет. Его никто не видел с февраля. И ее тоже.

Он замолчал. Его имолетный взгляд к зеркалу заднего вида вынудил меня инстинктивно дернуться. Однако, за нами никого не было.

– Вряд ли ты знала. Вряд ли сможешь... Но я не могу больше.

– Дориан. Кто пропал?

Парень повернул голову. То, что читалось в его глазах, не нуждалось в словах, но, тем не менее, он произнес имя. Имя, которое я не хотела слышать.

Гризли качнуло в сторону. Маневр ему не по душе. Дориан вынужденно вдавил педаль тормоза в пол, даже не пытаясь меня остановить. Моя рука на ручке двери ясно дала ему понять, что я намереваюсь сделать. Мы резко остановились на обочине дороги. Оказавшись на воздухе, я съежилась как погибающее насекомое и склонилась над отбойником. Пустой желудок тщетно пытался выдавить из себя хоть что-то, но у него ничего не выходило.

Мир вокруг обратился в ничто. Я проиграла. Этой мгле,

этим редким вспышкам света, этим призракам... Самое страшное – я не хочу бороться.

У меня в детстве была игрушка. Белый полтораметровый медведь. Я не помнила, откуда он и кто его подарил, но помнила первый раз, когда его увидела. Он возник в толпе людей в аэропорту, после нашего рейса. Мама говорила, что это кто-то из родственников, но она не помнит кто. На каждый мой день рождения в доме появлялся букет цветов. То же от «кого-то». Сначала это были небольшие персиковые розы, после крупнее, розовые, а уже когда я стала старше, их сменили лилии. В год окончания школы, одним ноябрьским утром, нам позвонили в дверь. У порога была оставлена небольшая голубая коробочка, внутри которой дрожал и кружился щенок. Это очередной подарок от «кого-то».

«Кто-то.»

Призрак, шедший следом.

Джон появился в моей жизни случайно, без моего ведома и моего согласия, остался в ней и стал важнейшей ее частью. Кто я теперь без него?

Я осталась стоять посреди ничего, распростертого во все стороны, вдаль от меня. Ни света, ни звука, ни запаха, ни ощущения времени, ни судорожных потоков несвязных мыслей. Пустота и только. И среди тьмы я увидела его. Сначала кисть руки – она возникла перед моими глазами в непосредственной близости. Я успела рассмотреть ее в мельчайших подробностях. Рука двигалась, опускалась вниз, плавно

перетекла в предплечье. На почти прозрачной, иссиня-белой коже проступали широкие темные вены. Подвижный рельеф мышц бросал тонкие плавные тени. Меня всецело влекло к себе то, что я видела. Мраморная статуя подошла ближе, остановилась возле меня и замерла в оцепенении. Подняв руку к ее груди, протянув к ней пальцы, в жалкой попытке коснуться обнаженной кожи мужчины я сделала шаг вперед.

Тьма похитила его. Выкрала из моих рук, забрала его у меня вновь, завещав лишь помнить его.

И кто же виноват? Тьма, что забрала его? Или я, позволившая это сделать?

«Где ты?»

Раскидистые ветви, кроны дубов, острые пики елей, бескрайнее синее небо над головой, порывистый ветер... В этой пустоте нет Джона.

«Где ты?»

Холодные серые стены высоток, гудящие трассы, подвижные толпы... В этой пустоте нет Джона.

«Где ты?»

Его комната, его машина, его кольцо в моей руке, его давно остывшее, повисшее на спинке кресла пальто... В этой пустоте нет Джона.

«Где ты?»

На дне погрязшего в ядовитых осадках моря, в видениях,

в заношенных до дыр воспоминаниях...

Неужели это все, что мне теперь осталось?

«Где ты, Джон? Где ты...»

Глава 22. «Верни меня»

«Говорят, люди живут в наших мыслях. Если ты со мной даже так – я счастлива.»

(Ричард Матесон «Куда приводят мечты»)

– Я сейчас.

Захлопнув дверь машины, я направилась к подъезду. Я взяла ключ и открыла дверь квартиры. Я прошла в комнату, бросила в сумку зарядку для телефона, какую-то одежду и ворох вещей на полу. Я вошла внутрь, взяла поводок, нацепила его на ошейник Никки. Я вышла на улицу и вернулась в пикап.

Происходящее было вне моей реальности. Я двигалась на автомате.

Сидевший за рулем Дориан не говорил ни слова. Вряд ли его настораживал мой вид. Он оставался в стороне, как и я, забыв о чувствах и эмоциях. Их не было.

В доме темнота. Свет не горит ни в одной из комнат. Не помню, как мы оказались внутри, но помню, как пикап Дориана заезжал на подземную парковку.

«Как же здесь холодно»

– Что там?

– Ничего.

– Это машина?

– Не нужно, Вилл.

Под синей плотной синтетикой, отчетливо виднелись острые углы и края чего-то бесформенного и искривленного. Колесо, торчавшее в сторону, повисло над полом и уже явно не могло служить по назначению.

– Идем, – повторно произнес Дориан.

Мы вышли в котельную, поднялись наверх, включили свет в коридоре, в гостиной, в кухне, над лестницей.

Никогда не видела этот дом таким пустым и безжизненным. Здесь пахло лесом и холодными стенами. Ни Сэма, ни Мэри, ни Алекса, ни Эйнджел...

– Ты в порядке?

Я молчала. Взгляд Дориана спустился к моим губам. Кажется, они застыли в улыбке.

– У тебя глаза черные, – проговорила я и протянула руки вперед.

Парень неуверенно попятился назад. В кармане его штанов отчетливо проглядывалась коробка сигарет. Я жестом указала на нее.

– Это потому, что ты болен? Или тебе плохо? – чиркнув зажигалкой, продолжила я.

– В доме не курим.

– Да.

Я прошла в кухню и остановилась напротив окна, упершись в свое отражение.

– Как давно ты ничего не знаешь о Диане?

– Она приезжала на похороны Грейс, – ответил парень.

– Что?

– Грейс умерла в начале марта.

– Ты говорил с Дианой? Кто-то из вас был там?

– Сэм и Мэри. Тогда никто не думал, что она может быть причастна.

– А сейчас?

Стоявший позади меня парень прошел к окну и поравнялся со мной.

– По своей воле, он бы не ушел.

– У них ведь что-то было, ведь так? – я перевела взгляд на собеседника. Он ответил не сразу.

– Прошло много лет. Это сейчас не важно. Если он с ней, то ему нужна помощь.

– Что мы можем сделать? Как можно его найти?

– Везде, где она когда-то обитала – пусто. Симона до сих пор в поисках. Без Грейс это практически нереально.

– А вы хоть что-то можете без этой ясновидящей?

– Не говори так. Если бы не ее смерть, Диана бы в два счета и за тобой явилась.

– Уж лучше бы так.

У нее было время. Пара недель точно. Она могла прийти. Что ее отвлекло?

– Вилл, у меня не было выбора. Я должен был сказать тебе.

– Хорошо, что ты так быстро опомнился.

– Ты ненавидишь меня?

– Нет.

Он молчал. Лишь спустя какое-то время его отражение возникло рядом со мной.

– В доме не курим.

– А то что? Мэри же здесь нет.

– Все равно. Я, кстати, удивлен.

– Да, я тоже.

– Ты точно в порядке?

– Дориан. Я похожа на человека, который в порядке?

Сэм и Мэри уехали в город едва растаял снег. Алекс и Эйнджел продолжили свою работу и также уехали из дома. Где сейчас находилась Симона, он не знал. Со дня исчезновения Джона она не прекращала работу с поисками. В свою очередь Дориан опустил руки месяц назад, не находя следов ни Джона, ни Дианы. Догадка что он сейчас был с ней, не имела под собой никаких оснований, кроме одного и весьма внушительного – оба исчезли одновременно. Это отчасти являлось подтверждением того, что Джон мог быть замешан в скверных делах Дианы, но что-то во мне противилось этой идее. Он не мог быть таким, как она.

– Что произошло в тот день?

Дориан молчал напротив меня уже больше часа, не позволяя ничему из внешнего мира отвлечь себя.

– Я слышал, что тебе звонили. И знал зачем, – руки парня

с грохотом опустились на каменный стол. – Нам оставалось наблюдать за тем, какое решение ты примешь. Тебя никто не хотел сажать в клетку, и никто не хотел тебе зла, однако твой побег – вскрыл этот нарыв. Джон, само собой, хотел тебя вернуть. Он знал, что ему придется убить Диану и ее соратников, но также он знал, что нарвется на Сэма. Джон хотел увезти тебя. В тот день, когда ты уехала, он принял очень важное решение... Грейс было видение. Она думала, Джон убьет тебя, но дело в другом. Он мог все исправить... Ее смерть ослепила нас всех, но она же и спасла тебя.

– А что за решение принял Джон?

– Он не сказал, но мы с ним не раз обсуждали кое-что. Он хотел обратить тебя, даже несмотря на то, что ты Мена и это могло привести к коллапсу.

– Мена? Обратить?

– Да. Мена – что-то вроде вожака в стае. Обратить – имеется ввиду – сделать тебя такой же, как мы.

Стены кухни сузились и грозились раздавить меня. Далее я говорила с закрытыми глазами, будто не о себе, будто о ком-то другом.

– Он бы не стал, – произнесла я.

– Не стал. Вплоть до прямой угрозы тебе, – Дориан умолк, оценивая мое состояние, и продолжил лишь тогда, когда я подняла голову и посмотрела ему в глаза. – Он поехал за тобой. Думаю, это и было ошибкой. Я жалею, что не двинулся следом.

– Он не вернулся.

– Нет.

Ошибка.

Ошибка – поехать следом за мной. Ошибка – не принять решения раньше. Ошибка – не избавиться от Ди сразу.

Ошибка – уехать.

– Мы нашли его машину через пару часов.

– Пустую? – поражено выпалила я.

Дориан кивнул.

– Это она внизу? – спросила я.

– Да.

Я развернулась к лестнице.

Мы вернулись в гараж. Дориан собственноручно снял чехол с искореженного автомобиля. Когда-то и его пикап стоял здесь после аварии, однако его восстановить удалось. То, что осталось от черной Мазды мало походило на автомобиль. При виде подобных вещей, начинаешь верить в то, что ты простой смертный и убить тебя никакая не проблема.

Дверь водителя смята, стоит в стороне. Задняя часть салона кажется целее, чем передняя, где фактически ничего не осталось. В куче стекла, металла и разорванной ткани сидений я нахожу то, что похоже на руль. От этого зрелища становится не по себе.

Он бы не выжил. Руль и сидение в пугающей близости друг к другу, приборная панель угрожающе выдается вглубь салона, осколки стекла, пластика и проводка повсюду, куда

ни посмотри. Сидения пассажиров сзади завалены бумагами, там же лежит какой-то пакет.

– Вилл, осторожно, ты поранишься.

В пакете лежала какая-то ткань. Приглядевшись, я поняла, что это хлопковая рубашка. По салону разбросаны наверняка когда-то важные документы. Сейчас это все было не более чем мусором. Среди стекла, пластика, бумаг не находилось ничего важного и стоящего. Я отошла от машины и оценивающе осмотрела место водителя.

– Он бы не выжил, – пробормотала я, так тихо, что кто-то рядом едва бы разобрал хоть слово.

– Нет. Если у него хватило сил выбраться, значит, он был жив.

– Почему ты думаешь, что он находился внутри?

– Запах. Следы крови на руле.

– Он мог умереть после этого?

– Нет.

– Вы бессмертные?

– Не совсем, – ответил Дориан.

– Я вытаскивала пули из его спины. Раны затянулись почти сразу.

– И? Ты думаешь, авария могла его убить?

– Не знаю. Я просто не знаю, что думать...

– Может, выпьем?

Я покосилась в сторону парня. Он серьезно?

– Ты куда? – последовало мне вслед.

– Кое-что проверю.

Найдя руль в совершенно неправильном и странном положении, я коснулась его пальцами и провела по резине.

«Здесь были его руки. Он был здесь.»

Саднящая, ноющая, неотступная боль пронизала мою грудь насквозь. Физическое ощущение пустоты и потери вот-вот могло убить. Смерть проникла в мое тело, но не намеревалась забрать с собой. Она здесь будто гостя.

На моих щеках проступили слезы.

– Идем, Вилл.

Я часто заморгала, пытаясь разглядеть что-то еще. Что-то важное, что могло быть здесь.

Сидение водителя показалось мне неестественно холодным. Я сжала огрубевшую жесткую ткань и бросила торопливый взгляд на осыпавшееся зеркало заднего вида, упавшее к рычагу коробки. Осколки были всюду. Ни в одном из них, я не нашла своего лица. Только темный салон и блики света ламп.

Один. В салоне оглушительно заревел двигатель.

Два. Вспышками света, подобно варварам, стали врываться в салон отблески фар, проносащихся мимо машин.

Три. Руки на «десять» и на «два» часа. Я сжимаю руль, от чего кости и вены выступают под кожей.

Четыре. Взгляд сместился к зеркалу заднего вида. Ведьма подается вперед, прикрывает глаза, вытягивает вперед кост-

лявые руки и обвивает мои плечи.

Пять. Шелест ее дыхания и ее голос касаются моего уха. «Она оставила тебя...» – шепчет нечто рядом.

Шесть. Я закрываю глаза. Я хочу избавиться от этого кошмара.

Семь. «Она оставила тебя, как я и говорила. Ты один. Снова один. Джон...»

Восемь. Мои руки выворачивают руль влево. Столб света перед глазами рванул вперед и толчком поглотил меня в себе, избавив от наваждения. Оглушительный гудок и мощнейший удар вернули время вспять. За скрежетом металла и визгом клаксона не слышно более этого ядовитого голоса. Все позади. Я спасена.

– Вилл?

Руки парня сжали мои плечи. Я подняла глаза и встретила с шокированным взглядом Дориана. Меня била дрожь, над которой я пока не могла одержать победу.

– Что с тобой?

– Я видела его.

На осознание ему необходимо время. Парень отпрянул, не веря тому, что услышал, и опустил голову слегка на бок.

– Кого?

– Джона. Его и Диану. Это из-за нее он попал в аварию. Она была в машине, и он хотел... Он...

– Иллюзия? – проговорил Дориан.

– Возможно.

– Он с ней.

– Надеюсь, нет, – шепотом произнесла я.

– Нужно найти их обоих.

– Есть идеи?

Ему не нужно было отвечать. В его растерянном взгляде и иступленной злобе читалась неопределенность.

Я поднялась на второй этаж и подошла к двери в свою комнату. Дориан остался внизу. Спать он не мог.

Мою комнату изменили до неузнаваемости. Сиреневые обои, высокая кровать напротив двери, светлая мебель... Этого всего здесь не было. У окна стоял раскладной диван и пара кресел. Стены заклеены яркими бирюзовыми обоями. В центре комнаты оказались прикрытые полиэтиленом сложенные стулья и мой старый туалетный столик. Теперь здесь нет спальни. Комната больше походила на запустелый склад. Я закрыла дверь снаружи и оглядела коридор. Все двери заперты, чего никогда прежде я не видела.

Комната Джона осталась такой же, какой я запомнила в то утро. Приземистая большая кровать, темные стены, панорамное окно, гирлянда в углу... Будто хозяина здесь нет несколько часов. Будто все здесь до сих пор ждет его возвращения.

Черное одеяло слегка отодвинуто в сторону. Постель в серых тонах. Я сняла с себя одежду и заползла в холодную ткань. Подушка под головой еще хранила приятный свежий

аромат. Кажется, отдает хвоей, пряностями, мятой и едва заметно слышатся нотки чего-то сладкого, как шоколад или карамель. Я уткнулась лицом в одеяло и закрыла глаза.

Он словно был рядом.

От резкого шума я распахнула глаза. За окном еще темно. Откуда-то из коридора раздается неприятный звук.

«Телефон»

Выпрыгивая из кровати, задевая лежащую на полу Никки, я выбегаю в коридор. Телефон лежал на ступенях лестницы, где я оставила его вчера, прежде чем спуститься в гараж.

– Какого черта?!

– Ната я...

– Где ты?

– Я с Дорианом.

Это сон. Я сплю. Не успеваю думать и говорю, как есть.

– Ты с кем? – голос Натали звучал словно с того света.

– Я... Кое-что произошло. Мне пришлось вернуться. Натали, я перезвоню тебе позже.

Уж не знаю, что слышала девушка, но к моему удивлению, вопросов она не задала. Сейчас поздняя ночь, она не спала, ожидая меня, ожидая что я отвечу на сообщения, на звонки. Возможно, она просто устала и скандал ждет меня утром.

– С тобой все нормально?

– Да.

– Что случилось?

– Я расскажу тебе утром. Пока не знаю.

– Я приеду, если буду нужна, Вилл.

– Да, я знаю... Я позвоню тебе завтра.

Больше я не спала. Как не пыталась, сон не возвращался.

Одевшись, я вышла в коридор.

Дориан сидел в гостиной, на одном из кресел, теперь же придвинутых к выходу на террасу. Двери настежь распахнуты, полупрозрачная тюль вырывается наружу, касаясь перил, в центре стоит одинокое кресло из ротанга. Я прошла ближе и остановилась на пороге. Ветер, холодный и свежий взметнул мои волосы и унесся прочь, в сторону леса.

– Грейс отдала Асе дневник. Ты знал?

– Что за дневник?

– Марии. Дневник Мены, про которую вы все твердили.

– Что? – он оживился. Траур исчез с его лица. – Он у тебя?

– Да. Я читала его.

Выйдя за порог, я прошла на улицу и остановилась у края террасы.

– И?

– Что я должна сделать?

Глава 23. «Предатель»

За столом, в противоположной от меня стороне, по обыкновению ссутуленный, с вечно помятым видом, угрюмой тучей сидел Дориан. Он говорил по телефону. С самого утра он названивал Сэму, но тот не отвечал по неизвестной нам при-

чине. После него, Дориан решил позвонить Алексу, чтобы выяснить мог ли тот приехать на помощь. Поисковая операция возобновилась. Она же в перспективе становилась спасательной. Цель – Джон. Диана – приятный бонус.

Как оказалось, Алекс сейчас находился в городе, по работе, и мог спокойно приехать домой, что и решил сделать в тот же день. После разговора с ним, Дориан набрал Симоне. Та не отвечала.

– Давно ты с ней говорил? – обратилась я к Дориану, нарушив часовое молчание между нами.

– Пару недель назад, – прозвучал ответ.

Он не бросал попыток дозвониться до Сэма и Симоны почти до самого вечера. Причины, по которым они могли не отвечать на звонки Дориана были мне неизвестны. Вряд ли они оба делали это намеренно, и не хотели говорить с ним, но почему-то мысль о том, что кто-то мог хотеть закрыться от проблем и отказаться от их решения, вновь и вновь предательски врывается в мое сознание. Хуже нее, как оказалось, мысль о том, что с ними всеми могло что-то произойти.

– Позвони Мэри, – внезапно для самой себя, бросила я за столом.

– Нет, – ответил он. – Ей лучше не звонить.

Секунду я пребывала в замешательстве.

– Почему?

– Не стоит, – Дориан отложил телефон на стол и поднял голову. – Она сейчас не в состоянии нам помогать и решать

что-то. И даже если Сэм примет решение остаться с ней и не приедет, я это пойму.

– Что это значит? Мэри заболела?

– Нет, но ей лучше не участвовать во всем этом.

– А он? Почему он ничего не делает?

Дориан вышел на улицу, остановился на подъездной аллее и закурил. В какой-то момент его телефон вновь оказался прижатым к уху. Ему кто-то позвонил.

В холодильнике шаром покати. Нет, ровным счетом, ничего. Банка запечатанной ореховой пасты, томатный соус, коробка яиц и бутылка вина. Я покосилась на морозильную камеру. Стану ли я что-то готовить?

Спустя какое-то время Дориан вернулся. При виде него я вздрогнула. Я и забыла о том, какие они быстрые и как бесшумно передвигались иногда

– Звонил Сэм, – сказал парень, заведя мой вопрошающий взгляд на себе. – Они не смогут приехать.

– А что с Симоной?

– Думаю, она перезвонит, когда увидит сотню пропущенных.

Логично.

Дориан ушел. Заперев дверь в дом, он молча спустился вниз, направляясь, как я полагала, в гараж. Время неспеша клонилось к вечеру. Практически в полном одиночестве я бродила по пустующим комнатам дома, разглядывала пейзажи за окнами каждой спальни, забралась на чердак, где обо-

рудовали рабочий кабинет и поставили еще несколько компьютеров. Ближе к сумеркам со стороны подвальной лестницы раздался грохот металлической двери. Дориан, вспотевший и покрасневшийся, вышел из-за двери, ведущей на подземные этажи, прошел в ванну и заперся там. Откуда он мог брать силы на тренировки, если не ел и не спал, а само его тело того и гляди рассыпалось бы, подобно иссушенному дереву?

В спальне Мэри я нашла забытую мной монографию. Прихватив ее с собой, я спустилась вниз и села в одно из кресел в гостиной. Вошедший через какое-то время Дориан сделал вид, что меня здесь не было.

– Ты плохо выглядишь, – не поднимая глаз от книги произнесла я.

– Знаю.

– Объяснишь?

Болезненно худой, медлительный, подавленный. С настолько прозрачной кожей на лице, что казалось, я видела его зубы. Пустой взгляд не моргающих глаз редко поднимается выше уровня пола.

– Все наладится, когда мы найдем его.

– Это не ответ, Дориан.

– Я не могу быть в порядке.

– Дело только в этом?

Дориан сделал вид, что нахмурился. В действительности его лицо просто опустилось вниз, как воск на свече.

– Мы слабеем без семьи. И без Меня. Я не могу вырваться из своего тела.

– Как это понимать?

– Я заперт. В этом доме, в этом теле. Без возможности что-либо сделать.

– Что значит «заперт в теле»?

– Увидишь.

Он поднял голову и обессиленно повалился на спинку кресла.

Я услышала, как завибрировал его телефон на столе в кухне. Секундному покою Дориана пришел конец.

Тишина.

– Где вы? – услышала я его встревоженный голос. – Я сейчас буду.

Отключив звук, я поднялась с места и вышла в коридор. Дориан уже стоял у двери. Теперь уже он не кажется мне медлительным.

– Кто звонил? – спросила я его.

– Закройся изнутри. По моему сигналу нажмешь эту кнопку, спустишься на минус второй этаж и запрешь каждую дверь, позади себя. Поняла?

Он вложил мне в руку небольшой пульт с металлической круглой вставкой посередине и исчез за дверью.

Ничто во мне не противилось этому решению. Я знала – что-то произошло. Закрыв дверь, я включила охрану, подающую пронзительный сигнал в случае пересечения периметра

вокруг дома, отключила свет во всех комнатах, а сама села на ступенях лестницы на второй этаж, уставившись в пустоту перед собой. Сидевшая рядом со мной Никки заснула, тихонько засопев, а я не могла расслабиться ни на мгновение. С кем говорил Дориан и что он услышал – единственное, что меня сейчас волновало.

Мог ли позвонить Джон? Вдруг он каким-то образом узнал, что я вернулась, и решил приехать?

Страх, теснившийся вместе с крохотной надеждой в моей груди, вызывал во всем теле слабую дрожь. Я смотрела на закрытую металлическую дверь и ждала. Мой слух, мое зрение, мое чутье... Все было обращено на то, чтобы зацепить хоть малейшие изменения в мире за стенами дома. В таком состоянии я просидела, казалось, совсем недолго. Зазвонивший в руке телефон изрядно меня напугал, но я стойко сдержала свой порыв вскрикнуть и отбросить его в сторону. Нажав на кнопку ответа, я прислонилась к динамику.

– Снимай охрану, – все, что сказал мне Дориан, а после дал отбой.

Я ввела нужную команду и обратилась вслух. Из двери, ведущей в кухню, проник косо́й луч света фар приближающейся к дому машины. Сигнализация не сработала, значит все хорошо. Я поднялась на ноги и направилась в сторону кухни, откуда смогла бы увидеть гостей. Машина на подъездной аллее мне не знакома. Кто мог быть вместе с Дорианом?

Догадка, возникшая в одно мгновение из ниоткуда, едва

не сшибла с ног. Я попятилась назад, поняв какую ошибку совершила.

Что если это иллюзия?

«Черт!»

Двери машины открылись. За рулем оказался Александр. Со стороны пассажира вышел Дориан. При виде этих двоих, я едва не запрыгала на месте. Один из парней наклонился в салон. Я поспешила в холл. Открыв входную дверь, я застыла на месте. Двое парней, поднимающиеся на крыльцо, тащили на себе третьего человека. В сумраке не было возможности разглядеть лица или даже одежду, но сомнений нет – это женщина.

Первая, о ком я подумала, это Мэри. Что с ней могло произойти?

– Закрой дверь и включи охрану снова, – скомандовал Дориан, входя в дом.

Я повиновалась.

Парни с шумом вошли в гостиную. Далее следовал грохот и удар о древесину. Они обменялись несвязными ругательствами и умолкли, когда я едва перешагнула порог комнаты.

– Тебе лучше не входить сюда.

За долю секунды Дориан преодолел расстояние от центра гостиной до двери и возник перед моим носом.

– Кто там? – выпалила я, указывая куда-то, поверх его плеча.

– Вилл, пожалуйста... – взмолился он и его шепот оглу-

шил меня.

Он на пределе. Я ничтожна по сравнению с ними. Здесь я не помощник.

Я сделала шаг назад, позволив закрыть двери передо мной.

– Я буду здесь, – слетело с моих губ так тихо, что я едва слышала себя.

Ближе к полуночи, как и обещал, Дориан вошел в кухню, где в полудреме сидела я, все еще держа в руке пульт от охранной системы дома. Ощувив его появление рядом, я отлепила щеку от каменной поверхности стола и уставилась на парня с немим вопросом. Уставший, измученный и обессиленный. Он потянулся к пульту в моей руке и сел рядом на стул.

– Кто это? – шепотом спросила я.

– Симона, – как гром среди ясного неба прозвучало в ответ.

Я опешила. О том, что это могла быть она, я даже и не думала.

– Что с ней?

– Она... Попала в аварию, – ложь слышалась в каждом слове Дориана. Я открыла рот, чтобы возразить, но парень продолжил. – Алекс нашел ее байк, а потом ее.

Кровь мгновенно отлила от головы. Я вытаращила глаза на парня, не в состоянии понять то, что он только что произнес.

– На нее напали? – я повысила голос. – Кто?

Он молчал. Вены на его висках увеличились, а тень, отбрасывая ими на бледную кожу, стала темнее обычного. Парень словно умирал на глазах.

– Дориан, кто?

Симона была сильной. С ней проводили тренировки почти все члены семьи. Она производила впечатление титана и казалась непобедимой. Я отказывалась верить в то, что такие как она, могли быть поверженными, но та картина, которая предстала у меня перед глазами стала более чем реалистичной.

– Дориан?

Он отодвинулся от меня, выпрямил спину и отвел глаза в сторону окна.

– Это Джон.

Снам без сновидений я печалилась лишь в детстве. Я знала, что, засыпая, с наибольшей долей вероятности окажусь в каком-то волшебном фантастическом мире. Однако сейчас, когда все волшебство сошло на нет, а на его место пришли ужасы и кошмары, не видеть во сне ничего – прекрасный подарок себе самой. Поэтому, когда я оказалась в бессознательном, увидев вокруг себя незнакомый интерьер и незнакомые вещи, первым делом я напряглась и приготовилась к борьбе, к нападению и к ужасу, который мог меня здесь застать.

Я стояла в небольшом помещении, похожем на прихожую. Света здесь не было, но очертания стен и дверей виднелись вполне ясно. До меня стали доноситься странные звуки, природу которых я определила далеко не сразу.

Одна из дверей перед моим лицом слегка приоткрыта. Я знала, что смотреть туда не нужно. Знала, что там увижу. Знала, что это будет роковой ошибкой.

Но этот сон мне не принадлежал. Спорить возможности у меня нет.

Подобно танцующей змее, под неслышимую музыку, седовласая ведьма двигалась из стороны в сторону. Ее голос сотнями лезвий пронесся в моем сознании. В кроваво-красной комнате, над кроватью – тонкая ситцевая ткань, натянутая под потолком и спускающаяся вниз. Паралич не давал мне двинуться с места. Я просто стояла и смотрела, как Диана отнимала все, что у меня было, все то, что я так хотела сберечь. Я не видела лица перед ней, не слышала его голоса, но совершенно ясно, как наяву, осознавала, кто именно там лежал.

Симона осталась на столе, под тонкой белой простыней, без сознания и без признаков улучшения состояния. Короткие выцветшие волосы, беспорядочно рассыпавшиеся по лбу, я убрала своей рукой, едва касаясь кожи. Ее лицо опухло и посинело. Раны на вспоротых бровях покрылись коркой, но не заросли. Скулы и нос были покрыты тяжелыми гема-

томами. Нижняя губа заметно выпирала вперед, а в том месте, где была ссадина, неподвижно застыли капли крови. Я приподняла край простыни и осмотрела тело девушки. Оно пострадало не меньше, чем лицо. На левом боку красовалась огромная, словно прочесанная асфальтом, рана, занимающая всю площадь от ребер до тазовых костей. Бедро, колени, живот и грудь... Все тело покрывали раны и синяки. Ее будто хотели убить. Это не просто драка или избиение. Это желание убить человека.

Вошедший в гостиную Алекс не сразу подал сигнал о своем присутствии. Он молча прошел к столу, остановился позади меня и осмотрел Симону.

– Где ты ее нашел? – спросила я у него.

Мужчина отнял у меня край хлопковой ткани и вернул его на шею Симоны пятна от пальцев.

– На въезде в город. Дорога к старому аэропорту.

– Она была одна?

– Да. Они ушли незадолго до того, как я услышал ее.

– Они?

Взгляд Алекса, тяжелый, острый, словно пара наточенных клинков, вонзился в меня. Он не хотел со мной говорить, но понимал, что выбора нет.

– Я не знаю, что с ним, Вилл, но я уверен... Он бы не стал это делать.

– Он с Дианой?

Он кивнул.

– Кто еще?

– Еще пара людей. Я их не знаю, Вилл... Это не он. Он не мог.

– Откуда такая уверенность?

– Вилл, уверяю тебя. То, что произошло... Это не могло быть его виной.

– Хватит. Алекс, нет смысла об этом сейчас говорить.

– Что ты предлагаешь?

– Нужно с ней что-то делать, – я указала на лежащую перед нами Симону. – Она поправится?

– Ее нужно привести в чувство. Нужно, чтобы она попыталась нас услышать. Иначе это затянется.

– Сейчас она как человек, верно?

– Процесс восстановления идет очень медленно. Даже медленнее, чем у человека. Думаю, это связано с тем, что она не... – Алекс вытянул руку вперед и прижал пальцы к шее девушки. – Она ослаблена.

– Она заперта в теле?

За пеленой удивления, я видела ответ.

– Как привести ее в чувство?

– Мы можем лишь ждать, что она рано или поздно придет в себя.

– Решение за тобой, Вилл, – послышался голос Дориана со стороны двери.

Я медленно повернула к нему голову.

Они оба смотрели на меня и ждали ответа. Спокойные,

смиранные. В жизни не видела этих двоих такими.

– Ее нужно привести в чувство, – я знала, что Симона могла остаться в таком положении на дни и недели. Также, я знала, что Ди знает о том, что мы нашли ее. А значит, она идет сюда. Оставить Симону в таком состоянии означало добровольно отдать ее на смерть.

– Обращенные – те, кто умер или мог умереть. Рожденные – вроде Сэма. Обратить, значит сделать другим. Только и всего.

Ветер вновь поднял мои волосы и взметнул их вверх. Я осмотрела покрытую сумраком аллею и замерла.

Здесь так пусто.

– Мария принимала в семью и рожденных, и обращенных. В ее время это называлось «усмирить». Подчинить, успокоить, сделать покорным. Мы же говорим о «связи». Мена связывает членов стаи между собой. Ей дается власть над ними. Причина, по которой это стали делать – «усмирение». Это слово подходит больше всего.

Дориан не спешил говорить. Сделав паузу, выждав, когда снова повернусь к нему, он продолжил с той же холодностью и равнодушием.

– Усмирить подобных нам – стремление любого народа, любого времени. Подобные нам всегда являлись ценностью для правителей. Но лишь тогда, когда те имели контроль. Люди любят давать смешные имена сложным понятиям, о

которых ни черта не знают. Мы вдруг стали демонами. Затем призраками, оборотнями. Мены стали ведьмами. От нас пытались избавиться. Жгли, топили, разрывали на части, пытались поработить без помощи Мен...

– Зачем вам сейчас Мена? Почему вам не остаться... свободными?

Собеседник поднялся со своего места и направился в мою сторону. Облокотившись о перила, он осмотрел лес вокруг дома и остановился на невидимой точке где-то на горизонте.

– Это как возвращение домой. Ты можешь быть свободен, верно, но какой смысл?

– Даже ты согласен на это.

– Мена не дает команды и не бьет плетью. Это совершенно другое... Это то, что ценно. Дом, семья, близкие. Здесь говорится о покое, о общности, о силе круга. Не путай это с желанием подчиниться... Вот возьми меня – не могу даже мыслить спокойно.

– Ты думаешь, я помогу с этим?

– Если нет, то у нас проблемы.

Внезапно он рассмеялся. Острые белые клики впились в тонкую темную кожу на губах.

То ли из-за ветра, то ли из-за слов парня, режущая влага возникла в уголках моих глаз. Я сделала над собой усилие и отвернулась

– Ты справишься. Я помню тебя с младенчества и знаю, ты можешь больше, чем ожидаешь от себя.

Над острыми пиками деревьев алел поздний летний закат. В воздухе пахло дымом и теплой землей. Зной и жара позволили начаться возгораниям в лесу, отчего возник и смог, и этот острый запах древесины и смолы. Я собрала волосы в высокий хвост и выпрямилась, стараясь впитать в себя эти краски и этот яркий малиновый свет, источаемый небом. Еще немного, я и перестану быть собой. Я никогда не буду прежней.

На лес стал опускаться сумрак. Я шла, стараясь не прислушиваться к внешним посторонним звукам вокруг себя, отмеряя время только благодаря своему дыханию. Парни ушли далеко вперед. Симону на руках нес Алекс. Я шла вслед за ними, видя только обнаженную спину Дориана в десятках метров от себя.

«Что ты можешь, Вилл?» – блуждал в моем сознании один и тот же надоедливый вопрос. Я надеялась, что ответ придет сам собой, однако, чем дальше я двигалась в лес, тем больше становилось вопросов.

Спина Дориана исчезла. Пройдя еще несколько десятков метров, я наткнулась на лежащую на земле Симону, облаченную в белую хлопковую простыню.

Вот мой час. Я должна что-то сделать. Должна исправить все. Должна помочь.

Я села на сухую, покрытую рыжими иглами землю, рядом с неподвижным телом Симоны и вгляделась в ее лицо. Мне

было жаль ее. Жаль, что она осталась одна, пытаюсь найти Джона, жаль, что претерпела предательство и нападение, что стала жертвой необоснованной злобы и едва не погибла. Когда по моим щекам потекли слезы, я поняла, что у меня больше нет сил держать в себе эмоции. Я закрыла лицо руками и заревела навзрыд.

Со вчерашнего вечера она не приходила в себя. Она не двигалась, не открывала глаз, не реагировала на внешние раздражители. Симона словно впала в кому. Я взяла ее холодную руку и с силой сжала ее. Быть может, воздействуя на нее физически, я смогу привести ее в чувство...

«Переход – это всегда про смерть, Вилл. Так говорила Грейс.»

Слова Дориана навсегда останутся в моей памяти.

Ночь вокруг меня на мгновение замерла в безмолвии. После, среди деревьев раздался пронзительный вой, заунывный, протяжный и скорбный. Я огляделась, но не нашла вокруг ничего, кроме слабого света неба и темнеющих верхушек сосен.

– Я знаю, ты старалась. Ты хотела помочь. Что-то сделать. Ты молодец, Симона, – сквозь слезы прошептала я.

«Симона!» вскрикнула я про себя, но рот мой остался зажат руками.

Я внезапно подумала о смерти. Сейчас она значила лишь конец. О каком переходе говорил Дориан?

– Симона!

Я склонилась над лицом девушки, прижав ладони к ее щекам, и закрыла глаза.

– Прости меня. Я не смогла тебе помочь.

Прижав губы к холодному лбу Симоны, я почувствовала едкий запах лекарств. Девушка оставалась неподвижной.

«Вернись ко мне.»

– Вернись ко мне.

Мгла пошла на убыль. Перед моими глазами возникла совсем иная, более радужная картина. Я оказалась на небольшой цветущей лужайке, с букетом ромашек в руках. Из салона старого белого универсала показалась молодая женщина в легком нежно-голубом платье. Лицо скрыто тенью, но я чувствую, она улыбается мне.

Я знала эту женщину. Все мое тело и моя душа принадлежали ей. Она – мама.

– Симона, ты молодец, – сказала женщина и ее руки плавно потянулись к моему букету.

Я охотно отдала ей цветы. Этот букет был для нее.

Видение прекратилось также неожиданно, как и началось. Я все еще сидела рядом с Симоной, а она по-прежнему находилась без сознания.

«Вернись ко мне.»

Собравшись с силами, я зажмурилась и представила себе другую картину. Представила образ, в сотни, в тысячи раз яснее, всех иллюзий и всех снов, которые видела в своей жизни. Я построила в голове образ Симоны, такой, какой

она могла быть сейчас, без ран, без ссадин и без сломанных костей. Представила себе ее улыбку, ее карие глаза, прямую горделивую осанку и то, как она вздергивает подбородок, если она хоть на мгновение может ощутить свое превосходство. В этом была она. Живая. Такая сильная.

– Ты станешь частью меня?

Тяжесть собственного веса перестала ощущаться. Тело потеряло контакт с чем-либо физическим. Я открыла глаза и увидела, что нас отделяет от земли несколько метров.

Вместо крика, я улыбнулась.

«Ты станешь частью меня?»

Низкий, разнесшийся мелкой россыпью по моему телу, по земле и окружающим меня деревьям, едва уловимый гул заставил меня очнуться. Лес стал холоднее. Он стал отпугивать меня. Внезапно все вокруг стало казаться мне устрашающим, чужим и холодным. У меня возникло непреодолимое желание сорваться с места и убежать отсюда.

После все стихло.

Я открыла глаза и застала повисшую у меня над головой тень. Дыхание было слабым, хриплым, а красные глаза смотрели прямо перед собой. Тень опустила взгляд на меня. Сжав изо всех сил челюсти, дабы не закричать, я затаила дыхание и медленно поднялась на ноги.

«Рада, что ты вернулась».

Этот голос не был слышим. Вокруг меня ночь и треск сверчков. Я слышала все, кроме этого голоса, но безошибоч-

но знала, кто говорил и что именно произнес.

Через мгновение, я осталась одна, а три пары красных глаз унеслись прочь, вглубь чащи леса. От призраков не осталось и следа.

Едва волоча ноги, я побрела обратно. Сил не оставалось даже на то, чтобы думать о произошедшем. Закрыв за собой дверь в дом, я распустила волосы и поднялась на второй этаж, в ванную комнату. Здесь все оставалось таким же, как и прежде. Черная плитка на стенах, душевая кабина, большое круглое зеркало, скрученные заботливыми руками полотенца, средства по уходу за телом. На одной из полок у стены я нашла свой старый гель для душа.

Перед глазами возникло лицо Мэри.

Дориан сказал, что ей нездоровится. В чем это могло проявляться? Был ли это в действительности простой недуг или же женщина не хотела со мной видеться после того, как я сбежала? Если бы у меня сейчас возникла возможность поговорить с ней, чтобы я спросила в первую очередь?

«Принять – значит стать частью одного целого.»

Стала бы Мэри идти на это?

Нет. Нужно скорее принять душ, смыть с себя эту усталость.

Оказавшись в комнате Джона, я опустилась на его кровать и пролежала так больше часа. Сейчас я не чувствовала ровным счетом ничего. Ни спокойствия, ни злости, ни страха, ни умиротворения. Ничего. Эта комната такая же, как и

все прочие, и здесь нет ничего того, что могло меня отпугнуть или привлечь. Я повернула голову к стеклянной стене и впервые за долгое время ощутила себя рыбой в аквариуме за прозрачной стенкой. Словно не я смотрю на лес, а этот лес и эта ночь смотрят на меня.

– Вилл? – раздался голос Дориана из коридора первого этажа.

– Не кричи, – вполголоса ответила я, не поднимаясь с кровати.

Парень зазвучал ближе, у лестницы

– Это невероятно!

– О чем ты?

– О том, что ты сделала!

Я не ответила.

«Что он несет?»

«Радуетя за меня».

Голос Симоны в моей голове вынудил меня вздрогнуть и инстинктивно оглядеться.

– Спокойной ночи!

Мне кажется или Дориан действительно сейчас очень походил на четырнадцатилетнего подростка, радостного мечущегося по дому под действием гормонов. Чувствуя нездоровое волнение, я буквально силком затащила себя в кровать и заставила закрыть глаза, опустив поверх них руку. Очень надеюсь, что этой ночью я не увижу никаких сновидений.

Утром меня разбудил телефонный звонок.

Я выругалась в голос.

– Доброе утро, Вилл, – проговорила Алина, и по звучанию ее голоса можно даже не гадать: она вне себя.

– Здравствуйте.

– Скажи, пожалуйста, где ты сейчас?

Я ударила себя по лбу. Неужели можно быть такой идиоткой?

– Я должна сегодня открыть зал.

– Должна, да, все верно, – тем же металлическим звенящим голосом ответила женщина. – Так, где ты сейчас?

– У меня кое-что случилось, пришлось уехать.

– Вилл, о таких ситуациях нужно предупреждать. Ты могла позвонить коллегам, могла даже позвонить мне, и я бы приехала сама.

– Я знаю, да, у меня вылетело это из головы.

– Вилл...

– Я очень виновата.

Вытянув руку вперед и бросив мимолетный взгляд на телефон, я выругалась. Задержка открытия почти на час!

– Хорошо, что сотрудники кухни приехали раньше обычного и позвонили мне. Иначе мы бы отдали большой штраф. Знаешь, какой процент отдала бы ты?

Я не сдержалась и заскулила в трубку.

– Я могу приехать и обсудить это лично? – обратилась я к Алине.

– А сможешь? По идее, ты должна быть здесь сутра, но

раз у тебя «ситуация»...

– Я скоро буду!

– Хорошо. Жду.

Бросив телефон в подушку, я спрыгнула на пол и направилась к двери.

– А теперь перезвони и скажи, что не приедешь.

– Отстань. Мне нужно ехать, это очень важно. Она мой начальник и может вычесть штраф.

– Ты готова подставиться снова? – Дориан шел следом за мной до самой двери в ванну. Рада, что ему лучше, даже синих пятен на коже нет.

– Меня могут лишить денег. Плюс ко всему, она меня очень выручила, и я не хочу портить с ней отношения.

– О да, это гораздо важнее собственной жизни.

– Не начинай это снова, пожалуйста. Без Грейс она меня не найдет. Будь у нее желание и намерение мне навредить, она бы приехала сюда.

– О да, напомни пожалуйста, что произошло на днях?

– Мне нужно в город. Так или иначе. За деньгами и за вещами. Мне нужно забрать одежду. И да, кстати. Они так и не заявили к нам.

– Звучит, как чушь.

– Я поеду. И ты дашь свой пикап.

«Один, два...»

– Окей. Мы едем с тобой.

– Окей! – выпалила я, хотя согласной не была.

В город мы все же поехали на машине Алекса. Дориан защищал Гризли грудью. Симона села по левую руку от меня. На ее лице плотный слой косметики. Она смотрела в окно и не горела особым желанием со мной говорить. Я чувствовала, что ей затея совсем не нравится.

Однако девушка вдруг обратила на меня внимание.

– Что у тебя в руке? – спросила она.

Я опешила и уставилась на сжатый в кулаке предмет.

Кольцо.

– Это же Джона. Верно?

– Его, да.

– Давно у тебя?

– С зимы. Он сам мне его подложил, когда на нас напали.

– Забавно. Верит в приметы, как ребенок, – бросила мимолетную улыбкой Симона.

Я вдела в кольцо указательный палец, после чего приблизила руку к лицу. На нижней фаланге пальца, прямо посередине, стояла небольшая черная точка, словно кто-то ткнул в меня маркером. Потерев кожу, я поняла, что эта точка требует более серьезных манипуляций для удаления. Я принялась ковырять ее ногтем.

– Испачкалась? – поинтересовалась Симона.

– Немного.

– Алекс, дай салфетку, – девушка вытянула руку вперед.

Я не обращала внимания на происходящее вокруг, пока до меня не дошло, что в салоне автомобиля нет ни звука,

кроме рычания мотора. Подняв голову, я увидела лицо Симоны. Она неподвижно смотрит вперед, в лобовое стекло. Александр и Дориан застыли в том же направлении.

– Вилл, – позвал меня кто-то из парней.

Глава 24. «Победа или поражение?»

Зло.

Это само зло.

Небо за считанные мгновения заволокли грозовые смоляные тучи. Пустынную дорогу почти сразу накрыла тень. Источник всепоглощающего ужаса, причина нашего оцепенения, стояла вдали от нас, узкой едва заметной точкой в сотнях метров впереди, между полос. Точка раскинула руки в стороны и зашагала в нашу сторону.

– Это она? – пробормотал Алекс.

День обратился в ночь.

В свете фар автомобиля я видела неизменно одну и ту же картину – Диана приближалась к нам, а на лице ее брезжила ядовитая улыбка.

Я открыла дверь и шагнула на сырой асфальт.

Я отчетливо видела лишь одну фигуру на дороге и это была Диана. В какой момент и откуда возник Джон, я не поняла. Да и было ли это Джоном...

– Какого черта! – гаркнул Алекс.

С противоположной от нас стороны раздался тихий жен-

ский смех.

– Не ожидали нас увидеть, да?

«Нас» – эхом отозвалось во мне. «Мы».

То, что стояло посреди дороги впереди нас, казалось мне смутно знакомым. Волосы собраны в хвост, несколько непослушных прядей спадает на лицо, голова опущена, плечи и спина ссутулены, руки неподвижно висят вдоль бедер. Смятая грязная рубашка навывпуск. Эта фигура продолжила идти вместе с Дианой вперед, все яснее открываясь нашему взору.

Его глаза закрыты плотной грязно-серой тканью, завязанной в узел на затылке. Из той же ткани были сооружены повязки на запястьях рук.

– Симона! – протянула Диана наиграно любезным тоном. – Рада, что ты поправилась и хорошо себя чувствуешь. Прости, мы в прошлый раз тебя не узнали. Ты не злишься?

Девушка рядом со мной выбросила в атмосферу странный вибрирующий гул. Напряжение во всем ее теле чувствовалось не только мной.

– Держись рядом, – прошептал Дориан, делая шаг назад и закрывая нас собой.

– О! Девчонка тоже с вами? Какой приятный сюрприз.

– Что ты с ним сделала? – первым начал диалог с Дианой

Алекс.

– Я? – округлила глаза та. – Ничего. Я лишь помогла ему стать тем, кем он хотел. Дала ему силу, дала ему отвагу и возможность... Добиваться поставленных целей.

– Чьих целей он добивается? Твоих?

– У нас с ним всегда были общие цели.

– Ты превратила его в послушную куклу! – воскликнула Симона.

Диана проигнорировала этот выпад. Ее взгляд сместился в сторону своего спутника. Он, казалось, не реагировал на внешний мир. Сейчас Джон был похож на статую. Давид, глаза которого закрыты.

– Я помогла ему стать собой, – ответила наконец Диана. – Только и всего.

Одной рукой она берет Джона за локоть, второй, обнимает за плечи и вытягивается на носках вверх. Статуя вздрогнула, словно пробужденная, слегка накренилась в сторону и повернула голову за тем, чтобы встретить поцелуй девушки.

Все встало на свои места. Теперь мне все гораздо понятнее.

– Тварь, – утробно прозвучал мужской голос где-то поблизости от меня.

Диана улыбнулась и стянула повязку с глаз человека.

– Бойтесь, – приказала она.

Глаза Джона заволокла мутная белесая пелена, но она не мешала ему видеть. Он выпрямился и пугающе быстро направился в нашу сторону. Его здесь встречали Алекс и Дориан. Симона оттолкнула меня назад, закрыв собой, но за ее худыми острыми плечами я прекрасно видела то, что происходило впереди.

Парни двигались настолько быстро, что я едва ли замечала их. Вот Алекс ударил Джона в грудь, от чего тот качнулся назад. В следующее мгновение он отбивает удары по ногам и по корпусу Джона, захватывает его и валит на асфальт. От этого удара дорожное покрытие поднимается вверх и кусками разлетается в стороны. Джон в мгновение ока встает с земли и оказывается позади Алекса. Дориан ловит его руку и бьет его в лицо. Их тела смазаны, лишь изредка видны готовые к атаке руки, и слышатся удары тел. Происходящее стало кошмаром наяву. Я прижала руки ко рту, чтобы не закричать, но глаза мои смотрели вперед, будто замороженные. Один из ударов Александр не выдержал. Его отбросило к обочине, где тело парня предательски перестало слушаться. Он сделал попытку встать, но грудь его, трясясь и вздрагивая, будто от внутренних микровзрывов, пала на землю. Стоявшая передо мной Симона не могла более быть в стороне. Она держалась куда лучше того, что я ожидала. Как ни пытался, Джон не мог коснуться ее. Она быстрее него, но вряд ли сильнее. В тот момент, когда Дориан нанес очередной удар Джону, Симона накинулась на него сзади, сжала в удушающем объятии и перекинула через себя.

Наблюдая эту картину, я едва не упустила другую, не менее важную деталь. Диана исчезла.

Я оглядела дорогу и близлежащую кромку леса. Девушки нет. Лежащий на обочине мужчина пропал. Его смазанная фигура оказалась там же, где были остальные. Раздался

оглушительный мужской крик, в тот момент показавшийся мне больше звериным воплем. Джона повалили на асфальт.

– Я знала, что ты вернешься, – этот голос я могла узнать из тысячи других. Он являлся ко мне в кошмарах. – Вилл.

Ведьма оказалась передо мной. Ее глубоко посаженные неестественно поблескивающие металлом глаза с дьявольской недоброй ухмылкой впивались в меня. За ее спиной слышались удары и стоны продолжавшейся драки. Девушка подошла ближе ко мне, оставив не больше шага, замерла и внимательно взгляделась мне в глаза.

– Зачем ты здесь, Вилл? – спросила она и шагнула на меня. Я сделала над собой усилие и осталась стоять на месте. Не отходить, стоять подобно стене. – Зачем ты вернулась?

– Что ты с ним сделала?

– То, что он всегда хотел. У него есть сила, власть, свобода... Все то, что ему было нужно. Ему хватило смелости признаться в своих желаниях, и он получил все то, что остальные боялись попросить.

– Он твоя кукла.

– Тебе только кажется. То, что ты видишь – это он сам.

Его природа.

– Ты врешь.

– Думаешь?

Ее рука поднялась вверх и коснулась моего подбородка. Диана обошла меня и прижалась к моему плечу.

– Посмотри на него, – прошипела она. – Это он. Поверь,

я знаю его лучше всех. Знаю много лет. Знаю его страхи, его переживания, знаю все его травмы, все желания и стремления. Знаю, что гнетет. Знаю, что приносит наслаждение. Думаешь, ты можешь тягаться со мной? Смотри на него, Вилл. Он получил то, что хотел... Поначалу я думала, что мне придется избавиться от тебя, прежде чем заполучить его, так как твое появление здорово вышибло ему мозги. Однако, как видишь, я вернула его. Он счастлив... Немного поразмыслив, я решила, что нам двоим, тебе и мне, будет тесно в одном мире. Как я ни старалась, идею избавиться от тебя отогнать не получалось... Что ж... У любой королевы есть свои странности. Моя странность – это желание убивать тех, кто мне просто не нравится. Понимаешь, о чем я?

– Ты не королева. У тебя нет власти.

– Да что ты? – девушка усмехнулась и продолжила. В голосе слышалось раздражение. – У меня есть все, что нужно. Мена – сказка для седых стариков. Теперь новая эра, Вилл. Ты не нужна. Сейчас Джон вас убьет, возможно, я ему помогу. Затем, мы вернемся к вам домой и будем ждать остальных. После, на горе ваших тел... Я стану такой, как он.

– Думаешь, он обратит тебя?

– Он делает все, что я хочу. Смотри. У тебя нет власти.

Дориан подготовился к прыжку, заведя правую руку за себя. Его удар был бы для Джона очень ощутим, однако тот предвидел его маневр. Отпрянув от Симоны, Джон одной рукой притянул Дориана к себе, добавляя скорости и веса его

прыжку, второй же нанес сокрушительный удар в горло. Я видела, как у парня закрылись глаза. Больше он не вставал.

Нужно что-то сделать. Если Джон сейчас не в себе, и он полностью под контролем Дианы, единственное что могло его остановить, это если я избавлюсь от нее. Сам бы он в жизни не напал на своих. Виной всему она и только.

– Кто был нужен тебе? Я или он?

– Знамение – то, что видела эта ведьма, лишь малая часть того, что видела я. Твое появление значило для меня лишь одно... Мне пришлось бы приложить больше усилий, чтобы заполучить желаемое. Ты никогда не была мне нужна, Вилл. Чтобы удовлетворить свои потребности, мне были нужны твои ресурсы и Джон. Когда семья так радушно приняла тебя, до меня дошло, что живой тебе уйти я дать не могу.

– Я думала у вас с Грейс общий план.

– У нее был план всех помирить. Чтобы все жили в мире и в согласии. Оракул не знает, как в действительности построен наш мир. Она помогла, но это не значит, что я ей обязана.

– Она проявила заботу.

– Что тебе от этого, Вилл? Какая тебе разница?

Ее залитые ртутью глаза возникли напротив. Я ощущала ее дыхание на своем лице.

– Ты думаешь, мне есть дело до нее? – шепотом произнесла она.

– Она мертва. Ты была на ее похоронах, я знаю.

– Это ничего не меняет. Я делаю все, что считаю нужным.

Твоем маленькому мозгу не понять.

– Ты чувствуешь вину, что не смогла помочь ей.

Диана громко расхохоталась.

– Вину чувствуешь ты, потому что ушла... Знаешь, что случилось в день твоего отъезда?

– Ты подстроила аварию.

– Нет, Вилл... Я говорю о том, что ты струсила. Ушла, потому что испугалась. Ты знала, чего они от тебя ждут.

Диана наклонилась вперед.

– Девочки ждут принцев. Героев, что вызволят их из темниц... Мальчишки ждут ангелов, что отпустят им их грехи. Ждут дев, способных полюбить их зловонные души. Что же Джон... Сам того не заметив, он возложил на тебя слишком много надежд, забыв о том, что ты просто обычный человек. Тебе не в силах сделать то, что могу сделать я. Он понял это совсем недавно.

– Ты не отпустишь его?

– Я не держу его, Вилл. Я лишь помогаю ему быть тем, кем он хотел быть. Когда все кончится, он будет рад, что я помогла ему.

– Убить меня?

– Брось, Вилл. Почему ты так печешься о своей жизни? Можно подумать, тебе она очень нравилась...

Симона пала. Джон бросил ее на землю, как сломанную игрушку. Ее руки, ноги, даже голова, болтались из стороны в сторону, ясно дав понять, что она уже не встанет. С Алек-

сандром пришлось повозиться дольше. Он несколько раз с чувством приложился к голове Джона кулаками и локтями. Их тела слились в одно подвижное смазанное пятно, мечущееся по пустынной дороге.

– Я бы хотела поблагодарить тебя, Вилл.

Я медленно повернула голову к девушке. Она сжала мои плечи, улыбнулась и отошла в сторону, не сводя с меня глаз.

– Ты подарила мне незабываемое чувство. Упоение победой – лучшее, что случалось за мной за эти годы.

После ее слов образовалась абсолютная тишина. На дороге стояли трое. Алекс, Дориан и Симона повержены, и не способны двигаться. Когда все было кончено, демон на той стороне дороги поднял голову и в то же мгновение нашел меня взглядом.

– Убей ее.

То, что сейчас было в теле Джона, охотно слушалось этих приказов. Плотная пелена в его глазах не давала возможности взглянуть в них. Я не видела в этом человеке Джона. Его словно не было.

Его там не было.

– Убей ее! – завопила Диана вновь.

В следующее мгновение я взлетела над землей. Джон внезапно оказался ниже меня, а сама я могла наблюдать место боя с высоты. Что-то твердое, как камень, цепкое и горячее вгрызалось мне в шею. Жуткая боль пронзила кости. Я инстинктивно подняла руки и вцепилась в запястье Джона. Ни

один мускул на его лице не дрогнул. Он удерживал меня над землей и наблюдал, как я задыхаюсь.

– Твой конец. Завершение никчемной жизни, – говорила ведьма где-то совсем близко. – Видишь, Вилл? Ничего необычного. Ты просто человек и все. Не более.

Пасмурное небо надо мной стало темнеть. Я почувствовала, как нависают веки над моими глазами.

«Хватит» – повторяла я вновь и вновь, теряя рассудок.

Мои руки сжимали руку Джона. Я опустила глаза и посмотрела прямо ему в глаза.

Это не он. Кто угодно, но не Джон.

«Хватит!»

Всегда так близко. Совсем рядом. Следовал за мной по пятам. И вместе с тем бесконечно далеко. Я не могла ни обнять его. Ни коснуться. Не могла прижаться к нему...

Я не смогла найти его. Не смогла стать ему близким человеком. А теперь могла потерять навсегда. Я искала его всю жизнь, оглядывалась по сторонам, находила его тени в чужих людей, но не никогда не достигала его. Напрасные, пустые попытки найти его, увидеть, принять его и стать частью его мира... Все это привело меня сюда. Быть может, Диана была права на мой счет.

Разве я могу быть с ним?

«Джон...»

Я вытянула обе руки и провела пальцами по дороговому мне лицу. Последнее, что я хотела бы запомнить – это его лицо.

Его кожа. Его глаза. Мои родные теплые глаза.

«Джон, прости...»

Что бы я сделала, будь у меня еще один день? Один день, когда он это он, а я это я. Что бы я сказала ему?

Слезы реками понеслись по моим щекам. Боль притупилась, но на ее месте появилась другая. Боль от осознания упущенного. Лишь сейчас, когда до конца осталось несколько секунд, я осознала, что именно мне было нужно. Что нужно было сделать многие месяцы назад. Эта боль сильнее прочих. От нее некуда деться.

«Джон, я...»

Его большие пальцы не давят на вены. Ладонь не перекрывает доступ к кислороду. Мертвая хватка уже не причиняет боль.

Безвольной неподвижной куклой я повисла на руке Джона, отдавшись смерти. Умереть от его руки – мое спасение и моя награда за жалкие попытки стать чем-то большим.

Я ничто.

– Нет! – раздался голос Дианы.

Джон замер. Его глаза опустились к моим губам. Хватка ослабела.

– Стой!

Слишком поздно. Мои пальцы проникли под плотную жесткую ткань повязок и беспрепятственно распустили узел на запястье парня. Ткань оторвалась от окровавленной руки и медленно упала на асфальт.

Тело стремительно притянуло к земле. Я повалилась на ноги, но устоять не смогла.

«Вторая».

Мое нездоровое желание дорваться до второй повязки показалось бы мне в любой другой час чем-то странным и ненормальным, но в те быстротечные секунды я думала только о ней. Только о том, как я должна их уничтожить. Остальное не имело смысла. Тело само рвалось за этим, казалось бессмысленным, действием. Я не давала себе отчет в том, что думала и что делала.

Оказавшаяся рядом с Джоном, Диана бросила на меня быстрый опасливый взгляд. Мои действия не входили в ее планы. Она обняла Джона и принялась что-то ему шептать. Я сместила внимание на вторую повязку на руке парня. Во время драки она изрядно потрепалась и грозилась рассыпаться на волокна. Мне оставалось только дернуть за один конец ленты.

– Ты не знаешь его, – неожиданно проговорила я. – Ты лишь хотела кого-то рядом с собой. Преданного. Возможно, ты могла бы полюбить его... Если бы у тебя было сердце, Диана. Могла бы. Если бы умела.

Ведьма закрыла глаза, пытаясь не слушать меня, и продолжила что-то говорить Джону. Он застыл в ступоре, упершись невидящим взглядом в ее плечо.

– Я знаю, чего он хотел. Он хотел убить тебя. Ты была угрозой нашей семье. Была угрозой мне. И все, чего он хо-

тел, Диана, это убить тебя. Чтобы тебя не было.

Шаг, еще шаг... Мне осталось вытянуть руку и дернуть на себя едва уцелевшие обрывки ткани на запястье Джона.

– Мне жаль, что тебя изгнали. Но ты сама виновата во всем, что случилось.

За мгновение до решающего рывка, я чуть не отступила. Коснувшись Джона, я словно вывела его из транса. Он резко повернул голову в мою сторону и оскалится.

Ровно секунда. Секунда, наполненная отчаянием и действием.

Я рванула на себя конец изодранной повязки, отшатнулась назад, завидев угрожающее выражение на лице парня, и перевела взгляд на внезапно закрывшую рот Диану.

– Джон. Это я. Вилл.

Он меня не слышал. Его цель – убивать. Не я, так кто-то другой должен был сегодня умереть...

Диана повисла в воздухе. Лицо ее исказила гримаса ужаса. Моя ненависть к ней внезапно сменилась жалостью. Прежде я не видела лиц людей, которые понимали, что умрут через пару секунд. Их глаза наполнены безумством. Это воплощение ужаса. Остатки человеческого в ту секунду покинули ее разум. Она захрипела, зажмурившись от боли, и принялась царапать руку Джона, сдавившую ее горло. Глаза наполнились кровью, но все еще блуждали вокруг в поисках спасения.

Спасение не пришло бы.

Лишь избавление ее от самой себя можно было бы назвать спасением.

Кисть руки сжалась, вызвав в теле девушки неистовое трепыханье. Она стала бить руками по предплечью Джона. В абсолютной тишине раздался тошнотворный треск. Рот Дианы остался открытым, сама она упала на дорогу, закрыв глаза почти в тот же момент. Больше она не двигалась.

Четыре.

Симона. Она в паре метров от меня. Лежит лицом вниз.

Дориан. Его тело оставалось лежать в центре двух параллельных полос на асфальте.

Александр. Брошенный к самой обочине, он оставался недвижим.

Диана. У ног Джона, глядящего на нее пустым неосмысленным взглядом, распласталась в неестественной позе, вытянув перед собой руку.

Четыре тела на дороге и два обезумевших человека, оставшихся на ногах.

Что сейчас было в его голове? О чем он думал и думал ли вообще?

Голова опущена вниз, к дороге, взгляд остается неподвижен и упирается в лицо убитой ведьмы. Ее поза, в которой она приняла смерть, являла собой последнюю, отчаянную попытку дотянуться до Джона. Она словно хотела коснуться его, взять с собой... Одна рука направлена к горлу, вторая

слегка вытянута вперед, к ногам застывшего перед ней парня.

Так мы оставались неподвижны несколько минут. Я боялась двинуться. Мне казалось, что Джон мог добраться и до меня, как только его что-то отвлечет от лица убитой.

– Вилл.

Я продрогла всем телом и со скрипом медленно повернула голову.

Симона тянула ко мне руку.

– Сэм, – слетело с ее губ.

– Сейчас.

Мы обе с опаской перевели взгляд на Джона.

Он смотрел на меня. Голова и лицо обращены в нашу сторону, но глаза все еще подпернуты пеленой.

Внезапно парень запрокинул голову и протянул озлобленный отчаянный крик по направлению к небу. В следующий миг он упал без чувств на асфальт и больше не двинулся.

– Сэм, Вилл, – прохрипела Симона.

– Да.

Я бросилась к машине. Время поджимало, и я это знала. Однако мое тело предательски медлило. Ноги еле несли меня по дороге, а руки била неистовая дрожь.

– Нужна помощь. Срочно. Сейчас отправлю координаты. Приезжай срочно, Сэм!

Точка на карте нашлась сразу. Я отправила снимок Сэму и подняла голову, чтобы осмотреть местность. Тела павших

в бою оставались на своих местах.

Убрав телефон, я вернулась к Симоне. Девушка была в сознании и могла видеть тела Джона и Дианы перед собой. Я опустилась на колени перед ней и осмотрела ее. Видимых открытых ран на ней не было. Ссадины на лице. Что-то скрытое под одеждой, не давало ей дышать, она хрипела и дергалась на каждом вдохе.

– Я позвонила ему. Надеюсь, он скоро будет здесь. Ты сможешь встать?

В ответ та дернула головой к плечу.

– Поняла. Я сейчас.

Александр выглядел целее Симоны. У него не было ни ссадин, ни ран, но, тем не менее, глаз он не открывал. Я позвала его по имени и потрепала за руки, стараясь не навредить ему. Мужчина тихо захрипел, но в себя не пришел.

Дориан лежал лицом вниз, подогнув под себя в неестественном положении левую руку. На мой голос и слабые попытки привести его в чувство он не реагировал. Пришлось приложить усилие и перевернуть его на спину.

– Дориан! – выпалила я, с ужасом увидев его лицо.

Губы, подбородок и шея были в крови. Следы от побоев остались на висках, скулах, на шее, руки изодраны до костей, пугающе выпирающих сквозь кожу. Ни одного признака ускоренного заживления.

Неуверенной шаткой поступью Симона медленно приближалась к нам. Тень догадки, мелькнувшая на ее лице, лишь

усилила мой страх.

– Что нам делать? – прохрипела я.

Туча над нами начала рассеиваться. Казалось, ее приход ознаменовал и появление Дианы. Когда все было кончено и победители, и побежденные пали, солнце снова засияло в зените.

Симона затащила в салон Дориана, далее мы сделали тоже самое с Александром. Что делать с Джоном и Дианой я не знала. Парня мы трогать боялись, а женщину не хотели. Недолго думая, я предложила повезти ее тело в багажнике, что всецело и поддержала Симона. Загрузив Диану на припасенный кем-то очень предусмотрительным плед на дне багажника, мы захлопнули его. Оставался Джон.

До меня донеслись звуки автомобильного движка. Стоявшая поодаль Симона объявила появление Сэма. Красный седан остановился в нескольких метрах от места сражения, и из водительской двери показался светловолосый мужчина. Сейчас он показался мне старше и гораздо суровее, чем раньше. Лицо его исполосовали глубокие морщины, глаза снова прищурены, а сгустившаяся щетина прибавила один десяток лет. Сэм ничего нам не сказал, молча прошел к лежащему на асфальте парню и присел перед ним на корточки.

– Жив, но очень слаб, – крикнул он.

– Сможешь взять Вилл? Там места нет, – указав рукой на машину Алекса, сказала Симона.

– Кто еще?

– Алекс, Дориан, Диана.

– Диана? – мужчина встал во весь рост и повернул голову. Я выдержала его долгий пристальный взгляд и ответила.

– Она мертва, Сэм.

Мужчина не среагировал. Ровно секунду он молча смотрел мне в глаза. Чтобы он не сказал, я знала, что отвечу ему. Он потянул Джона за руку и поднял с асфальта. Подоспевшая к нему Симона взяла парня за ноги и помогла Сэму загрузить его в салон к Алексу.

– Садись, – скомандовал мне блондин, открывая заднюю дверь своей машины.

В салоне стоял знакомый дивный аромат.

На переднем пассажирском сидении, ни жива, ни мертва, сидела Мэри. Мой взгляд выцепил в ее облике что-то лишнее, противоестественное и незнакомое, но сознание не могло понять, что это было. Она изменилась и это я заметила сразу. Что конкретно?

Глава 25. «Позволь уйти с тобой»

«Мне чудится таинственный обет...

И, ведаю, он сердца не обманет, —

Забвения тебе в разлуке нет!

Иди за мной, когда меня не станет.»

(Зинаида Гиппиус «Иди за мной»)

Дернувшись всем телом, я резко открыла глаза и оторвала

голову от подушки. Еще немного и я бы вскрикнула.

– Тише, тише.

Симона опустилась на пол, перед моим лицом. В руках у нее теплилась знакомая мне коробочка с лекарствами.

– У тебя есть где-нибудь раны? – спросила она у меня, осматривая шею и лицо.

– Кажется, нет.

Пришлось принять положение сидя. Как только я это сделала, у меня болезненно закружилась голова. На руках лишь слабые царапины. Кажется, я цела.

– Болит? – спросила меня Симона. Ее пальцы коснулись моего подбородка и шеи.

– Нет, – соврала я.

Попытки повернуть голову или наклонить ее отзывались болью в мышцах и позвонках. Я вспомнила, почему мне могло так достаться, и реальность вновь штурмом ворвалась в сознание.

Страх. Неверие. Паника. Ярость. Боль.

– Где все?

Девушка молча оглядывала мои синяки, не торопясь давать ответ, как если бы она тоже хотела забыть произошедшее. Вглядываясь в ее теплые карие глаза, я тщетно искала подсказки.

– Алекс спит в своей комнате. Дориан пока не приходил в себя, но раны уже зажили. Он тоже наверху.

– А Джон?

– Без сознания. Я пока опасаясь его и... Нам пришлось принять некоторые меры.

– Он поправится?

– Не могу сказать. Я пока не знаю, что с ним и как это исправить.

– А Диана?

– Мы избавились от тела. Я и Сэм, – отвечала ровным голосом она.

– Сэм?

Симона пожала плечами.

– Он молчит.

Встав с дивана, я неспеша прошла к двери и вышла в коридор. По пути к зеркалу я слышала преследующие меня шаги Симоны. То, что было в зеркале, выглядело не так ужасно, как я думала. От нижней челюсти почти до самой ключицы расплзлись багровые гематомы. Им я не удивилась.

– О каких мерах ты говоришь? – обратилась я к Симоне.

Под потолком гудели бледно-зеленые лампы. Я оглядела помещение и, не найдя ничего примечательного, повернулась к идущей следом девушке.

– Это необходимо, Вилл. Мы не знаем, что с ним.

Логика вполне ясна и, возможно, я бы согласилась с этим решением, если бы все мое существо не противилось мысли о том, что живого человека можно приковать цепями к стене подобно дикому зверю. При виде Джона у меня подкосились

ноги. Он сидел на полу, у стены, с поднятыми над головой руками, от которых тянулись толстые цепи, подвешенные на крюках под потолком. Глаза закрыты, а тело неподвижно замерло в бесчувствии. Неужели он все еще представляет угрозу?

– Давно он в таком положении?

– Мы сделали это сразу, как приехали.

– Что с ним будет дальше?

– Я не знаю, Вилл.

– Ты осматривала его?

Симона отрицательно покачала головой.

Я подошла к парню и аккуратно коснулась его лица. Радужка глаз вернулась к привычному, черному цвету, однако белки все еще оставались красными. Кожа на лице и руках была холодной, а на шее и груди горела, словно в лихорадке. На наши манипуляции он не реагировал. Пульс, тем не менее, прощупывался.

– Посмотри на руки.

Запястья и кисти почерневших рук испещрили глубокие ровные порезы. Обнаженные сухожилия под железной цепью уже давно перестали кровоточить.

– Думаю, она провела какой-то обряд с ним, – проговорила Симона, взглядываясь в раны Джона. – В багажнике есть аптечка. Принеси, пожалуйста.

Я послушно встала на ноги и прошла к машине Александра. Багажник открыт. Оставленный после Дианы бардак

усложнял задачу с поиском аптечки, и мне пришлось наклониться внутрь машины, чтобы сдвинуть в стороны весь хлам. Одна непонятная вещица привлекла мое внимание. Она производила впечатление чего-то грязного и больного.

– Вилл?

Голос Симоны показался мне встревоженным. Я отчетливо услышала лязганье цепей.

– Сэм! – закричала девушка.

Бросив все, я побежала в сторону Симоны.

Мы обе уставились на Джона. Опуская и вновь поднимая руку, медленно, словно в трансе, парень водил ногтями по своей обнаженной груди, пока на бледной коже не появились первые капли крови.

– Джон, прекрати, – Симона потянула его руку на себя, но это не помешало парню привлечь вторую и продолжить рвать на себе кожу.

Подоспевший в этот момент Сэм бросился к Джону.

Картина явилась жуткой. От приступа тошноты я отшатнулась назад и уперлась спиной в стол с инструментами и автомобильной химией. Один из тазов с гвоздями и шурупами с грохотом упал на пол. От этого шума в помещении воцарился еще больший хаос.

Глаза Джона открылись. Он смотрел на меня. Снова затуманенные, залитые краской глаза впивались мне в лицо.

– Отойди! – крикнул Сэм за секунду до того, как Джон бросился вперед.

«Кукла.»

Кровь с груди Джона капала на пол. Симона пыталась удержаться на ногах, не выпуская вновь обезумевшего парня из объятий, но в какой-то момент он вырвал свою руку вперед и вцепился себе в горло. Очередной оглушительный крик вынудил меня прижать ладони к ушам. Окровавленные руки Джона и мука, застывшая на его лице, надолго останутся в моей памяти. Это стало очередным кошмаром наяву.

«Кукла.»

– Иди наверх, Вилл, – бросил мне блондин.

Носящееся из стороны в сторону в моей голове слово значило нечто большее, чем какой-то предмет. Этот голос принадлежал не мне.

Та самая вещица, которую я нашла в багажнике. Она могла быть куклой. Уродливой, тряпичной, самодельной куклой, покрытой грязью и пылью. Две зеленые пуговицы на месте глаз, торчащие из-под грубой мешковины волосы...

«Кукла!»

– Что ты делаешь? Вилл, отойди!

Схватив таз с пола, я бросилась к открытому багажнику на выезде. На одной из столешниц я взяла бутылку горючей жидкости, а вот поиски искры заняли лишнее время. Я швырнула куклу в чан и плеснула на нее из бутылки. Спичек в доме я не видела, зато одна из зажигалок Дориана или Симоны могли быть рядом. Схватив из салона пикапа металлический коробок, я чиркнула искрой в воздухе и бросила его

вниз.

Пламя вспыхнуло. Его жар опалил мне лицо. Я зажмурилась и отшатнулась назад. Едва огонь достиг куклы, в помещении раздался сдавленный болезненный крик.

После этого повисла гробовая тишина.

Я обошла машины и остановилась рядом с Симоной и Сэмом. Мы с опаской глядели на Джона. Его тело безвольно упало на колени, а руки вновь вытянулись к потолку на цепях. Несколько секунд мы стояли в ожидании, не решаясь двинуться с места. Первым к парню подошел Сэм. Он коснулся изодранной шеи Джона пальцами.

– Это все? – спросила Симона.

– Пульса практически нет.

– Ты сможешь «принять» его таким? – вдруг спросила меня Симона.

Сэм, удивленный услышанным, уставился на девушку.

– Как меня, – чуть тише объяснила она.

Мужчина недоверчиво перевел на меня взгляд.

Я не знала, что ответить.

– Да, – проговорила я, поверженная, не понимая того, что происходит в моей голове.

Симона вывела меня к лестнице. Сопротивляться сил я не нашла.

Спустя пару часов меня обнаружили. Сэм вышел за мной следом на террасу, прошел мимо меня, остановился у перил и развернулся ко мне лицом. Вместо злости я испытывала

опустошение. Отведя взгляд от его ожесточившегося лица, я продолжила наблюдать за неспешно покачивающимися верхушками елей впереди.

Интересно, сколько времени заняла постройка этого дома?

– Вилл? – пытался он привлечь мое внимание.

Как долго он выбирал место? Кто ему помогал с проектом?

– Ты хотела поговорить.

– Да.

Расслабленно опустив руки по подлокотникам кресла, я перекинула ногу на ногу и плавно перевела внимание с леса на лицо мужчины перед собой. Он молчал.

– Я знаю, почему ты уехал тогда. Это, безусловно, было важнее того, что происходило, – я честна. Я говорила то, что давно для себя определила. – Мэри важнее всего для тебя, и я не собираюсь спорить... Но сейчас, кажется, нам слишком поздно говорить.

– Ты можешь сказать, что случилось в ту ночь?

– Ничего, – спокойно отозвалась я. Спустя столько времени мне и правда стало казаться, что ничего не произошло. – Я искала правду. И нашла я ее без твоей помощи.

– Ты винишь меня?

– Безусловно, – не сдержавшись я внезапно для самой себя учащено закивала головой. – Ты не лучше Дианы. Чтобы ты себе не придумал.

– Хорошо.

«Что?»

Он не собирается спорить?

– Спасибо, что вернулась.

Там, где минутой ранее нежно теплилась пустота, медленно, но верно образовывалась ярость.

– Почему ты позволил ей зайти так далеко, Сэм?

– Она моя сестра.

– Я бы убила тебя на месте, если бы ты причинил вред моему отцу. Моей матери. Джону. Натали. Что мешало тебе помешать ей?

– Вина.

– А сейчас вины нет?

Блондин ссутулился и сцепил руки на груди.

– Я не смог ее защитить, когда был нужен. Из-за меня она пострадала.

– И ты позволил ей навредить другим? Отцу, Мэри, Джону... Почему они стали для вас разменной монетой?

Когда ответ не пришел, я протрезвела. Смысла говорить я не видела. Все позади. Джон сделал то, что хотел. Ничто и никто ему не помешало достичь своей цели. В этом вся разница.

– Прости.

Возвращаясь в дом, я не ответила Сэму ни слова.

Своеобразный ступор, онемение всех чувств и эмоций по-

хозяйски сковало все тело. Я будто отошла в сторону и стала простым наблюдателем. Меня больше не заботила Диана, не трогали отношения в доме и, о чудо, я даже не переживала за Джона. Казалось, я лишилась всех чувств. Будто организм сам вбрасывает в кровь анестезию, дабы я не чувствовала ровным счетом ничего.

По крайней мере, сейчас.

Я знала, чувства вернуться с лихвой и вот тогда мне некуда будет деться.

Проходя по коридору второго этажа, в частности мимо открытой двери в спальню Кроутеров, я остановилась. Чей-то пристальный взгляд был направлен на меня из потока яркого дневного света в распахнутых окнах. Я прищурилась и нашла стоящую в этих косых острых лучах знакомую мне женскую фигуру. Рот мой открылся сам собой.

Руки Мэри лежали на животе, делая его очертания более заметными. Длинное легкое платье персикового цвета спадало до босых стоп девушки. Словно сошедшая с картины, она стояла в лучах солнца и смотрела на меня с мягкой улыбкой на губах. Меня объяло чувство благоговения. Я не могла сдвинуться с места.

– Мэри... – мои ноги повели меня к девушке. Не успев опомниться, я тянулась к ней с одной единственной целью и одним страстным желанием – обнять.

– Я скучала по тебе, Вилл... Так скучала...

Прошло два дня.

Родители приехали буквально в тот же день. Но меня это не тронуло. С ними приехала и Натали. Вполне спокойно приняв все новости, касательно моего возвращения в семью, она к моему удивлению, ничего у меня не спрашивала. Вероятно, я выглядела так, что говорить со мной не особо хотелось. Эйнджел приехала едва Алекс пришел в себя и смог до нее дозвониться. От увиденного и услышанного, она, кажется, вмиг стала старше. Я все чаще видела глубокую печаль на ее лице. Дориан оправился быстрее, чем мы думали. Он снова мог шутить и раздражать всех на свете, чему, несомненно, я радовалась больше, чем его мрачным молчаливым терзаниям, свидетелем которых я стала несколько дней назад.

Все будто снова становилось таким, каким я помнила.

Мэри – сама любовь и нежность. Она вернула дому тепло, уют и свет. Вернула так недостающий ему мир. Лишь благодаря ей я могла назвать его домом, в самом что ни на есть широком смысле этого слова. Под ее чутким руководством, Джона переместили в его комнату, где мы надеялись, он придет в себя как можно скорее. Она запретила Сэму говорить о том, что случилось. Мне казалось, что супружеская пара была в ссоре. Хотя в глубине души я надеялась, что ошибаюсь.

Забавно она смотрелась с этим животом...

Кажется, ничего не произошло. Мы снова там, где были. Теперь нет ни врагов, ни соратников. Семья в сборе и больше нет ничего, что нарушит наш покой.

По полу, под стеклянными стенами выставлены горящие свечи. У самой кровати расположилась Никки, неустанно ведя свою службу по охране сна Джона. Парень лежал неподвижно с того момента как его принесли в комнату. Раны на руках и груди зарубцевались. Синяки и ссадины стали бледнеть. Он определенно шел на поправку, хотя в сознание так и не приходил.

– Ты вернулся. Значит оно мне уже не нужно, – я вложила тяжелое кольцо на ладонь Джона.

Знакомый. Теплый. Родной.

Я вдохнула тонкий едва слышимый аромат с шеи парня и коснулась гладкой кожи губами.

– Просыпайся, Джон.

Я просила его об этом не первый раз. Я умоляла его, казалось, уже сотни и тысячи раз.

«Вернись ко мне.»

Что если это все?

Что будет дальше со мной и с остальными?

Безусловно, это всецело моя вина. Непреднамеренное рождение, причина преследований и бессмысленной борьбы. Все, зачем они все шли сюда, стало отправной точкой к сегодняшнему дню. Как вышло, что первой жертвой стал именно он? Именно тот, чью жизнь я хотела бы сберечь ценой своей?

Теперь мне осталось лишь это – молиться и верить, что

рука, которую я держала вот уже несколько часов, наконец, дрогнет, а родные глаза вновь посмотрят на меня с привычной им пасмурной грустью. Томно. Нежно. Недоверчиво, но неизменно трепетно.

Я провела рукой по ноге парня, вверх, до колена, до бедра, не спеша двинувшись к животу, а после к груди, я прижала ладонь к его сердцу и замерла.

Тишина.

«Где же ты?»

– Вилл.

Удары моего собственного сердца прекратились. Если я отдала ему свою жизнь, что ж, так тому и быть. Это лучшее, что я могла сделать.

Только бы взглянуть в его глаза. Еще хоть раз.

...Эти черные дыры вновь возникли в пустоте. На этот раз, они радушно приняли меня в себе. Поглощенная ими, я исчезла на десять тысяч лет...